

К.Н. БРУТЕНЦ

ПРОТИВ

*идеологии
современного
колониализма*

К. БРУТЕНЦ

ПРОТИВ
идеологии
современного
колониализма

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

Летопись колониализма показывает, что на протяжении веков наряду с солдатом и купцом традиционной фигурой в колониальной политике был миссионер. Если солдат мечом прокладывал дорогу купцу и предпринимателю, грабившим порабощенные страны, то целью миссионера было сломить волю угнетенных народов к сопротивлению, добиться их покорности и послушания.

Ныне, однако, положение изменилось. Церковь, хотя и развивает большую активность, уже не является главным орудием, с помощью которого колонизаторы распространяют свою идеологию в странах Азии и Африки. Этим занимаются теперь ученые профессора, теоретики и публицисты. Выполняя заказ монополий, они развернули лихорадочную деятельность по распространению колониалистских идей. Реакционные пропагандисты пытаются, прикрываясь демократической фразой, идейно разоружить национально-освободительное движение, убедить борцов за независимость пойти на компромисс с империалистами. Они ополчаются против прогрессивных мероприятий национальных правительств в освободившихся странах и, прославляя «западный образ жизни», настойчиво призывают народы этих стран пойти по пути «взаимозависимости» с империалистическими державами. В современных условиях, когда военное оружие все чаще оказывается бессильным против поднявшихся на борьбу за независимость народов Азии и Африки, эта деятельность реакционных идеологов («битва за умы людей», как называют ее руководящие империалистические политики) приобретает огромное значение в планах колонизаторов. И адвокатам колониализма порой удается оказывать тлетворное влияние

на определенные элементы из среды национальной буржуазии и интеллигенции в странах Азии и Африки.

Вот почему сорвать с идеологии «нового» колониализма маску демократической фразеологии, показать ее подлинную сущность как идеологии порабощения народов бывших колониальных и зависимых стран — значило бы оказать помощь делу освобождения этих народов, делу подъема антиимпериалистической борьбы.

Хотя методы, используемые современными колонизаторами, были частично на вооружении у империалистов и прежде, они широко распространенными стали лишь за последние 10—15 лет. В связи с этим встала задача разоблачения этих методов, раскрытия действительного содержания новых форм колониализма. Однако в нашей научной и публицистической литературе эта проблема не освещена еще достаточно полно.

Из советских исследователей вопрос об идеологии современного колониализма рассматривался Е. Д. Модржинской в брошюре «Идеология современного колониализма», Б. А. Шабаром в статье «Извращение сущности колониальной политики империализма в современной буржуазной историографии», В. В. Богуславским в статье «Об идеологических основах политики США в Африке», а также автором данной работы. Статьи Б. А. Шабада и В. В. Богуславского представляют значительный интерес, однако они преследуют ограниченные цели. В них рассматриваются отдельные идеологические приемы колонизаторов, а не идеология современного колониализма в целом. Б. А. Шабар, например, ставит своей задачей «выявить на примере новейшей буржуазной литературы наиболее общие положения, выдвигаемые буржуазными историками для оправдания колониализма, и основные методы фальсификации истории, которые они применяют».

Напротив, брошюра Е. Д. Модржинской затрагивает очень широкий круг проблем. Автор поставил перед собой цель — критически проанализировать соответствующие положения не только реакционных буржуазных идеологов, но также доктрины церкви и правых социалистов. Попытка сделать это в рамках небольшой брошюры, естественно, привела к недостаточно обстоятельному рассмотрению затронутых вопросов. При этом упущенными оказались некоторые важные проблемы,

которым колониалистские идеологи уделяют большое внимание, например вопрос о национализме, о значении госкапитализма, местного и иностранного частного предпринимательства в экономическом развитии стран Азии, Африки, завоевавших независимость, и др.

Все это показывает, что дальнейшее разоблачение колониалистской идеологии продолжает оставаться актуальным.

Данная работа является попыткой именно в этом направлении. Она, разумеется, ни в коей мере не претендует ни на исчерпывающее изложение затронутых в ней вопросов, ни на анализ идеологии современного колониализма во всем ее объеме. В частности, в ней специально не рассматриваются расизм и мальтузианство, играющие определенную роль в новой идеологии колонизаторов. Не анализируются также соответствующие концепции правых социалистов и католической церкви. Кроме того, колониалистская идеология рассматривается исключительно в ее применении к странам Азии и Африки. Несмотря на то что принципиально те же идеологические приемы используются империалистами и против латино-американских народов, специфические особенности борьбы этих народов, как и колониальной политики империалистов в данном районе, делают необходимым специальное рассмотрение этого вопроса.

Чтобы показать служебную роль колониалистской идеологии и подчиненность преследуемых ею целей колониалистскому курсу империалистических держав, в работе дается характеристика некоторых особенностей национально-освободительного движения и современной колониальной политики, ее новых форм.

Автор выражает глубокую признательность члену-корреспонденту АН СССР Ю. П. Францеву, академику Е. М. Жукову и кандидату экономических наук В. В. Рымалову за их помощь при подготовке рукописи к печати.

Глава I

Распад колониальной системы, изменения в политике и идеологии колониализма

Мир в наши дни все еще представляет собой в социально-экономическом отношении пеструю картину, и разные отряды человечества решают неодинаковые исторические задачи. В то время как треть населения земли строит социализм или находится на пороге вступления в коммунизм, сотни миллионов людей еще борются против колониализма. Но как ни различны эти революционные процессы, между ними существует глубокая внутренняя связь. Они — неразрывные составные части великого преобразования, которое переживает человечество, сбрасывающее в сражениях с империализмом оковы капиталистического, колониального и феодального рабства. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что борьба за социализм и против империализма не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев передовых стран, но во все большей степени станет соединяться с антиимпериалистической национальной войной народов колоний и полукolonий¹.

Мощный подъем национально-освободительной борьбы — одна из наиболее характерных черт нашей эпохи и одна из движущих сил современной истории. На огромных территориях, занимающих более половины земного шара, — от Атлантического до Тихого океанов, от вершин Гималаев до мыса Доброй Надежды — огромные массы людей пришли в движение. Их героическая борьба, в пламени которой гибнет колониальная система, стала могучей антиимпериалистической силой. Начав-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 138.

шиеся на Востоке освободительные бури, рождение которых пророчески предсказал В. И. Ленин, наносят империализму тягчайшие удары.

«Один из важнейших выводов, вытекающих из анализа современной расстановки сил в мире, — говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде КПСС, — состоит в том, что большинство колониальных и полуколониальных стран, которые еще не так давно составляли резервы и тылы империализма, перестали быть таковыми. В итоге длительной борьбы народов эти страны превратились в активные силы мира. Они борются против империализма и колониализма, за свободу и национальную независимость, выступают за мирное сосуществование государств с различным социальным устройством»¹.

§ 1. Подъем национально-освободительного движения в послевоенный период и распад колониальной системы

Бурный распад колониальной системы — событие послевоенных лет. В 1939 г. под пятой колонизаторов были почти две трети человечества — более 1,4 млрд. человек. Империалисты и не помышляли о том, что близится конец колониального господства. Еще в годы войны Уинстон Черчилль категорически отвергал всякую мысль о возможности крушения Британской империи. Созванная руководителями сражающейся Франции в январе 1944 г. конференция, целью которой было определить будущие отношения между Францией и ее колониями, также решительно отвергла возможность превращения их в независимые государства. «Задачи цивилизаторской миссии, выполняемые Францией в ее колониях, — говорилось в рекомендациях конференции, — исключают всякую идею автономии, всякую возможность эволюции вне Французского имперского союза; возможное создание, даже в отдаленном будущем, автономии для колоний должно быть исключено»². Хотя освободительная борьба народов Азии и Африки не утихала ни на миг, она не

¹ «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. II, Госполитиздат, 1959, стр. 401.

² Цит. по кн.: J. Ehrhard, *Le Destin du colonialisme*, Paris, 1958, p. 69.

привела еще в то время к крушению колониального рабства.

Положение, однако, коренным образом изменилось после второй мировой войны. Создававшиеся столетиями колониальные империи Англии, Франции, Голландии «растаяли» с поразительной быстротой. За 1945—1960 гг. вырвались из-под империалистического ига и встали на путь самостоятельного развития около 1 млрд. 500 млн. человек. С тех пор на карте мира появилось около четырех десятков новых государств — Корейская Народно-Демократическая Республика, Демократическая Республика Вьетнам, Индия, Индонезия, Бирма, Камбоджа, Лаос, Цейлон, Пакистан, Малайя, Тунис, Марокко, Ливия, Судан, Гана, Гвинея, Конго, Того, Сомали и др. Ныне в колониях проживает немногим более 80 млн. человек — примерно 3% населения земли. Дело идет к полной ликвидации колониальной системы.

Широкий размах национально-освободительного движения свидетельствует об обострении общего кризиса капитализма. В условиях превращения социализма в мировую систему и резкого ослабления империализма социально-экономические и политические противоречия, в течение многих лет подтачивавшие колониальные порядки, вызывают его крушение.

Важнейшим фактором, определяющим успехи национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки, является благоприятная международная обстановка. Только на фоне развертывания борьбы двух лагерей, социалистического и империалистического, и в связи с основным содержанием нашей эпохи — переходом от капитализма к социализму — могут быть объяснены развитие и перспективы современного национально-освободительного движения.

Начало историческим событиям, меняющим облик Востока, положила Великая Октябрьская социалистическая революция. Она пробила зияющую брешь в мировой империалистической системе и вызвала общий кризис капитализма, составной частью которого явился кризис колониализма. Октябрьская революция стала поворотным пунктом в развитии мирового освободительного движения; она придала трудящимся всех стран новые силы, вызвала небывалый подъем национально-

освободительной борьбы в колониальных и зависимых странах.

Первая социалистическая революция победила в отсталой стране, которая находилась в зависимости от империалистических хищников Запада. В то же время дореволюционная Россия сама была очагом колониального гнета: под пятой царизма стонали десятки национальностей. Великий Октябрь ликвидировал господство империализма на бескрайних просторах одного из крупнейших государств мира, выходящего своими массивами в глубины Азии. Соседом азиатских стран вместо царизма — союзника империалистов по колониальному грабежу — стала великая социалистическая держава, которая со дня своего основания неизменно выступает в защиту угнетенных народов.

Октябрьская революция придала огромную, непреодолимую силу идеям национального равноправия и свободы. Она подорвала расистский миф о превосходстве белого человека. «Национальная программа русской революции, — пишет известный общественный и политический деятель Индии К. Паниккар, — буквально зажгла всю Азию, которая боролась за независимость... Доктрина Революции должна была не только усилить... национальные движения; ей суждено было также изменить само содержание их программы»¹.

Тот факт, что попытки империалистов разгромить молодое социалистическое государство потерпели жестокое поражение, вселил в народные массы стран Востока веру в свои силы, развязал их революционную инициативу. «...Если народы Востока, — указывал В. И. Ленин, — до сих пор были только овечками перед империалистским волком, то Советская Россия первая показала, что, несмотря на ее неслыханную военную слабость, протянуть к ней когти и зубы не так-то легко. Этим примером Советской России заразились очень многие народы...»²

Великий Октябрь успешно соединил в могучем потоке борьбу пролетариата за социалистическое переустройство общества с борьбой поработенных народов за свержение национально-колониального гнета. Под непосред-

¹ К. Panikkar, *Asia and Western Dominance*, London, 1954, p. 251, 252.

² В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 124.

ственным воздействием Октябрьской революции миллионы людей по всему Востоку пришли в движение. «Это величайшее историческое событие, — писал президент Индонезии Сукарно, — имевшее место за пределами азиатского континента, поразило народы Азии, которые вели борьбу за национальную независимость, и укрепило уверенность, что они также в конце концов добьются победы в борьбе за справедливость, если они будут бороться организованно и со всей настойчивостью»¹. Китай, Индия, Турция, Афганистан, Монголия, Египет, Сирия, Палестина, Ирак, Корея — таков неполный перечень стран, в которых победа Октября отозвалась подъемом антиколониальной борьбы.

Важнейшим результатом победы Октябрьской революции было широкое распространение на Востоке марксистско-ленинских идей, подъем политической сознательности передовой части рабочего класса и всех трудящихся, возникновение коммунистических партий. В 1920 г. коммунистические партии были созданы в Индонезии, Иране и Турции, в 1921 г. — в Китае, Египте, в 1930 г. — на Филиппинах и в Индокитае, в 1933 г. — в Индии.

Развитие событий в последующие годы вливало новые силы в освободительное движение. Историческое соревнование между капитализмом и социализмом развивалось явно не в пользу старого мира. В то время как капитализм переживал экономические и политические кризисы, Советский Союз быстро набирал силу. Отсталая и убогая Русь на глазах изумленного человечества превращалась в могучую промышленную державу. Уже в 1940 г. машиностроительная промышленность Советского Союза дала почти в 50 раз больше продукции, чем Россия в 1913 г. В результате выполнения второй пятилетки наша страна по объему промышленного производства вышла на второе место в мире.

Великие преимущества социализма особенно ярко проявились в успешном решении национального вопроса. До революции Средняя Азия и Закавказье по уровню развития мало чем отличались от своих соседей — Индии, Ирана, Турции. Здесь также царили нищета, темнота и невежество. Отсутствовала промышленность: в 1913 г. в Таджикистане было лишь около 200,

¹ «Правда», 11 октября 1956.

а в Киргизии в 1914 г. — 1144 наемных рабочих, да и те были заняты в кустарных и полукустарных предприятиях. Таджикистан не знал электрического света. Что касается просвещения, то на каждую тысячу жителей в Туркмении было всего 7, в Таджикистане — 5, в Казахстане — 20 грамотных.

Отсталость и нищета были столь ужасающи, что казались непреодолимыми. Английский капиталист Уркварт, испрашивая у Советского правительства концессию, чтобы «поковыряться в этих местах», писал не без высокомерия: «Раньше, чем через 50, а может быть и 100 лет, вы ими все равно не займетесь. . .»

Советские люди отвергли услуги Уркварта и ему подобных и сами взялись за ликвидацию отсталости бывших колониальных районов царской России. И если капиталистическому Западу понадобилось 150 лет для индустриализации, то советским республикам Средней Азии и Закавказья оказался вполне достаточным срок в пять раз меньший, чтобы превратиться в индустриально-аграрные страны. За период с 1913 по 1960 гг. включительно продукция крупной промышленности в среднеазиатских республиках возросла в 60 с лишним раз. В Казахстане на душу населения производится сейчас промышленной продукции столько же, сколько в Италии, а электроэнергии даже больше.

Расцвела и национальная культура. Была ликвидирована неграмотность, осуществлено всеобщее обязательное семилетнее обучение на селе и среднее образование в областных центрах и крупных городах. В школах Азербайджана, например, значительно больше учеников, чем в Ираке, Иране и Турции, вместе взятых, хотя население его во много раз меньше. Выросли кадры национальной интеллигенции. «Мы гордимся тем, — говорил Н. С. Хрущев на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 23 сентября 1960 г., — что на опыте бывших окраин России доказана полная возможность для стран Востока в течение жизни одного поколения покончить с отсталостью, с нищетой, болезнями, невежеством и подняться до уровня экономически передовых стран»¹.

¹ Н. С. Хрущев, За мир, за разоружение, за свободу народов! Выступления в Нью-Йорке на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 19 сентября — 13 октября 1960 года, Госполитиздат, М., 1960, стр. 49.

Замечательные успехи советских республик Средней Азии и Закавказья окончательно разоблачили басни империалистов о расовой «неполноценности» народов Востока. Характерно, что американский публицист Фишер назвал «эффективную программу развития в экономически слабо развитых областях азиатской России и Кавказа» одним из «вкладов России в азиатскую революцию»¹.

Новый этап в национально-освободительной борьбе колониальных народов Азии и Африки начался после второй мировой войны. Фашизм был разгромлен, его поражение означало также поражение колониализма.

На полях сражений была обнаружена военная слабость колониальных держав и разрушен миф об их непобедимом могуществе. Неотложные военные нужды заставили империалистов пойти на создание в колониях известного числа промышленных предприятий, что привело к значительному росту там рабочего класса. Сотни тысяч жителей стран Азии и Африки были мобилизованы в армии Англии, Франции и других западных держав и сражались под демократическими лозунгами. В Китае, Корее, Вьетнаме, Малайе, на Филиппинах сформировались под руководством коммунистов народно-освободительные армии, героически сражавшиеся с японскими захватчиками и их прислужниками. Анти-японские вооруженные силы возникли и в некоторых других странах Азии.

Цели, провозглашенные державами антифашистской коалиции, встретили могучую поддержку народов Азии и Африки. Народы колоний не хотели более терпеть империалистический гнет. Они поднялись на борьбу с колонизаторами. Попытки империалистов восстановить или поддержать свое господство в бывших колониальных владениях натолкнулись на мощное сопротивление и вооруженный отпор народов, продемонстрировавших единство патриотических сил.

Сильнейший удар колониальной системе нанесла победа китайской народной революции. Она явилась непосредственным продолжением Октябрьской социалистической революции. Пример китайского народа, раз-

¹ «Nationalism and Progress in Free Asia», Baltimore, 1956, p. 288.

громившего чанкайшистскую клику и ныне шагающего по пути национального возрождения и социалистического строительства, мобилизует народы Азии и Африки на борьбу за свободу и национальную независимость.

Новая расстановка сил на международной арене, сложившаяся в результате разгрома германского и итальянского фашизма, японского милитаризма, в котором Советский Союз сыграл решающую роль, благоприятствовала успешному развитию национально-освободительного движения. В прошлом можно было предполагать, что освобождение народов Азии и Африки от колониального ига скорее всего последует за победоносными социалистическими революциями в главных странах Западной Европы и в США. Однако образование и укрепление мировой системы социализма и связанное с этим резкое ослабление позиций империалистического лагеря сделали возможным завоевание независимости странами Азии и Африки до ликвидации капиталистического строя в метрополиях.

В новой международной обстановке происходит особенно быстрый рост сил национально-освободительной борьбы, углубление и обострение свойственных колониализму противоречий. Будучи повсеместно тормозом общественного прогресса, империализм играет особенно реакционную роль в колониальных и зависимых странах. Колониальные порядки порождают конфликт между потребностями производительных сил, нуждающихся для своего развития в национальных формах, и господством иностранных монополий, опирающихся на феодальные пережитки и консервирующих отсталость и застой. Данный конфликт является своеобразным конкретным выражением общего для капиталистического мира противоречия между потребностями развития производительных сил и империализмом, препятствующим прогрессу.

Господствующие при империализме монополии в погоне за рынками и сырьем выходят и не могут не выходить за национальные границы. В результате хозяйство метрополий имеет своим аграрно-сырьевым дополнением экономику колониальных и зависимых стран. Понятно, что интересы монополий несовместимы с созданием в этих странах национальной экономики. И если в метрополиях империализм служит препятствием к развитию

производительных сил, переросших рамки капитализма и созревших для социалистического переворота, то в колониях он выступает противником и капиталистического прогресса, хотя независимо от себя служит в известных границах его орудием.

Этот конфликт приобрел острейший характер за последние десятилетия, особенно в связи со все большим развитием капиталистических отношений в колониях. «Муки», всегда сопровождающие рождение капиталистического общества, усугублялись здесь сохранением оберегаемых империалистами средневековых устоев. В то же время колониальное положение в большой мере лишало эти страны даже относительных (по сравнению с феодализмом) преимуществ, связанных с развитием капитализма.

Апологеты империализма любят рассуждать о «деколонизации», т. е. о политике прогрессивного развития колоний, якобы проводимой западными державами. Таким образом они пытаются обелить колониализм. Но действительность беспощадно разоблачает измышления адвокатов колониализма. Империалистическое иго обрекло на застой, а во многих отношениях даже отбросило назад поработанные народы. Несмотря на богатейшие природные ресурсы, почти все страны Азии, Африки и Южной Америки оказались в числе экономически наименее развитых стран мира. Они стали жертвами международного капиталистического разделения труда и были превращены в сырьевые и сельскохозяйственные придатки промышленно развитых метрополий. По данным ФАО (Организации по вопросам продовольствия и сельского хозяйства при ООН), доля сельскохозяйственного населения составила в 1951 г.: в Европе — 32%, Южной Америке — 59, Азии (без СССР) — 70, в Африке — 73%. Располагая 60% разведанных в капиталистическом мире запасов железной руды, экономически отставшие страны дают 3% капиталистического производства стали и 4% производства чугуна. В то же время в них производится вся продукция (в капиталистическом мире) натурального каучука, джута, кофе, какао, фиников, добывается почти 90% хромовой и марганцевой руд, 46% нефти и т. д.

Целью монополий в колониях является извлечение максимальной прибыли. Иностранные тресты получают

ее главным образом путем неприкрытого грабежа и с помощью неэквивалентного обмена. Препятствуя экономическому прогрессу колоний и зависимых стран, империалисты стремятся специализировать их на производстве определенных видов промышленного и сельскохозяйственного сырья. В 1960 г. 70% экспорта Ганы составляло какао, 91% экспорта Сенегала — земляной орех и его продукты¹. Экспорт Бирмы в 1958 г. на 80% состоял из риса. Если 95% экспорта Алжира составляет в настоящее время сырье, то 95% импорта — промышленные изделия, в том числе пищевые фабрикаты, выработанные из продуктов алжирского сельского хозяйства.

Иностранные тресты наживаются на скупке сырья по дешевке и продаже по вздутым ценам промышленных изделий. Французские монополии ежегодно таким образом «зарабатывали» 140 млрд. фр.² 92% добываемого в Африке минерального сырья иностранные магнаты вывозят в Западную Европу и США; лишь 10% африканского товарооборота приходится на торговлю между странами данного континента. Вывоз колонизаторами огромного количества сырья ведет к разграблению национальных богатств колониальных и зависимых стран.

Из доклада английского министерства колоний явствует, что в 1955 г. 44% валового продукта британских колониальных территорий посылалось за границу. Характерно, что даже в Англии, которая, как известно, весьма зависит от экспорта, этот процент в том же году не превышал 18³.

подавляющая часть сырья вывозится из колоний и зависимых стран в необработанном виде. Так, из 110—120 млн. т нефти, добываемой в странах Аравии, в сыром виде вывозится свыше 80%. До сих пор из 95 тыс. т каучука, производимого ежегодно на Цейлоне, подвергается промышленной переработке на месте лишь 0,3%.

Однобокая, часто монокультурная специализация колоний и зависимых стран сопровождается подрывом и упадком основных отраслей хозяйства. Различными методами ограничивается производство продовольственных и неэкспортных культур. По данным американского про-

¹ «Afrique 1960». La Documentation Tunisienne, 1960, p. 100, 232.

² J. Arnault, Procès du colonialism, Paris, 1958, p. 257.

³ См. «World News», vol. IV, № 26, 29, June 1957, p. 404.

фессора-экономиста Д. Тэрнэра, за период с 1896 по 1929 г. соотношение сбора в Индии продовольственных и непродовольственных культур изменилось от 5 : 1 до 2 : 1 (при абсолютном снижении урожая продовольственных культур)¹. Сотни тысяч гектаров лучших земель захватываются колонизаторами для ведения плантационного хозяйства, а коренное население оттесняется на пески и пустоши. В Марокко колонисты захватили таким образом свыше 1 млн. га самой плодородной земли. В Южно-Африканском Союзе белым, составляющим четверть населения, принадлежит 92% земельной площади.

Хищнически эксплуатируя колонии, империалисты подрывают самые основы их экономики: истощается земля, оказываются недоступными для промышленной добычи месторождения полезных ископаемых. Французский ученый Ж. Эрар, стоящий на позициях воинствующей апологетики колониализма, вынужден все же признать: «Колонизатор часто демонстрирует в эксплуатации природных ресурсов беззаботность... Колонизация, таким образом, ускоряет процесс истощения земли. В определенных районах, как в Габоне (район и государство в Центральной Африке. — К. Б.), принудительная разработка лесов повела за собой бегство и сокращение населения»².

Известно, что буржуазная цивилизация покоится на крови и поте трудящихся. И все же ужасы наемного рабства в метрополиях бледнеют перед эксплуатацией народов колоний. Нищенское существование — удел сотен миллионов людей в странах Азии и Африки. Так, средний ежегодный доход жителя Бельгийского Конго составлял 2090 фр., т. е. равнялся стоимости 30 кг масла. Однако и скудный заработок имеют далеко не все, ибо безработица достигает колоссальных размеров. Ею была хронически поражена, например, треть совершеннолетнего мужского населения Туниса³.

Народы колоний были почти сплошь безграмотны. По данным Организации Объединенных Наций, процент неграмотных составлял: в Индии — 92, Ираке — 94, в странах Африки примерно 90. В Марокко в годы

¹ См. «Economic Growth: Brazil, India, Japan», Duke University Press, 1955, p. 121.

² J. Ehrhard, *Le Destin du Colonialisme*, p. 57.

³ См. «Economie et Politique», Juin 1959, p. 59.

французского владычества один врач приходился на 45 тыс. городских и 120 тыс. сельских жителей, зато на каждые 600 жителей — один полицейский.

Неизмерим ущерб, нанесенный империалистами древней культуре народов Азии и Африки. Колонизаторы уничтожали ее самобытность, глумились над национальными традициями поработанных народов. Они воспитали в колониальных странах слой людей — своих прислужников, которые отрекались от национальной культуры, оплевывали ее и рабски подражали чужеземцам.

Колониализм противоречит также интересам развития мировой экономики. Он препятствует целесообразному, эффективному использованию огромной части экономического потенциала мира и тем самым серьезно ограничивает производительность мирового хозяйства. В 1952—1954 гг. национальный доход на душу населения был в Индии в 13 раз меньше, чем в Англии, и в 31 раз меньше, чем в США; в Пакистане — в 11 раз меньше, чем в Англии, и в 26,7 раза меньше, чем в США; в Кении — в 13 раз меньше, чем в Англии.

Как гигантский и прожорливый спрут, присосались империалистические монополии к телу колониальных стран, обескровливая их экономику. Но объективная необходимость экономического прогресса неумолимо прокладывала себе дорогу. Углубляющийся кризис колониальной экономики, усиление народной нищеты и страданий были той основой, на которой созрели и поднялись социальные силы, составившие армию национально-освободительной борьбы.

Как ни препятствовали колонизаторы экономическому прогрессу колоний и зависимых стран, им приходилось, чтобы получать прибыли, строить дороги, порты, средства связи и другие предприятия и обеспечивать их рабочей силой. Неизбежным результатом возникновения этого было формирование местного промышленного пролетариата. В Индии в 1947 г. насчитывалось около 3 млн. промышленных рабочих. В Марокко в 1952 г. было свыше 380 тыс. промышленных и сельскохозяйственных рабочих — около 14% населения страны. В колониях и зависимых странах предприятия чаще всего находятся в руках иностранцев. Поэтому пролетариат, как класс, часто складывается здесь раньше национальной буржуазии. Характерно, например, что в Ту-

нине из 311 предприятий с количеством рабочих свыше 50 местным предпринимателям принадлежало лишь 33 предприятия, или около одной десятой части¹.

Исторические условия стран Азии и Африки в целом благоприятствовали революционному воспитанию рабочего класса. Об этом свидетельствует тот факт, что именно пролетариат первым или одним из первых поднимается на борьбу с колонизаторами.

По сравнению с рабочими метрополий рабочие колоний и зависимых стран подвергаются гораздо более жестокой эксплуатации, которая дополняется расовой дискриминацией. Например, американские нефтяные компании, действующие в Кувейте, наживают на каждом рабочем в 9 раз больше прибылей, чем в США. В Северной Родезии, по свидетельству американского публициста Ч. Боулса (ныне заместитель государственного секретаря США)², труд африканского рабочего оплачивается в 22 раза ниже, чем труд рабочего-европейца.

В условиях колониального режима непосредственным классовым противником пролетариата является в первую очередь иностранный капитал, за которым стоит целый аппарат насилия колонизаторов, выступающий проводником расового гнета и эксплуатации. Уже первые экономические требования рабочего класса приводят его в столкновение с колониальной администрацией. Поэтому выступления пролетариата скоро приобретают политический характер, превращаются в антиколониальную, антиимпериалистическую борьбу.

Формирование наций в странах Азии и Африки происходит в некоторых отношениях в более благоприятных для пролетариата условиях, чем на Западе. И там для решения антифеодальных задач нужны были объединенные действия всего третьего сословия. Однако буржуазия явилась единственной социальной силой, способной возглавить национальную консолидацию. Конституирование пролетариата в класс на Западе происходило внутри уже сложившихся буржуазных наций.

¹ См. «*Démocratie Nouvelle*», mai 1957, p. 284.

² Следует отметить, что не только Ч. Боулс, но и другие американские политические деятели, публицисты и ученые, чьи высказывания использует автор данной работы (В. Росту, Дж. Макклой, Э. Решауэр, А. Гарриман, Т. Финлеттер и др.), заняли видные посты в новой, республиканской, администрации США.

Иначе обстоит дело в колониях империалистических держав. Разумеется, и здесь преимущества в образовании, материальных и иных средствах для создания своих организаций и подготовки кадров остаются за буржуазией. Колониальная администрация с особой свирепостью обрушивается на участников национально-освободительной борьбы — рабочих. Будучи не в силах подавить национальное движение, она зачастую предпринимает репрессивные и иные меры, которые служат к выгоде буржуазных групп (а внутри их — в пользу наиболее соглашательских элементов) в национальном движении.

И все же в отличие от Запада классовая консолидация пролетариата происходит здесь одновременно с процессом национальной консолидации и порой ее опережает. Поэтому пролетариат способен стать во главе этого процесса. Рабочий класс является более сплоченной, чем национальная буржуазия, политической силой. Он демонстрирует высокую дисциплинированность, замечательные мужество и беззаветность в борьбе.

Огромное историческое преимущество пролетариата в колониях и зависимых странах заключается в том, что уже на первых этапах своего развития он может создать и в большинстве стран создал коммунистические партии. Важно также отметить, что рабочий класс в этих странах, как правило, свободен от развращающих традиций социал-демократического реформизма. В силу всех этих обстоятельств пролетариат в колониальных и полуколониальных странах имеет, несмотря на относительную малочисленность, большие возможности для создания союза с крестьянством и руководства общенародным движением. Но и там, где рабочему классу еще не удалось этого добиться, он находится в первых рядах борцов за национальную независимость, выступает как самостоятельная политическая сила.

На размах антиимпериалистической борьбы в колониях и зависимых странах, на его массовость решающее влияние оказывает позиция крестьянства. Если и крестьянство поднимается на борьбу, она становится, по существу, общенародной. Сгон крестьян с земли иностранцами, поборы колониальной администрации, засилие в деревне помещиков и ростовщиков толкают крестьян к участию в национальном движении, с кото-

рым они связывают перспективу получения земли и коренного улучшения жизненных условий. Важную роль в пробуждении крестьянства в ряде стран сыграли и играют бывшие солдаты — участники второй мировой войны. Сражавшиеся против фашистского мракобесия и расизма, они особенно остро ощущают гнет колониального режима.

Опыт стран Азии и Африки подтвердил еще раз правильность марксистского положения о том, что крестьянство, хотя и является массовой армией национально-освободительной борьбы, не выступает в ней самостоятельно. В странах Азии и Африки — аграрных странах — нет ни одной политической партии, в которой крестьянство играло бы ведущую роль. Этому препятствуют распыленность крестьянства, присущие ему мелкобуржуазные тенденции и зачастую невысокий уровень политического сознания. Крестьянством там руководит или рабочий класс или буржуазия. При этом пролетариат видит в крестьянстве своего классового союзника и товарища — трудящегося, который также подвергается жестокой эксплуатации, хотя и в иной форме. Национальная буржуазия же пытается использовать крестьянство в своих интересах, стремясь создать для себя опору в борьбе как с империализмом, так и с рабочим классом. От того, за кем — за пролетариатом или буржуазией — пойдет крестьянство, зависит в конечном счете, кому будет принадлежать гегемония в национально-освободительном движении, каков будет ход движения, его перспективы. «Союз рабочего класса и крестьянства, — говорится в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в 1960 г. в Москве, — представляет собою важнейшую силу в деле завоевания и защиты национальной независимости, осуществления глубоких демократических преобразований и обеспечения социального прогресса. Этот союз призван быть основой широкого национального фронта. От его силы и прочности в немалой мере зависит также степень участия национальной буржуазии в освободительной борьбе»¹.

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., в Бухаресте в июне 1960 г., в Москве в ноябре 1960 г., Госполитиздат, М., 1960, стр. 66.

Проникновение в колонии капиталистических отношений ведет к появлению там буржуазии. В Индии, ОАР, Марокко и некоторых других странах она стала серьезной социальной силой. Часть буржуазии — так называемая компрадорская буржуазия — подвизается в сфере посреднических операций между иностранным капиталом и местным рынком и в силу этого экономически и политически тесно связана с колонизаторами. Другая, основная часть буржуазии — национальная буржуазия — вкладывает капиталы преимущественно в промышленное и сельскохозяйственное производство, а иногда и в торговлю. Она, как правило, не подчинена иностранным монополиям и, кроме того, в меньшей мере, нежели компрадорская, связана феодальными и полуфеодальными отношениями. Конкуренция иностранных товаров, дискриминационные меры колониальной администрации стесняют ее предпринимательскую деятельность. В результате, например, в Марокко местному капиталу принадлежало менее 5% активов крупных капиталистических трестов¹. В странах Аравии, где добываются десятки миллионов тонн нефти, нет ни одного нефтеперерабатывающего завода, принадлежащего национальному капиталу. В 1955 г. в Алжире на предприятиях, принадлежащих европейцам, было занято 320 тыс. рабочих, а на предприятиях, принадлежащих местной буржуазии, — лишь 30 тыс. рабочих².

Возникает глубокое противоречие между стремлением национальной буржуазии развить национальную экономику, создать и освоить национальный рынок и интересами колонизаторов. Буржуазия добивается разрешения этого противоречия путем изгнания колонизаторов и создания национальной государственности. Этим и объясняется участие национальной буржуазии в целом в антиимпериалистической борьбе. Более того, при слабости рабочего класса, недостаточной социальной дифференциации и при отсутствии непосредственной угрозы ее классовым интересам со стороны трудящихся, с одной стороны, и при колониальном гнете, подавляющем ее деятельность, — с другой, она может выступать руководителем национально-освободительного движения и «носителем воли наций к государственной самостоятельности».

¹ См. А. *Ajache*, *Le Maroc*, Paris, 1956, p. 308.

² См. «*Economie et Politique*», Octobre 1959, p. 25.

ности»¹. Это возможно потому, что часть целей национальной буржуазии (уничтожение колониальных порядков, устранение засилия иностранных монополий, создание национальной экономики) в определенных условиях соответствует устремлениям народных масс. Антиимпериалистические интересы национальной буржуазии и ее стремление приобрести поддержку масс, чтобы противостоять колонизаторам, порождают в ней тенденцию к сотрудничеству со всеми патриотическими и демократическими силами.

Национальная буржуазия как социальная группа неоднородна. Внутри нее существуют различные слои. Они складываются в зависимости от величины капитала, степени использования на своих предприятиях чисто капиталистических методов хозяйствования, от наличия связей с землевладением или торговлей. Эти различия влияют на политическую линию разных фракций национальной буржуазии. Однако для национальной буржуазии в целом характерна антиимпериалистическая позиция, которая вытекает из коренного противоречия ее интересов политике иностранных монополий.

Есть основания утверждать, что на различных этапах антиколониальной борьбы социальные слои, составляющие национальную буржуазию, не одни и те же. Так, в период до изгнания колонизаторов к ней принадлежит и крупная буржуазия вплоть до местных монополистов капиталистического типа вроде Таты и Бирлы в Индии. После завоевания независимости эта часть буржуазии, как правило, переходит на реакционные позиции. Хотя она не отказывается от борьбы за национальную независимость, имея в виду добиться равноправного партнерства с иностранными монополиями, она начинает испытывать тягу к объединению с этими монополиями против антиимпериалистических, демократических сил. На этом этапе национальную буржуазию представляет, прежде всего, средняя и частично мелкая буржуазия.

Освобождение стран Азии и Африки от колониального ига буржуазия рассматривает как предпосылку для их дальнейшего капиталистического развития, для установления своего господства над массами. В то же время в большинстве стран Азии и особенно Африки бур-

¹ «Бюллетень IV Конгресса Коммунистического Интернационала» № 32, 9 декабря 1922 г., стр. 18.

жуазия относительно слаба: она часто не имеет крепких политических организаций и достаточного опыта в социальной демагогии и обмане масс. Сознвая это, буржуазия часто опасается активности народа больше, чем действий колонизаторов. Отсюда ее колебания, непоследовательность в национально-освободительной борьбе, известная склонность к соглашательству с империалистами.

Кроме того, в странах Азии и Африки, как и вообще в экономически отставших странах, национальная буржуазия часто связана со средневековым в значительной мере землевладением. Это обстоятельство, а также стремление буржуазии использовать феодалов как союзников в борьбе против народных масс объясняют ее терпимость к пережиткам средневековья, ее готовность идти на уступки реакционным элементам. Вот почему национальная буржуазия может стоять во главе национально-освободительного движения лишь на тех его этапах, когда решается вопрос о завоевании политической независимости и только разворачивается борьба за экономическую независимость. Для доведения национально-демократической революции до конца ее должен возглавить рабочий класс. Как отмечается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в 1960 г., «в настоящих условиях национальная буржуазия колониальных и зависимых стран, не связанная с империалистическими кругами, объективно заинтересована в осуществлении основных задач антиимпериалистической, антифеодальной революции, а потому сохраняет способность участвовать в революционной борьбе против империализма и феодализма. В этом смысле она имеет прогрессивный характер. Но она неустойчива, наряду с прогрессивностью она склонна к соглашательству с империализмом и феодализмом. В силу двойственного характера национальной буржуазии степень ее участия в революции в разных странах различна. Это зависит от конкретных условий, от изменений в соотношении классовых сил, от остроты противоречий между империализмом, феодализмом и народными массами, от глубины противоречий между империализмом, феодализмом и национальной буржуазией»¹.

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 66—67.

Колонизаторы стремятся использовать своекорыстные узкоклассовые тенденции в политике национальной буржуазии, чтобы оттолкнуть ее от антиимпериалистической борьбы и направить против демократических сил. Однако империалистам далеко не всегда удавалось достигать этих своих целей, особенно на этапе до завоевания странами Востока политической независимости и в непосредственно следующий за этим период. Известно, что английским колонизаторам не удалось, как они ни старались, направить национальное движение в Индии в нужное для себя русло. Известно также, что, вынужденные смириться с провозглашением суверенитета Индии и Цейлона, британские империалисты надеялись, что независимость этих стран останется чисто формальной. События, однако, развиваются иначе. Подталкиваемая народными массами и в соответствии с собственными интересами национальная буржуазия пошла по пути укрепления завоеванной независимости.

Сотрудничество с национальной буржуазией в антиимпериалистической борьбе является важной задачей для рабочего класса и его партий в странах Азии и Африки. Политическая нерешительность, а порой и трусость буржуазии в отношении империалистов, ее классовая ненависть в отношении пролетариата, недоверие к массам крайне осложняют решение этой задачи. Как показывает деятельность коммунистов во многих странах, суть дела заключается в том, чтобы подходить к национальной буржуазии диалектически, конкретно, учитывая ее экономические связи и интересы, помня о наличии внутри нее различных слоев, отказываясь от представления о ней как *только* о реакционной или прогрессивной силе.

Важную роль в антиимпериалистическом движении играет национальная интеллигенция. Хотя по своему происхождению интеллигенция в колониальных и зависимых странах преимущественно буржуазна, она все же менее, чем буржуазия, отягощена стремлением к стяжательству, обогащению и ближе к массам, сочувствует их лишениям. Ее представители часто становятся на точку зрения трудящихся. Из среды интеллигенции вышло немало активных деятелей демократических организаций. Ясно выраженная антиимпериалистическая позиция национальной интеллигенции, кроме дру-

гих причин, объясняется ее особой чувствительностью к поруганию колонизаторами национальных традиций и культуры народов Азии и Африки.

Таким образом, за исключением компраторов и феодалов, все классы общества в колониальных и зависимых странах¹, будучи заинтересованы, хотя и в разной мере, в экономическом прогрессе, который невозможен без завоевания независимости, могут участвовать и участвуют в национально-освободительном движении. Их общий антиимпериалистический, антиколониальный интерес создает основу для образования единого фронта освободительной борьбы.

Укрепление и расширение единого фронта, сплочение и концентрация всех антиимпериалистических сил остаются главной задачей в странах Азии и Африки и в настоящее время, когда политический суверенитет уже завоеван. Именно этой задаче подчиняют свою деятельность патриотические, демократические силы в освободившихся странах. И на нынешнем этапе общедемократические задачи борьбы — укрепление независимости, проведение аграрных преобразований в интересах крестьянства, ликвидация остатков и пережитков феодализма, выкорчевывание экономических корней господства империализма, ограничение и вытеснение иностранных монополий из экономики, создание и развитие национальной промышленности, повышение жизненного уровня населения, демократизация общественной жизни, осуществление независимой миролюбивой внешней политики, развитие экономического и культурного сотрудничества с социалистическими странами и другими дружественными странами — стоят в центре общественной жизни стран Азии и Африки.

Вливаясь в национально-освободительное движение, различные классы не отказываются вместе с тем от своих классовых устремлений, связывая их осуществление с завоеванием независимости: рабочий класс добивается

¹ Ввиду большого разнообразия условий в колониальных и зависимых странах данная характеристика движущих сил национально-освободительного движения может быть отнесена к какой-либо отдельной стране лишь с поправками, учитывающими ее особенности. Например, ход событий в Египте, Сирии, Марокко показал, что часть феодалов и компраторов также бывает порой захвачена волной национальной антиимпериалистической борьбы.

введения восьмичасового рабочего дня, коренного улучшения материального положения, победы политической демократии; крестьянство — наделения землей; буржуазия — установления своего господства на национальном рынке, вытеснения иностранных монополий и обеспечения широких возможностей для неограниченного обогащения. В этих завоеваниях «материализуется» для них национальная независимость.

Наряду с общенародным характером другой особенностью национально-освободительного движения в странах Востока является тенденция к глубоким общественным преобразованиям. Оно развивается в период, когда капитализм находится на ущербе, а социализм все более явственно одерживает верх в историческом состязании двух систем и приобретает миллионы новых сторонников. Массы Востока испытали «прелести» капиталистической системы через одно из самых уродливых ее проявлений — колониальную эксплуатацию. Они настроены враждебно по отношению к капитализму и тянутся к социалистическим порядкам.

В этих условиях национально-освободительное движение народов Азии и Африки является не только антиимпериалистическим, но и антикапиталистическим в своем существе — по устремлениям масс и по внутренней тенденции развития. Рабочий класс и трудовое крестьянство вместе со значительными слоями мелкой буржуазии выступают за национально-демократический путь развития. Это обстоятельство усложняет позицию национальной буржуазии, которая вынуждена маскировать свои действительные цели и действия социалистической фразеологией, и благоприятствует приходу пролетариата к руководству движением.

Опыт показал, что решение вопроса о том, какой класс возглавит национально-освободительное движение, зависит от многих факторов: от уровня экономического развития страны и численности пролетариата, от степени его организованности и сознательности, от руководства им со стороны коммунистической партии, от силы и организованности буржуазии, ее положения в системе колониального управления, от тактики колонизаторов и форм, в которых происходит национально-освободительная борьба, от соотношения сил в данном районе между империалистическим и со-

циалистическим лагерями — насколько это соотношение позволяет помешать грубому вмешательству империалистов во внутренние дела соответствующей страны, и других моментов.

Объективный ход общественного развития ведет к быстрому росту рядов пролетариата, подъему его классовой организованности, увеличению авторитета в массах. Наряду с этим усиливается могущество социалистической системы, растет влияние социалистических идей. Поэтому возможности для завоевания пролетариатом гегемонии в национально-освободительном движении неуклонно возрастают.

В тех странах, где к руководству движением пришел пролетариат, национально-демократические революции переросли в социалистические. Так, возглавляемые коммунистическими партиями народы Китая, Северной Кореи и Северного Вьетнама, составляющие более половины населения Азии, не только сбросили колониальное иго, но и порвали с капитализмом, установили народно-демократический строй и теперь успешно идут к социализму.

В Индии, Египте, Индонезии и других странах во главе движения встала национальная буржуазия, и это привело к возникновению здесь национально-буржуазных государств.

Сейчас, когда империалисты изгнаны из большинства захваченных территорий и уже не могут, несмотря на все усилия, восстановить былого господства, они пытаются убедить мировое общественное мнение в том, что ушли из колоний «добровольно». Однако история, в частности история послевоенных лет, вскрывает лживость подобных утверждений. В трудных, кровопролитных боях народы колоний добиваются независимости. Об их героическое сопротивление разбиты попытки империалистов с помощью колониальных войн и интервенций сохранить свое политическое господство в Азии и Африке. Так, бесславно для колонизаторов, завершилась война Франции против народа Вьетнама в 1946—1954 гг., нападение голландских империалистов на Индонезийскую Республику в 1947 и 1948 гг., агрессия американского империализма в Корею в 1950—1953 гг., англо-франко-израильская агрессия в Египте в 1956 г., американо-английская интервенция в Ливане и Иорда-

нии в 1958 г. В течение многих лет ведутся войны империалистов Англии против народа Кении, французских колонизаторов — против алжирского народа и т. д. Но эти войны не спасут колониальные режимы от краха. «Народы колониальных стран, — подчеркивается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в 1960 г., — завоевывают свою независимость как путем вооруженной борьбы, так и невоенным путем, с учетом конкретных условий каждой страны. Прочной победы они добиваются на основе мощного национального освободительного движения. Колониальные державы не даруют свободы народам колоний и добровольно не покидают эксплуатируемые ими страны»¹.

Большую роль в национально-освободительном движении играет антиколониальная солидарность народов. Она укрепляет позиции освободившихся стран в антиимпериалистической борьбе и усиливает их влияние на международные дела. Конференции, состоявшиеся в Бандунге и Каире, Ташкенте и Конакри, продемонстрировали твердую решимость народов Азии и Африки крепить свое единство, чтобы покончить с колониализмом. Серьезную поддержку национально-освободительному движению оказывают трудящиеся, особенно рабочий класс, развитых капиталистических стран, возглавляемые коммунистическими партиями.

В современной обстановке борьба народа любой колониальной страны не может быть изолированной. Национально-освободительное движение переросло *локальные* границы как географически, так и по своей сущности. Охватывая три континента, оно направлено ныне не только против той или иной колониальной державы, но и против *системы* колониального угнетения. Оно приобретает с самого начала *международный* характер и получает поддержку всего прогрессивного человечества. Навсегда ушли времена, когда колонизаторы могли безнаказанно расправляться с народами Азии, Африки и Латинской Америки. Теперь любой народ, как бы мал он ни был и где бы ни жил, может успешно бороться против империалистического гнета.

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 64.

Определенное влияние на развитие национально-освободительного движения оказывают межимпериалистические противоречия. Эти противоречия имеют еще большее значение в современной обстановке, когда развертывается экспансия монополий США, которые хотят вытеснить своих соперников и завладеть их позициями в колониальных и зависимых странах. Благодаря существованию социалистического лагеря, который является преградой империалистическим планам подчинения стран Азии и Африки, борцы за национальную независимость имеют большую, чем прежде, возможность использовать в интересах освободительной борьбы межимпериалистические противоречия.

Таким образом, в новых условиях, когда осознавшие свою силу массы в колониальных и зависимых странах в подавляющем большинстве *не хотят жить по-старому*, а колонизаторы уже *не могут управлять по-старому* и когда на этой основе национально-освободительная борьба приобрела гигантский размах, кризис колониальной системы империализма вступил в свою заключительную фазу — *фазу распада*.

Крушение господства империалистов в колониях знаменует выход на путь самостоятельного развития народов трех частей света — Азии, Африки и Латинской Америки. Однако это событие оказывает огромное влияние не только на судьбы народов колониальных стран, от него выигрывает население всей земли. *«Крушение системы колониального рабства под натиском национально-освободительного движения — второе по своему историческому значению явление после образования мировой системы социализма»*¹.

Столетиями держали колонизаторы более половины человечества в стороне от столбовой дороги прогресса. Колониализм накладывал уродливый отпечаток и на развитие передовых капиталистических стран, питаю политическую реакцию, усиливая тенденции паразитизма и загнивания. Пробуждение народов Азии и Африки, сбрасывающих колониальное иго, в корне меняет такое положение. Сотни миллионов людей, населяющих Азию и Африку, становятся активными участниками историче-

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 64.

ских событий, вливаются в ряды творцов новой жизни. Тем самым борьба за освобождение человечества от всех видов гнета получает новый могучий толчок.

Подъем национально-освободительного движения ведет к обострению всех присущих империализму противоречий, подтачивает самые его основы, лишает его жизненно важных позиций и резервов. Прежние колониальные тылы империализма становятся фронтами антиимпериалистической борьбы. В условиях, когда происходит неуклонный рост могущества социалистических стран и подъем освободительной борьбы трудящихся в метрополиях, это создает смертельную опасность для существования всей системы империализма.

Возникновение на обломках колониализма десятков национальных государств в Азии и Африке ведет в свою очередь к дальнейшему углублению кризиса колониальной политики империализма. Крах колониальных империй, особенно в условиях существования мировой социалистической системы и выхода в послевоенный период из орбиты капитализма свыше 700 млн. человек, имеет следствием серьезное сужение сферы приложения капитала и новое обострение межимпериалистических противоречий. Империалисты лишаются значительной части колониальной дани, которая создавала определенные возможности для паразитизма «привилегированных» стран.

Распад колониальной системы империализма и превращение освободившихся стран в активный фактор исторического прогресса оказывают большое положительное влияние на развитие международных отношений. Многие национальные государства Азии и Африки входят вместе с социалистическими странами в «зону мира». Их выступления за политику мирного сосуществования и противодействие военным и колониальным планам империалистов играют важную роль в борьбе за мир и укрепление безопасности народов. В этих условиях немалое значение приобретает тот факт, что страны Азии и Африки составляют почти половину всех членов ООН. Характерно, что печать стран НАТО бьет тревогу по поводу приема в ООН большой группы новых членов — африканских государств. Она опасается, что теперь в стенах ООН голос миролюбивых народов будет звучать с еще большей силой, чем раньше. Ва-

Шингтонская газета «News» 21 сентября 1960 г. в статье, озаглавленной «Старая эра ООН заканчивается», писала: «Соотношение сил при голосовании в ООН резко изменилось в пользу народов небелых районов, которым недостает опыта и экономика которых слабо развита. Это знаменует исторический поворотный пункт в роли этой международной организации. Со времени основания ООН в этой организации господствовали Соединенные Штаты и их некоммунистические союзники... Будущее положение в ООН неопределенно, но ясно, что оно будет иным». Напротив, СССР и другие социалистические государства от всего сердца приветствовали новое пополнение ООН. Они видят в этом важную предпосылку превращения Организации Объединенных Наций в подлинный инструмент мира. «Что касается Советского Союза, — заявил Н. С. Хрущев на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, — то скажу откровенно, мы довольны появлением в ООН большого числа новых государств. Мы всегда выступали и будем выступать против любого ущемления прав народов, завоевавших национальную независимость. С этими государствами нас роднит общее стремление сохранить и упрочить мир, создать на нашей планете условия мирного сосуществования и сотрудничества стран независимо от государственного и социального строя, как этого требуют миролюбивые принципы, провозглашенные Бандунгской конференцией стран Азии и Африки. Факты говорят о том, что освобождение наций и народов, находившихся под колониальным господством, ведет к оздоровлению международных отношений, расширению международного сотрудничества, к укреплению всеобщего мира»¹. XXI съезд КПСС, подчеркнув, что в последние годы удалось в самом зародыше затушить очаги войны на Ближнем и Среднем Востоке, отметил большую роль в этом деле миролюбивых государств Азии и Африки.

Национально-освободительное движение способствует укреплению дела мира и тем, что, ломая неравноправные, насильственные формы связей между странами, сближает народы и уменьшает источники военной опасности. Завоевание странами Азии и Африки поли-

¹ Н. С. Хрущев. За мир, за разоружение, за свободу народов! стр. 37.

тической независимости, являясь предпосылкой для преодоления экономической отсталости этих стран, способствует умножению материальных и духовных богатств всего человечества.

Распад колониальной системы происходит в различных формах. К тому же в Африке этот процесс развернулся лишь в последние годы. В результате прежняя колониальная периферия империализма в Азии и Африке сегодня выглядит следующим образом:

1. Страны, отпавшие от капиталистической системы и входящие в социалистический лагерь, — Китайская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Демократическая Республика Вьетнам. Здесь колониализм потерпел окончательное и бесповоротное поражение. КНР, КНДР и ДРВ завоевали не только политическую, но и экономическую независимость; на социалистической основе они быстро ликвидируют хозяйственную отсталость.

2. Страны, переставшие быть колониями, но остающиеся в рамках капиталистической системы.

Большинство из них укрепляет свою политическую самостоятельность и добивается экономической независимости. Это — Республика Индия, Иракская Республика, Индонезийская Республика, Объединенная Арабская Республика, Цейлон и др.

В ином положении находятся Пакистан, Таиланд, Филиппины и некоторые другие страны. Их независимость значительно ограничивается навязанными им империалистами кабальными экономическими соглашениями и участием в агрессивных блоках.

3. Колонии империалистических держав. Такова в первую очередь часть Африки.

§ 2. Изменение форм колониальной политики.

Империализм США — главный проводник «нового» колониализма

Империализм не может существовать без эксплуатации колоний. Поэтому империалисты всячески пытаются подорвать национально-освободительное движение и спасти колониальные порядки. Однако в современной обстановке невозможно сохранить господство над колониями, используя методы прошлого века. Это верно не в отношении отдельных стран, а для всей

колониальной системы и затрагивает империализм в целом, заставляя его приспособливаться к изменившейся обстановке, вырабатывать в целях спасения колониализма такую политику, которая учитывала бы новые обстоятельства: образование мировой социалистической системы, антиколониальную солидарность стран Азии и Африки, рост прогрессивных сил в метрополиях, социальные сдвиги в колониях и зависимых странах (ослабление влияния феодалов, упрочение позиций рабочего класса и национальной буржуазии), укрепление в них демократических сил, рост активности масс и т. д.

Опыт послевоенных лет показал, что старый, «классический», колониализм, опирающийся на откровенное военное насилие и прямое политическое и экономическое господство, обанкротился. Англо-франко-израильская агрессия против Египта, американо-английская интервенция в Ливане и Иордании и интервенция в Конго были наиболее крупными за последние годы попытками империалистов остановить при помощи грубой силы развитие национально-освободительного движения. Неспособность «великих» капиталистических держав навязать свою волю сравнительно небольшим и слабым странам Арабского Востока особенно убедительно показала, какие серьезные изменения произошли в мире. О том же говорит начатая в 1954 г. французскими колонизаторами бесславная война против народа Алжира. Даже империалисты начинают понимать, что на современном историческом этапе уже нельзя лишить освободившиеся народы завоеванных ими национальной государственности и суверенитета. Более того, объективный ход событий впервые открывает перед этими народами перспективу самостоятельного экономического развития и полного освобождения от колониализма.

Если на предшествующем этапе разрушались политические формы господства над колониями, то теперь речь идет о ликвидации экономической основы колониализма (которая является жизненно важной для империализма в целом) — аграрно-сырьевой специализации стран Азии и Африки и господства в их экономике иностранных монополий.

В этих условиях империалисты, продолжая использовать, когда это можно, «испытанные» военные средства,

все больше обращаются в колониальной политике к новым методам. Они вынуждены учитывать в определенной мере и тот факт, что вооруженная борьба народов против колонизаторов ведет к усилению влияния в национальном движении наиболее стойких, наиболее решительных антиимпериалистических элементов. Разумеется, в стане империалистов и сейчас немало любителей колониальных экспедиций, мыслящих категориями прошлого века и тоскующих по подвигам Мак-Магона и Ж. Ферри, Китченера и С. Родса — «героев» колониальных «умиротворений». Однако их воинственный пыл не встречает поддержки среди более дальновидных представителей правящих кругов западных держав. «Среди влиятельных кругов в западном мире, — пишет один из авторов сборника «The Idea of Colonialism» Е. Клоумен, — осталось немного защитников империй старого стиля, прославлявшихся Р. Киплингом»¹.

Суть новых форм колониализма состоит в попытке достигнуть основных целей колониальной политики более гибкими способами — путем косвенного контроля над странами, формально самостоятельными: в экономическом отношении — путем сохранения на основе частнокапиталистического развития этих стран отсталости и аграрно-сырьевой специализации их экономики, господства в ней иностранных монополий; в политической и военной областях — через агрессивные блоки, сколачиваемые под флагом «антикоммунизма», и «взаимозависимость».

Особенности современного колониализма диктуются не только тем, что колониями невозможно управлять по-старому. В условиях существования двух мировых систем зависимые страны приобретают для империалистов новое значение. Непосредственно экономический подход часто перестает быть главным. К обычному стремлению монополий воспрепятствовать самостоятельному развитию этих стран прибавляется не менее важный мотив: уберечь капиталистическую систему от новых потерь.

Руководители империалистического лагеря понимают, какое огромное значение имеет позиция бывших коло-

¹ «The Idea of Colonialism», N. Y., 1958, p. 362.

ниальных стран, особенно государств Азии и Африки, для перспектив соревнования двух мировых систем. Многие буржуазные идеологи и политики даже объявляют проблему дальнейшего развития стран Востока жизненно важной для мирового капитализма. «В Азии, — писал профессор Гарвардского университета Э. Решауэр (ныне посол США в Японии), — лежит величайшая ничейная зона между резко очерченными линиями разделенного мира. Здесь могут быть найдены величайшие массы людей, которые не примкнули к обеим сторонам или отказались от них; величайший простор для маневра между соперничающими политическими философиями и также... между соперничающими армиями; и величайшее пространство для развития опасных неопределенностей»¹. Американский сенатор Д. Кеннеди, ныне президент США, заявлял: «То, какими они (страны Азии, Африки и Латинской Америки. — К. Б.) станут после периода экономических преобразований, не только наложит свой отпечаток, но и определит будущее ближайших поколений в Европе и США»². Еще более недвусмысленно высказался премьер-министр Англии Макмиллан, выступая в феврале 1960 г. в парламенте Южно-Африканского Союза: «... Великий вопрос второй половины XX века состоит в том, повернутся ли непримкнувшие нации Азии и Африки к Западу или Востоку? Будут ли они втянуты в коммунистический лагерь?.. И на карту сейчас поставлено гораздо больше, чем наша военная мощь или наше дипломатическое и административное искусство. Речь идет о нашем образе жизни»³.

Колониальная политика империалистов во все большей мере определяется их стремлением во что бы то ни стало удержать бывшие колониальные страны в рамках капиталистической системы, вовлечь их в борьбу против сил демократии и социализма, помешать их прогрессивному развитию.

Стремясь расколоть национально-освободительное движение, добиться соглашения с привилегированными слоями и сохранить контроль над странами Востока, империалисты порой готовы идти на некоторые мате-

¹ E. Reischauer, *Wanted: An Asian Policy*, N. Y., 1955, p. 5.

² «Le Monde diplomatique», Mai 1958, p. 3.

³ «Times», 4 February 1960.

риальные, экономические уступки. Они делают это и с целью ослабить давление масс, стремящихся к общественным преобразованиям, делают из боязни, что на смену существующим правительствам придут более прогрессивные. Английская газета «Daily Mail», призывая западные державы «увеличить помощь слабо развитым странам», подчеркивала, что видит в этом средство сделать их «менее революционными»¹. Империалисты думают, по признанию того же Е. Клоумена, о завоевании преданности «неприсоединившихся наций в результате контролируемого Западом постепенного эволюционного процесса развития этих наций»².

В том, что колониализм претерпевает определенные изменения, немаловажную роль играют сдвиги, происшедшие во внутреннем положении в метрополиях. Рост демократических и социалистических сил, полевение масс, прочные антифашистские традиции все более затрудняют для империалистов осуществление насилия над народами колоний, использование против них своей военной машины. В то же время усиление государственно-монополистического капитала дает финансовым корпорациям новые, более мощные средства косвенного подчинения слабых государств. Таковой, в частности, является «помощь», оказываемая с совершенно определенной целью — проникнуть к источникам сырья и установить контроль во всех областях жизни других стран.

Метод косвенного контроля не нов в колониальной практике империализма. Более 40 лет назад В. И. Ленин писал: «Финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд *переходных* форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости»³.

¹ «Daily Mail», 13 September 1960.

² «The Idea of Colonialism», p. 365 (курсив мой. — К. Б.).

³ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 250.

Новым в колониальной политике, таким образом, является превращение метода косвенного контроля в *основной* метод. Это проявляется в попытках колонизаторов *сменить и расширить* социальную базу своего контроля в колониях, выдвинуть иные военно-политические, экономические и идеологические орудия косвенного господства — агрессивные блоки, направленные против социалистических государств, «взаимозависимость», «помощь», пропаганда космополитизма, антикоммунизма и т. д. Следует подчеркнуть, что хотя изменения в колониальной политике получили более или менее четкие очертания лишь в настоящее время, исподволь они зрели давно.

Разумеется, стремление империалистов приспособиться к изменившемуся положению и выработать новую стратегию в колониальном вопросе, в какой-то мере учитывающую ход развития и интересы империализма в целом, проявляются скорее в виде тенденции, чем как последовательный курс. Попытки осуществлять политику «дальнего прицела» нередко терпят крах, сталкиваясь с объективными законами капитализма, которые толкают монополии на извлечение максимальных прибылей любыми средствами, часто в ущерб более общим целям империалистической политики. Этим попыткам противодействуют также противоречия между монополиями и между отдельными империалистическими державами, органически свойственное империализму стремление к грубому, открытому насилию. Вместе с тем было бы неправильно не видеть, что поворот к иной политике все же происходит.

* * *

*

Традиционной социальной опорой империалистов в колониях были феодальные и компрадорские круги, а во многих странах Африки — племенная знать. Так, в Индии английские власти поддерживали князей (магараджей и раджапрамукхов) и помещиков (земиндаров и джагирдаров). В Индонезии колонизаторы были тесно связаны с султанами, в арабских странах — с пашами и каидами. Феодалы и компрадоры, участвуя в качестве младших партнеров в грабеже своих народов, как бы срастались с системой колониального угнетения. Напри-

мер, Эль-Глауи, паша Маракеша — крупнейший марокканский феодал и предатель марокканского народа, — являлся президентом и вице-президентом ряда французских акционерных компаний, действовавших в Северной Африке, в том числе химического и металлургического общества Северной Африки, горнодобывающих обществ Би Азер и де Граафа и др. «За заслуги перед Францией» он был награжден орденом Почетного легиона.

Ныне такая опора уже не является надежной. Экономическое развитие стран Азии и Африки неуклонно ведет к ослаблению позиций большей части компрадоров и феодалов. Успехи национально-освободительного движения также подрывают влияние этих социальных слоев. Поэтому империалисты вынуждены изменить тактику и наряду с поддержкой феодалов и компрадоров обратить взоры на национальную буржуазию. В ее среде, главным образом среди крупной национальной буржуазии, они пытаются обрести социальную опору для проведения неоколониалистской политики. Подобная «переориентация» колонизаторов связана и с тем, что, столкнувшись с пробудившимися народными массами в странах Азии и Африки, с ростом их политического сознания, империалисты берут курс на общественную силу, не столь далекую, как феодалы и компрадоры, от народа и способную в определенной степени на него влиять. Поэтому неверно считать, что империалисты стремятся опереться лишь на самые реакционные военно-феодальные или полуфеодальные террористические режимы. Хотя такие режимы дают наибольшие возможности для хозяйничания колонизаторов, последние отнюдь не хотят окончательно связывать судьбу своей политики в странах Азии и Африки с силами прошлого. Они скорее заинтересованы в *поисках* послушных правительствах или по крайней мере таких, которые готовы пойти на компромисс, а не в *открыто* реакционных, террористических диктатурах, являющихся, как говорит опыт, чрезвычайно неустойчивыми и могущими рассыпаться в любой момент¹. Если же колонизаторы и продолжают цепляться за подобные правительства, то это происходит потому, что у них нет часто другого

¹ Характерные признания на этот счет можно найти в английской газете «Times» от 29 ноября 1960.

выбора: они или не находят иных послушных сил, или опасаются революционных потрясений, связанных со сменой режима.

В своекорыстных тенденциях национальной буржуазии, как класса, колонизаторы усматривают основу для соглашения с ее антидемократическим крылом. Чтобы наладить сговор, который по существу означал бы капитуляцию определенных элементов буржуазии перед империализмом, их отказ от жизненно важных национальных целей, империалисты применяют целый арсенал средств — экономических, политических, идеологических.

Старая колониальная политика исходила из безусловной недопустимости создания в колониях промышленности, за исключением горнорудной. Империалисты и теперь относятся враждебно к экономическому прогрессу в колониальных и зависимых странах. Однако в современных условиях они вынуждены в определенной мере считаться с потребностями развития производительных сил в колониях и маневрировать.

Стремление всех общественных сил в колониях и зависимых странах (кроме компрадоров и феодалов) к экономическому прогрессу было, как уже отмечалось, той основой, которая объединила их в антиимпериалистическом движении. И в среде буржуазии империалисты не смогли бы найти влиятельные круги, готовые пойти на сговор, предпосылкой которого был бы отказ от активного развития производительных сил.

Учитывая все это, политики и идеологи современного колониализма часто выдают себя за поборников индустриализации стран Азии и Африки. Они имеют в виду главным образом расширение горнодобывающей промышленности, а также создание определенного числа предприятий легкой промышленности. Это не создаст серьезной угрозы позициям иностранных монополий и скорее закрепит аграрно-сырьевую специализацию стран Азии и Африки.

О крайне враждебном в действительности отношении империалистов к индустриализации освободившихся стран свидетельствуют их яростные нападки на проводимый правительствами Индии и ОАР и некоторых других государств курс на создание передовой национальной экономики, собственной тяжелой индустрии.

Особое недовольство империалистов вызывает создание в народном хозяйстве ряда освободившихся стран государственного сектора. Этот сектор является важным орудием вытеснения иностранного капитала и создания национальной экономики. Колонизаторы не без основания считают, что более благоприятные условия для сохранения их позиций в этих странах обеспечили бы частнокапиталистические формы экономического развития. Кроме того, они опасаются, что самостоятельное развитие стран Азии и Африки может содействовать укреплению там демократических сил, созданию определенных предпосылок для перехода их на путь социалистического развития. Вот почему колонизаторы и их агентура всячески стараются доказать ненужность и даже вредность государственных предприятий в этих странах, вот почему добиваются они, чтобы в экономике освободившихся стран господствовал частный капитал¹.

Таким образом, экономические цели неокOLONИАЛИСТСКОЙ политики, которые колонизаторы пытаются сделать экономической основой соглашения с частью национальной буржуазии, принципиально не являются сколько-нибудь оригинальными. Это — эксплуатация колоний, торможение их экономического прогресса, противодействие созданию национальной экономики. Современный колониализм, особенно тесно связанный, как уже отмечалось, с методами косвенного контроля над колониальной периферией, непримиримо враждебен интересам народов, борющихся за экономическую самостоятельность. Экономические уступки колонизаторов хотя и являются вынужденными, выполняют тем не менее роль приманки, которая должна по замыслу империалистов привлечь на их сторону более широкие, нежели прежде, социальные слои в колониях. По существу, это — подкуп, который империалисты применяли и ранее, но по отношению к феодальным элементам. Рассчитывая на другую социальную группу — на некоторые слои буржуазии, в том числе ее предпринимательскую часть, — они, естественно, изменили его форму.

Следует подчеркнуть, что политика колонизаторов, имеющая целью сговор с определенными кругами буржуазии, пока не принесла им желаемых результатов.

¹ Подробнее об этом см. гл. IV.

Развернувшаяся борьба за экономическую самостоятельность препятствует смягчению противоречий между национальной буржуазией и иностранными монополиями, а порой даже порождает тенденцию к их обострению. Кроме того, обстановка в странах Азии и Африки характеризуется таким ростом антиимпериалистического сознания масс, что даже самым соглашательским элементам не так просто пойти на открытую сделку с империалистами.

В этих условиях империалисты нередко прибегают вопреки своим «антиколониальным» декларациям к угрозам и военному вмешательству, опираясь на феодальных властителей и ненавидимых народом марионеток, т. е. используют методы «старого» колониализма, от которого так часто и так пылко отмежевываются руководители империалистических держав. Об этом красноречиво свидетельствуют интервенция США в Ливане, Англии — в Иордании, Бельгии — в Конго, поддержка американскими империалистами Нго Динь Дьема в Южном Вьетнаме и многие другие факты.

Особенно характерна в этом отношении судьба «доктрины Даллеса — Эйзенхауэра». «Доктрина», по существу, была политическим гибридом. С одной стороны, в ней США открыто объявили о своем намерении противостоять с помощью оружия национальным устремлениям арабских народов, и здесь они пошли по обычному пути колониальных держав. С другой стороны, творцы «доктрины» рассчитывали с помощью политических маневров, антикоммунистической кампании и финансовых посулов наладить компромисс с определенными буржуазными кругами и расширить социальную базу своего влияния в странах Арабского Востока. По мере банкротства этих расчетов все более широкое применение получала военная, откровенно насильственная сторона «доктрины». В связи с этим английская газета «Daily Telegraph» не без злорадства писала: «Вся история Пакс Британика не знает примера такого преднамеренного использования военно-морских сил в дипломатических целях, который мог бы сравниться с нынешними передвижениями американского 6-го флота в Восточном Средиземноморье. Президент Эйзенхауэр использовал не просто страничку из книги лорда Пальмерстона, он проглотил целый том».

Разумеется, все это не означало и не означает отказа от колониалистского курса, предполагающего сделку с той частью буржуазии стран Востока, которая, как надеются колонизаторы, готова занять антипатриотические позиции. Напротив, империалисты с неослабевающей настойчивостью добиваются, в особенности с помощью антикоммунистической шумихи, отхода национальной буржуазии от антиколониальной борьбы. И есть признаки того, что в некоторых странах Азии и Африки определенные буржуазно-националистические элементы порой проявляют больше, чем прежде, склонность пойти на компромисс с империалистами.

Новые методы колониальной политики предназначаются главным образом для стран, завоевавших политическую независимость. Однако и в районах, которые остаются очагами прямого колониального господства и где европейское население немногочисленно (например, в ряде районов Африки), империалисты все чаще прибегают к подобной тактике. Меры, направленные на форсированное развитие «среднего» класса, т. е. местной буржуазии, провозглашение конституций и частичного самоуправления, проекты развития колоний, предусматривающие интенсивную эксплуатацию сырьевых богатств, создание второстепенных отраслей промышленности и стратегическое строительство — таково в основном содержание политики колонизаторов, проводимой в отношении колониальных территорий. Характеризуя политику правящих кругов Франции в Западной Африке за последние годы, французский журнал «La Nef» писал: «Полуавтономные институты, созданные в соответствии со знаменитым «общим законом» Гастона Деффера... достигли своей цели: не устанавливать окончательно политической структуры Черной Африки, а *открыть предохранительный клапан*, что позволит избежать взрывов... и подготовить в соответствующих условиях (курсив мой. — К. Б.)... широкое сопоставление точек зрения Франции и Африки. Если бы мы слишком медлили, то в результате влияния извне или нетерпения внутри могла бы появиться экстремистская точка зрения, которая быстро найдет самую действенную поддержку в странах Азии и Африки».

Империалисты рассчитывали при этом в рамках «сообществ» и «содружеств» в значительной мере сохра-

нить, опираясь на местную «эли́ту», непосредственный политический контроль. Они связывали свои надежды с более низким, чем в странах Азии, уровнем социально-экономического развития Африки и до недавнего времени меньшим размахом освободительной борьбы. Однако мощный подъем в последние годы национально-освободительного движения африканских народов путает карты колонизаторов. Хотя им и удалось кое-где поставить у власти угодных людей, события развиваются отнюдь не в соответствии с их планами. Народы Африки быстро идут к политической независимости, и империалисты стоят перед необходимостью срочного, более решительного пересмотра своей политики.

* *
*

Основной военно-политической формой современного колониализма являются агрессивные блоки вроде СЕАТО и СЕНТО (Багдадский пакт. — К. Б.). Хотя эти блоки используются империалистами для превращения территории некоторых стран Востока в свои военно-стратегические плацдармы, не это является их главной целью. Сколачиваемые под фальшивым флагом «обороны от коммунистической агрессии» военные союзы вроде СЕАТО в действительности служат империалистам орудием военного и политического контроля над бывшими колониальными странами, средством поддержки реакционных режимов и их использования против национально-освободительного движения. Участвующие в этих блоках мощные империалистические державы и их недавние колониальные периферии вследствие явного «неравенства сил» не могут, естественно, быть равноправными сторонами: страны Азии являются в них пленниками западных государств. Аппарат СЕАТО и СЕНТО используется для распространения влияния империалистов в вооруженных силах молодых национальных государств Востока, где эти силы играют особо важную роль. При прямом покровительстве со стороны империалистов численность армий непрестанно увеличивается. Английская газета «The Times» писала в начале прошлого года: «Имеются страны в Восточной и Юго-Восточной Азии, где армии, опираясь на американскую финансовую и

материальную поддержку, неоправданно разбухли и отнюдь не соответствуют нынешним оборонительным нуждам»¹. В колониалистских целях империалисты продолжают использовать и такие свои традиционные методы, как создание военных баз, посылку военных миссий и т. д. По сообщению той же «The Times», например, в Южном Вьетнаме американская военная группа в апреле 1960 г. насчитывала около 2000 человек и продолжала увеличиваться².

Агрессивные блоки используются империалистами и с целью расколоть единство стран Азии и Африки, противопоставить одни государства другим и посеять недоверие между ними, форсировать гонку вооружений, которая отвлекает значительные средства и тормозит экономическое развитие.

Для агрессивных блоков характерна существенная черта, которая отличает их от соответствующих инструментов «старого» колониализма. Прежде политические и военные узы связывали колонию, как правило, с *одной* империалистической страной — с метрополией. Теперь бывшие колониальные страны, ставшие участниками военных группировок, объединяются с *целой группой* империалистических держав, хотя главную роль среди них играет одна — США.

Мы уже говорили, что в современных условиях борьба любого колониального народа не является изолированной. Она встречает поддержку всех демократических сил мира. Ясно, что никакая империалистическая держава, в том числе самая мощная, не в силах одна добиваться сохранения колониальных порядков. Поэтому колониальные державы, несмотря на разделяющие их глубокие противоречия, стараются наладить взаимное сотрудничество в борьбе против национально-освободительного движения. Это выражается, в частности, и в структуре военных блоков. В таких условиях независимость бывшей колониальной страны не определяется более характером ее связей лишь с прежней метрополией; она определяется комплексом ее взаимоотношений со всем империалистическим лагерем.

Так как агрессивные блоки с участием стран Во-

¹ «The Times», 8 January 1960.

² См. «The Times», 19 April 1960.

стока создаются в первую очередь как орудия колониальной политики, выступления против них стали одной из главных форм защиты народами Азии и Африки своей национальной независимости и борьбы против колониализма. Кроме того, поскольку для сколачивания военных блоков империалисты используют создаваемую ими же обстановку международной напряженности, борьба за ее разрядку, за мир сливается с антиколониальной борьбой.

Опыт показывает, что лишь те государства Азии и Африки добиваются существенных успехов в экономическом развитии, которые проводят независимый курс в международных отношениях, дают отпор попыткам империалистов втянуть их в агрессивные блоки, в антисоветские провокации. Наоборот, те страны, которые входят в империалистические пакты, по существу топчутся на месте и не могут приступить всерьез к экономическому строительству.

Следует подчеркнуть, что сопротивление народов Азии и Африки обрекло в значительной мере на неудачу планы империалистов вовлечь освободившиеся страны в военные союзы. Из молодых государств Азии и Африки их участниками стали лишь два. При этом крупнейшие страны, например Индия и Индонезия, избрали путь нейтральной политики. С выходом Ирака из Багдадского пакта в составе империалистических военных группировок осталось лишь пять азиатских стран, но и в них нарастает движение против участия в этих группировках. Двусторонние военные пакты, которые США заключили с Пакистаном, Турцией, Ираном в качестве дополнения к СЕНТО, являются попыткой американских колонизаторов укрепить непрочные военные пакты (а также еще более усилить свои позиции за счет империалистических конкурентов). Несмотря на неудачи, империалисты не отказались от своих планов вовлечь в военные блоки молодые национальные государства. Они пытаются добиться этого как обходным путем (проекты создания «экономического и культурного» союза между нейтральными странами Юго-Восточной Азии и странами — членами СЕАТО), так и путем подготовки почвы для создания новых военных группировок вроде «средиземноморского» пакта или НЕАТО.

В движение против участия в агрессивных блоках вливаются не только народные массы. Во влиятельных, даже правящих кругах бывших колониальных и зависимых стран (не говоря уже о различных слоях буржуазии) проявляются колебания, идет борьба. Здесь имеются элементы, которые искренне заблуждаются, полагая, что защиту национальных интересов можно совместить с участием в агрессивных блоках. Но ход событий рассеивает подобные иллюзии, приводит к обострению внутренних противоречий, к росту сил, выступающих за разрыв с военными союзами, за переход к самостоятельной политике, исходящей из национальных интересов.

За последнее время становится все более явным стремление империалистических держав использовать в колониалистских целях Организацию Объединенных Наций, прикрыть ее голубым флагом свои действия, направленные против сил, борющихся за национальное освобождение. Яркий пример этому — события в Конго.

* *
*

Особенность современного колониализма состоит и в том, что *главным оплотом его* являются Соединенные Штаты Америки. Хотя «великие» колониальные державы прошлого тоже используют новые формы колониализма, но именно империалисты США проводят эту политику в мировом масштабе.

Распад колониальной системы происходит в условиях, когда одновременно с небывалым ростом национально-освободительного движения происходит усиление колониальной экспансии монополий США. Являясь главной державой современного капиталистического мира, США расширяют свои владения и сферы влияния. Это — частичный капиталистический передел «мира» в послевоенные годы. Выигрывает от этого, прежде всего, одна держава — США, которая отовсюду стремится вытеснить своих партнеров. Как писала правая французская газета «Figaro», «США выставили свою кандидатуру на наследование старым колониальным державам». В то время как заморские капиталовложения Англии сократились с 3545 млн. ф. ст. в 1939 г. до

2 128 млн. ф. ст. в 1955 г., или на 40%, соответствующие инвестиции США за тот же период возросли в 7 раз — с 2 280 млн. до 16 036 млн. долл.¹

Согласно документу «Помощь слаборазвитым странам», опубликованному секретариатом правительства Франции, в настоящее время две трети иностранных частных капиталовложений в экономически слабо развитых странах поступают из США.

За послевоенные годы США, помимо фактического захвата части Китая — Тайваня, помимо оккупации принадлежавших Японии тихоокеанских островов, обосновались в Южной Корее, Южном Вьетнаме, приобрели серьезное влияние в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке и т. д.

Как самая сильная империалистическая держава, США пытаются играть роль жандарма по отношению к национально-освободительному движению, а также выступать в качестве банкира, подкупающего определенные политические и социальные группы в экономически отставших странах. Кроме того, США не были непосредственно связаны с большей частью колоний и в отличие от европейских метрополий почти не несут прямых экономических потерь в результате завоевания независимости странами Азии и Африки. Им легче примириться с известным сокращением колониальной дани, согласиться на экономическое развитие освободившихся стран в ограниченных рамках.

США имеют богатый опыт применения завуалированных методов колониальной политики. Это, разумеется, не свидетельствует, как уверяют апологеты американского империализма, о «демократическом», «гуманном» или «антиколониальном» отношении США к народам Азии и Африки. В тех случаях, как, например, на Филиппинах, когда американские колонизаторы считали необходимым и возможным, они действовали «классическими» способами и с «классической» бесчеловечностью. Дело — в другом. В силу ряда исторических обстоятельств, в первую очередь вследствие более позднего выхода на мировую арену, США не смогли уже создать колониальную империю, подобную тем,

¹ См. *P. Dutt*, *The Crisis of Britain and British Empire*, London, 1957, p. 124.

какими владели европейские державы. К тому же США располагали более мощными, чем эти державы, экономическими рычагами подчинения других стран. Именно поэтому наряду с откровенными грубыми методами господства США широко использовали, особенно в отношениях со странами Латинской Америки, более прикрытые и изощренные приемы грабежа стран, формально обладающих политической независимостью. Характеризуя политику Вашингтона по отношению к освободившимся странам, известный английский публицист Т. Менде называет ее «латино-американизацией Юго-Восточной Азии». Эта политика, пишет Менде, «предполагает поддержку формы независимости, но в то же время и обеспечение себе максимальных стратегических, политических и экономических преимуществ»¹.

Колониальные владения США были сравнительно невелики, и американский империализм имеет большую свободу для маневра и поисков обходных путей в своей политике. Как писал американский журнал «Foreign Affairs», в отношениях со странами Азии и Африки «Соединенным Штатам ничего не мешало... применять менее шаблонные методы для достижения своих целей»². США могут с большим успехом, чем другие империалистические державы, прикрывать свои захватнические устремления маской антиколониализма. Соединенные Штаты нередко получали хороший куш из добычи европейских держав, однако их участие в грабеже колоний не было столь очевидным для народов Азии и Африки.

Лицемерие и маскировка, органически свойственные новым формам колониализма, всегда отличали американскую колониальную политику. В официальном лексиконе в США даже не существовало слова «колония» применительно к захваченным ими территориям.

Особенности США как колониальной державы определяют специфику их политики в отношении народов Азии и Африки. Как империалистическое государство, США глубоко враждебны национально-освободительному движению. Кроме того, американские правящие круги, хозяйничающие в НАТО, весьма заинтересованы

¹ T. Mende, *Southeast Asia between Two Worlds*, London, 1955, p. 328—329.

² «Foreign Affairs», July 1958, p. 645—646.

в укреплении этого агрессивного блока, членами которого состоят практически все колониальные державы. Поэтому там, где решается судьба позиций империализма в целом или весьма остро встает вопрос об «атлантической солидарности» (т. е. империалистическом сговоре держав НАТО), США вместе со старыми колониальными державами, как правило, составляют единый фронт. Так они поступили, например, в вопросе о национализации Суэцкого канала, пытаясь совместно с Англией и Францией навязать египетскому народу колонизаторскую «Ассоциацию пользователей каналом». США поддерживают разбойничьи действия Англии в Йемене и Омане, португальское господство в Гоа, захват голландцами Западного Ириана и т. д. В союзе с Англией США организовали интервенцию в странах Арабского Востока. Поддержку Соединенных Штатов получила агрессия Бельгии против молодой Конголезской республики. Объединившись с остальными колониальными державами, они делают все, чтобы помешать народу Конго добиться подлинной независимости.

Поддерживая в определенной мере колониальную политику Англии, Франции и других капиталистических стран, американские империалисты преследуют и иные цели — они стремятся подчинить европейские метрополии своему диктату. Экономические и военные трудности, порождаемые колониалистской политикой, обострение внутренних противоречий в метрополиях, морально-политическая изоляция колониальных держав на международной арене используются Соединенными Штатами для навязывания этим державам удобного США курса. Вспомним, на какие серьезные внешнеполитические уступки США пошла Англия после провала египетской авантюры. Общеизвестно и то, что война, которую ведет Франция в Алжире, империалистическая политика Голландии в отношении Западного Ириана вынуждают французские и голландские правящие круги искать поддержку у США в осуществлении своих колониаторских планов.

С другой стороны, монополии США рассчитывают, что «вакуумы», образующиеся в результате изгнания Англии, Франции, Голландии и других государств из их колоний, открывают дополнительные «возможности» для проникновения туда американского капитала. Вдоба-

вок магнаты Уолл-стрита тешат себя мыслью, что сумеют лучше, нежели другие колониальные державы, «контролировать» ход событий в странах Востока и использовать ресурсы Азии и Африки в интересах империалистического лагеря.

В силу этих причин США способствуют вытеснению своих конкурентов из стран Азии и Африки и пытаются воспользоваться ростом национально-освободительной борьбы для утверждения своего господства в этих районах земного шара. В данном случае проявляется еще одна важная особенность новых форм колониализма: *они служат для американских монополий орудием пердела сфер влияния и вследствие этого ведут к дальнейшему обострению империалистических противоречий.*

Империалисты предпочитают не предавать огласке свою грызню из-за влияния в странах Азии и Африки, пряча ее за ширмой западного единства, однако она то и дело прорывается наружу. Например, в Лаосе, согласно заявлениям местных официальных представителей, французы всячески препятствовали поступлению шедшей не через посредство Франции «помощи» США Лаосу, а также обучению американцами частей королевской армии. Французское посольство во Вьентьяне в сентябре 1959 г. выступило с заявлением, опровергавшим утверждения госдепартамента и тогдашнего правительства Лаоса о вооруженных столкновениях в стране. Эти утверждения использовались, чтобы оправдать вмешательство США в дела Лаоса¹. При обсуждении в законодательном совете Кении в апреле 1960 г. будущего статута этой английской колонии выступил член совета Говард Вильямс. Он с негодованием описывал «штурм американцами целостности наших колоний»².

Таким образом, политика США в Азии и Африке преследует двоякую цель: нанести удар по национальным силам и потеснить соперников-колонизаторов. Этого добивались США, выступая, например, «посредником» между Индонезией и Голландией, между Англией и Ираном. Посредничество США в конфликте в связи с национализацией Англо-иранской нефтяной компании

¹ См. «Current History», February 1960, p. 74.

² «The Times», 30 April 1960.

завершилось соглашением, которое серьезно ущемило национальные интересы Ирана и ослабило позиции Великобритании. Зато американский капитал получил доступ к иранской нефти, завладев 40% акций вновь созданного консорциума.

США всячески подталкивали Францию к продолжению «грязной войны» против вьетнамского народа. В то же время они установили связь с кликой Нго Динь Дьема и помогли ей укрепиться. Сегодня результаты являются вполне определенными: половина Вьетнама не получила свободы, а Франция из страны изгнана. По существу, полным хозяином юга Вьетнама стал американский империализм. Рабская зависимость от него режима Нго Динь Дьема не составляет ни для кого секрета. Таким образом, восьмилетняя война, которая стоила жизни десяткам тысяч солдат французского экспедиционного корпуса, велась фактически к выгоде империалистов США.

Провал англо-французской авантюры в Египте, о которой США были осведомлены¹ и которую по существу поощряли, был использован ими для выступления с «доктриной Даллеса — Эйзенхауэра», направленной как против национально-освободительного движения народов Ближнего и Среднего Востока, так и против позиций Англии и Франции в этом районе.

Американские правящие круги поддерживают кровопролитную войну Франции против алжирского народа, не без основания рассчитывая на ослабление и Франции, и Алжира. По данным английской газеты «The Times», в течение 10 лет (1950—1960 гг.), т. е. в тот период, когда французские колонизаторы вели войну против вьетнамского, а затем алжирского народов. Франция получила от США займов и даров на общую сумму 4 500 млн. долл. и была главным получателем военной помощи США². Большая часть вооружения, используемого французскими войсками в Алжире, — американского происхождения. В то же время США пытаются наладить связи с алжирскими националистами.

¹ Мемуары Идена (см. «Международная жизнь» № 2, 3, 4, 5, 1960) и последовавшие за их опубликованием растерянные комментарии американских официальных лиц не оставляют в этом никаких сомнений.

² См. «The Times», 25 February 1960.

подготовить внедрение американских монополий в Алжир и упрочить их позиции в Северной Африке.

США вытесняют Францию из Лаоса. Военная база в Сано, занятая до того времени французами, передана в 1959 г. американскому командованию¹. Если в 1953 г. в Лаосе было лишь два американских чиновника, то в 1960 г. они насчитывались сотнями². Свои особые цели США преследует и в Конго.

Двойственность целей своей колониальной политики США стремятся (и порой им это удается) использовать для обмана некоторых групп в странах Азии и Африки, выдавая за антиколониализм свои попытки вытеснить других империалистических хищников. Такая двойственная политика, обильно сдобренная демагогией, проводилась в определенной мере и другими колониальными державами. Примером этому может служить их отношение к национально-освободительному движению арабских народов за последние полвека. Однако она особенно свойственна империализму США, вступившему на путь экспансии тогда, когда земной шар был уже поделен. Дорогу к несметным сырьевым богатствам, рынкам Востока преграждали границы колониальных империй. Монополии США были заинтересованы в сломе этих барьеров. Так появилась «доктрина открытых дверей» и стали предприниматься попытки использовать в *своих* интересах борьбу колониальных народов за освобождение; так возникло стремление осуществлять колониальную экспансию под лозунгом «антиколониализма». «США использовали вопрос антиколониализма в своем соперничестве с ... Великобританией в течение многих десятилетий»³, — признает известный американский социолог и историк Г. Кон. И тот курс, который другие колониальные державы могли использовать лишь иногда и кое-где, стал для США основным курсом. Они проводят его сейчас с тем большей последовательностью, что при сложившемся соотношении сил в империалистическом лагере США обладают наибольшими возможностями для проникновения в колонии и в сферы влияния всех остальных империа-

¹ См. «Cahiers du comunisme», Octobre 1959, p. 921.

² См. «Current History», February 1960, p. 74.

³ «The Idea of Colonialism», p. 9.

Листических держав. «Они готовы, — писал член французской Академии Андрэ Зигфрид, — если представится случай, не проявляя ни малейшей сентиментальности, заменить нас, занять наше место там, откуда они могут нас вытеснить. Когда я говорю «мы», я имею в виду равным образом и англичан, голландцев, португальцев, бельгийцев»¹.

Европейские державы пробуют обороняться от колониальной экспансии США. Сознывая невозможность поодиночке противостоять как национально-освободительному движению, так и своему заокеанскому союзнику, они стремятся объединить свои силы². Так, например, возник проект «Еврафрики» — программа совместной эксплуатации африканских территорий группой европейских государств. Факты, однако, показывают, что и в рамках этого объединения империалистам Европы не удастся избежать проникновения американского капитала, к которому, кстати сказать, пришлось обратиться за кредитами организаторам «Еврафрики». В частности, американская нефтяная монополия «Стандард ойл оф Нью-Джерси» принимает деятельное участие в разработке нефтяных месторождений в Сахаре. Кроме того, империалистический союз сегодня, как и всегда, не может быть ни длительным, ни прочным. Его подрывают противоречия между самими европейскими империалистами, особенно в связи с растущей экспансией западногерманских монополий, которые наряду с монополиями США очень активно используют новые методы колониальной политики. Эта экспансия быстро растет и распространяется на все большее число стран Азии и Африки. ФРГ занимает среди европейских держав второе (после Англии) место в торговле с Азией. Во многих районах она опередила и Англию³. К марту 1960 г. Западная Германия представила в виде «помощи» экономически отставшим странам примерно 15 млрд. марок.

¹ «La Revue du Paris», Septembre 1957, p. 16.

² Таким образом, колониальные альянсы империалистов возникают и как средство борьбы против национально-освободительного движения, и как способ противодействия более сильному империалистическому сопернику — США.

³ См. «Eastern World», March 1960, p. 33.

Экспансия западногерманских монополий часто является формой наступления империализма в целом, который использует то обстоятельство, что капитал Западной Германии — державы, давно лишенной колоний, — встречается во многих странах Востока с меньшей опаской. Однако западногерманские монополии, как и следовало ожидать, не ограничиваются такой ролью и всячески стараются укрепить за счет империалистических соперников свои позиции. Для империалистов Западной Германии современный колониализм также орудие передела сфер влияния.

* *
*

Основным орудием реализации планов современного колониализма по всем направлениям — финансовые подачки определенным социальным слоям, борьба против развития национальной экономики, втягивание в военно-политические блоки — является так называемая «помощь», которую империалистические державы, преимущественно США, навязывают странам Азии и Африки.

Наемные барды монополий без усталости славят «помощь» как проявление бескорыстной заботы об экономическом прогрессе экономически слабо развитых районов. Но вопреки утверждениям империалистической пропаганды за ширмой «помощи» скрываются главным образом ассигнования на вооружение. До последнего времени лишь 10—20% «помощи» США составляли ассигнования на так называемое экономическое развитие, которое сводится, во-первых, к сооружению портов, стратегических дорог, средств связи и подобных «невоенных объектов», а во-вторых, к увеличению добычи стратегического сырья или расширению производства специфической для данной страны монокультуры. Хотя сейчас проявляется тенденция к росту затрат на эти цели, большая часть «помощи» США по-прежнему идет на непосредственно военные нужды. Даже по официальным американским данным, в 1960/61 финансовом году на это пойдет свыше 60% «помощи»¹. Французское правительство в 1960 г. опубликовало документ,

¹ См. «New York Herald Tribune», 9 June 1960.

согласно которому из 760 млрд. франков, выделенных с 1946 по 1957 г., на «экономическое и социальное развитие стран сообщества», лишь 24% было затрачено на «индустриализацию», куда включается «разведка и эксплуатация полезных ископаемых, в том числе нефти»

В то же время расходы, связанные действительно с экономическим развитием стран, сбросивших колониальное иго, занимают второстепенное место в программах «помощи». Более того, администрация системы американской «помощи» всячески противодействует проведению мероприятий, способствующих самостоятельному экономическому развитию этих стран¹.

«Помощь» США широко используется для сбыта «излишков» американского сельскохозяйственного производства, нередко сомнительного качества, которые навязываются странам Азии и Африки.

Предоставление «помощи» влечет за собой появление в странах-получательницах многочисленных американских миссий, групп советников, консультантов и т. д. Они вмешиваются во внутренние дела этих стран, используют свое пребывание для сбора разнообразной информации, имеющей военное и военно-хозяйственное значение. На содержание подобных «советников» уходит значительная часть фондов «помощи».

Взамен долларов магнаты Уолл-стрита требуют проведения угодной им политики, вступления в агрессивные блоки, предоставления Соединенным Штатам военных баз и контроля над источниками сырья, отказа от сотрудничества с социалистическими государствами, отказа от развития государственного сектора в народном хозяйстве, введения привилегий американскому капиталу. Так, в феврале 1959 г. США представили Малайе заем в размере 30 млн. малайских долларов на строительство железных дорог и мостов. Взамен глава правительства Малайи Рахман согласился закрыть Китайский банк и прекратить торговлю с Китаем². Сами американские авторы приводят немало примеров того, как «помощь» США использовалась для открытого, грубого давления. Американский публицист Дж. Кинг в

¹ См. об этом гл. IV.

² См. «World News», vol. VI, No 27, July 4, 1959.

книге «Юго-Восточная Азия в перспективе» отмечает, что США с целью повлиять на позицию государств — делегатов Бандунгской конференции за два дня до ее открытия объявили о реорганизации системы «помощи»¹.

Финансовые посулы США были использованы для втягивания Пакистана и Ирана в Багдадский пакт. Военная «помощь» США этим странам значительно возросла после того, как они стали участниками агрессивного блока. Летом 1958 г. предоставление займа Иордании было осуществлено в прямой связи с реакционным переворотом, в результате которого было отстранено от власти национальное правительство Набулси. Американские деньги сыграли важную роль в решении правительства Сомсанита в Лаосе нарушить Женевские соглашения и встать на путь разжигания гражданской войны в стране. Сумма экономической «помощи», выделенной США в 1958 г. странам Азии, которые связаны с ними военными соглашениями, более чем в 9 раз превышала сумму «помощи», предназначенной для стран, ведущих нейтральную политику. Индонезия — страна с населением в 87 млн. человек — за 1949/59 г. получила 395 млн. долл., а Лаос с его тремя миллионами жителей — только с 1955 по 1959 г. — 225 млн. долл.²

«Помощь» далеко не покрывает огромные расходы на вооружение, которые являются неизбежным следствием участия в агрессивных союзах. Таиланд, например, тратит на вооруженные силы в 7 раз больше средств, чем получает от США.

Империалистические державы отказывают в займах тем странам, которые не соглашаются на кабальные условия. Именно поэтому Англия и США, вероломно нарушив данные ими обещания, отказались финансировать строительство Асуанской плотины, а после провала суэцкой авантюры, по существу, начали экономическую войну против Египта. А французское правительство перестало предоставлять кредиты правительству Туниса, требуя от него отказа от поддержки борцов за свободу Алжира. Так же оно поступило в отношении Гвинеи, когда та встала на путь независимого развития.

¹ J. King, *Southeast Asia in Perspective*, N. Y., 1956, p. 254.

² См. «*Current History*», February 1960, p. 73, 93.

Следует подчеркнуть, что, хотя общий колонизаторский характер «помощи» остается неизменным, империалисты порой идут на временные уступки в отношении конкретных условий предоставления «помощи». Империалисты США, например, после длительных проволочек и применения разнообразных форм давления на Индию вынуждены были предоставить ей определенные средства на более или менее приемлемых для Индии условиях.

Подобные факты, разумеется, не уменьшают опасности, которая таится в «помощи» колонизаторов. Они говорят лишь о том, что в современных условиях, когда существуют две мировые системы и социалистические государства дружески сотрудничают со странами Азии и Африки, способствуя их экономическому прогрессу, империалисты принуждены всячески изворачиваться и порой отступать. Бескорыстная помощь социалистических государств экономически отставшим странам вынуждает империалистов идти на уступки. Характерно, что эти уступки империалисты делают главным образом тем государствам, которые ведут самостоятельную политику.

Особенностью финансовых займов, «помощи» является и то, что они в подавляющей своей части имеют характер государственных кредитов. Если перед второй мировой войной заграничные инвестиции США были почти целиком частными, то в 1955 г. 40% таких капиталовложений принадлежало американскому правительству¹. Даже в колониях частные инвестиции играют подчиненную роль. Так, за 1947—1954 гг. частные капиталовложения составляли лишь 28% всех инвестиций во французских колониях². В этом отражается общий рост государственно-монополистических тенденций в современном капитализме, а также стремление монополий переложить на плечи налогоплательщиков «риск», связанный с грабительской «предпринимательской» деятельностью в районах, где растут силы национального освобождения. Вместе с тем государственный характер «помощи» превращает ее в более эффективное орудие колониального порабощения. Кроме того, в современных условиях, когда на пути иностранных моно-

¹ См. P. Dutt, *The Crisis of Britain and British Empire*, p. 124.

² См. «*Démocratie Nouvelle*», Juin 1956, p. 372.

полий к сырью и рынкам сбыта в освободившихся странах встали национальные государственные барьеры, «помощь» используется с целью проложить дорогу частным инвеститорам. Это играет особую роль для колонизаторов: одни государственные кредиты, как ни важны они для подчинения стран-получательниц, не могут обеспечить решение собственно-экономических задач современного колониализма — сохранить и укрепить позиции иностранных монополий в экономике освободившихся стран, повести их по пути частнокапиталистического и непромышленного развития, воспрепятствовать созданию национальной экономики.

Истинное содержание империалистической «филантропии» раскрывает также то обстоятельство, что суммы «помощи» не идут ни в какое сравнение с размерами прибылей, выкачиваемых монополиями из соответствующих районов. «Доктриной Эйзенхауэра — Даллеса» арабским странам были обещаны 200 млн. долл. в течение 1958 и 1959 гг. Между тем только в 1957 г. нефтяные монополии США получили от своих зарубежных капиталовложений (главным образом в Венесуэле и странах Ближнего Востока) 1 623 млн. долл. прибылей. При этом прибыли на Ближнем Востоке составили в среднем около 35% номинальной суммы американских инвестиций¹. Ежегодные прибыли английских медных трестов в Северной Родезии в 1956/57 г. превышали сумму британских ассигнований *всем* колониям за три предшествующих года². За 1960 г. только две компании «Рокана» и «Нчанга», входящие в «Родезиан Англо-американ лимитед», получили 25,1 млн. ф. ст.³

Не ясно ли, что «помощь» империалистических держав — это своего рода обратное вложение в колониалистских целях небольшой части награбленных прибылей. Нельзя не согласиться с английским буржуазным публицистом Менде, который пишет, что американская «помощь» «во всех случаях привела к громадным прибылям для небольшого меньшинства, к большей коррупции, к растущему возмущению со стороны неимущих, к углубляющемуся разрыву между управителями и уп-

¹ См. «World Petroleum», December 1958, p. 64.

² См. «World News», vol. IV, No 26, June 29 1957.

³ См. «Times», 19 November 1960.

равляемыми, к подозрительному отсутствию прогресса в благосостоянии большинства»¹.

§ 3. Крах традиционной и выработка новой идеологии колонизаторов

С изменением колониальной политики изменяется и идеология. Старая идеология колониализма потерпела крах и совершенно не соответствует новым условиям. Обанкротился расизм — традиционное и главное идейное оружие колонизаторов. Как известно, расистские «теоретики» пытались возвести в историческую закономерность подчиненное положение и пассивность народов Азии и Африки. Реакционными идеологами усиленно проповедовалось антинаучное представление о существовании двух сепаратных и несхожих исторических путей развития человечества — пути Востока и пути Запада.

Октябрьская революция и последовавший за нею расцвет советских республик, в том числе республик Закавказья и Средней Азии, нанесли сокрушительные удары подобным «теориям». Что это так, признают сами буржуазные авторы. На страницах октябрьского номера журнала «Foreign Affairs» за 1959 г. можно встретить такое заявление: «И пусть никто не думает, что жители менее развитых стран не могут стать хорошими механиками, хорошими фермерами, хорошими инженерами, хорошими врачами, хорошими администраторами». Автор этих строк — бывший главный администратор плана Маршалла, а ныне директор специального фонда ООН П. Гофман — далее разъясняет, что привело его к такому выводу: «Я вспоминаю не так давно общераспространенный в США миф о том, что русский не может управлять даже трактором. А теперь появились спутники»².

Победа китайской революции, успехи народа Китая в социалистическом преобразовании страны, распад колониальной системы и образование в Азии и Африке десятков новых национальных государств завершили разгром расизма. Расизм колонизаторов явился одним

¹ T. Mende, *Southeast Asia between Two Worlds*, p. 298.

² «Foreign Affairs», October 1959, p. 37.

из факторов, породивших возмущение угнетенных народов. Тот факт, что расистские теории были знаменем гитлеризма, сделал их особенно непопулярными как на Западе, так и на Востоке.

Но не только разоблаченная историей несостоятельность расизма делает его непригодным для идейного обоснования современного колониализма. Дело также в том, что изменился сам «объект», на который призвана воздействовать идеология колониализма.

Прежде пропагандистской деятельностью среди населения колоний занимались главным образом церковь, ее миссионеры. Что же касается идеологии колониализма в собственном смысле, то она, будучи пропитана идеями расового превосходства и открытого насилия, лежавшими в основе колониальной политики, не ориентировалась на народы этих стран. Да и колонизаторы в этом тогда не нуждались, ибо народы Востока в своей массе еще не поднялись на борьбу.

Трубадуры империализма, певцы колониального разбоя от Р. Киплинга до К. Фарера, адресовались к жителям метрополий, звали их в колониальные экспедиции. В колониях кое-кто тоже подпадал под влияние расистской идеологии, но то был чрезвычайно узкий круг прислужников колонизаторов, поступавшихся своим национальным достоинством и безгранично унижавшихся перед «белыми господами».

Теперь положение изменилось коренным образом. Многомиллионные массы Востока пришли в движение. Волны его размыли создававшиеся столетиями колониальные империи. Подавляющее большинство стран Азии и Африки завоевало национальную независимость. Возникли десятки национальных государств, где у власти встала национальная буржуазия. Горстка лакеев, откровенно раболепствовавших перед колонизаторами, была сметена.

Современный колониализм нуждается не только в системе экономических и политических мер. Он не может добиваться успеха без серьезного идеологического воздействия на национальную буржуазию и национальную интеллигенцию, которые пользуются серьезным влиянием во многих странах Азии и Африки, а через них — на народные массы. Методы косвенного подчинения, характерные для современного колониализма, а

также определенные условия в самих освобождающихся странах — ломка старых устоев и поиски новых общественных форм и идей, выход на историческую арену миллионных масс, до того не участвовавших в политике, отсутствие достаточного опыта у некоторых слоев интеллигенции и вытекающая отсюда ее доверчивость к демократической фразеологии — определяют особую важность подобного воздействия для империалистов. Народы выбивают оружие открытого насилия из рук колонизаторов, и те все чаще обращаются к оружию обмана.

Оценивая значение идеологического фактора в политике США на Востоке, американский профессор Э. Решауэр писал: «Поскольку военный рычаг политики так ограничен в масштабе, а экономический — столь медленен и неопределенен в действии, мы принуждены обратиться к третьему орудию стратегии — идеологическому. Во многих отношениях — это важнейший из трех... Поистине военный и экономический рычаги политики в известном смысле лишь вспомогательные по отношению к идеологии»¹.

Подобные мысли можно найти также в высказываниях одного из богатейших и влиятельных людей США — Гарримана. В октябре 1959 г. в речи на завтрак «Американской ассоциации общественной информации» он говорил, что задача США в слаборазвитых странах — это, прежде всего, «борьба за души людей».

Для такой роли расизм явно не годится. Именно поэтому он потерял былое значение как идейное оружие колонизаторов. А та задача, которая почти исключительно и все же в сравнительно небольших масштабах выполнялась церковью, теперь возлагается главным образом на идеологию современного колониализма. Религиозный миссионер оттеснен на второй план «учеными» адвокатами монополий, которые в тысячах книг, статей, речей и радиопередач проповедуют идеи, призванные подкрепить современную колониальную политику. Круг вопросов, которые охватывает эта идеология, так же как и само ее содержание, продиктованы потребностями и особенностями колониалистской политики в ее новых формах.

¹ E. Reischauer, *Wanted: an Asian Policy*, p. 184—185.

Новая идеология, так же как и политика, не может выступать с открытым забралом. Маскировка колониализма, неустанно прокламируемое отречение от дела, которому она в действительности служит, — вот коренная особенность этой идеологии. И это свидетельствует об идейном крахе колониализма. Современный колониализм идеологически обосновывается космополитической критикой принципа национальной независимости, апологией «западного образа жизни», проповедью антикоммунизма. И все это прикрывается демократической фразой и ссылками на потребности общественного прогресса. Такая маскировка необходима для обмана широких слоев населения и в метрополиях.

Традиционная идеология колонизаторов, как правило, не затрагивала вопросов национально-освободительного движения, так как оно в ту пору не угрожало серьезно позициям империалистических держав. Кроме того, как уже говорилось, идеология колонизаторов не принимала в расчет устремления угнетенных народов.

Хотя процесс формирования новой идеологии еще не закончен (это очень важно иметь в виду), является бесспорным, что линия, которой она следует, это — фальсификация вопросов национального движения угнетенных народов. Проблемы национально-освободительной борьбы привлекают внимание идеологов неоколониализма потому, что являются центральными в общественной жизни стран Азии и Африки. Реакционные теоретики и заимствующие у них аргументы империалистические пропагандисты стремятся навязать определенным кругам в странах Азии и Африки угодное колонизаторам понимание этих проблем: причин возникновения национально-освободительного движения, характера его и целей, путей и перспектив дальнейшего развития освободившихся стран, в частности их борьбы за развитие национальной экономики и т. д.

Фальсификация указанных проблем буржуазными идеологами начинается с самого исходного пункта их рассуждений. Прежде всего национально-освободительное движение сводится ими исключительно к «национализму». Мы сталкиваемся здесь отнюдь не с одной терминологической неточностью. Термин «национализм» избран не случайно. Реакционным теоретикам и пропа-

гандистам, стоящим на позициях идеализма, чрезвычайно выгодно смешивать *идеологию* национального движения, *политику* некоторых классов, в нем участвующих, *с самим движением*. При таком смешении легче провести идеалистическую точку зрения, «доказать», что в конечном итоге все определяется идеологией.

Сказывается также классовая ограниченность буржуазных исследователей. Они не могут представить себе нацию иначе, как *буржуазной*, национальное движение — как *националистическим*, во главе которого стоит буржуазия, и соответственно национальную идеологию — иначе, как *националистической* идеологией. Даже национальное самосознание и патриотизм они сводят к национализму, и появление этого самосознания равнозначно для них росту национализма. Поэтому, обращаясь к освободительной борьбе угнетенных народов Азии и Африки, они видят в нем движение, руководимое только буржуазией и развивающееся под флагом национализма.

Однако еще бóльшую роль играют политические соображения. Вопрос о национализме весьма актуален. Национализм — идейно-политическое знамя, которое буржуазия выдвигает в национальном движении на первое место и пытается использовать для завоевания и укрепления своего влияния на массы. Руководящие государственные деятели в странах Азии и Африки характеризуют национализм как краеугольный камень идеологии и политики патриотических партий и групп. «Любая другая сила, — писал Неру в 1952 г., — которая пытается действовать (в Азии. — К. Б.), должна определить себя в понятиях этого национализма»¹. Возвращаясь к этому вопросу семью годами позже, Неру вновь подчеркивал, что «национализм есть все еще самая мощная сила в Азии»². В таком же плане высказывался президент Индонезии Сукарно: «Мир переживает период азиатского и африканского национализма... Для нас в Азии и Африке национализм — это молодое и прогрессивное кредо. Он является главным

¹ «Asian Nationalism and the West», ed. by W. L. Holland, N. Y., 1953, p. 354.

² J. Nehru, India To-day and To-morrow, «AICC. Economic Review», New Delhi, March 15, 1959, p. 7.

импульсом наших усилий»¹. О «решающем значении национализма для судеб арабских народов» неоднократно говорил президент Объединенной Арабской Республики Насер.

Как отмечалось выше, колонизаторы строят далеко идущие расчеты, имея в виду роль национальной буржуазии и национализма в антиколониальном движении. Они ориентируются на те силы в национальном движении, позиция которых создает, по мнению империалистов, определенные возможности для спасения колониализма в «модернизированной» форме. Проводники современной колониалистской политики хотели бы уложить в прокрустово ложе национализма — и в этом их интересы совпадают со стремлениями национальной буржуазии в странах Азии и Африки — все национально-освободительное движение. Тем самым они сознательно пытаются свести современное национальное антиимпериалистическое движение к национально-буржуазным силам, не выступающим последовательно против империалистов, и той части масс, которая ныне находится под их влиянием. Затушевывая и принижая роль в национально-освободительной борьбе передовых сил рабочего класса и идущих в союзе с ним других слоев трудящихся, они суживают масштабы, прогрессивную роль и исторические перспективы национального движения народов Азии и Африки.

Сводя национально-освободительное движение к национализму, реакционные идеологи также пытаются запятнать это движение аналогиями с реакционным национализмом². В то же время они стремятся подготовить почву для нападков на прогрессивные стороны национализма в странах Азии и Африки, объявив их «анахронизмом», проявлением «отсталости», «тормозом» к объединению народов и т. д.

Таким образом, попытки реакционных идеологов нахлобучить националистическую шапку на все национально-освободительное движение имеют политический смысл. Он состоит в первую очередь в том, чтобы идейно подготовить сговор империалистов с буржуазными элементами в национальном движении.

¹ Сукарно, Индонезия обвиняет, М., 1956, стр. 336—337.

² Это делается, в частности, с целью скомпрометировать движение в глазах трудящихся стран Запада.

В соответствии со значением США как главной колониальной державы современности американские буржуазные теоретики и публицисты играют первенствующую роль в идеологическом обосновании новых форм колониальной политики. К работе привлечены видные американские социологи и историки - Ф. Нортроп, Р. Страус-Хюпе, Г. Кон, Р. Эмерсон, Л. Снайдер, К. Дейч, Г. Моргентау и др.

За последние несколько лет вопросы национально-освободительного движения в странах Азии и Африки были предметом специальных сессий Американского средневосточного института, Института тихоокеанских отношений, Американской академии политических и социальных наук (в 1956 и 1958 гг.), научно-исследовательской школы международных отношений при университете Дж. Гопкинса и др. Правящие круги США придают большое значение подобным «изысканиям» буржуазных идеологов. В работе некоторых из этих сессий принимали участие руководители американской внешней политики.

Такая роль американских теоретиков и публицистов в разработке и распространении идеологии современного колониализма объясняется также некоторыми особенностями исторического прошлого США, на которых пытаются паразитировать реакционные пропагандисты и политики. Известно, что США как государство возникли в результате свержения британского ига в поселениях Нового Света. Боровшаяся против английского господства американская буржуазия выдвигала лозунги антиколониализма и демократии. Сегодня этим пытаются воспользоваться империалистические идеологи, чтобы втереться в доверие к народам Азии и Африки и распространять колониалистские идеи. Пропагандисты нового гнета бесцеремонно оперируют именами Вашингтона, Джефферсона и Линкольна, прикрываются их демократизмом. Один из французских парламентариев заметил как-то, что «идеи Лафайета и Вашингтона» превращаются в «тройных коней», из которых вылезают «дельцы, банкиры и священники» США.

Центральное место, которое занимают американские ученые и публицисты в выработке и пропаганде идеологии современного колониализма, требует анализа

прежде всего их работ. Это тем более необходимо, что реакционные американские теоретики выступают не только как представители колониализма США; они выступают как апологеты *современного колониализма в целом*. Хотя идеология других империалистических колонизаторов имеет свою специфику, отражающую неодинаковые положение и интересы разных колониальных держав, различия касаются не главного содержания их концепций. Основные идеи, развиваемые американскими учеными и публицистами, находятся на вооружении *всей* современной колониалистской идеологии.

В последующих главах анализируются и подвергаются критике положения реакционных теоретиков и публицистов по вопросам, которые более всего привлекают внимание идеологов современного колониализма.

Глава II

Буржуазные теории об источниках возникновения наций и «национализма» в колониальных странах¹

§ 1. Категории «национализм» и «нация» в современной американской социологии

Рассматривая вопросы национально-освободительного движения на Востоке как проблему «национализма», американские буржуазные идеологи исходят из теории «национализма», сформулированной в работах Ф. Нортропа, Г. Кона, К. Хэйса и др.²

Необходимо поэтому анализ их взглядов начать с самой категории «национализм», выяснив, как понимают ее буржуазные социологи. Поскольку в своей трактовке «национализма» буржуазные социологи отправляются от понятия «нация», идеалистически толкуемого, следует рассмотреть и эту категорию.

Понятие «национализм» в американской буржуазной литературе не имеет сколько-нибудь определенного содержания и трактуется весьма широко. Им обозна-

¹ При этом рассматриваются вместе ввиду их очевидной близости в условиях колониального гнета причины возникновения национально-освободительного движения и факторы, ведущие к появлению национализма. Анализ, таким образом, не ограничивается теми рамками, которые навязывают американские авторы термином «национализм».

² Следует, конечно, иметь в виду, что вследствие чрезвычайной эклектичности теоретических позиций буржуазных исследователей речь идет не о четкой целостной теории, а о сумме взглядов, которые только в совокупности составляют более или менее определенное теоретическое «кредо». По этой же причине, когда в работе говорится о различиях во взглядах буржуазных теоретиков по какому-либо вопросу, такое разделение является до некоторой степени условным, ибо можно говорить лишь о преобладании тех или иных взглядов у соответствующего ученого.

чаются как национально-освободительное движение, так и буржуазные националистические политика и идеология. Сюда же часто относят процессы формирования нации и национальной культуры, зарождение и рост патриотических чувств. Такая «широта» и неопределенность категории «национализм» носит нарочитый характер и вытекает из идеалистической методологии буржуазных социологов.

Видный буржуазный историк и социолог Г. Кон пишет: «Национализм — это состояние духа, вдохновляющее огромное большинство народа и претендующее на то, чтобы вдохновлять весь народ»¹. «Национализм — это состояние духа, в котором чувствуется, что высшая лояльность индивидуума должна быть отдана национальному государству»². Тот же Кон определяет национализм как «движение за более свободное общество и стремление к индивидуальному счастью»³, как «активно действующую и внутренне присущую волю», обуславливающую формирование нации и в значительной мере ей тождественную.

Один из руководителей Американского Тихоокеанского института В. Холланд заявляет: «Национализм есть утверждение права группы живущих в данном районе людей самим решать свою судьбу, без постороннего вмешательства. Группа может объединяться многими различными нитями — религией или языком, или общей историей; важно то, чтобы члены группы чувствовали между собой более сильную связь, чем по отношению к кому-либо другому»⁴.

По мнению профессора Гарвардского университета В. Томсона, «национализм означает или чувство, или движение, которые есть причина или средство создания наций или государств; или идеал, или теория, которые вдохновляют группы или национальности на то, чтобы стать государствами»⁵, а Р. Эмерсон, профессор того же университета, определяет национализм «как стремление общества, которому угрожает вторжение чуже-

¹ *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History*, N. Y., 1955, p. 10.

² *Ibid.*, p. 9.

³ *Ibid.*, p. 81.

⁴ «*Asian Nationalism and the West*», p. 357.

⁵ *W. Thomson, Nationalism and Islam*, «*Nationalism in the Middle East*», N. Y., 1952, p. 51.

родных сил, реконструировать себя, с тем чтобы добиться нового положения величия и равенства в изменяющемся мире»¹. Нечто подобное утверждает и К. Дейч, профессор Принстонского университета. Он называет национализмом «особенный ответ на... двойной вызов возможности и небезопасности, силы и единства», свойственный миру «социальной мобильности и конкуренции». Ответ этот выражается в «предпочтении соревнующихся интересов нации и ее членов интересам всех, кто не входит в нее»².

Профессор социологии и антропологии университета Северной Каролины В. Шорджер описывает следующие признаки нации и национализма, не разделяя эти понятия:

«... 1) приверженность национального агрегата определенному общему для всех сочетанию обычаев, 2) разделение общей для всех системы символизма, лингвистического и иного, 3) разделение всеми чувства территориальной определенности, соединенное с суверенитетом на этой территории туземных политических институтов, 4) разделение исключительного чувства идентичности в пределах группы в противовес находящимся вне группы, 5) координированная деятельность, направленная к общей цели,— конечный пункт, на котором покоится все дело (т. е. все определение нации. — К. Б.)»³.

Наконец, Б. Шейфер в книге «Nationalism: Myth and Reality», которая по замыслу автора должна быть всесторонним исследованием национального вопроса, дает несколько определений национализма как «групповой лояльности»: 1) любовь к общей земле, расе, языку и исторической культуре, 2) стремление к политической независимости, безопасности нации и забота о ее престиже, 3) мистическая преданность туманному, иногда сверхъестественному социальному организму, который известен как нация и народ... 4) догма о том, что инди-

¹ R. Emerson, *The Progress of Nationalism*, «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 72—73.

² K. Deutsch, *The Growth of Nations: Some Recurrent Patterns of Political and Social Integration*, «World Politics», vol. V, No 2, January 1953, p. 169, 179, 183.

³ W. Schorger, *Nationalism in the Arab World*, «Nationalism in the Middle East», p. 29.

видуумы живут исключительно для нации, которая есть цель в самой себе, 5) доктрина, что нация является или должна быть господствующей... среди других наций и должна совершать агрессивные действия с этой целью¹. Однако и эти довольно пространственные характеристики национализма кажутся ему слишком «узкими», ибо «современный национализм охватывает их все и даже более того»². В конце же концов Б. Шейфер сообщает читателю, что национализм — это то, «чем его сделали националисты», т. е. отказывается от всякого определения.

Число подобных примеров можно было бы умножить. Однако и приведенных здесь достаточно, чтобы сделать вывод о том, что «национализм» — основная категория, в пределах которой в американской буржуазной социологии исследуется, по существу, весь национальный вопрос, трактуется с чисто идеалистических позиций.

Национализм как идеология, политика и психология изображается лишенным объективных корней, преподносится как некая самодовлеющая сила, которой к тому же придаются мистические и часто патологические свойства. Вместе с тем «национализм» истолковывается не только как «состояние духа» (Г. Кон, Р. Эмерсон, В. Шорджер и др.), но одновременно и как «движение» (Г. Кон, Р. Эмерсон), и как основа возникновения и существования нации (В. Томсон, Г. Кон, В. Шорджер и др.).

Таким образом, объективные явления (нация, национальное и социальное движения и т. д.) эклектически смешиваются с субъективными (идеи, сознание, психология), что дает возможность считать последние главными, определяющими. Кроме того, некоторые субъективные явления, например национальное самосознание, без всяких на то оснований относят к национализму.

«Неуловимость» и намеренная широта, приданные понятию «национализм», открывают простор для субъективного произвола в трактовке национального вопроса, для затушевывания социально-классовых сторон проблемы, для обоснования нужных политических выводов. Особенно ярко это выступает при рассмотрении реак-

¹ См. *B. Shafer, Nationalism: Myth and Reality, N. Y., 1955, p. 6.*

² *Ibidem.*

ционными идеологами вопросов национально-освободительного движения.

В эпоху империализма национальный вопрос, как известно, неразрывно сплетается с колониальным вопросом и неотделим от борьбы против империализма. Буржуазные идеологи стараются скрыть это. Они пытаются обойти вопрос о порабощении империалистами народов колоний и зависимых стран. Неопределенность понятия «национализм» используется ими, чтобы затушевать существенное различие между процессом формирования наций и национального самосознания в условиях, когда нет национального и колониального гнета, и подобным же процессом, протекающим в обстановке, когда такое иго существует. Главная цель их в данном случае — смазать значение национально-освободительного движения для формирования нации и национального самосознания в условиях колониального порабощения.

Мало того, за вывеской «национализма» они пытаются скрыть специфику принципиально отличных друг от друга явлений. Шовинизм господствующих наций, национализм, с помощью которого буржуазия стремится расколоть ряды рабочего класса, и национально-освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки — это, если верить реакционным идеологам, явления однотипные: национализм, и только. Антиимпериалистическая борьба народов, таким образом, втискивается в рамки национализма. Вдобавок она приравнивается к национализму реакционному. Буржуазные идеологи порой довольно откровенно пробуют набросить тень на национально-освободительное движение народов Азии и Африки, проводя аналогии между ним («национализмом») и гитлеризмом. Следует также отметить, что «неуловимость» термина «национализм» позволяет трактовать это явление как общенародный феномен, стоящий выше социально-классовых делений внутри нации. Субъективистское толкование американскими буржуазными социологами сущности национализма имеет свои теоретические истоки в идеалистическом извращении ими понятия нации.

Марксизм-ленинизм дал научное определение нации как исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории,

экономической жизни и психического склада, проявляющейся в общности культуры. Поскольку экономические условия являются основой общественного прогресса, возникновение нации и ее развитие определяются в конечном счете способом производства материальных благ.

Исходя в общем из субъективно-идеалистических посылок, буржуазные теоретики, естественно, по-разному характеризуют нацию как общественное явление. «Национальности, — пишет Г. Кohn, — это продукты живых сил истории, поэтому они неустойчивы и не поддаются точному определению»¹. Точное определение нации, утверждает Р. Эмерсон, возможно «только с приходом тоталитаризма»². На таких же позициях стоят авторы отчета о конференции по азиатско-американским культурным взаимоотношениям, подготовленного центром международных исследований при Массачусетском технологическом институте³. Что касается Б. Шейфера, то, по его мнению, экономический детерминизм как основа определения нации «слишком упрощает дело... Могут быть божественные ключи к небесам, но не имеется экономических ключей к истории»⁴.

Отказ от научного определения нации буржуазные теоретики прикрывают ссылками на чрезвычайную сложность этого общественного явления, на невозможность четко его охарактеризовать, не впадая в упрощение. Б. Шейфер, например, настойчиво подчеркивает «множественность» факторов, взаимодействие которых привело к образованию нации, и требует «плюралистического» подхода к ее определению.

Бесспорно, нация — очень сложное общественное явление. Но разве сложность явления может служить аргументом для того, чтобы отказываться от его познания? Напротив, это лишь подчеркивает необходимость объективного подхода, на основе которого только и можно дать научное определение нации как специфического явления общественной жизни.

¹ *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History*, p. 9.

² «*Nationalism and Progress in Free Asia*», p. 78.

³ См. «*Human values in Social Change in South and Southeast Asia and the United States*», Department of State Publication, N. Y., 1956, p. 9.

⁴ *B. Shafer, Nationalism: Myth and Reality*, p. 43.

Присмотримся с этой точки зрения к определениям нации, которые выдвигают американские социологи. Возьмем определение Г. Кона: «*Большинство* из наций обладает определенными объективными факторами, отличающими их от других национальностей: таковыми являются общее происхождение, язык, территория, политическое бытие, обычаи и традиции, или религия»¹. Но является ли общее происхождение обязательным признаком нации? Например, современные англичане и часть американцев, современные французы и часть канадцев имеют, как известно, общее происхождение. Однако это не мешает им принадлежать к разным нациям. С другой стороны, американская нация образовалась из людей неодинакового происхождения. Очевидно, общее происхождение — это не обязательный признак. Seriously можно говорить лишь о необходимости для создания национальной общности сколько-нибудь длительного проживания на одной территории и в сходных условиях.

Не является характерным признаком нации и «политическое бытие», хотя оно серьезно влияет на ее облик. Немцы Восточной Германии живут в народно-демократическом государстве, а немцы Западной Германии — в условиях буржуазного строя. Однако те и другие относятся к германской нации. Столь же бесплодна попытка различать нации по «религиозному признаку». Каждая из мировых религий оказывает влияние на многие нации. В то же время внутри многих наций, если не каждой, мы находим приверженцев различных религий.

Нельзя не согласиться с Г. Коном, что у каждой нации существует своя национальная культура и сложившиеся в тесной связи с нею обычаи и традиции. Однако он не показывает, на *какой основе* происходит возникновение национальных культур и традиций. Наконец, Г. Кон не разъясняет своей позиции в отношении наций, которые не входят в «большинство», охватываемое его определением. Остается лишь предполагать, что последним Кон отказывает даже в перечисляемых им «объективных факторах».

¹ *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History, p. 9* (курсив мой. — К. Б.).

Видимо, чувствуя неспецифичность и расплывчатость названных им отличительных черт нации, несовместимость своего определения нации с историческими фактами, Г. Кон, по существу, от него отказывается, заявляя, что «ни один из этих факторов не является необходимым для... определения нации»¹.

Как видно, в таком определении нации не содержится основы для научного анализа столь сложного общественного явления.

Также эклектична характеристика нации, принадлежащая Б. Шейферу. Он перечисляет десять «условий» и «верований», которые, по его мнению, обычно выражают существо нации и национализма:

«1) известное (часто неопределенное) единство территории (принадлежащей или которой домогаются), 2) некоторые общие всем культурные характеристики, как язык (или широко понимаемые языки), обычаи, манеры и литература. *Если индивидум верит*, что он их разделяет и хочет продолжать их разделять, его обычно называют членом национальности, 3) некоторые общие для всех господствующие социальные (как, например, христианские) и экономические институты, 4) общее для всех независимое и суверенное правительство или стремление к нему... 5) вера в общую историю (*которая может быть придумана*) и в общее происхождение... 6) любовь к лицам своей национальности или высокая их оценка, 7) преданность сущности... называемой нацией... 8) общая всем гордость достижениями (скорее военными, чем культурными) нации и печаль по поводу ее трагедий... 9) игнорирование других наций или враждебность к ним, 10) надежда, что нация будет иметь великое будущее (обычно в вопросе территориальной экспансии)»².

Посмотрите, однако, каковы эти «специфические» признаки нации. Почти все они относятся к области эмоционально-психологической: «любовь», «общая гордость», «преданность», «надежда» и т. п. Чтобы индивидууму принадлежать к определенной нации, достаточно, согласно Б. Шейферу, *верить*, что он разделяет

¹ H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History, p. 9.

² B. Shafer, Nationalism: Myth and Reality, p. 7—8 (курсив мой. — К. Б.).

кое-какие манеры и имеет склонность к определенной литературе. Судя по этому и по другим высказываниям Шейфера, эти признаки и ему самому представляются весьма неосновательными. Он делает ряд оговорок, раскрывающих их субъективистский характер: вера «может быть придумана», происхождение — «ошибочно понимаемо», и т. д. Вдобавок Шейфер допускает исключения, выходящие за пределы даже его весьма неопределенных характеристик. Ясно, что на такой зыбкой основе невозможно вести научное исследование.

Или, наконец, взять определение нации, которое мы находим у В. Томсона. Он характеризует ее как сущность, отличающуюся «типичными обычаями, традициями, симпатиями и антипатиями, отраженными в определенной литературе»¹. Естественно, возникает вопрос: какова основа, движущая сила образования этих «традиций и обычаев» и почему различным нациям свойственны те или иные «традиции и обычаи»? К тому же общеизвестно, что «обычаи и традиции», «симпатии и антипатии» не являются чем-либо постоянным; они развиваются и изменяются. Чем же вызывается их развитие и изменение? И последнее, почему эти «традиции и обычаи» отражаются только в литературе, а не отражаются в экономической и политической жизни, быту, психологии, искусстве? Без разъяснений этих вопросов (а Томсон их не даёт) его определение нации повисает в воздухе.

Неспособность буржуазных теоретиков научно определить понятие «нация» вполне закономерна. Не видя или не желая видеть глубокие корни нации в экономических условиях, в общественной среде, буржуазные идеологи отказываются от абсолютно необходимого при научном исследовании объективного критерия и прибегают к субъективистским спекуляциям. И было бы наивно думать, что это делается в интересах установления истины, а не с целью ее фальсификации.

Чтобы убедиться в этом, достаточно последовать за рассуждениями буржуазных теоретиков. Много говоря о всестороннем подходе к определению нации и критикуя марксизм за «упрощенную, монистическую

¹ «Nationalism in the Middle East», p. 55.

трактовку», они в конечном счете протаскивают идеализм. Если в только что приведенном определении нации Г. Кон среди перечисленных им «факторов» не нашел ни одного, абсолютно необходимого для ее характеристики, то уже на следующей странице он заявляет: «Хотя объективные факторы имеют огромное значение для образования национальности, *самым главным элементом является активно действующая и внутренне присутствующая воля*. Именно эту волю мы называем национализмом»¹. Что из себя представляет эта «воля», как она возникает, каково ее содержание, Г. Кон, разумеется, не поясняет.

Здесь, как мы видим, круг замыкается — нация, чьи специфические признаки никак не удавалось охарактеризовать, определяется посредством национализма, о «неуловимости» которого уже говорилось и который в свою очередь определялся с помощью понятия нации.

Развивая свою идеалистическую концепцию далее, Г. Кон заявляет, что каждая нация имеет в качестве основы ту или иную идею. Об американской нации он пишет, в частности, следующее: «Именно идея скрепляла новую нацию, идея свободы... Эта идея настолько тесно связана с существованием американской нации, что *без этой идеи не было бы нации*»². Так нация в определении Г. Кона лишается всякого объективного содержания, а за ее главные качества выдаются туманно-мифические «национальная воля» и «национальная идея», которые, конечно, «выше» закономерностей и не могут быть ни прослежены, ни определены.

Подобным образом поступают и другие буржуазные исследователи. Оказывается, что главным и решающим признаком нации является: по В. Шорджеру — «единство цели», по Р. Эмерсону — «чувство разделенных воспоминаний» и «чувство разделения общей судьбы», по В. Томсону — «национальная воля», по Б. Гаррисону — «общая воля», по Ф. Нортропу — «общие нормы», по Ф. Герцу — «идея долга», по Р. Страус-Хюпе — «характер», по В. Холланду — для ряда стран, в особенности для Азии, «религия». Профессор Томсон, перечис-

¹ *H. Kohn*, Nationalism. Its Meaning and History, p. 10 (курсив мой. — К. Б.).

² *Ibid.*, p. 20 (курсив мой. — К. Б.).

ля «особенные характеристики» нации — родина, обы-
чай, религия, история, традиции и культура, — ставит
над ними «желание соединиться», «корпоративное чув-
ство», которое только и «конституирует» группу людей
в нацию¹. Терминологическое разнообразие играет
здесь роль лишь этикетки, прикрывающей субъективно-
идеалистическое содержание.

«Заботы» буржуазных теоретиков о «плюралистиче-
ском» анализе, как и следовало ожидать, вовсе не сви-
детельствуют об их стремлении действительно всесто-
ронне исследовать вопрос. Они являются не более чем
попыткой прикрыть эклектичность их взглядов и про-
тащить идеализм.

Что касается марксизма, то он никогда не умалял,
а тем более не отвергал значения идейной или психо-
логической сторон явлений. Его монистический подход
вовсе не означает отказа от всестороннего анализа. Но
марксизм всегда выявляет и подчеркивает *главное, ос-
новное*, и именно такой подход дает возможность пра-
вильно оценить значение *всех* факторов.

Буржуазные теоретики, утверждая, что «идея»,
«общая воля» и т. д. составляют фундамент нации и
обуславливают ее характер, бессильны объяснить, чем
вызывается появление самих «национальных идей», тра-
диций, а также господство тех или иных идей у соответ-
ствующих народов. Некоторые из них ссылаются, прав-
да, на характер «интеллектуального климата» и «ин-
теллектуальных веяний», но и в этом случае определе-
ния лишь совершают кругооборот и никакого разъясне-
ния не получают.

Несколько особняком на первый взгляд стоит по-
нимание нации, выдвигаемое К. Дейчем в книге «*Natio-
nalism and Social Communication. An Inquiry into Foun-
dations of Nationality*». Он подвергает критике ряд бур-
жуазных ученых за их «туманные определения нации»
(«Нельзя понять, — пишет Дейч, — каков огонь за всем
этим дымом»²), которые лишают всякой надежды «иметь
критерий национальной принадлежности в чем-нибудь,
что возможно проследить в живом индивидууме».

¹ См. «Nationalism in the Middle East», p. 51.

² К. Deutsch, *Nationalism and Social Communication. An Inquiry into Foundations of Nationality*, N. Y., 1955, p. 10.

Недостатком указанных определений он считает также то, что они не открывают пути для количественных измерений процессов формирования, ассимиляции и дифференциации наций. Дейч предлагает свою «функциональную» концепцию нации. В ее основу он кладет понятие «социальной связи» (social communication), которая, по мнению Дейча, является фундаментом всякой общности, в том числе национальной. Нацию он называет «системой социальных связей»¹.

Возникает вопрос, что же такое «связь»? Поначалу создается впечатление, что имеются в виду социальные, экономические связи (Дейч говорит о «социальных каналах коммуникаций», о «социальных связях»). Далее, однако, выясняется, что речь идет о контактах между отдельными индивидуумами, о каналах обмена знаниями и впечатлениями. «Коммуникации» К. Дейча, оказывается, несут «информацию». Таким образом, понятие «связи» идеалистически выхолащивается сразу по двум направлениям. *Общественная* связь целиком сводится к контакту между отдельными индивидуумами, а *объективная* социальная связь превращается в чисто духовные отношения личностей. Правда, К. Дейч отрешивается на словах от идеализма и пытается встать над обоими философскими лагерями. Он предупреждает, что «информация отличается от «материи» и «энергии» механического материализма XIX века тем, что она не может быть адекватно описана их консервативными законами»². Одновременно К. Дейч заявляет, что информация «также отличается от «идеи» идеалистической или метафизической философии тем, что базируется на физических процессах... Она имеет материальную реальность... Нет коммуникаций без физических процессов, без труда...»³ Но Дейчу не удается, как мы видели и увидим дальше, замаскировать идеалистическую основу своих рассуждений.

Наряду с субъективистским подходом для Дейча характерны механистичность в трактовке сложных общественных явлений, попытки опереться на технические и кибернетические параллели. Оттуда почерпнут, по его признанию, и сам термин «информация».

¹ К. Deutsch, Nationalism and Social Communication, p. 158.

² Ibid., p. 69.

³ Ibidem.

Дейч утверждает, что степень «социальной общности» (а таковой он называет, по существу, всякую общность) зависит от интенсивности «социальных связей». Представители каждого народа «объединяются наиболее интенсивными социальными коммуникациями», а разные народы отделены друг от друга коммуникационными барьерами, «провалами» в «эффективности коммуникаций».

Чем же определяется «интенсивность социальных коммуникаций»? Их «дополняемость», заявляет К. Дейч, которая в свою очередь измеряется быстротой и объемом текущей по ним информации. Используя аналогии технического порядка, К. Дейч пишет: «Испытанием на дополняемость для любой системы оборудования связи является эффективность связи»¹.

Таким образом, мы подошли к следующему вопросу: чем определяется «дополняемость информации», от которой зависит, по утверждениям Дейча, ее интенсивность? Общностью содержания, отвечает нам почтенный профессор и опять в поисках опоры обращается к аналогиям из области техники, указывая, что пропускная способность и эффективность любого аппарата связи зависит от однородности информации. Но так мы приходим вновь к тому, с чего профессор Дейч начинал свои рассуждения. И хотя Дейч всячески предупреждал против порочного круга, в котором вертятся определения буржуазных ученых, он сам заставляет читателя пройти такой круг, используя в качестве проводника слова «связь» и «общность». Туманные с самого начала, эти термины в ходе длительной словесной эквилибристики утрачивают всякий смысл.

Попытаемся все же установить, чем обуславливается «общность информации», «дополняемость социальных коммуникаций и информации», попытаемся выяснить подлинный смысл взглядов Дейча, прикрытый причудливой терминологией и бесплодным движением в терминологическом круге. Мы узнаем, что общность складывается на основе культуры, если она состоит из «дополняющих» друг друга частей. Сама же культура определяется Дейчем как «исторически созданные избирательные процессы, которые канализи-

¹ К. *Deutsch*, *Nationalism and Social Communication*, p. 70.

руют реакцию людей (как на внутренние, так и на внешние стимулы)»¹. Идеалистические позиции автора, как видим, выступают все более рельефно. Ссылка на культуру не помогла нам, однако, понять, где же источники возникновения и укрепления общественной связи. Вместо вопроса о том, чем вызывается «общность информации», возникает вопрос: что же формирует культуру как комплекс «избирательных реакций и предпочтений»? И тут Дейч выдвигает положение о «социальном обучении». «Именно в процессе обучения, — пишет Дейч, — должны мы искать ответ»².

Под «социальным обучением» он понимает в первую очередь воспитание, общую идеологическую обстановку (в том числе создаваемую государственным аппаратом), а также в определенной степени совокупность общественных условий. Он делает немало ссылок на материальные факторы, социальные институты, экономические условия, «социальную мобилизацию». Но было бы ошибкой принимать на веру эти заявления. Во-первых, для превращения опыта пребывания в общих условиях в общий опыт необходима, по утверждению Дейча, особая предуготовленность восприятий, система предпочтений, а это означает, что от материальных, экономических факторов нас снова отбрасывают к психологическим, идеологическим посылкам.

Во-вторых, Дейч не забывает также сказать, что материальные факторы, материальные блага имеют значение лишь тогда, когда «их ценят», т. е. и в данном случае материальным моментам отводится подчиненное место по отношению к «предпочтениям», «привычным образцам» и т. д.

Опираясь на теорию «коммуникаций», Дейч дает свои определения народа и нации. Народом он называет «более широкую группу людей, связанную такими дополняемыми привычками и средствами коммуникаций»³.

Интересно, что «дополняемость», которая «формирует» народ, отличается, по мнению Дейча, от «дополняемости», характерной для представителей одной и той же профессии, лишь своими относительно широ-

¹ K. Deutsch, Nationalism and Social Communication, p. 62.

² Ibid., p. 90.

³ Ibid., p. 71.

кими рамками, т. е. специфика национальных связей здесь исчезает. Что касается нации, то ее образует, по заявлению Дейча, народ, который к «уже имеющейся привязанности к групповым символам присоединил машину принуждения, достаточно сильную, чтобы сделать подчинение ей привычным и даже добровольным»¹. Несмотря на оговорку Дейча о том, что речь идет не только о государстве, но и о мощном национальном движении, в указанных его рассуждениях нельзя не видеть отражения характерной для ряда буржуазных ученых тенденции объявлять наличие национальной государственности одним из признаков нации. Абсурдность этого утверждения (и его политическая выгодность для угнетателей) видна хотя бы из того, что, основываясь на нем, пришлось бы отказаться в национальном бытии всем поработенным народам.

К чему же мы пришли? Что скрывается за теорией «коммуникаций», за попытками встать «выше» материализма и идеализма, примитивизировать общественные явления, напяливая их на технические, механистические модели? Закамуфлированный идеализм. Довольно многочисленные ссылки Дейча на роль и даже решающее значение материального фактора остаются где-то в стороне от главного (пользуясь любезными профессору Дейчу терминами) «потока» его рассуждений. Экономическая основа нации погребена под ворохом затейливых идеалистических положений, а определения народа, нации, несмотря на претензии Дейча на «оригинальность», не выходят за рамки уже рассмотренных взглядов буржуазных ученых.

Таким образом, все американские буржуазные теоретики трактуют нацию с субъективно-идеалистических позиций. Одни из них (Г. Кон, В. Томсон, В. Шорджер и др.) открыто прокламируют свои идеалистические взгляды. Другие (Б. Шейфер, Р. Эмерсон и др.) прикрывают идеалистическую концепцию «плюрализмом» и формальным признанием значения экономического фактора. Третьи, как К. Дейч, приходят к идеализму через механицизм. Это деление (неизбежно несколько схематичное) сохраняет свою силу, как мы увидим

¹ К. *Deutsch*, *Nationalism and Social Communication*, p. 78—79.

далее, и для характеристики подхода реакционных идеологов к проблеме формирования нации.

Опираясь на положение о том, что «национальная идея», «единство цели», «общие нормы» являются основными признаками нации, американские буржуазные теоретики пытаются обосновать особый характер наций, говорящих на английском языке, особенно американской нации. Здесь уже становится ясным подлинный политический смысл их, на первый взгляд, довольно абстрактных теоретических выкладок. «Американская национальная идея, основывающаяся на индивидуальной свободе и терпимости, — пишет, например, Г. Кон, — доказала в течение долгого периода, что она является достаточно сильной, чтобы преодолеть не только групповые различия, но и растворить миллионы иммигрантов... Индивидуальная свобода и терпимость одарили Америку *уникальной силой*»¹.

Не менее определенно выражается Ф. Нортроп. «Так как культура народа Соединенных Штатов, — пишет он, — является в сегодняшнем мире единственной, которая выражает наиболее свежо и жизненно основное одухотворенное проникновение, она, вероятно, будет главным фактором, определяющим конечный шаг, который делает человечество от немногих культурных политических объединений к единому мировому культурному сообществу...»² А Р. Страус-Хюпе заявляет, что Америка благодаря характеру своего народа сумела ответить на «центральный вопрос истории» — вопрос об отношении человека к обществу³.

Подобными националистическими заявлениями изобилуют работы американских идеологов, которые вновь и вновь пытаются представить американскую нацию и ее «национальную идею» как образцовые. По сути дела они стремятся выдать их за образец, которому должны следовать все другие нации, а особенно народы Азии и Африки.

Утверждая, что «национальная идея» американской нации основана на концепции демократических свобод

¹ *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History, p. 64* (курсив мой. — К. Б.).

² *F. S. C. Northrop, The Taming of Nations, N. Y., 1954, p. 330.*

³ См. *R. Strausz-Hupé, The Zone of Indifference, N. Y., 1952, p. 105.*

и либерализма, буржуазные идеологи используют, предварительно извратив, тот исторический факт, что в период формирования наций на Западе буржуазия, будучи прогрессивной, выступала с программой демократии и либерализма, которая была в известном смысле общенациональной. Это историческое явление, характерное для большинства буржуазных наций на определенном этапе их развития и ныне ушедшее в далекое прошлое (причем США не являются тут исключением), они выдают за специфическое и имманентное свойство американской нации.

Есть еще и такие буржуазные идеологи, которые пытаются отказывать народам Азии и Африки в праве на независимое национальное существование. Для этого обычно используется положение о так называемых интегральных, или интегрированных, нациях. Идея об «интегральной нации» наиболее полно изложена Г. Коном, хотя об этом говорят и другие американские исследователи, правда в более завуалированной форме¹. «Интегральная», т. е. подлинная, нация характеризуется, во-первых, классовой «мобильностью» и «сплоченностью», отсутствием классовой борьбы и резких и заостренных социальных перегородок и, во-вторых, — это главное — «единством цели», «координированной деятельностью, направленной к общей цели»², или, как выражается Г. Кон, «готовностью к созидательному акту для общего блага»³. Р. Эмерсон видит сущность нации в национальном единстве, в котором исчезают классовые и другие «групповые» интересы и конфликты и ради которого должно быть «забыто довольно большое количество вещей»⁴. Б. Шейфер выражается еще более решительно: «Хотя классовые интересы, как утверждает марксизм, временами и разделяют, на протяжении длительного периода все классы видят в нации лучшее средство удовлетворения своих интересов...»⁵

¹ См., например, *R. Emerson, Paradoxes of Asian Nationalism*, «Far Eastern Quarterly», vol. XIII, № 2, February 1954, p. 137, 142.

² *W. Schorger, Nationalism in the Arab World*, «Nationalism in the Middle East», p. 30, 34.

³ *H. Kohn, General Characteristics of Nationalism in the Middle East*, «Nationalism in the Middle East», p. 66.

⁴ *R. Emerson, Progress of Nationalism*, «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 77.

⁵ *B. Shafer, Nationalism: Myth and Reality*, p. 170.

Побуждаемые классовыми интересами и политическими симпатиями, буржуазные идеологи обычно объявляют «интегрированными нациями» нации Западной Европы и особенно американскую нацию. «Соединенные Штаты, — пишет Р. Страус-Хюпе, — все еще представляют собой единую нацию, а не «две нации», как Англия Дизраэли или любая крупная европейская страна в настоящее время»¹. Что касается Востока, то здесь имеются, согласно мнению этих теоретиков, только две подлинные нации — японская и турецкая. «Никакая другая азиатская или африканская нация, — утверждает Г. Кон, — не является еще тем, что я мог бы назвать нацией. Я не сомневаюсь, что этот факт является результатом характерных особенностей этих наций и их руководства»².

Каковы же эти «характерные особенности»?

Оказывается, нации Азии и Африки «мало показывают созидательного действия» и разделены на «очень немногих богатых, становящихся богаче, и огромную массу бедного люда, становящегося беднее»³. Чтобы стать полноценными, т. е. «интегрированными, нациями», народы Азии и Африки должны, по утверждению Г. Кона и других американских буржуазных теоретиков, следовать примеру американской нации и ее «национальной идеи», воспринять у нее концепции «либерализма», «компромисса», «умеренности» и «терпимости». Не довольствуясь столь общими пожеланиями, Г. Кон откровенно заявляет: «То, что необходимо в этих странах..., — это капитализм»⁴. Так идеалистическая концепция помогает Кону подойти к нужным для него политическим выводам.

Попробуем, однако, разобраться подробнее в понятии «интегральная нация».

Правильно утверждение, что капитализм, разрушая феодальную замкнутость и сословные перегородки, создает на основе высокоразвитого товарного производства большую «социальную мобильность». В этом смысле в странах Азии и Африки, где существуют еще

¹ R. Strausz-Hupé, *The Zone of Indifference*, p. 140—141.

² H. Kohn, *General Characteristics of Nationalism in the Middle East*, «Nationalism in the Middle East», p. 63.

³ Ibidem.

⁴ Ibid., p. 66.

феодалы и племенные пережитки, эта «мобильность» сегодня меньше, чем, скажем, в США. Спекулируя на этом преимуществе развитого капитализма по отношению к неразвитому капитализму и докапиталистическим формациям, реакционные идеологи пытаются «упразднить» нации Азии и Африки. Заодно они протаскивают и другую, характерную для буржуазной науки идею — идею о нации как высшей форме общности, в которой «растворяются» классовые различия, и на основе ее стремятся поддержать миф о стирании классовых граней или даже об отсутствии классов в США.

Но факты показывают, что социальные контрасты, их глубина не являются и не могут быть критерием существования нации. И порождаемый капитализмом рост «социальной мобильности» отнюдь не означает какого-либо размывания классовых перегородок и не открывает перед трудящимися выхода (в рамках буржуазного общества) из их бесправного положения. Американской нации, самой «интегрированной», с точки зрения реакционных буржуазных теоретиков, свойственна резкая социальная полярность. В 1957 г., например, рабочий класс, служащие и трудящиеся фермеры — свыше 76% населения страны — получили, согласно данным официальной статистики, лишь 46,8% национального дохода США. В то же время небольшая группа капиталистов тратила 10% национального дохода на предметы роскоши. Сами реакционные теоретики порой, проговариваясь, приоткрывают завесу над истинным положением вещей. «Имеется, конечно, — признает Э. Решауэр, — *большая разница* в богатстве, силе и престиже среди отдельных американцев...»¹

То же самое мы видим в Англии. Здесь в 1955 г. рабочим, ремесленникам и трудящимся-фермерам принадлежало лишь 32,3% национального дохода страны.

Не менее надуманным является и другой признак «интегрированной» нации — «общая созидательная деятельность». Общественная жизнь в капиталистических странах — классовая борьба, забастовочное движение, борьба широких слоев населения за мир, выступления трудящихся против колониальных авантюристов империали-

¹ E. Reischauer, Wanted: an Asian Policy, p. 220 (курсив мой. — К. Б.).

стов — является подтверждением того, что буржуазные нации разделены на враждебные классы и социальные группы. История показывает, что сама буржуазия ставит свои классовые интересы выше национальных, нередко предавая последние ради получения максимальных прибылей.

Разумеется, положения марксизма-ленинизма о том, что в каждой буржуазной нации есть две нации, что буржуазию и пролетариат разделяют антагонистические противоречия, что классовая общность пролетариата выше национальной и носит не только национальный, но и интернациональный характер, отнюдь не означают ни отрицания, ни даже умаления значения национальной общности, национальных интересов.

Однако по мере роста реакционности буржуазии и ее перехода на рельсы антинациональной политики рамки общности национальных интересов между пролетариатом и буржуазией неминуемо суживаются и единственным выразителем национальных интересов выступает пролетариат.

Исходя из этого, можно с известным основанием говорить о наличии у народов Азии и Африки подлинно общенационального и очень конкретного созидательного дела, имея в виду их борьбу за национальную независимость, за уничтожение колониального гнета и его остатков. Буржуазные идеологи относятся весьма неодобрительно к такого рода деятельности (о чем они нередко говорят в своих работах), называя ее «негативной». Однако это и есть настоящие созидательные действия, направленные против колониализма и феодализма и дающие народам освободившихся стран возможность выйти на путь самостоятельного исторического развития.

Таким образом, понятие «интегральной нации», как и другие определения нации, выдвигаемые буржуазными теоретиками США, являются плодом субъективистского и идеалистического извращения действительности. Они используются для трактовки в колониалистском духе проблемы возникновения наций и национально-освободительного движения в странах Азии и Африки и служат основой для реакционных политических выводов, которые отвечают целям современного колониализма.

§ 2. А. Тойнби и Ф. Нортроп о «столкновении цивилизаций»

Теоретической основой для рассмотрения американскими исследователями вопроса об источниках возникновения нации, национально-освободительного движения и национализма в странах Азии и Африки являются распространенные в буржуазной социологии положения о взаимодействии «цивилизаций» в историческом развитии, о противоположности западной и восточной «цивилизаций», или культур; о «контакте» Запада и Востока. Эти идеи наиболее полно изложены в работах известного английского историка А. Тойнби и видного американского социолога Ф. Нортропа, опубликованных в послевоенные годы¹.

Известные ученые, Тойнби и Нортроп снабжают «фундаментальными» теоретическими аргументами менее солидных разносчиков идеологического товара, обслуживающих нужды колонизаторов. Было бы, конечно, преувеличением утверждать, что все или даже большинство буржуазных ученых непосредственно исходят из развиваемой Тойнби и Нортропом концепции, однако именно в ней заключены или в обобщенном виде изложены положения, служащие методологической основой для рассуждений многих буржуазных идеологов.

Для работ Тойнби и Нортропа характерно также то, что в них без труда обнаруживается преемственность между прежней и современной идеологиями колониализма и становится ясным, что новая идеология сохраняет, хотя и в измененном виде, основной «теоретический» арсенал традиционного колониализма.

Положения о «встрече», «столкновении» цивилизаций выдвигаются Тойнби и Нортропом как универсальная философия истории, призванная объяснить ход событий как в прошлом, так и особенно в настоящем. Они широко применяются для «анализа» основного противоречия нашей эпохи — противоречия между социалистической и капиталистической мировыми системами — в целях известного идейного обоснования империалистической политики разделения мира на блоки.

¹ См. А. J. Toynbee, *Civilizations on Trial*, London, 1948; А. J. Toynbee, *The World and the West*, London, 1953; F. S. C. Northrop, *The Meeting of the East and the West*, N. Y., 1947 (1952—2nd Edition); F. S. C. Northrop, *The Taming of Nations*, N. Y., 1954.

В рамках данной работы концепция Тойнби и Нортропа анализируется лишь в той мере, в какой она используется для трактовки некоторых проблем современного национально-освободительного движения.

* *
*

Известно, что для Тойнби вся человеческая история, за исключением первобытного общества, — это совокупность цивилизаций, либо сменяющих друг друга, либо (что особенно характерно для настоящего периода и связано с прогрессом коммуникаций) сосуществующих и взаимодействующих. Тойнби различает пять современных «цивилизаций» — православно-христианскую, мусульманскую, индийскую, дальневосточную и западно-христианскую, или западную.

Само понятие «цивилизация», стоящее в центре рассуждений английского ученого, не отличается ни четкостью, ни оригинальностью и заимствовано в значительной степени у Шпенглера, что отмечают и буржуазные ученые¹. Наряду с термином «цивилизация» и в том же смысле Тойнби использует, подменяя одно другим, понятие «общество» (а иногда и культура).

Каждая «цивилизация» — это целостное образование («органическое целое»), совокупность взаимозависимых и внутренне объединенных явлений. Связывающим, объединяющим началом любой цивилизации служит культура. Основой же культуры, ее внутренним содержанием Тойнби объявляет религию. «Религия, — говорит он, — заняла центральное место в моей картине универсума»². В своей книге «С Востока на Запад» Тойнби вновь подчеркивает: «Мировые религии — буддизм, христианство, индуизм, ислам — дали человеческой расе огромные духовные преимущества в течение этих нескольких тысячелетий своего существования сре-

¹ См., например, *R. Strausz-Hupé, The Zone of Indifference*, N. Y., 1952, p. 52; «Toynbee and History», ed. by A. Montagu, Boston, 1956, p. 77, 130, 188, 274.

² *A. J. Toynbee, A Study of History. What I am Trying to do*, «International Affairs», vol. 31, 1955, p. 4.

ди нас; и мы можем предполагать, что будущее также будет принадлежать им, а не национализму, коммунизму, фашизму, социализму, или любой другой современной секуляризированной идеологии»¹. Он заявляет также, что «весь мир сегодня находится в состоянии духовного бедствия в результате утраты соприкосновения со своими наследственными религиозными традициями»². Главные современные «цивилизации» Тойнби выделяет именно по религиозному признаку.

Одни из цивилизаций Тойнби объявляет динамичными, растущими, другие — статичными, остановившимися. Динамичность цивилизации определяется прежде всего ее способностью с силой «возражать», реагировать на «вызовы», которые бросает ей история. Эти «вызовы», в числе которых мы находим природные («вызов» бесплодных земель, «вызов» моря и т. д.) и общественные факторы, вместе с «ответами» на них образуют механизм и движущую силу исторического развития или (что для Тойнби то же самое) развития цивилизации.

Взаимодействие, контакт, столкновение цивилизаций — один из главных факторов их развития. «...Сравнительное изучение хода и последствий... встреч между цивилизациями, которые являются современными, есть, — подчеркивает Тойнби, — один из ключей к пониманию истории человечества»³.

Из встречающихся цивилизаций одна бывает культурно более развитой (речь, как легко можно догадаться, идет о западной цивилизации) и оказывает интенсивное воздействие, проникая в традиционную систему ценностей другой цивилизации.

Внедрение чужеродного культурного элемента вызывает глубокое внутреннее потрясение, «отравляет» соответствующую цивилизацию. Ведь каждая цивилизация — это органическое целое, и нарушение традиционной деятельности той или иной ее части вызывает расстройство всей системы. Кроме того, вторгшийся элемент иностранной культуры влечет за собой и другие составные части своей культуры, «от которой он

¹ A. J. Toynbee, *East to West*, London, 1958, p. 49.

² *Ibid.*, p. 71.

³ A. J. Toynbee, *The World and the West*, Preface, p. V.

(элемент. — К. Б.) насильно и неестественно оторван». Для пояснения этих мыслей Тойнби проводит аналогию с разложением атома, при котором составные частицы безобидного химического элемента, будучи вырванными из привычной системы атома, перестают быть безвредными и становятся опасно «коррозивными».

Пример разрушительного столкновения цивилизаций, пример «вносящего смятение» воздействия западной цивилизации Тойнби видит на современном Востоке. Наряду с техникой особую роль, по его мнению, здесь сыграли свойственные Западу, более того, специфически западные, «вирус национализма» и «институт национального государства». Будучи изолированы от своей среды и «искусственно» перенесены в цивилизацию Востока, они-де произвели разрушительное действие, выразившееся в огромном подъеме национально-освободительного движения в странах Азии и Африки, в преобразованиях, меняющих лицо этих стран.

Если, утверждает Тойнби, принцип национализма и национального государства был сравнительно безвредным, когда действовал в Западной Европе, то, распространившись за ее пределы, особенно в Восточную Европу и Юго-Восточную Азию, он привел к разрушительным последствиям; здесь вспыхнуло пламя «преследования, выселения и резни»¹. В качестве доказательства Тойнби охотнее всего ссылается на опыт бывшей Британской Индии. Он пишет: «Английское правление не давало обитателям субконтинента удобств национальной независимости, но оно предохраняло их от бедствий, которые были платой за национальную независимость в Восточной Европе и Западной Азии. С 1947 г. история индийского субконтинента пошла по восточноевропейскому образцу. Сегодня вопрос таков: как далеко по этому трагическому пути будут вынуждены пойти Индия и Пакистан?»²

Таким образом, если послушать Тойнби, получается, что принцип национальной независимости, идея национального государства, национализм органически чужды цивилизациям Востока или даже несовместимы с ними.

¹ A. J. Toynbee, *The World and the West*, p. 70.

² A. J. Toynbee, *East to West*, p. 98.

Любопытны параллели, которые проводит Тойнби между национально-освободительной борьбой народов Азии и Африки и некоторыми событиями далекого прошлого. Если верить маститому историку, восстание макковеев в Палестине под руководством Бар-Кохбы во II в. н. э. было точной копией движения махдистов против английских колонизаторов; борьба народов Индокитая и Малайи против французских и британских империалистов за национальное освобождение — двойником антиэллинских выступлений палестинских евреев и иранских племен. Самого поверхностного сходства — наличия в обоих случаях туземных войск, обученных иноземцами, — оказывается для британского историка достаточно, чтобы поставить знак равенства между восстаниями египетских отрядов царя Птолемея и индусских сипаев.

Какими бы нелепыми ни казались эти аналогии, они вполне закономерны в рамках концепции английского профессора. Поскольку каждая цивилизация, рассуждает Тойнби, развивается циклически, проделывая в общем одни и те же этапы, вращаясь в заданных плоскостях, то всякое событие современности имеет своего прототипа или даже двойника в историческом прошлом. И те могучие общественные движения, которые сейчас преобразуют мир, в том числе национально-освободительная борьба народов Азии и Африки, являются, согласно утверждениям Тойнби, лишь сколком с революций, войн, волнений, насилий, которыми «бурлил и терзался» греко-римский мир в последнем веке до нашей эры.

Итак, национально-освободительное движение, национализм в странах Азии и Африки есть результат «контакта», «столкновения» западной и восточной цивилизаций, есть болезненное выражение «кризиса» во взаимоотношениях между этими цивилизациями, а также кризиса самих цивилизаций, вызванного главным образом проникновением изолированных элементов культуры Запада (в первую очередь принципа национальной независимости) в чуждую им среду Востока. Кстати сказать, признавая, что Запад вот уже 400 лет выступает в качестве агрессора по отношению к странам Азии и Африки (правда, с оговоркой, что речь идет о культурной агрессии), Тойнби утверждает вместе с

тем, что нынче роли переменялись, и Запад «обороняется» от «агрессии» Востока.

Субъективистский и тенденциозный характер взглядов Тойнби бросается в глаза. Начнем хотя бы с рассмотрения центрального понятия концепции Тойнби, так называемой цивилизации. Оно является, как мы видели, весьма туманным, поскольку Тойнби отбрасывает конкретно-исторический фундамент, исходя из которого только и можно сформулировать научное понятие цивилизации — общественно-экономическую формацию, и заменяет его религиозными учениями¹.

Известно между тем, что религия никогда не определяла развитие человеческого общества. Даже в средние века, когда влияние церкви было необычайно велико, развитие духовной и особенно материальной культуры шло в значительной мере независимо от нее. Более того, неизменное падение роли и значения церкви в политической, экономической и культурной жизни является одной из характерных особенностей поступательного развития человечества и одним из выражений исторического прогресса. Социальные изменения, успехи в области науки и культуры, раздвигающие горизонты человеческого знания и превращающие людей в хозяев природы и общественных отношений, в корне отвергают религию, сеящую невежество и предрассудки, внушающую слепую покорность «судьбе».

Разве не бесплодны и не наивны попытки представлять, например, современный Китай в рамках конфуцианства или смотреть на нынешнюю Индию через призму индуизма? И хотя стремление отстоять свои религиозные убеждения было в странах Азии и Африки одной из форм сопротивления колонизаторам, освобождение и возрождение этих стран отнюдь не сопровождается, несмотря на усилия некоторых групп в национальном движении, ростом влияния религии.

¹ Правда, он не придерживается скрупулезно и этого принципа, очевидно, в целях сохранения целостности своей надисторической схемы. Например, выделяя по признаку православия восточнохристианскую цивилизацию, он не разделяет западное христианство на католичество и протестантство. Без видимых оснований Тойнби исключает из числа действующих религий иудаизм и ту ветвь буддизма, которая преобладает в Бирме, Камбодже, Таиланде и Цейлоне.

Исходя из религиозного признака при разделении мира на цивилизации, Тойнби расчленяет человеческую историю не в соответствии с общественно-историческими ступенями, выделяющими сходные этапы в развитии различных стран и народов, а по надысторическим «религиозно-культурным» и географическим признакам. В результате общие закономерности истории полностью выпадают из поля зрения и заменяются «закономерностями» развития цивилизаций, а вместо единого исторического процесса рисуется картина эволюции замкнутых (несмотря на «столкновения») религиозно-социальных образований. Абсолютизируется специфика цивилизаций, а социально-экономические закономерности, например превосходство капиталистической формации над феодальной, выдаются за особенности западной или иных цивилизаций и религий.

Под пером Тойнби понятие цивилизации теряет большую часть своего конкретного содержания. Понятно, что такое буржуазная, феодальная, наконец, античная цивилизация. Но что имеется в виду, когда речь идет о «западной цивилизации»? Если даже предположить, что это цивилизация группы народов Западной Европы (Тойнби, впрочем, сюда включает и Америку), то где проходит граница этого «Запада»? Как поступить, например, с Чехословакией: в довоенное время она, по схеме Тойнби, несомненно, составляла часть западной цивилизации, однако с установлением народно-демократического строя она нередко исключается из нее буржуазными учеными. Видимо, граница «Запада» определяется в зависимости от политических симпатий исследователя. Но даже при подобном допущении остается непонятным, о каком этапе развития «западной цивилизации» идет речь. За последние 2500 лет в Европе сменилось три цивилизации и сложилась четвертая — социалистическая. Какую из них имеет в виду Тойнби, остается неясным, ибо его концепция, хотя и не отрицает идею развития, практически ее игнорирует.

К каким нелепым выводам можно прийти, исходя из такого представления о цивилизации, показывает хотя бы следующий пример. И древняя рабовладельческая Греция, и Франция времен раннего феодализма, и нынешняя капиталистическая Великобритания — все они

объединяются, по Тойнби, «западной цивилизацией». Но неужели можно всерьез утверждать, что современная Англия ближе к Франции времен Пипина Короткого, чем, скажем, к Японии наших дней.

Еще более неопределенно понятие «восточной цивилизации». Если, говоря о современном Западе, можно подразумевать с известным основанием капиталистическую цивилизацию (что, разумеется, не имеет в виду Тойнби), то в отношении современного Востока, учитывая большое разнообразие в уровнях развития стран Азии и Африки, подобное понятие «цивилизации» лишено сколько-нибудь ясного смысла¹.

Наконец, Тойнби лишает цивилизацию конкретного содержания и в смысле национальной, самобытной формы. Она исчезает, растворяется в понятиях «западная цивилизация», «восточная цивилизация».

Человечество идет по дорогам истории как целое, развиваясь в соответствии с общими закономерностями. В то же время оно состоит из национальных отрядов, каждый из которых развивается в известной мере своеобразно. Действие общих закономерностей в конкретных условиях отдельных стран, различных народов образует конкретное содержание истории. Это находит отражение в науке, которая изучает человеческую историю как историю отдельных стран, народов на основе понятия общественно-экономической формации. Мы видели, что Тойнби отбрасывает это понятие. Одновременно он противопоставляет свою «цивилизацию» и всему национальному. Он презрительно третирует нацию и национальное государство как «геттоподобные»². Тем самым он и в этом отношении лишает историю конкретности.

Удивительно ли, что цивилизация превращается у Тойнби в весьма неопределенный конгломерат, куда маститый историк может включить все, что ему заблагорассудится. Такая операция («очищение» цивилизации от ее конкретно-исторических черт и социальной основы) создает английскому профессору существенные теор-

¹ Если не подразумевать под этим групповое сходство или различие культур тех или иных народов, которое, по Тойнби, не является ни в малейшей мере определяющим моментом для «цивилизации».

² Тойнби забывает, что даже религиозные общины, столь для него важные, организованы в национальных границах.

ретические и политические удобства. Оставаясь на идеалистических позициях, Тойнби может, хотя бы внешне, сводить концы с концами. Научный же анализ общественного строя, взаимоотношений классов лишил бы Тойнби подобной лазейки. А так он то и дело заменяет социальные термины и категории, отвечающие подлинному предмету его исследования, терминами и категориями, позаимствованными из других наук, например психологии. Он говорит о «смятении» и «напряжении» цивилизаций, о «раздвоенности» и «беспокойстве», возникающих в «душах» людей внутри «культурно-облучаемой» цивилизации. Весьма характерно само название главы (в неоднократно упоминавшейся книге «The World and the West»), которая обобщает закономерности «столкновения» цивилизаций: «Психология столкновений».

«Освобождая» историю от ее социально-экономического содержания, от классовой борьбы, переводя отношения между «цивилизациями» на рельсы «культурных контактов», Тойнби пытается вести читателя наиболее безопасным с точки зрения буржуазной идеологии путем, обесцвечивать и извращать смысл событий, подводить к нужным политическим выводам.

С помощью подобного приема Тойнби фальсифицирует, например, вопрос об источниках возникновения национально-освободительного движения и национализма в странах Азии и Африки. Он ни слова не говорит о колониальном угнетении, о том, что именно против империализма направлено это движение. Социально-экономическая проблема, тесно связанная с реакционной ролью капитализма и империализма, в особенности западноевропейского и американского, превращается в проблему столкновения культур. Надуманным конфликтом между «цивилизациями» Востока и Запада подменяется реальный конфликт между колонизаторами и народами, борющимися за освобождение, реальная проблема ликвидации колониализма. При этом в целях «спасения» концепции обходится молчанием и тот факт, что национально-освободительное движение в Азии было направлено также против колонизаторской политики Японии, которую уж никак нельзя отнести к Западу.

Тщетно пытается скрыть Тойнби, что описываемый им «контакт» Запада с Востоком — это не просто «диа-

лог» цивилизаций, а борьба колониального Востока против империалистического Запада, в ходе которой народы Азии и Африки выступают за уничтожение колониального рабства, охраняемого империалистическими державами Запада, за равноправие в международных делах, за ликвидацию отсталости и т. д. Ведь взаимодействие цивилизаций восточных и западных народов происходит с нарастающей интенсивностью на протяжении веков, а «встреча» Запада и Востока, которая так беспокоит Тойнби и которая, по его мнению, привела к «кризису» Запада, произошла в наши дни. Эта «встреча» на деле *есть результат восстания колониальных народов против империалистических угнетателей*. Да и «Запад» Тойнби — не западная «цивилизация» или западная культура. Это — империалистический Запад, который он по существу противопоставляет социалистическим странам и национально-освободительному движению народов Востока. «Запад» Тойнби не имеет ни географической основы (в него включается, например, Турция), ни культурной или религиозной общности. Это — политическая группировка, объединенная империалистическим курсом.

Политический генезис «Запада», о котором говорят Тойнби и другие буржуазные теоретики, подтверждается и тем фактом, что вкладываемый в это понятие смысл неодинаков у различных «теоретиков». Если у Тойнби «Запад» имеет европоцентристский характер, то у его американских единомышленников ядром «Запада» (идейным, культурным и всяким иным) становятся США.

На протяжении веков — в течение всего нового времени — Европа, особенно Западная Европа, находилась в центре мировых исторических событий. А страны Азии и Африки, превращенные в колониальную периферию Европы, были в бесправном положении: их судьбы решались в Лондоне и Париже, Гааге и Брюсселе.

Однако уже в начале XX в., с перемещением из Западной Европы центра революционного движения, оттуда стал перемещаться и центр мировых событий. Наше время внесло новые поправки в европоцентристскую модель исторического процесса. Социалистический лагерь, раскинувшийся на безбрежных просторах Европы и Азии — от Одера и Нейсе до Сахалина, от Бал-

тийского моря и Северного Ледовитого океана до Адриатического и Южно-Китайского морей — превращается в решающий фактор развития человеческого общества. Сбрасывая цепи колониализма, поднялись к историческому творчеству народы в Азии и Африке. Возникшие здесь молодые национальные государства играют все большую роль в международных отношениях, в мировой политике. Роль капиталистической Европы в международных отношениях изменяется и потому, что в самом лагере империализма Соединенные Штаты Америки все активнее наступают на позиции европейских держав, стремясь низвести их до уровня своих сателлитов.

Европейские буржуазные политики и идеологи пытаются, подобно Тойнби, отстаивать положение Европы как центра «западной цивилизации», культуры, центра западного мира. Им также хотелось бы сохранить привилегированное положение Европы в противовес странам Азии и Африки.

Однако такие усилия не могут принести успеха. Национально-освободительное движение народов Востока неодолимо. Попытки противодействовать ему лишь ослабляют позиции западноевропейских держав, которым, как говорилось, угрожает экспансия монополий США. Будущее Европы неразрывно связано с отпором американскому империализму, с социальным прогрессом, с дружественным отношением и помощью народам Востока, столь пострадавшим от европейских колонизаторов. Здесь кстати надо сказать, что народы Азии и Африки выступают не против «Запада» или «западной цивилизации», а против западных колонизаторов. «Мы не настроены против Запада, — говорил президент Индонезии Сукарно. — Мы можем, как это мы действительно делаем, иногда выступить против того, что называют Западом. Но это не диктуется антипатией к Западу». Есть лишь «одна черта Запада, которую мы и вся Азия совершенно отвергаем и будем отвергать. Эта черта — колониализм»¹.

Но вернемся к приведенным выше историческим параллелям Тойнби. Они построены на основе чисто внешнего сходства. Верно, что движение, скажем, Бар-

¹ Сукарно, Индонезия обвиняет, стр. 357.

Кохбы и борьба махдистов имели религиозную идеологическую оболочку, были связаны с идеей «мессии», а в восстаниях египетских отрядов царя Птолемея и индийских сипаев действовали туземные войска, обученные иностранцами. Однако достаточно обратиться к общественной, классовой стороне этих явлений, подойти к ним исторически (а именно от этого уклоняется Тойнби), чтобы увидеть глубокое и принципиальное их различие.

Если движение макковеев против римских завоевателей и восстание египтян против царской власти развивались внутри античного общества, то борьба махдистов и сипаев была направлена против колониализма капиталистических держав накануне превращения капитализма в империализм.

Еще более нелепо проводить аналогию между антиэллинскими выступлениями иудеев и иранских племен в рабовладельческую эпоху и антиколониальной борьбой народов Вьетнама и Малайи в эру упадка империализма и укрепления мировой социалистической системы (не говоря уже о том, что, например, народ Вьетнама наряду с национально-освободительными решает и социалистические задачи). Но Тойнби нужны такие параллели: с их помощью он пытается лишить общественные явления их специфики, доказать сходство национально-освободительного движения народов Азии и Африки с борьбой «варваров».

Изгнав, по существу, из понятия цивилизации социально-экономическое содержание, Тойнби пытается затем «обосновать» исключительность «западной цивилизации». Он выдает за ее неотъемлемые, специфические качества характерные свойства капитализма, особенно его прогрессивные по сравнению с предшествующими формациями черты. Цивилизация Востока, наоборот, характеризуется как «закостенелая», «неспособная к развитию». При этом Тойнби бесцеремонно извращает исторические факты. Рисуя, например, картину «столкновения» восточной и западной «цивилизаций», он настойчиво и многократно говорит о «смятении» и «расстройстве» в традиционной цивилизации Востока как следствиях этого «столкновения».

Спору нет, Европа, а затем и США действительно оказывали серьезное влияние на страны Азии и Афри-

ки, в результате которого подтачивалась феодальная и дофеодальная социальная структура (а не «восточная цивилизация») в этих странах. И подтачивал ее не «Запад», а западноевропейский и американский капитализм, выступавший в роли угнетателя и грабителя колоний. Не случайно же средневековый Запад, как признает сам Тойнби, был не в состоянии оказать подобного «разрушительного» влияния на страны Азии и Африки, которые в то время находились в основном на той же, феодальной, ступени общественного развития. Эти страны не подпали под колониальное иго, и национально-освободительного движения, естественно, не возникло.

Так же обстоит дело и с пресловутой исключительной «радиоактивностью» «западной цивилизации» и культуры, которая по существу означает большую по сравнению с феодализмом «радиоактивность» (пользуясь терминологией Тойнби) капитализма. Однако это было опять-таки не проявлением преимущества «западной цивилизации», а результатом превосходства одной общественно-экономической формации над другой. Социализм, победивший теперь и во многих районах Востока, обладает несравненно большей притягательной силой, чем когда-либо обладал капитализм, именно потому, что является самой передовой общественной системой.

Запад (в том числе и США) утратил былую монополию в области науки, техники, культуры. Социалистические государства благодаря преимуществам своего общественного строя все более превращаются в центр мирового технического и научного прогресса. Их достижения могут использовать народы освободившихся стран, которые, таким образом, получают реальную возможность избавиться от навязываемого империалистами «западного образа жизни».

Росказни об особой «радиоактивности» «западной цивилизации» опровергаются также фактами серьезного воздействия культур восточных народов (кстати сказать, замалчиваемого Тойнби и Нортропом до такой степени, что это вызывает критику в их адрес даже со стороны американских буржуазных ученых¹) на европейскую

¹ См. К. Deutsch, *The Growth of Nations: Some Recurrent Patterns of Political and Social Integration*, «World Politics», vol. V, № 2, January 1953, p. 192.

культуру в период средневековья, особенно раннего и среднего, да и в более поздний период. Достаточно вспомнить о влиянии арабской литературы, искусства, философии и прикладных наук, о влиянии китайских мыслителей и китайского ремесла, индийского искусства и т. д., чтобы стала очевидной абсурдность утверждений Тойнби.

Квалифицируя цивилизацию Востока как «пассивную», менее «радиоактивную», Тойнби, по существу, спекулирует на том факте, что колониальное иго обрело страны Азии и Африки на длительный застой, оттеснило их на задворки исторического прогресса. Вину за такое положение, созданное колонизаторами, Тойнби пытается свалить на народы Азии и Африки и возвести это положение в «теоретический» принцип, в историческую «закономерность», объявляя «пассивность» неотъемлемым качеством этих народов.

Между тем пресловутая «пассивность» народов Азии и Африки является частью цены, которую уплатило человечество за успехи капиталистического прогресса на Западе. Расцвет капитализма в западных странах на основе первоначального накопления и затем империалистическое развитие Запада, с одной стороны, и порабощение стран Азии и Африки, их отсталость и нищета — с другой, связаны между собой неразрывно, являются звеньями единой цепи исторических событий.

Ограбление колоний было одним из главных источников первоначального накопления. По некоторым данным, только за 60 лет (от 50-х годов XVIII в. до второго десятилетия XIX в.), имевших огромное значение для развития английского капитализма, Великобритания вывезла из Индии ценностей на сумму от 500 млн. до 1 млрд. ф. ст., не считая доходов от неэквивалентной торговли. В то же время средний доход на душу населения в Британской Индии снизился, по данным англичанина В. Дигби, за период с 1850 по 1900 г. более чем в 3 раза¹.

Индустриализация Западной Европы и США сопро-
вождалась превращением колониальных и зависимых стран в их аграрно-сырьевые придатки.

¹ «Economic Growth: Brazil, India, Japan», p. 105.

Успехи в области образования на Западе сочетались с усилиями колонизаторов держать в темноте и невежестве массы в колониальных странах. В Индонезии в 1940 г. $\frac{9}{10}$ населения было неграмотным. Зато колониальные «культуртрегеры» познакомили народы Китая и Вьетнама с опиумом, индейцев Северной Америки — с виски, а народы Северной и Экваториальной Африки — с водкой, ввоз которой в эти районы только с начала второй мировой войны возрос в 8 раз. Президент Индонезии Сукарно имел все основания заявить: «...Мы стали отсталым народом только в результате чрезвычайно долгого влияния империализма... Наша отсталость не является естественной, а является отсталостью искусственной, отсталостью, которая прививалась нам в течение столетий»¹.

Ту же мысль подчеркивал Дж. Неру: «Почти все наши нынешние большие проблемы порождены британским господством и являются результатом британской политики: княжества; проблема меньшинств; различные монополистические группы, британские и индийские; острый недостаток в промышленности и заброшенность сельского хозяйства, исключительная отсталость социального обслуживания и, более всего, трагическая нищета народа»².

Специфически западным, якобы неотъемлемым от «западной цивилизации» и чужеродным Востоку свойством Тойнби объявляет, как отмечалось, и «национальный принцип». Распространение этого принципа в странах Азии и Африки расценивается им как один из главных факторов «расстройства» цивилизации Востока, выражением которого и является возникновение национально-освободительного движения. Для доказательства тезиса о «несовместимости» национального принципа с условиями Востока Тойнби прибегает к прямому искажению исторических фактов. Умалчивая о кровопролитных национальных войнах в Европе XVIII и XIX вв., он утверждает, что, в то время как на Западе национальный принцип осуществлялся гладко и права национальных меньшинств уважались, на Востоке применение этого принципа вызвало огромные трудности и кровавую борьбу. В качестве примера Тойнби приводит столк-

¹ Сукарно, Индонезия обвиняет, стр. 199—200.

² Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 326.

новения мусульман и индусов при провозглашении независимости Индии и Пакистана. Но он «забывает», что подобные конфликты, хотя и в меньших масштабах, происходили в период английского владычества в Индии. Более того, именно английские колонизаторы раздували религиозную рознь в Индии и, в частности приложили руку к тем кровавым столкновениям, которые в качестве «аргумента» пытается использовать Тойнби.

Утверждения Тойнби противоречат действительной истории. Существование наций связано с «западной цивилизацией» лишь постольку, поскольку эта цивилизация является капиталистической. По мере того как капитализм становится «перезрелым», особенно с переходом его в империалистическую стадию, буржуазия в значительной степени отказывается от национального принципа. Она попирает его в отношениях с малыми и колониальными странами и нередко жертвует им, идя на уступки более крупному империалистическому хищнику в угоду своим классовым интересам. Это происходит сейчас в некоторых странах Западной Европы. В этом смысле не будет ошибкой утверждать, что принцип национальной независимости в настоящее время особенно актуален в странах Азии и Африки и пользуется там поддержкой более широких социальных слоев, чем на империалистическом Западе. И не кто иной, как империалисты, пытаются, правда безуспешно, помешать утверждению в этих странах принципа национальной независимости.

Что же касается национальных конфликтов, то они действительно имеют место в капиталистическом мире и выливаются порой в кровавые столкновения. Однако они не связаны с особенностями стран Запада или стран Азии и Африки, ибо бывают и тут и там. Все дело в другом — в капиталистических порядках, в системе эксплуатации, в господстве эксплуататорских классов, чья политика порабощения наций и служит причиной национальных столкновений. В мире социализма такие явления отсутствуют. Нерушимая дружба, сплывающая народы Советского Союза — русских и узбеков, украинцев и казахов, белорусов и армян, грузин и азербайджанцев и т. д., — не могла бы возникнуть, если бы не были уничтожены гнет царизма и капитализма.

Трактовка Тойнби особенностей капитализма как специфических качеств «западной цивилизации» служит основой для выводов, политический смысл которых не вызывает сомнений. Речь идет о средствах, выдвигаемых Тойнби для «гармонизации» отношений между Западом и Востоком и разрешения напряжения, в котором-де пребывает вся Азия.

Это, во-первых, «вестернизация» Востока, т. е. усвоение им «западного образа жизни». Хотя Тойнби не раз говорит о социологической равноценности различных цивилизаций, на самом деле он, как мы видели, ставит «западную цивилизацию» в совершенно исключительное положение. Она одна, по его утверждению, сохраняет необходимые для развития творческие силы.

Поскольку же «западная цивилизация», являясь самой «радиоактивной», должна служить основой для «всемирной» цивилизации, а другие цивилизации не могут перенимать лишь *отдельные* ее черты, странам Востока предлагается идти по пути «неограниченного» усвоения «западного образа жизни». Тойнби восторженно отзывается о современной Турции, где, мол, поняли, что достижения Запада «не могут быть усвоены без понимания всего разума и души западного общества» и где проводят политику «полного обращения... к западному образу жизни»¹.

Заклиная народы Азии и Африки принять всю «западную цивилизацию», Тойнби делает исключение лишь в отношении коммунистического учения, которое, по его мнению, будучи «западной ересью», не может принести облегчения этим народам.

Излишне доказывать, что все эти рассуждения выглядят как призыв к «незападным народам» отказаться от своей самобытной культуры и духовных богатств (а принимая во внимание смысл его понятия «цивилизация», — и от политической независимости) и пойти по пути, угодному и выгодному представителям «западной цивилизации».

Во-вторых, поскольку принцип национальной независимости внутренне присущ «западной» и чужд «восточной» цивилизации, а Запад, по утверждению Тойнби, к тому же отказывается от него, английский историк

¹ A. J. Toynbee, *The World and the West*, p. 74.

увещевает народы Азии и Африки отвергнуть этот «узкий» и «устаревший» принцип, заменить его «более широкими политическими объединениями». В отказе народов Азии и Африки от национальной независимости, которая квалифицируется как «анахронизм» и даже как «угроза» «цивилизации», Тойнби видит еще одно средство ликвидации конфликта между Востоком и Западом.

Бесспорно, историческое развитие объективно ведет к тесному сближению народов, и марксисты, более чем кто-либо другой, видят необходимость такого сближения и выступают за него. Однако путь к нему лежит через слом насильственных форм связей между странами, через завоевание национальной независимости, которая не имеет ничего общего с национальной замкнутостью и в современных условиях не препятствует укреплению дружественных отношений между народами.

Разумеется, Тойнби, как и другие буржуазные авторы, ратуя за то, чтобы страны Азии и Африки отказались от национального суверенитета, не говорит об этом слишком прямолинейно. В большинстве случаев он не забывает хотя бы упомянуть о том, что подобный отказ должен носить всеобщий характер, быть обоюдным для развитых и для экономически отставших стран. Но это не более чем уловка. Ведь страны Азии и Африки и страны империалистического Запада находятся в совершенно различном положении. Для первых национальная независимость и национальная государственность — утвердившиеся явления, вторые же только добиваются их, ниспровергая колониальное иго. В таких условиях призыв отказаться от «узкого» принципа национального суверенитета звучит в устах Тойнби — представителя государства, которое имело огромные колониальные владения и пытается сохранить их остатки, — как проповедь отказа от антиимпериалистической борьбы, как проповедь колонизатора.

* *
*

Обратимся к Ф. Нортропу. Его книги «The Meeting of the East and the West», 1947 г., и «The Taming of Nations» получили широкую известность в научных кругах США и оказали влияние на многих буржуазных иссле-

дователей. В некоторых отзывах первая из этих работ характеризовалась даже как «великая», могущая «вполне... воздействовать на ход истории», как «одна из немногих за последние десятилетия серьезных и компетентных попыток философского и научного синтеза»¹.

Справедливости ради следует указать, что Нортроп довольно запальчиво критикует Тойнби, называя его концепцию «политикой силы», выступающей «под маской исторической эрудиции». Тем не менее сходство взглядов Нортропа и Тойнби по основным, принципиальным линиям в рассматриваемом вопросе является несомненным. Можно утверждать, что Нортроп повторяет круг идей Тойнби (или наоборот).

Центральным для Нортропа является понятие «культура». Именно культура составляет, по его мнению, основу развития и формирует особенности цивилизации. Разъясняя значение этого термина, Нортроп не скрывает своих идеалистических установок. «...Культуры с различными политическими, экономическими и религиозными идеалами, или ценностями, — пишет он, — имеют свои основания в различных философских концепциях о природе человека и универсума»². Культура, таким образом, сводится преимущественно к идеологии, которая в свою очередь выводится из философии.

Нортроп подчеркивает, что «исторические факты и явления» подчиняются «идеологическим принципам», что «социальные отношения — не первые причины», а являются «эффектами, проистекающими из теорий». Правда, в другом месте Нортроп заявляет, что «философские, политические, экономические и религиозные убеждения являются не единственными факторами, придающими обществу его вид. Имеются... и неидеологические факторы»³. Однако перечень этих «неидеологических факторов» говорит сам за себя — голод, болезнь, климат, «безумие в каждом из нас и во всем человечестве» и даже «диспепсия премьер-министра» наряду с «другими бесчисленными вещами», среди которых тщетно искать экономические и социальные моменты.

Выводя особенности культуры из философии, Нортроп одновременно пытается доказать тесную связь и

¹ «Philosophy of Science» № 3, July 1950, p. 229.

² F. S. C. Northrop, *The Meeting of the East and the West*, p. 437.

³ *Ibid.*, p. 479.

даже общность религии и философии, обуславливаемую якобы их одинаковым предметом — природа человека и универсума — и «единым» основным принципом. Таким принципом является, по Нортропу, принцип «закономерности» («логоса»), лежащей в основе жизни человека и природы и подлежащей теоретическому и эстетическому познанию.

Отсюда только один шаг до объявления религии столь же или еще более важным, чем философия, фактором формирования культуры. И Нортроп делает этот шаг. «Способ жизни, который мы называем западной цивилизацией, — пишет он, — происходит из двух источников: религии Старого и Нового завета, науки и философии греков»¹.

Более того, если, рассуждая об европейской и американской культурах, Нортроп уделяет большое внимание «философии культуры» (часто, правда, толкуемой как философия религии), то, обращаясь к Востоку, он кладет в основу культуры по существу лишь религию. Чтобы понять культуру Индии, утверждает Нортроп, достаточно анализа буддизма, индуизма, магометанства. Для Нортропа, как и для Тойнби, религиозные признаки служат базой для выделения и характеристики двух главных цивилизаций — «западной» и «восточной». При этом в интересах «целостности концепций» сбрасываются со счетов и глубокие различия религий в рамках каждой «цивилизации» (католическая, протестантская, православная, индуистская, буддистская, даосистско-конфуцианская) и даже география: например, с целью доказать «единство» культуры Востока на религиозной основе из него исключаются страны Среднего и Ближнего Востока, хотя принадлежность их к Востоку подтверждается любым географическим справочником.

Поскольку развитие культуры является, по мнению Нортропа, главным содержанием исторического прогресса, соотношение между культурами, их «совместимость» или «несовместимость» (*compatibility or incompatibility*) есть первоочередной фактор, определяющий характер взаимоотношений между народами, а также положение внутри различных стран. Это особенно верно, по мнению Нортропа, в отношении современного

¹ F. S. C. Northrop, *The Taming of Nations*, p. 69.

периода, когда контакт между культурами в связи с успехами в развитии коммуникаций является, как никогда, интенсивным и многосторонним¹. Но истоки культуры, как утверждает Нортроп, ведут к философии. Поэтому проблема взаимоотношений между народами претерпевает еще одно превращение: она становится прежде всего философской. «Основная проблема, — пишет Нортроп, — выступает философской по своему характеру, ее решение предполагает философию культуры»².

По-своему откликаясь на огромный размах национально-освободительного движения народов Азии и Африки, наносящих все более мощные удары по империализму, Нортроп выдвигает как основную проблему современности «встречу Востока и Запада», каковую он представляет как встречу и конфликт двух цивилизаций. Он признает, что острота и даже само возникновение этой проблемы связаны с тем, что «каждая часть Востока покинула свою традиционную, пассивную, воспринимаящую позицию и начинает воздействовать на Запад своим существованием и своими ценностями»³. Нортроп даже утверждает, что Восток требует изменения не только «военных, политических и экономических решений» Запада, но и самих его «культурных идеалов».

Спрашивается, почему «встреча» (используя терминологию Нортропа) Запада и Востока обязательно выливается в конфликт между ними? Может быть, потому, что пробуждение Востока есть восстание колониальных народов против поработителя — империалистического Запада, пытающегося помешать их освобождению и спасти систему колониального гнета? Ведь, например, в СССР и в социалистическом лагере в целом бок о бок живут как восточные, так и западные народы, однако дело обходится без конфликтов.

Нет, уверяет нас Нортроп, все дело во взаимодействии «восточной» и «западной» культур, в их глубоком различии, в их особенностях. Каждый способ познания

¹ См. «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», September 1959, p. 3.

² F. S. C. Northrop, *The Meeting of the East and the West*, Preface, p. X.

³ Ibid., p. 429.

природы состоит, по мнению Нортропа, из двух элементов: «1) непосредственно воспринимаемого фактора и 2) вытекающего из него теоретического компонента»¹. Специфической чертой «западной культуры» является особое развитие «теоретического компонента». Для восточной же культуры характерен «чувственный компонент». В отличие от западной религии, построенной из постулированных положений, восточные религии опираются на интуитивные элементы.

Нортроп дает далее обобщающее определение «смысла» «восточной» и «западной» цивилизаций: «*Восток... исследует вещи со стороны их эстетического компонента; Запад исследует вещи со стороны их теоретического компонента*»². И далее следует вывод, что «восточная цивилизация», как имеющая дело в основном с фактической стороной явлений и событий, устойчива, склонна к застою и менее способна к развитию, чем «цивилизация Запада».

Смысл этих рассуждений Нортропа, прикрытый плотной завесой туманных фраз и квазифилософских определений, далеко не нов и заключается в объявлении теоретического, логического мышления привилегией западных наций, а примитивного, чувственного познания — уделом народов Азии и Африки. Перед нами все тот же заскорюзлый шовинизм колонизаторов, хотя и в несколько обновленном словесном одеянии.

Видимо, защищаясь от критики, прозвучавшей после выхода работы «*The Meeting of the East and the West*», Нортроп в книге «*The Taming of Nations*» заявляет, что его-де неправильно поняли, что «эстетический компонент», обозначая непосредственность, не имеет в виду одной чувственной непосредственности. Нортроп утверждает, что его рассуждения не означают, будто «азиатский ум физически или неврологически не способен думать западным (все-таки западным! — К. Б.) способом»³. Однако поправляется Нортроп из кулыка в рогожку. В самом деле, он пишет: «...Разница между азиатской и западной мыслью не есть разница между научным и ненаучным знанием... Это — разница между научным знанием, ограничивающимся тем, что пони-

¹ F. S. C. Northrop, *The Meeting of the East and the West*, p. 300.

² Ibid., p. 375.

³ F. S. C. Northrop, *The Taming of Nations*, p. 131.

мается непосредственно, и научным знанием, которое в дополнение к этому вводит теоретически сформулированные законы, связанные со спекулятивным прыжком... за пределы непосредственности»¹. Как мы видим, эти «новые» рассуждения по существу ничем не отличаются от прежних.

Поскольку основополагающие, синтезирующие принципы «западной» и «восточной» цивилизаций, по мнению Нортропа, глубоко различны, «встреча» данных цивилизаций и приобретает форму конфликта. Это, вторит Тойнби Нортроп, не политическая, не социальная, а главным образом культурная проблема. Американский социолог даже делает попытку трактовать национально-освободительное движение в странах Азии и Африки, рост которого он не может отрицать, как «культурное» явление не только в смысле происхождения, но и по содержанию. Он объявляет «национализм» «культурализмом», гальванизацией традиционной цивилизации, и только. «Поистине не национализм, — пишет Нортроп, — а возрождение туземного культурализма несется потоком по миру»².

Ликвидация колониального ига открывает путь для возрождения и бурного развития самобытной культуры народов Азии и Африки. Однако это отнюдь не означает укрепления, а тем более возрождения архаических социально-экономических форм, как пытается утверждать Нортроп. Такие цели преследуют лишь крайне реакционные группы и группки, кстати, нередко связанные с империалистами.

Напротив, когда империалисты изгнаны и больше не могут поддерживать обветшавшие социальные отношения, создаются реальные возможности для их ликвидации. И нельзя не согласиться с К. Паниккаром, когда он расценивает утверждения, подобные тем, которые высказывает Нортроп, как «довольно курьезную концепцию истории». «Всякое движение назад, — пишет Паниккар, — исключается приходом новых социальных, экономических и исторических сил, которых никакая азиатская страна до сих пор не знала»³. Действительно, завоевание национальной независимости странами Азии

¹ F. S. C. Northrop, *The Taming of Nations*, p. 130.

² *Ibid.*, p. 177.

³ Цит. по кн.: J. Arnault, *Procès du colonialisme*, p. 261.

и Африки сопровождается постепенной ликвидацией (правда, зачастую принимающей затяжной характер) средневековых отношений. Кроме того, развитие культуры в этих странах на данном этапе является частью процесса национального освобождения, ликвидации колониализма и его последствий.

Концепция Нортропа становится еще более ясной, когда мы узнаем о предлагаемых им средствах ликвидации «конфликта» между «Западом» и «Востоком». Именно здесь заключен, по признанию самого Нортропа, основной смысл его работ. Как и Тойнби, Нортроп видит главную задачу современности в «гармоничном», «правильном» и «безопасном» соединении «восточной» и «западной» цивилизаций. Но как решить эту «фундаментальную культурную проблему»?¹

Хотя формально он признает необходимость объединить культуры, однако это объединение сводится у него, как и у Тойнби, к одностороннему введению «западных путей в возрождающуюся азиатскую культуру» и сохранению местной культуры лишь в той степени, в которой она «совместима» с западными нормативами. Нортроп пространно рекламирует «уникальность» западной и особенно американской культуры. Третируя Англию «как вышедшую из моды и неэффективную» державу, он не жалеет слов для восхваления США².

Выступая за «универсализм», Нортроп, подобно Тойнби, воюет против принципа национальной независимости, против «плюрализма политических наций». Он пугает народы Азии тем, что применение этого принципа в странах Азии приведет к кровопролитным войнам, столь знакомым Европе. Аргументируя свою точку зрения, он утверждает (и вновь мы слышим голос Тойнби), что принцип национальной независимости — это «феномен Запада» и мало или вовсе не совместим с культурными условиями Востока. В «*The Meeting...*» Нортроп шел еще дальше, пытаясь обосновать несовместимость с «национализмом» самого центрального «эстетического» принципа «восточной цивилизации», а следовательно, всей философии и религии в странах Востока. Нортроп не только раскрывает нам духовное

¹ См. *F. S. C. Northrop, The Taming of Nations*, p. 107.

² См. *ibid.*, p. 321, 323, 330.

содержание мирового «культурализма», к которому зовет, но и указывает на некоторые начальные его формы («малые культурные политические единицы»). Ими оказываются нынешнее «движение на Европейском континенте» (очевидно, имелось в виду НАТО, а также провалившееся впоследствии «Европейское оборонительное сообщество») и Британское «содружество» наций¹.

Как видно, взгляды, развиваемые Нортропом, мало чем — в основном терминологическими ухищрениями да еще спецификой некоторых положений, выдающих в Нортропе выразителя интересов американских империалистов, — отличаются от соответствующей концепции англичанина Тойнби. То же стремление объявить политическую, социальную проблему «чисто культурной» проблемой с целью затушевать существо вопроса и прийти к нужным выводам, то же произвольное деление на мировые «цивилизации», та же отрицательная оценка национально-освободительного движения и национализма в странах Азии и Африки, то же высокомерно-шовинистическое отношение к «восточной цивилизации» и националистическое восхваление «западной» культуры и т. д. Причем Нортроп, как представитель американской империалистической буржуазии, претендующей на былую роль англичан на Востоке, рекламирует американскую культуру. Это «удивительное» сходство не может быть объяснено одним лишь влиянием Тойнби на Нортропа или наоборот. Его причины лежат в общей для всех империалистов враждебности народам, вставшим на путь борьбы за свое национальное освобождение.

Как и Тойнби, Нортроп ставит на голову процесс общественного развития. Вместо того чтобы толковать духовную культуру как вторичное по отношению к материальным отношениям людей, он объявляет сами эти отношения производными от пресловутой «культуры». В рамках «культуры» анализируются факты и отношения социального, экономического и политического порядка. Они приобретают в его рассуждениях совершенно извращенный вид: империалистический гнет и колониальные завоевания выступают как культурное влияние и проявление динамичности «западной цивилизации»;

¹ См. F. S. C. Northrop, *The Taming of Nations*, p. 279, 285, 308.

национально-освободительное движение народов Азии и Африки и их конфликт с империалистическими державами Запада становятся проявлением несовместимости эстетического и теоретического компонентов «западной» и «восточной» культур, а задача разрушения колониальной системы и установления равноправных отношений между народами превращается в проблему «культурного синтеза» Запада и Востока.

Иными словами, за «культурными» категориями таится явный политический смысл. И его не удастся скрыть даже при помощи замысловатых терминологических фокусов. В самом деле, что скрывается за самим расчленением мира на Восток и Запад, находящихся в состоянии конфликта? Это — политическое деление, которым пытаются замаскировать борьбу между колониальными державами Европы и США, с одной стороны, и пробудившимися народами Азии и Африки — с другой. И вопреки утверждениям Нортропа и многих других реакционных идеологов народы Азии и Африки объединяет в этой борьбе, как справедливо подчеркивал видный общественный деятель Индонезии Р. Абдулгани, в первую очередь общая враждебность к империализму, а не одинаковые истоки культуры¹.

Это признают и некоторые публицисты на Западе. Так, американский журнал «Current History» писал об арабских странах, что их единство «...черпает свою силу из единодушного сопротивления западному колониализму. Когда враги арабов идут против них с танками и парашютистами или более тонким оружием западной колониальной дипломатии, национализм, а не ислам, является оружием, избранным для защиты...»²

Разве за назойливыми дифирамбами «уникальной» американской культуре и призывами принять ее повсеместно как самую свежую и универсальную не скрываются претензии США на мировое господство? Разве об интересах развития различных культур или об их плодотворном взаимном влиянии печется Нортроп, когда обрушивается с нападками на национальную независимость и «национализм» в странах Азии и Африки? И совсем нелепым в этом («культурном») смысле является

¹ См. *R. Abdulgani, The Asian-African Conference in Retrospect, «Foreign Affairs Reports» (Delhi) № 8, August 1955, p. 101.*

² «Current History», June 1957, p. 330.

объявление Британского содружества наций «культурно-политической единицей». Ведь в него входят Англия и Пакистан, Южно-Африканский Союз и Индия, Канада и Цейлон — страны, чьи культуры, даже если исходить из того понимания культуры, которое выдвигает Нортроп, весьма далеки друг от друга.

И, наконец, не политическим ли приемом является объявить нападение Японии на Пирл-Харбор одним из проявлений «культурного давления» Востока на Запад? Сваливая в одну кучу японский империализм, национально-освободительное движение и национализм в странах Азии и Африки, Нортроп стремится отыскать известные «основания» для утверждений об агрессивности последних.

Пренебрежительно относясь к культуре народов Азии и Африки, Нортроп отказывает ей, как мы видели, в «теоретическом» компоненте и считает ее уделом непосредственной «наивное созерцание». Однако такие утверждения совсем не соответствуют историческим фактам. Кому не известно, что народы Востока подарили людям замечательные достижения человеческой мысли, такие, как алгебра, начала астрономии, изобретение бумаги, книгопечатания, технологии изготовления фарфора и хлопчатобумажной ткани и многие другие. Или Нортроп полагает, что можно создать алгебру, изобрести порох и придумать шахматы без теоретического мышления?

Буржуазный ученый Леви Провансаль пишет, что исламская мысль «оказывала влияние и определила частично развитие мысли и знания европейцев в века до Ренессанса»¹. А Бласко Ибаньес рассказывает, что принесли с собой арабские завоеватели на Пиренейский полуостров: «В Испании возрождение не пришло с севера с ордами варваров; оно пришло с юга, с арабами-завоевателями. . . Это была в большей мере цивилизаторская экспедиция, чем завоевание. В период с VIII и до XIII в. здесь создалась и развилась самая великодушная и самая роскошная цивилизация в Европе средних веков. В то время как народы Севера истребляли друг друга в религиозных войнах и жили варварскими племенами, население Испании увеличилось более чем

¹ «Démocratie Nouvelle», Mai 1957, p. 299.

до 30 миллионов, и в этом множестве людей смешивались и вращались все расы и все веры с бесконечным разнообразием, результатом чего были самые мощные социальные пульсации... Шелк, хлопок, кофе, лимоны, апельсины, гранаты прибыли с Востока вместе с этими чужеземцами, так же как ковры, ткани, черепица, дамасские стали и порох. И еще вместе с ними — десятичное исчисление, алгебра, алхимия, химия, медицина, космология и рифмованная поэзия. Греческие философы, почти преданные забвению, нашли спасение, сопровождая арабов в их завоеваниях: Аристотель царил в знаменитом Кордовском университете»¹.

По свидетельству французского ученого Эмиля Терсена, еще в XVII в., в царствование Людовика XIV, факультет Монпелье распространял достижения арабов в области химии и медицины. Рассказывая о битве при Пуатье, положившей конец продвижению арабов на Запад, авторы французского школьного учебника пишут: «Там можно было заметить две религии и две цивилизации: христианскую и мусульманскую. Последняя была гораздо более блестящей. Варварами при Пуатье были не арабы»².

А сколько великолепных образцов гуманистического, проникнутого глубокой мыслью искусства создано в странах Азии и Африки! Нортроп, правда, заявляет: «Восточный художник начинает с элементарных движений кисти, используемой при написании бесчисленных символов китайского языка»³. Однако этим он только разоблачает самого себя. Ясно, что так можно сказать, например, о замечательных мастерах индийской фрески вряд ли с большим основанием, чем о Леонардо да Винчи. Известно, что искусство народов Азии и Африки оказало серьезное воздействие на культуру западных народов.

Другое дело — и на этом пытается спекулировать Нортроп, — что в новое время культура стран Запада прогрессировала быстрее, а вклад народов Азии и Африки в развитие мировой культуры был относительно меньшим, чем раньше. Восточные религии сохранили

¹ Цит. по кн.: *J. Arnault, Procès du colonialisme*, p. 262—263.

² Цит. по «*Démocratie Nouvelle*», Mai 1957, p. 298.

³ *F. S. C. Northrop, The Meeting of the East and the West*, p. 317.

черты закованности в большей мере, нежели западные религии. Нет оснований, однако, искать причины этого в особенностях «западной» и «восточной» культур самих по себе. Прогрессивность капитализма сравнительно с феодализмом — вот что двинуло вперед культуру стран Запада и вызвало значительную перестройку религиозных форм, приспособляемых к требованиям буржуазного общества. Отсталость, колониальный гнет, ее поддерживавший и углублявший, обусловили значительное замедление темпов развития культуры стран Азии и Африки. А сегодня трубадуры тех, кто повинен в искусственном торможении прогресса восточных культур, цинично пытаются очернить народы Азии и Африки, объявить некоторую отсталость их культуры в определенных областях ее имманентным качеством, превратить эту отсталость в аргумент для оправдания колониального господства, для доказательства необходимости усвоения народами Азии и Африки «западного образа жизни» и отказа от национальной самобытности.

Правильность такого объяснения характера развития культуры в странах Востока подтверждается многочисленными историческими фактами. Советские республики Востока развивают свою культуру темпами, недоступными для капиталистических стран Запада. Завоевав независимость, на путь общественного и культурного прогресса вступили государства Азии и Африки.

Таким образом, развитие культуры, в том числе ее темпы (учитывая, конечно, и национальные особенности), в конечном счете определяются характером общественного строя.

Сказанное можно с полным основанием отнести и к попыткам Нортропа выдать изобретенный им «культурный конфликт» за главную причину трений и войн между государствами, за источник национально-освободительного движения. Нортроп тщательно избегает даже намек на экономические и политические основы этих явлений, в частности на колониальный гнет и стремление угнетенных народов обрести свободу.

Факты, однако, разрушают надуманную и тенденциозную схему американского социолога. Как объяснить, например, то, что национально-освободительное движение в странах Азии, которое Нортроп считает выражением «культурного конфликта между Востоком и

Западом», было направлено не только против США и европейских колониальных держав, но и против империалистической Японии, чья культура, по Нортропу, является одной из главных составных частей «восточной культуры».

Почему в Советском Союзе и во всем социалистическом лагере «встреча» восточных и западных культур не выливается в конфликт между различными странами? И почему в дореволюционной России народы нынешних советских республик Средней Азии, Казахстана и Кавказа были в «конфликте» с царским самодержавием и боролись против него? Очевидно, дело тут не в культуре как таковой, а в общественном строе, в социально-экономических отношениях. В Советском Союзе на базе социалистического строя, свободного от всех видов эксплуатации, взаимодействуют, обогащая друг друга, новые, социалистические культуры различных народов.

Пример советских республик показывает также надуманность характерного для Нортропа и Тойнби противопоставления передовой техники и науки национальной самобытности народов Азии и Африки, беспочвенность их рассуждений об «угрозе», которую будто бы несет этой самобытности прогресс. Поступая таким образом, Нортроп и Тойнби, по существу, отождествляют национальную культуру и самобытность этих народов с отсталостью. Известно, что в результате ликвидации отсталости и победы социализма народы Советского Союза, например народы Средней Азии и Кавказа, серьезно обогатили свою национальную культуру, которая заиграла новыми яркими красками.

Социальную и политическую основу имеет и проблема культурного взаимодействия между западными и восточными странами. Такая проблема (гипертрофированная и фальсифицированная Нортропом для того, чтобы скрыть подлинную сущность вопроса об отношениях между странами Азии и Африки и империалистическим Западом) существует, поскольку связи между западной и восточной культурами являются необходимыми для их развития и взаимного обогащения и поскольку все народы обнаруживают возрастающую тягу к взаимному культурному обмену.

Марксисты разоблачают попытки объявить «контакт» и «конфликт» восточной и западной культур ис-

точником и содержанием национально-освободительного движения народов Азии и Африки. Но это отнюдь не означает, что они недооценивают значения и сложности процесса взаимодействия различных цивилизаций, культур, и как части этого процесса — взаимодействия восточной и западной культур. Они, однако, подчеркивают, что, как ни сложен этот процесс, он ничем *принципиально* в сфере самих культур не отличается от любого другого подобного процесса. Сложность этого процесса связана не с особенностями культур (несмотря на всю важность этого фактора), а с колониализмом, который длительное время разрушал богатейшую культуру народов Китая, Индии и других стран Азии и Африки. Поэтому-то и в вопросе взаимодействия восточной и западной культур *главное* связано не со спецификой самих культур, а с необходимостью покончить с колониалистским наследием. И эту проблему нельзя разрешить без установления равноправных отношений между странами Азии и Африки и развитыми капиталистическими странами во всех областях, в том числе и в сфере культуры.

Проблемы, встающие перед народами Азии и Африки, в том числе проблема преодоления отсталости и мощного подъема культуры, могут быть решены не «культурным синтезом», не на основе усвоения «западного образа жизни» (даже если в отличие от Нортропа понимать под этим преодоление отсталости, овладение передовыми промышленно-техническими приемами), а в результате победоносной борьбы, сокрушающей колониальную систему, борьбы за политическую и экономическую независимость.

История полна бесчисленных примеров столкновений сторон с одинаковой в понимании Нортропа «идеологией». Стоит только вспомнить войны в основном «протестантской» Германии и «католической» Италии против «католической» Австрии, «западных» Англии, Франции, США вкупе с «восточной» Японией против «западной» же Германии в 1914—1918 гг. и многие другие факты. Вся история капиталистической Европы — это летопись бесконечных трений, противоречий и даже войн между «культурно родственными», по Нортропу, странами. Да и сегодня Европа (как и Британское «содружество») далека от того «культурно-политического» единства,

которое с таким упоением воспевал шесть лет назад Нортроп.

С другой стороны, та же история дает немало свидетельств добрососедских, дружественных отношений между государствами с разными общественно-политическими системами и даже противоположными идеологиями. В качестве примера можно было бы сослаться на опыт советско-афганской дружбы за последние 40 лет, на взаимоотношения Советского Союза с Индией, Объединенной Арабской Республикой, Камбоджей, Финляндией, Австрией и другими государствами. Эти факты показывают великую жизненность принципов мирного сосуществования между социалистическими и капиталистическими странами, принципов, которые все более утверждаются в международных отношениях.

Положительно, ни английский профессор, ни его американский коллега не в ладах с историей. Она не укладывается в их умозрительную схему. И это естественно. Ведь концепция Тойнби — Нортропа далека от объективности и порождена отнюдь не интересами развития науки. Она вызвана к жизни потребностями колонизаторов, нуждами реакционных идеологов, ведущих непосредственную и активную борьбу против национально-освободительного движения в странах Азии и Африки, политическими симпатиями ее авторов. Тойнби и Нортроп снабжают этих идеологов общей методологической концепцией, поставляют им «теоретические аргументы». Как мы увидим из дальнейшего изложения, адвокаты современного колониализма в полной мере используют соответствующие положения Тойнби — Нортропа, особенно при анализе корней возникновения наций и «национализма» в странах Азии и Африки.

§ 3. Фальсификация буржуазными учеными проблемы возникновения нации и «национализма» в странах Азии и Африки

Рассматривая проблемы возникновения наций и «национализма», адвокаты колониального гнета обосновывают благотворность колониализма и замалчивают роль империалистического угнетения как причины подъема освободительной борьбы. Таким образом, создается

идейная основа для выдвижения реакционными идеологами целой программы нормативных требований «умеренности», «благоразумия», которым должно отвечать национальное движение на Востоке, чтобы быть «достойным» породивших его «западных идеалов».

В соответствии с идеалистическим пониманием нации американские социологи видят источник возникновения наций и национальных движений в развитии и столкновении идей, прогрессе духовной культуры, а также в политической борьбе.

«Национальная интеграция, — заявляет профессор Б. Гаррисон, — в конце концов умственный (mental) процесс»¹. «Национальный патриотизм», утверждает Х. Хоскинс, объединяет различные элементы населения «в современную жизнеспособную нацию»². А профессор К. Дейч эту объединяющую и «стандартизирующую» роль отдает национальной литературе, общественному образованию, военному обучению и националистической пропаганде³. Даже национальное государство, оказывается, было создано для того, чтобы «удовлетворить эмоциональную и психологическую структуру его жителей», создано в результате «доминирующего влияния на умы людей» философии национализма, приведшей многонациональные государства к распаду⁴.

Г. Кон, например, описывает формирование американской нации следующим образом: «Новое рациональное толкование, данное французской философией английским свободам, помогло расширить исторические свободы старой страны в универсальные свободы нового света. Борьба американцев за интерпретацию английской конституции... дала рождение новой нации... Новая нация... была основана не на общем происхождении или общей религии и не была отделена ни собственным языком, ни печатными правовыми традициями от нации, от которой она хотела дифференцироваться. Она была рождена в общем усилии, в борьбе за политические

¹ «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 142.

² H. Hoskins, The Quest for Security in the Middle East, «The Annals...», July 1954, p. 138.

³ См. K. Deutsch, Political Community at the International Level, N. Y., 1954, p. 26.

⁴ См. R. Strausz-Hupé, T. Possony, International Relations, N. Y., 1954, p. 461.

права, индивидуальную свободу и терпимость... Именно *идея* «скрепляла новую нацию»¹.

Г. Кон «забывает», что сама борьба за свободу и за «интерпретацию английской конституции» имела глубокие *экономические* корни, была борьбой за независимое *экономическое* развитие, против попыток Англии задуть или по крайней мере затормозить рост промышленности и торговли в колониях Нового Света. Отнюдь не случайно акт о гербовом сборе, закон Таунсенда (о налогах на промышленные изделия) и другие подобные меры послужили сильнейшим толчком к разворачиванию колонистами освободительной борьбы. Именно *экономическое* развитие, в ходе которого образовался единый американский рынок, сложилось разделение труда и наладились интенсивные внутренние связи, лежало в основе возникновения американской нации.

Буржуазные теоретики изображают образование нации как чисто субъективный процесс. Нация рождается, утверждает Г. Кон, по желанию народа. Желание соединиться, говорит В. Томсон, конституирует людей в нацию. К. Дейч заявляет, что возникновение национального самосознания в «подходящих условиях» превращает, как правило, народ в нацию, если нация «ценится и в ней видят выигрышную карту в социальной игре на престиж, богатство и другие вещи, культурно ценные»². А заместитель директора научно-исследовательского центра при Гарвардском университете Р. Фрай так пишет о возникновении румынской нации: «Когда румыны *открыли*, что они разговаривают на одной из форм латыни, которая отделяет их от славянских и венгерских соседей, естественно, идеи языка, расы и крови вышли на первый план, и национализм *развился*»³.

Положение о том, что общественные процессы происходят только при участии людей и что в обществе одаренных сознанием существ поступки его членов неизбежно принимают форму целенаправленных действий, является азбучной истиной и не может вызвать возра-

¹ H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History, p. 19—20 (курсив мой. — К. Б.)

² K. Deutsch, Nationalism and Social Communication, p. 152.

³ R. Frye, Islam and the Middle East, «Current History», June 1956, p. 328 (курсив мой. — К. Б.).

жений. Но оно не объясняет, *почему* люди совершают именно те, а не иные поступки, живут теми, а не другими идеями. Буржуазные идеологи, утверждая, что нации возникли по желанию людей, что национальное государство было создано, чтобы удовлетворить их «эмоциональную и психологическую структуру», не дают ответа на вопрос, *почему* было время, когда этой «эмоциональной и психологической структуре» не противоречило существование государств, объединявших многие народы, *почему* в средние века границей человеческих связей и интересов были обычно феодальный удел, село, город, а в новое время идеалом стало национальное государство.

Буржуазные теоретики бессильны объяснить, по какой причине на определенном этапе исторического развития нация становится необходимой формой общности людей. Характерно, что некоторые из них откровенно признаются в неспособности дать ответ на этот вопрос. «Я оставляю в стороне, — пишет профессор Р. Эмерсон, — один очень сбивающий с толку вопрос, на который... я не способен дать удовлетворительного ответа. При рассмотрении всех других возможных в мире основ для общности возникает вопрос, почему нации должно принадлежать главенство, как это имеет место в действительности»¹.

Научно решить эту проблему можно только с позиций марксизма-ленинизма. Не оставаясь на поверхности идейных, психологических явлений, марксизм видит в материальной основе жизни общества, в развитии его производительных сил и производственных отношений объективную основу формирования нации. Этот процесс является объективным в том смысле, что его возникновение, развертывание и результаты неизбежны. Они в целом не зависят от воли и стремлений людей, хотя и протекают при их активном участии. Конкретная же форма, ход указанного процесса определяются деятельностью людей, которая в *конечном счете* подчиняется историческим закономерностям. Разумеется, национальное самосознание играет важную роль в формировании нации. Но само его возникновение говорит о том, что национальные связи получили достаточное развитие.

¹ R. Emerson, *Paradoxes of Asian Nationalism*, «Far Eastern Quarterly», vol. XIII, № 2, February 1954, p. 139.

Исходя из соображений, далеких от науки, буржуазные идеологи выступают против такого, единственно правильного объяснения и выдвигают как последнюю причину образования наций идейные, психологические или политические факторы, которые сами определяются экономическим развитием той или иной страны.

«1789 год, — уверяет Г. Кон, — был свидетелем рождения французской нации во *внезапном* порыве энтузиазма»¹. В. Холланд заявляет, что «в течение пяти лет с окончания второй мировой войны... (после десятилетий или столетий подчинения западному контролю) 8 новых наций (Индия, Пакистан, Цейлон, Бирма, Индонезия, Вьетнам, Филиппины и Корея) *внезапно* возникли»². В этих утверждениях даже не затрагивается вопрос о *формировании* наций, и это типично для концепций буржуазных теоретиков. Поскольку главное в нации, согласно их взглядам, «внутренний дух», «внутренняя воля», «общее дело» и т. д., то, как только произошли соответствующие политические события и создано государство, отвечающее этому «духу», нацию можно считать возникшей.

Рассуждая подобным же образом, Р. Эмерсон объявляет возникновение наций в странах Азии заслугой колонизаторов, следствием их политических мер. «Образование отдельных филиппинской и индонезийской наций, — пишет он, — несмотря на большую культурную и этническую гомогенность, должно быть отнесено за счет колониальных режимов»³. Он даже утверждает, что величина тех или иных национальных групп определяется «линиями, начертанными на карте» колониальными державами⁴.

История, однако, показывает, что нация не может возникнуть «внезапно», быть «учрежденной» посредством политических актов. Нация является продуктом длительного исторического развития. Такие элементы ее, как общность территории, языка, психического склада, формируются на протяжении десятилетий, веков.

¹ H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History, p. 23.

² W. L. Holland, New Trends in Asian Nationalism, «Asian Nationalism and the West», p. 3 (курсив мой. — К. Б.).

³ R. Emerson, Paradoxes of Asian Nationalism, «Far Eastern Quarterly», vol. XIII, № 2, February 1954, p. 132.

⁴ См. *ibidem*.

Причем нужна сила, которая соединила бы вместе эти факторы скрепой экономической общности и дала бы решающий стимул к образованию нации. В XVII—XIX вв., а в ряде стран и в XX в. такой силой был подымающийся капитализм.

С одной стороны, благодаря ломке феодальных перегородок происходило разделение труда в общенациональном масштабе, усиливались экономические, политические и культурные контакты людей. Капиталистический прогресс придавал более или менее завершенную форму отдельным национальным признакам и объединял в целостную общность все, что было необходимо для возникновения нации и национального государства. С другой стороны, сам капитализм в начале своего развития нуждался в национальной основе, ибо единство национального состава, тождество языка «есть важный фактор для полного завоевания внутреннего рынка и для полной свободы экономического оборота»¹. Производительные силы того времени требовали для своего развития национально-государственных форм.

Эти могучие экономические факторы обеспечили образование наций и породили непреодолимое и прогрессивное стремление к образованию национальных государств. Нация, таким образом, есть продукт развития капитализма². По своему объективному историческому содержанию образование наций и создание национальных государств является формой ликвидации феодальных порядков (а на современном Востоке — и колониальных порядков) и, естественно, происходит в процессе борьбы за уничтожение средневековых устоев как внутри стран, так и в международных отношениях.

Неравномерность развития капитализма и колониальное порабощение многих стран дают объяснение историческому факту, который отмечают, но не разъясняют американские идеологи, — разновременности для разных народов национального пробуждения. XVII—XVIII вв. и первая половина XIX в. были эпохой национальных движений, формирования наций и национальных государств для Западной Европы и Северной Америки; вторая половина XIX в. — для Центральной и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 32.

² Вопрос о формировании нации в условиях социалистического общества здесь, естественно, не рассматривается.

Восточной Европы, а XX в. — в первую очередь для Азии и Африки, где возникли и продолжают возникать новые национальные государства.

Формирование наций в различных странах происходило в неодинаковых условиях. Одни народы (русские, англичане, французы) еще до возникновения наций имели свою государственность, и нация тут рождалась в борьбе главным образом со средневековьем. Другие народы (немцы, итальянцы, славяне Центральной и Южной Европы, поляки, ирландцы и др.) жили в условиях иностранного владычества. Здесь нации складывались в борьбе не только против феодализма, но и чужеземного гнета.

Объектом иностранного господства в его наихудшей — колониальной — форме оказалось подавляющее большинство стран Азии и Африки. Становление наций в этих странах происходит как в борьбе против феодализма, так и в первую очередь в битвах с империалистами, которые являются носителями колониального гнета и стремятся сохранить отношения средневековья. В результате процесс формирования наций — и это его коренная особенность — носит здесь не только антифеодальный, но и антиколониальный, антиимпериалистический характер. При этом в современных условиях он направлен не только против американских, английских или других империалистов, но и против *империализма в целом* как системы угнетения и эксплуатации.

Исторические факты, указывающие на экономическую основу формирования наций и национальных государств, вынуждают буржуазных ученых на некоторые признания. Определенную роль играет и то обстоятельство, что убедительное научное объяснение этих проблем, данное марксизмом, не позволяет буржуазным теоретикам отмахнуться от экономического фактора.

У одних американских авторов, например у Г. Кона, это влияние проявилось в виде лишь отдельных высказываний, остающихся единичными на фоне общей довольно последовательной идеалистической концепции. Так, анализируя возникновение национального государства, Кон заявляет: «Растущая экономическая взаимозависимость требовала большего территориального единства, чем манор, город, княжество... Только такие большие объединения давали необходимый простор для

динамического духа поднимающегося среднего класса и его капиталистической предприимчивости»¹. Он также признает, что опора «национализма» — средние классы и что именно их националистические устремления были реализованы в Центральной Европе с 1859 по 1871 г.

Это, однако, не мешает Кону в то же время утверждать, что во Франции «приход национализма совпал с переходом от сельской к городской экономике, с растущим социальным динамизмом и мобилизацией капитализма»², а «подъем английского национализма в XVII веке совпал с подъемом английского торгового среднего класса. Оба они (национализм и средний класс. — К. Б.) нашли свое выдающееся выражение в политической философии Д. Локка...»³ Иными словами, процессы складывания нации и развития капитализма, по мнению Кона, не связаны внутренне между собой, а лишь совпадают по времени.

Другие американские ученые, как Р. Эмерсон, Б. Шейфер, Л. Холланд, К. Дейч и др., — и таких, очевидно, большинство — вынуждены признать значение экономического фактора в формировании наций. Однако они, открыто или скрыто полемизуя с марксизмом, признают за экономическим моментом роль лишь одной из многих сил, топят его в их взаимодействии и фактически сводят его значение на нет.

Характерны в этом смысле рассуждения Б. Шейфера. Он уверяет, что «в отличие от большинства других... исследований» целью его книги является проследить «взаимодействие идей и институтов (institutions) в формировании национализма. Допущение таково, что они (идеи и институты. — К. Б.) не могут быть разделены»⁴, если ставится задача понять процесс формирования «национализма». Б. Шейфер говорит даже об «историческом детерминизме». Он критикует тех, кто видит источник образования наций в человеческой природе или божеских установлениях, и утверждает, что не отрицает наличия «существенной меры исторической правды в... экономических версиях нации»⁵.

¹ H. Kohn, *Nationalism. Its Meaning and History*, p. 15.

² Ibid., p. 24.

³ Ibid., p. 18 (курсив мой. — К. Б.).

⁴ B. Shafer, *Nationalism: Myth and Reality*, Preface, p. VII.

⁵ Ibid., p. 42.

Сделав подобные заявления, Б. Шейфер затем на протяжении всей книги «борется» с ними, открыто нападая на марксизм и противопоставляя ему свой анализ. Он неустанно подчеркивает множественность сил, приведших к образованию наций, и невозможность рассматривать каждую из них изолированно и определять степень их важности.

«Национальные особенности, — заявляет Б. Шейфер, — получили свой вид... благодаря культуре, производству, экономическим институтам и условиям, семейным и социальным взаимоотношениям, воспитанию в детстве, образованию, пропаганде, диете, здоровью, общей среде — всему, что свойственно человеку и что характерно для времени и места»¹. Экономическому фактору, как видно, придается такое же значение, как и диете. И чем дальше следуем мы за Б. Шейфером по страницам его книги, вникаем в изложение конкретных вопросов, исторических событий, тем меньше мы находим ссылок на производство, на экономическое развитие, но все больше сталкиваемся с высказываниями, в которых первенствующая роль отводится субъективным факторам. «К двадцатому веку, — пишет Б. Шейфер, — четыре общие силы в сумме сделали нацию верховной общиной и национализм верховным чувством, это: 1) желание объединиться и успех в объединении территории и народа, 2) расширение силы национального государства; 3) рост национальной культуры и растущее сознание ее, 4) конфликты между нациями, которые стимулируют национальные чувства»². Далее он заявляет, что различия между нациями являются, с одной стороны, результатом «мириад» культурных влияний, а с другой стороны, — следствием того, что «народы воспитывались... так, чтобы они чувствовали и верили, что они разные»³. Как видно, в этих высказываниях (а первое из них является, по существу, обобщающим) уже нет и упоминания об экономическом факторе.

Следует, наконец, сказать и о том — это вообще типично для американских социологов, — что экономиче-

¹ B. Shafer, *Nationalism: Myth and Reality*, p. 40.

² Ibid., p. 167—168.

³ Ibid., p. 265.

ский фактор не только оттеснен на второй план в работе Б. Шейфера, но утратил в его трактовке свое главное содержание. Он «очищен» от социально-классовых отношений и понимается, по существу, лишь как технический («технологический») момент.

Анализ его работы наталкивает, таким образом, на вывод о том, что в формировании нации главными являются идеологические и психологические факторы, хотя открыто нигде об этом не говорится. В книге, где имеется даже специальная глава «Формирование экономического и социального базиса» («национализма». — К. Б.), по существу, нет анализа экономической основы возникновения нации и национального государства, совершенно опущены вопросы о социальной структуре, классовых отношениях, о возникновении наций в условиях национального и колониального гнета. Б. Шейфер, например, не видит различий в процессах формирования нации во Франции или Англии, с одной стороны, и в Индии — с другой, не указывает на какие-либо особенности этого процесса в Индии, связанные с порабощением ее империалистами. Начиная с многообещающих деклараций, Б. Шейфер не идет дальше отдельных высказываний о значении экономических факторов, призванных замаскировать антинаучное, идеалистическое в целом содержание его работы.

Такой же примерно путь проделывает Р. Эмерсон. Свою статью «Парадоксы азиатского национализма» он открывает критикой подхода, называемого им *ex post facto reasoning*, подхода, при котором процесс формирования наций пытаются объяснить различными «удобными», «приемлемыми» факторами. Это, справедливо отмечает Р. Эмерсон, открывает простор для субъективизма, для трактовки нации как результата божественного предопределения. Он настаивает на понимании нации как «общности» людей, объединенных совместным опытом в течение «разумно долгого прошлого», формирующего общие традиции и культуру. Однако в конечном счете Эмерсон истолковывает все это идеалистически. Нацию ведет вперед то, заявляет он, что «ее члены чувствуют, что они разделяют между собой цели, ценности, задачи, обычаи и взгляды, которые получили свои формы с незапамятных времен и которые сознают как следует только они, и могут использо-

вать как должно для руководства их коллективной жизнью»¹.

* *
*

Поскольку процесс образования наций и национальных государств был в то же время процессом развития капитализма, во главе его шла буржуазия, кровно заинтересованная в успешном исходе борьбы с феодализмом и чужеземным порабощением. Наряду с лозунгами демократии идейным знаменем, под которым буржуазия стремилась объединить народные массы, была идеология национализма. Корни этой идеологии также лежат в экономических условиях, ее возникновение и распространение связано с развитием капитализма.

В межнациональных отношениях буржуазия каждой нации всегда преследует в первую очередь экономические выгоды, добиваясь закрепления и расширения сферы своего господства в противовес буржуазии других наций. Если речь идет о буржуазии угнетенных наций, то она борется за завоевание национального рынка. Вырвавшись же из подчиненного состояния, буржуазия вскоре уже начинает претендовать на национальный рынок других стран. Национализм как идеология буржуазии отражает такие устремления.

Все это находит подтверждение в многочисленных исторических фактах, когда националисты выступают в первую очередь против той нации, чья буржуазия угрожает экономическим интересам «отечественной» буржуазии. Например, польский буржуазный национализм на пороге XX в. был в большей мере направлен против немецкой и еврейской, нежели против русской буржуазии, которая была менее опасным экономическим конкурентом. По этой же причине на Кавказе в условиях царизма грузинские и азербайджанские националисты выступали прежде всего против армянской буржуазии.

Не менее характерны антигерманская заостренность английского джингоизма в конце XIX и начале XX в.,

¹ R. Emerson, *Paradoxes of Asian Nationalism*, «Far Eastern Quarterly», vol. XIII, № 2, February 1954, p. 134.

волна антигерманских выступлений среди русской буржуазной интеллигенции перед первой мировой войной, рост антиамериканских настроений в Англии и Франции после первой мировой войны и многие другие факты.

Подобные явления происходят и в освобождающихся странах Азии и Африки. Так, национализм зарождающейся бирманской буржуазии был направлен не только против английских колонизаторов, но и против индийских бизнесменов, занимавших важные позиции в экономике Бирмы.

Буржуазные теоретики, однако, объясняют зарождение и распространение национализма идеологическими и психологическими причинами. Так, К. Дейч объявляет национализм результатом «критического самоисследования» в обществе, где «старые культурные или религиозные образцы перестали быть непреложными». Это «самоисследование» приводит людей к «воспоминаниям детства и материнскому языку», и они могут таким путем «найти» свою национальность и «общность» со своими собратьями¹.

Подобное рассуждение, конечно, не приближает нас к пониманию процесса возникновения национализма. Напротив, этот процесс приобретает под пером Дейча совершенно мистический характер. Не ясно, что имеет в виду Дейч, когда говорит об обществе, в котором произошло «обесценение старых культурных и религиозных образцов». Может быть, период серьезных социальных преобразований, переход от одного общественного строя к другому (тем более что сам Дейч говорит о «новых социальных условиях»)? Но аналогия, к которой прибегает Дейч для пояснения своей мысли, разрушает эту догадку, эту попытку внести хоть какое-то конкретное содержание в его формулу. Он ссылается на пример Платона, который-де на основе наставлений своего учителя Сократа о самоисследовании пришел к открытию общности греков и предложению прекратить междоусобную борьбу между ними.

Далее, как объяснить, что «самоисследование» приводит именно к «воспоминаниям» детства, а тем более

¹ См К. *Deutsch*, *The Growth of Nations. Some Recurrent Patterns of Political and Social Integration*, «World Politics», vol. V, № 2, January 1953, p. 184.

к «открытию» национальной общности? Не ясно ли, что рассуждения Дейча заранее предполагают существование того, возникновение чего они призваны объяснить.

Более «определенно» высказывается Г. Кон. Вопреки приводимым им самим фактам, указывающим на экономическую обусловленность, в частности, польского и ирландского национализма, он толкует процесс возникновения национализма как главным образом филиацию идей. Например, появление в странах Азии национализма в XX в. он, как и другие буржуазные идеологи, связывает с влиянием европейского просвещения и идей западного национализма.

Но если это так, то почему такое влияние сказалось (имея в виду рост национального самосознания и подъем национально-освободительного движения) лишь в конце XIX — начале XX в. и особенно после первой и второй мировых войн? Что подготовило Азию к восприятию этих идей? Мы не находим ответа на эти вопросы у буржуазных ученых.

Вопрос об источниках возникновения «национализма» в странах Азии особенно интересен и потому, что здесь теоретические установки американских социологов приобретают совершенно определенное политическое звучание. Не будет ошибкой утверждать, что точка зрения буржуазных идеологов на корни национально-освободительного движения претерпела существенное изменение. Теперь уже не так часто встречаются «теоретики», которые все объясняют интригами коммунистов и Советского Союза. Мощный подъем национально-освободительного движения, образование и укрепление в Азии и Африке десятков новых независимых государств делают все более нелепыми попытки объяснить эти грандиозные исторические события коммунистическими «заговорами». Буржуазные теоретики вынуждены признать, что национально-освободительное движение имеет свои собственные источники. Такая точка зрения в общем характерна для подавляющего большинства американских авторов наряду с определенным разнообразием в их взглядах на конкретные причины движения.

Ее, например, высказал председатель Правления Совета по международным отношениям (полуофициальная организация, близкая к правительственным кру-

гам) США Дж. Макклой. В предисловии к книге директора «Русского института» Г. Робертса «Россия и Америка. Опасности и перспективы», написанной для Совета, он заявляет: «Мы должны остерегаться стремления объяснять все политические и экономические события в этом беспокойном мире советскими происками и хитростью, и мы должны проявлять больше склонности считать их такими, как они есть... Не Советский Союз создал в Азии, на Среднем Востоке, в Северной Африке... все проблемы, стоящие перед нами»¹. С этим заявлением перекликается высказывание Г. Кона, считающего «большой ошибкой» объяснять «революционные изменения, происходящие повсюду в мире, как коммунистические». «Волнения в Кубе и Алжире, — пишет он, — порождены условиями этих стран, а не коммунистическим влиянием»².

Известное изменение тактики буржуазных идеологов в освещении этого вопроса не означает, конечно, ослабления антисоветской и антикоммунистической направленности их «теоретических» изысканий. Напротив, клевета на коммунистов в соединении с вновь сфабрикованной басней о «советском колониализме» еще более, чем прежде, используется реакционными идеологами, которые доходят до самых фантастических измышлений вроде заявления о том, что Советский Союз «поддерживает националистическое движение в Африке», воспитывает и обучает коммунистические руководящие кадры «в ожидании, что, манипулируя недовольством масс и националистическими символами, те смогут захватить власть в Африканской Советской Республике»³.

Однако даже такой «сдвиг» в трактовке причин национально-освободительного движения свидетельствует о частичном отступлении буржуазных идеологов от прежних позиций под напором неопровержимых исторических фактов.

¹ G. L. Roberts, *Russia and America. Dangers and Prospects*, N. Y., 1956, p. XI—XII.

² «Current History», October 1959, p. 221.

См. также Ch. Bowles, *Africa's Challenge to America*, 1956, p. 131—132; L. Battistini, *The United States and Asia*, N. Y., 1955, p. 322, «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 288.

³ J. Coleman, *Current Political Movements in Africa*, «The Annals...», March 1955, p. 96.

Одни¹ из буржуазных теоретиков (Р. Страус-Хюпе, Т. Поссопи, Росту, Хэтч и др.), рассматривая проблему в плане «извечного» расового конфликта, видят источники «национализма» преимущественно в ослаблении Запада, вызванном «одряхлением» Европы. «Можно удостовериться, — утверждают Р. Страус-Хюпе и Т. Поссопи, — что западное колониальное господство было свергнуто не туземными националистическими движениями, но главным образом в результате относительной слабости Запада, вызванной в основном междоусобной борьбой в Европе»².

Страус-Хюпе считает рост «национализма» в Азии лишь новым проявлением того давления Азии, против которого Европа «обороняется» уже 2500 лет (характерно, что XIX в. — время колониального порабощения Азии — Страус-Хюпе объявляет периодом ее «спокойствия»). В этой борьбе, заявляет Страус-Хюпе, «масса» (Азия) выступает против «формы» (Европа, Запад). В свою очередь «извечное давление» Азии Страус-Хюпе объясняет ее климатом, действием закона Мальтуса и наличием великих военачальников в условиях характерной для Азии деспотии. Единственный выход, как и следовало ожидать, он видит в гегемонии Соединенных Штатов Америки, призванной поддержать пошатнувшуюся Европу. «Баланс силы действует в Азии, как и повсюду»³, — пишут Страус-Хюпе и Поссопи, призывая США к демонстрации на Востоке своей мощи.

Точка зрения Страус-Хюпе и иже с ним имеет откровенно империалистический характер и очень близка к попыткам представить пробуждение Востока как результат коммунистического заговора. Такая точка зрения вряд ли нуждается в комментариях. Можно лишь отметить, что в этом рассуждении *один* из факторов, способствовавших росту и победам национально-освободительного движения — ослабление могущества коло-

¹ Необходимо вновь оговориться, что ввиду большой аморфности и эклектичности взглядов буржуазных исследователей это деление неизбежно является до некоторой степени условным: о направлениях можно говорить лишь в смысле преобладания той или иной точки зрения.

² R. Strausz-Hupé, T. Possony, *International Relations*, p. 462.

³ *Ibid.*, p. 805.

ниальных держав и всего империалистического лагеря — превращается в *единственную* причину возникновения национально-освободительного движения. Обходится молчанием и тот факт, что подъем освободительной борьбы колониальных народов является не только следствием ослабления империализма; он в свою очередь серьезно подрывает позиции империалистических держав.

Большинство же буржуазных идеологов, идя вслед за А. Тойнби и Ф. Нортропом, объявляют «национализм» в Азии и Африке продуктом взаимодействия цивилизаций, результатом «культурного контакта» Запада и Востока. «Национализм на Среднем Востоке, — пишет профессор Шорджер, — ... есть следствие культурного контакта и представляет собой вид культурного изменения»¹.

Так как влияние Запада, рассуждают американские социологи, заключается во вторжении чужеродной для Азии культуры, возникает необходимость «регулировки», «культурного приспособления», которые и происходят в форме «национализма». В доказательство обычно приводится тот факт, что общественные слои в странах Азии и Африки, затронутые в наибольшей степени «западным влиянием», отличаются самым высоким подъемом «национализма».

В термин «культурное влияние» («Impact of the West») буржуазные идеологи вкладывают неодинаковый смысл. Часть из них (Г. Кон, В. Томсон, В. Холланд, Р. Эмерсон, Г. Фишер, Ч. Боулс и др.) подразумевают под этим главным образом идейное воздействие, влияние идей западного национализма и просвещения. «Сама идея национализма, — пишет Эмерсон, — определено западного происхождения, и есть все основания допустить, что один только элемент имитации весьма силен в Азии»². В книге «Asian Nationalism and the West», вышедшей под редакцией В. Холланда, утверждается, что «британская система просвещения в колониях открыла двери не только великим британским традициям свободы и самоуправления, но

¹ W. Schorger, Nationalism in the Arab World, «Nationalism in the Middle East», p. 31.

² R. Emerson, Paradoxes of Asian Nationalism, «Far Eastern Quarterly», vol. XIII, № 2, February 1954, p. 137.

также и ферменту национализма»¹. Одну из «волн» национализма на Среднем Востоке Г. Кон непосредственно связывает с возникновением здесь очагов «западного образования» (особенно с деятельностью Американского университета в Бейруте. — К. Б.), которым он отводит весьма важное место «среди влияний, сформировавших современный Средний Восток»². Относительно Индии Г. Кон прямо заявляет: «Индийская нация есть творение англичан»³. В сборнике «The Idea of Colonialism» он то же говорит об Индонезии и Гане⁴. Немало буржуазных авторов считают национально-освободительное движение в Индии прямым следствием введенной здесь лордом Маколеем в 1835 г. системы образования по английскому образцу.

Вторая группа американских ученых (Э. Решауэр, Р. Фрай, Дж. Коулмэн и др.) толкуют «культурное влияние» как воздействие западной «технологии», понимаемое как влияние техники. Однако и тут все сводится в конечном счете к идейно-психологической трактовке. Вторжение машин, демонстрирующих превосходство Запада, ранило, говорят буржуазные исследователи, гордость жителей Азии. Ища способов овладения техникой, житель Азии связал-де могущество Запада с его национализмом и повернул к последнему, как к базе западной мощи⁵. «Национализм» в Азии выводится, таким образом, из порожденного психологическими мотивами стремления приспособиться к машинной технике.

Субъективизм подобных объяснений доводится до логического завершения В. Шорджером, который заявляет: «Случайная связь (между национализмом и мощью Запада. — К. Б.) была принята, и житель Среднего Востока решил, что, если он станет националистом, его страна превратится в процветающую и сильную»⁶.

Таковы основные точки зрения буржуазных теоретиков по вопросу о причинах «национализма» в странах

¹ «Asian Nationalism and the West», p. 358.

² «Nationalism in the Middle East», p. 61 (курсив мой. — К. Б.).

³ Ibid., p. 67.

⁴ «The Idea of Colonialism», p. 6.

⁵ См. R. Frye, Islam and the Middle East, «Current History», June 1956, p. 329.

⁶ W. Schorger, Nationalism in the Arab World, «Nationalism in the Middle East», p. 31 (курсив мой. — К. Б.).

Азии и Африки. Несмотря на некоторое внешнее разнообразие и терминологические вариации, все они основаны на субъективно-идеалистическом подходе и совершенно игнорируют социально-экономическую сторону проблемы. И здесь реакционные идеологи пожинают политические плоды идеалистического извращения понятий наций и национализма, «культурной» трактовки проблемы взаимоотношений между Западом и Востоком и т. д.

Замалчивание социально-экономического фактора при объяснении причин национально-освободительного движения в странах Азии и Африки дает идеологам империализма возможность, во-первых, объяснить возникновение «национализма» в этих странах «благотворным» влиянием Запада и на этой основе настойчиво призывать народы восточных стран идти по пути Запада, «породившего» эти идеи и это движение, проникнуться «свойственным» Западу духом умеренности и компромисса. Используя тот исторический факт, что нации прежде начали складываться на Западе, поскольку развитие капитализма началось там раньше, чем в странах Азии и Африки, американские социологи объявляют нацию и национализм специфическими западными явлениями.

Игнорирование экономического фактора позволяет буржуазным социологам, во-вторых, обойти вопрос о колониальной эксплуатации, замаскировав ее ничего не говорящим указанием на «контакт» между Западом и Востоком, скрыть объективную основу конфликта между империалистическими державами и колониальными народами. Ведь рассмотрение социально-экономических причин возникновения «национализма» неизбежно вскрыло бы роль империалистического угнетения Западом народов Азии и Африки.

Затушевывание связи национально-освободительного движения и национализма в странах Азии и Африки с колониальным игом диктуется также стремлением доказать, что капитализм (и империализм) не связан неразрывно с колониальной политикой, что современные капиталистические государства способны вести другую политику, основанную на признании равноправия и самоопределения наций. Недаром в работах американских социологов столь настойчиво утверждается,

что народы колониальных и зависимых стран неправильно ассоциируют капитализм с угнетением и эксплуатацией, что они-де не знают или не понимают «нового», «эгалитарного» или даже «социалистического капитализма» в странах Запада и особенно в США¹. Идеологи колониализма всеми силами пытаются скрыть *антиимпериалистический* характер национально-освободительного движения народов Азии и Африки.

Замалчивая экономический фактор, буржуазные идеологи, в-третьих, используют это для доказательства «прогрессивности» колониальной политики, для оправдания и даже апологии колониального владычества. Ведь колонизаторы, согласно утверждению американских социологов, с помощью идейного влияния, распространения образования и политического объединения подвластных территорий создали условия для возникновения нации и национального движения, что в конечном счете привело к освобождению поработанных народов. Американский публицист Е. Клоумэн пишет, например: «Нынешняя борьба слаборазвитых народов против колониализма порождена просвещением, являющимся результатом западных идей»². Ч. Томпсон, несколько не смущаясь, заявляет, что «англичане в особенности привезли идеи и практику управления на основе закона, либеральных институтов, публичной администрации и социального благосостояния в их азиатские владения»³, а Ф. Нортроп и Р. Эмерсон уверяют читателей, что империалистические державы насаждали в колониях «теорию и практику демократии». Л. Палмер энергично протестует против разоблачения колониальных порядков и против «мифов о доколониальном рае»⁴. Не жалеет красок для описания цивилизаторской миссии Франции в отношении ее «заморских территорий» французский ученый и публицист Ж. Эрар. Он доказывает, что для метрополий эта «миссия» не несет никаких выгод, является тяжелой обузой и равносильна тяжелым репарациям или сбрасыванию в море части французского национального продукта⁵.

¹ См. *E. Reischauer, Wanted: an Asian Policy*, p. 221—222.

² «The Idea of Colonialism», p. 382.

³ «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 331.

⁴ «Pacific Affairs», June 1960, p. 180.

⁵ *J. Ehrhard, Le Destin du Colonialism*, p. 44.

Поток восхваляющих колониалистскую политику высказываний бесконечен, но рекорд, пожалуй, побивают Г. Кон и Р. Страус-Хюпе вкупе с Т. Поссоны. «Наиболее опасно утверждать, — объявляет Г. Кон, — будто недостатки Среднего Востока или Индии являются виной империалистов. У меня другой взгляд. То, что является положительным в политическом появлении индийской нации, обязано, я думаю, влиянию английского склада ума»¹. Потеряв чувство меры, он утверждает далее, что «через контакт с современным Западом азиатская цивилизация и народы были вновь возрождены. . .», что «либеральная цивилизация Англии вдохнула новый дух в Азию и позже в Африку. Англия ввела конституционные реформы в ее колониях и увеличила возможности для образования и экономического развития. Она дала пример полного освобождения зависимых стран, предоставив независимость Египту. . . , Ираку»². В результате завоевания независимости, вторят ему В. Страус-Хюпе и Т. Поссоны, некоторые азиатские народы «только сменили правителей и в ряде случаев эффективных и добрых на неряшливых и жестоких, как в Индонезии»³.

Небезынтересно отметить, что апологетическая точка зрения реакционных идеологов по отношению к деятельности колонизаторов полностью совпадает с мнением официальных руководителей внешней политики западных держав. Так, выступая на сессии американской Академии политических и социальных наук в 1956 г., Дж. Аллен, в то время помощник государственного секретаря, а затем директор информационного агентства США, заявил: «Никто, кроме демагога, не может отрицать основные преимущества, которые были принесены на африканские территории европейскими державами. Поистине побуждение африканцев к превращению в современную нацию выросло из их контактов с либеральной мыслью западной цивилизации»⁴.

Как видно, государственный департамент США и реакционные идеологи обнаруживают трогательное единство в восхвалении колониализма.

¹ *H. Kohn*, *General Characteristics of Nationalism*, «Nationalism in the Middle East», p. 67.

² *H. Kohn*, *Nationalism. Its Meaning and History*, p. 84.

³ *R. Strausz-Hupé*, *T. Possony*, *International Relations*, p. 805.

⁴ «*The Annals. . .*», July 1956, p. 118.

* *

*

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о действительных источниках возникновения национально-освободительного движения и национализма в странах Азии и Африки и в этой связи показать роль колониального гнета, вернемся к некоторым из заявлений буржуазных идеологов.

Реакционные теоретики, как мы уже знаем, утверждают, что нации и «национализм» в Азии и Африке есть продукт влияния идей Запада. Однако западноевропейская культура, «западные идеи», как справедливо указывают некоторые ученые в странах Азии (например, бирманские исследователи У Ба Ньюнт и Хтин Аунг — ректор Рангунского университета) коснулись совершенно незначительной части населения и абсолютно не проникли в толщу народа. А национально-освободительное движение, подчеркивают они, это — массовое народное движение.

Предвидя возможность такого возражения и стремясь во что бы то ни стало «спасти» свою концепцию, профессор Эмерсон, например, прибегает к прямому искажению исторических фактов. Он утверждает, что в национально-освободительном движении участвуют лишь те общественные слои, которые затронуты западным образованием и культурой, — студенты, многие служащие и т. д. Известно между тем, что главная сила национально-освободительного движения — это рабочий класс и крестьянство. Именно их участие в борьбе придало ей массовость и решительность, заставило отступить колонизаторов.

Более двух столетий англичане угнетали Индию, постоянно наталкиваясь на сопротивление. Однако оно долгое время не было ни организованным, ни массовым, не имело политического руководителя. В 80-х годах прошлого века был создан Индийский национальный конгресс, ставший в первый период своего существования организацией привилегированных слоев индийского общества, так или иначе выступавших против колониального статуса. И вновь, лишенное широкого организованного участия масс, вооруженных понятной им политической программой, движение не представило серьезной опасности для колонизаторов.

Только в 20—30-х годах нашего столетия, когда на борьбу поднялись широкие народные массы и в первые ряды освободительного движения встал рабочий класс, английское господство в Индии пошатнулось. Рабочее движение, по словам видного конгрессиста, заместителя министра труда Индии Абыд Али, придало силу национально-освободительной борьбе и «оказало глубокое воздействие» на ее политическую идеологию¹. После же второй мировой войны, когда колонизаторы столкнулись с перспективой массовой вооруженной борьбы, зарницей которой явилось восстание индийских военных моряков, была провозглашена независимость Индии. И в других странах Азии и Африки победа над колонизаторами является заслугой масс.

Все это, разумеется, не означает, что распространение просвещения, в том числе из европейских стран, даже среди относительно ничтожного слоя людей, не сыграло определенной положительной роли (но ни в коей мере не решающей) в национальном пробуждении народов Азии и Африки. Из этого слоя вышло, в частности, немало руководителей национального движения. Жизнь зло подшутила над колонизаторами. Многие из людей, которым, например, английские колонизаторы давали возможность получить образование в британских колледжах в надежде воспитать преданных себе слуг и которые часто органически усваивали английское образование, манеры, вкусы и привычки, становились затем в ряды противников колониального режима.

Однако, как остроумно замечает П. Датт, даже если бы в Индии не было английской системы образования и индийская буржуазия была воспитана на санскритских ведах, она и в них нашла бы нужные ей для национальной борьбы идеи². По свидетельству индийского исследователя А. Десая, это и произошло с частью националистов вроде Бепин Чандра Пала и др., которые «нашли в перетолкованном индуизме религию национализма, а в богине Кали — обожествленное выражение этого национализма»³.

¹ См. «AICC. Economic Review» (Delhi), February 15, 1959, p. 36.

² См. П. Датт, Индия сегодня, М., 1948, стр. 309.

³ А. R. Desai, Social Background of Indian Nationalism, 1954, p. 137.

Возникновение национально-освободительного движения тем более нельзя объяснять влиянием «западных» идей, что восхваляемая реакционными идеологами система образования в странах Азии и Африки была на крайне низком уровне. Так, в Бельгийском Конго к концу второй мировой войны (после 60-летнего господства колонизаторов) не было ни одного врача, адвоката, инженера, ветеринара из местных жителей¹. Только 16 ливийцев имели высшее образование в 1951 г., когда Ливия стала независимой, а около 90% населения оставалось неграмотным. Количество неграмотных в Португальских Анголе и Мозамбике, французских Западной и Экваториальной Африке в начале 1959 г. составляло 98—99% населения. В Золотом Береге (нынешняя Гана) колониальные власти рассчитали, что для ликвидации неграмотности коренных жителей при существовавших темпах прогресса и с учетом прироста населения потребовалось бы 3500 лет.

Результаты деятельности англичан на этом же поприще в Индии, столь восхищающие Г. Кона, были таковы, что даже к моменту завоевания страной независимости в 1947 г., т. е. после 300 лет английского владычества и через 62 года после основания партии Индийский национальный конгресс, лишь 18% населения было грамотным. Когда в 1910 г. был выдвинут законопроект о введении всеобщего обязательного низшего образования, его решительно отвергли британские власти. «Никакое из колониальных правительств, — подчеркивает К. Паниккар, — никогда и не помышляло о массовом образовании»². Мало того, в навязанной Индии англичанами системе образования господствовал, как отмечает тот же Паниккар, антииндийский дух; настойчиво внушалась идея о превосходстве Запада во всех вопросах, утверждалось, что Индия не имеет ни искусства, ни истории³. Среди учащихся насаждалось, по выражению Паниккара, моральное поразенчество⁴.

¹ См. «*Démocratie Nouvelle*», août 1957, p. 486.

² К. *Panikkar*, *The Afro-Asian States and their Problems*, London, 1959, p. 59.

³ См. К. *Panikkar*, *The State and Citizen*. Asia Publishing House, 1956 p. 54.

⁴ См. К. *Panikkar*, *The Afro-Asian States and their Problems*, p. 60.

Далеки от истины утверждения реакционных идеологов и о том, что колониальные державы способствовали развитию «национализма» путем политического объединения колоний и введения единых юридических норм по отношению ко всем их жителям. На самом деле колонизаторы всеми силами препятствовали росту национального самосознания. Индийские специалисты, например Р. Рао, А. Десай и др., указывают, что Англия всячески поддерживала в Индии феодальную и общинную раздробленность, кастовость¹. Весьма красноречивые признания на этот счет можно найти и у Тойнби. Районирование Индии, пишет он, полностью противоречило «всем естественным линиям деления. Административные единицы не соответствовали ни лингвистическим областям, ни экономическим районам. Говорящие на одном и том же языке были разделены между полуостровом административных, и наоборот, округа и княжества включали в себя части нескольких лингвистических районов»².

Введенная Англией конституция предоставляла права населению Индии не как индийским гражданам, а как членам общин. Каждая община имела отдельный избирательный список, свою квоту представительства и могла быть представлена только своим членом. Британские колонизаторы старались помешать народам Индии пользоваться национальными языками, усиленно насаждали английский язык, объявив его официальным для административных и других учреждений.

Внедрение английскими империалистами в политическую жизнь Индии «теории и практики демократии», о котором толкует Р. Эмерсон, описано Дж. Неру в следующих словах: «...наш собственный опыт... оказался достаточным, чтобы мы поняли, к чему в конечном итоге ведут эти нацистские принципы и теории о жизни и государстве. *Ибо наш народ в течение долгого времени являлся жертвой именно этих принципов и методов управления*»³. Комментарии, как говорится, излишни! А «добродота» голландских империалистов, которая уми-

¹ См. *Rodando Rao*, Communalism in India, «Current History», February 1956, p. 79; *A. R. Desai*, Social Background of Indian Nationalism, p. 346.

² *A. J. Toynbee*, East to West, p. 97.

³ *Дж. Неру*, Открытие Индии, стр. 12 (курсив мой. — К. Б.).

ляет Страус-Хюпе и Поссоли, выразилась, например, в том, что только во время кровавого подавления восстания индонезийского народа против колониального ига в 1926 и 1927 гг. более 10 тыс. человек были арестованы и многие сотни из них обречены на медленную смерть в концентрационных лагерях в болотистых местностях¹. Даже голландские буржуазные авторы не могут отрицать, что колониальная администрация в Индонезии всеми мерами, в том числе жестокими репрессиями, боролась с ростом национального самосознания и национального движения в стране². О «гуманности» американских колонизаторов свидетельствует тот факт, что за сто лет их господства на Гавайских островах местное население здесь сократилось, по данным французского исследователя Ренэ Седийо, в 7 раз — с 142 тыс. до 20 тыс. человек³.

Что касается бескорыстия «цивилизаторской» миссии англичан в Индии, то его можно проиллюстрировать хотя бы следующими цифрами. Налоги, ежегодно уплачиваемые Индией английскому правительству в 60-х годах прошлого века, составляли 65 млн. ф. ст., т. е. почти 22% ее национального дохода. С индийцев взимались огромные суммы не только в виде прибылей английских капиталистов и расходов на содержание колониальной администрации, но и по таким статьям, как субсидии вернувшимся из Индии европейцам — большим лунатической болезнью, как пенсии чиновникам, служившим на острове Св. Елены в Южной Атлантике, — за тысячи миль от Индии, и т. д. Широко известно заявление лорда Керзона, сделанное в начале XX в. о том, что каждый пятый фунт стерлингов, расходуемый Англией, поступает из Индии. Еще в 1945 г. Индия уплачивала Англии ежегодно дань в 135 млн. ф. ст. Не этим ли в первую очередь объясняется тот факт, что Индия по сию пору остается одной из самых бедных стран мира? По данным американского журнала «Foreign Affairs», национальный доход на душу населения в Индии почти наполовину меньше, чем во всех слаборазвитых странах (в среднем).

¹ См. *Семаун*, Индонезия, М., 1940, стр. 46.

² См. *Justus M. van der Kroef*, The Changing Class Structure of Indonesia, «American Sociological Review», April 1956, p. 139—142.

³ См. *R. Sedillot*, Histoire de Colonisations, Paris, 1958, p. 570—571.

Издевательством над исторической правдой являются также утверждения Кона о «добровольном» и «полном» освобождении Англией Ирака, где до июльской революции 1958 г. господствовал проимпериалистический режим Фейсала — Нури Саида, и Египта, который всего пять лет назад был объектом британской агрессии. Таким образом, заявления буржуазных теоретиков о роли западных идей и западной демократии в возникновении «национализма» в странах Востока опровергаются самой жизнью. По существу, они являются отголоском теории «деколонизации», с помощью которой адвокаты монополий пытаются оправдать колониализм и принизить значение национально-освободительного движения.

Не лучше обстоит дело с «технологическим» объяснением возникновения «национализма». Национально-освободительное движение внутренне связано с серьезными социально-экономическими изменениями, с необходимостью преодолеть отсталость — наследие колониализма. Этот действительный факт «технологическая» концепция, как и концепция «культурного контакта» в целом, отражает в извращенной форме. Если оставить в стороне идеалистически-психологическое объяснение влияния техники и попытки рассматривать это влияние, так сказать, в «чистом виде», отдельно от людей, от социально-экономических отношений, то и в этом случае «технологическое» объяснение не выдерживает проверки историческими фактами. Известно, например, что знакомство с современной техникой даже очень отсталых народов (монголы в Монгольской Народной Республике, ряд народов и народностей Средней Азии, Кавказа и Севера в Советском Союзе, некоторые народности Китая) не вело к «взрыву национализма». Кроме того, народы Азии познакомились с техникой Запада по крайней мере более столетия назад, а национально-освободительное движение приняло серьезный размах лишь в последние 30—40 лет.

Где же искать настоящие причины возникновения и развития национально-освободительного движения в странах Азии и Африки?

Национальное движение в странах Азии и Африки выросло из социальных условий, порожденных империализмом и всей системой колониальной эксплуатации.

Это отмечают также ученые, публицисты и общественные деятели этих стран — немарксисты¹. В рассуждениях реакционных исследователей не нашлось, как мы видели, места для рассмотрения вопроса о колониальном рабстве, о беззастенчивом грабеже народов Азии и Африки горсткой империалистических хищников. Между тем именно колониальное рабство, прикрываемое туманным словечком «контакт», является одной из главных причин возникновения национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах.

Однако одного факта колониального порабощения недостаточно, чтобы объяснить пробуждение народных масс. Колониальный гнет существует в течение нескольких столетий, а мощный подъем национально-освободительной борьбы в Азии и Африке — событие XX в. и особенно наших дней. Силой, способствующей пробуждению колониальных народов, был в первую очередь капитализм, который вторгнулся в их жизнь, подтачивал существующую общественную структуру, способствовал росту национального самосознания, формированию новых общественных групп и их выходу на политическую арену. В этом смысле «контакт с Западом» действительно способствовал освобождению стран Азии и Африки.

Разумеется, империалисты никоим образом не были заинтересованы в экономическом и социальном прогрессе в колониях. Напротив, они искусственно задерживали развитие своих колоний. «С целью превратить Индию в рынок для английских промышленных товаров, — пишет американский экономист Елена Лэмб, — англичане запрещали создавать индийские предприятия и постепенно превратили Индию в сельскохозяйственный хинтерланд Великобритании»². Профессор В. Росту, выражаясь сугубо осторожно, признает тем не менее, что «политика империалистических держав не всегда поощряла развитие предпосылок» для экономического подъема³. Но логика экономического развития оказа-

¹ См. *K. Panikkar, Asia and Western Dominance*, p. 486, 490; *A. R. Desai, Social Background of Indian Nationalism*, p. 137—138, 341; *H. Nuseibeh, The Ideas of Arab Nationalism*, N. Y., 1956, p. 35; «Asian Affairs», December 1956, p. 341.

² «Economic Growth: Brazil, India, Japan», p. 467.

³ См. *W. Rostow, The Stages of Economic Growth*, Cambridge, 1960, p. 27.

лась сильнее их желаний и намерений. Чтобы выкачивать прибыли, нужно было прокладывать дороги, развивать средства связи, сооружать вспомогательные и другие предприятия, готовить рабочую силу. Маркс около века назад указывал на близорукость английской буржуазии, которая думала, что может ограничиться строительством в Индии одних железных дорог. Неизбежным результатом, подчеркивал Маркс, будет создание современной индустрии¹.

С вступлением капитализма в монополистическую стадию, с созданием мирового капиталистического рынка этот процесс расширился и углубился: колонии стали включаться в капиталистическое производство. Возник и рос пролетариат — передовой отряд борьбы за национальное освобождение. К концу XIX в. в Индии, например, уже насчитывалось больше полумиллиона рабочих, занятых в крупной фабричной промышленности. К 1911 г. число пролетариев, занятых на предприятиях с количеством рабочих более 20, возросло до 2 106 тыс. человек, а в 1921 г. — до 2 681 тыс. человек. Текстильные предприятия Индии, которые в 1914 г. производили только одну четверть потреблявшихся в стране фабричных хлопчатобумажных тканей, к 1934—1935 гг. удовлетворяли уже три четверти внутреннего спроса². Складывалась национальная буржуазия, которая на каждом шагу испытывала притеснения колониальной администрации и постоянно сталкивалась с конкурентами в лице иностранных предпринимателей. Росло недовольство крестьянства, его положение в условиях кризиса феодального хозяйства становилось все более тяжелым. Все классы чувствовали на себе усиление колониальной эксплуатации, в котором империализм искал выхода из трудностей. Колониализм сам создавал себе могильщиков. «Одно из самых основных свойств империализма, — указывал В. И. Ленин, — заключается как раз в том, что он ускоряет развитие капитализма в самых отсталых странах и тем самым расширяет и обостряет борьбу против национального угнетения»³.

На основе указанных объективных процессов происходит распространение идей национальной свободы и

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 9, 1957, стр. 228.

² См. *П. Датт*, Индия сегодня, стр. 165.

³ *В. И. Ленин*, Соч. т. 23, стр. 66.

социального прогресса. Известно, какую огромную роль в пробуждении народов Азии и Африки, в подъеме национально-освободительного движения этих народов сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция, расцвет социалистических наций в СССР, победа китайской народной революции, образование мировой системы социализма, явное ослабление системы империализма. Эти исторические события не только материально подорвали колониализм. Великие идеи социализма и равноправия народов оказывают огромное влияние, воодушевляя на борьбу против колониальной системы, за свободу и равноправие всех народов.

Глава III

Национализм в странах современного Востока и его американские «критики»

§ 1. За что критикуют буржуазные идеологи национализм в странах Азии и Африки

Прослеженные в предыдущей главе рассуждения буржуазных социологов и публицистов — это лишь теоретическая основа для анализа ими характера национализма¹ и его исторической роли в странах Востока. Именно в этом вопросе с особой четкостью обнаруживается проколониалистская направленность взглядов реакционных идеологов и становится ясным, насколько удобны для них придаваемые понятию «национализм» широта и «неопределенность». Они дают возможность не только проводить, как мы уже видели, идеалистическую точку зрения и сводить национально-освободительное движение к национализму, но и извращенно толковать сам национализм в странах Азии и Африки, замалчивать или чернить его антиимпериалистическое содержание.

Буржуазная наука трактует национализм метафизически как явление неизменное. Такой антиисторический подход полностью свойственен и американским теоретикам. Правда, мы можем найти у них, например у Г. Кона, оговорки, что национализм — это «исторический фено-

¹ В рассуждениях американских идеологов по этой проблеме рамки «национализма» охватывают политическую платформу и идеологию национальных движений, руководимых буржуазией, и по существу сводятся к вопросу об особенностях политики и идеологии национальной буржуазии в странах Востока, к вопросу о национализме как таковом.

мен...»¹ Однако это и подобные высказывания противоречат основному содержанию их работ.

«Историчность» метода буржуазных идеологов обычно выражается лишь в том, что они признают одновременность возникновения национализма и его неодинаковый характер в различных странах. Вопрос же об изменении общественной роли национализма в ходе исторического развития одной и той же нации даже не выдвигается ими.

Идеалистическая концепция «избавляет» буржуазных исследователей от необходимости связывать возникновение национализма с конкретными ступенями развития общества, с определенными классами, исходить из объективного критерия в оценке национализма; она ведет к поверхностному рассмотрению этих вопросов и открывает большие возможности для надуманных параллелей.

Так, Р. Эмерсон заявляет, что «национализм... всегда имеет два лица, которые могут быть персонифицированы в европейском облачении как лица Гитлера и Гердера, Мадзини и Муссолини»². Он предается глубокомысленным размышлениям о том, каким будет национализм в странах Азии и Африки, намекая, что выбор может «пасть на сторону Гитлера и Муссолини». Р. Эмерсон, разумеется, не считает нужным выяснить, что скрывается за лицами Мадзини и Муссолини, Гердера и Гитлера, т. е. прогрессивная или реакционная буржуазия, проанализировать, какой исторический этап переживают сейчас страны Азии и Африки.

Г. Кон утверждает (и с ним солидаризируется, в частности, профессор В. Томсон), что «корни национализма уводят к... древним иудеям и грекам... у иудеев и греков как раз и выжили национальный характер и духовная созидательная энергия. Именно поэтому они *живут до сегодняшнего дня*»³. В древности, заявляет Кон, у иудеев и греков возникли три основные черты национализма: идея избранного народа; «акцент на общей основе воспоминаний прошлого и надежда на буду-

¹ H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History, Preface, p. VI.

² R. Emerson, The Progress of Nationalism, «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 81.

³ H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History, p. 10 (курсив мой. — К. Б.).

щее»; национальный мессианиззм¹. Эти главные идеи в соединении с верой в индивидуальную свободу и парламент были возрождены, по мнению Кона, в английском национализме, который тем самым сопоставляется с «национализмом» античности.

Поскольку нация и национализм есть категории новейшей эпохи, рассуждения о национальном характере и национализме древних греков и иудеев совершенно ни на чем не основаны, кроме идеалистических предпосылок о «неуловимом национальном духе». Конечно, современная культура греческого народа берет начало в далеком прошлом. Однако это отнюдь не говорит о наличии у древних греков национализма и национального характера в их подлинном значении. И то и другое есть результат долгого исторического развития, утверждения капитализма, который привел к созданию греческой нации.

Нельзя отрицать и известного сходства между религиозными воззрениями древних иудеев и идеологией английской буржуазной революции. Но сходство это чисто внешнее. Маркс отмечал, что Кромвель и английский народ воспользовались языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого Завета, для своей *буржуазной революции*². Религиозная оболочка лишь прикрывала буржуазное содержание революции, была своеобразной идеологической формой, с помощью которой подымающаяся буржуазия обосновывала господство капитализма. И нужно немало воображения, чтобы отождествлять или хотя бы сближать национализм и джингоизм англичан буржуазной эпохи с чувством групповой общности у древних иудеев, равно как и национальные чувства современных греков с преданностью греков античности своему племени или полису.

Столь же произвольно Г. Кон ставит рядом в качестве однородных националистических паназиатских движений походы Чингисхана, «Небесную империю» в Китае, японскую экспансию в XIX и XX вв. Это делается, очевидно, с целью очернить лишней раз национализм в странах Азии, указать на его «извечный наступательный характер». Приходит же Г. Кон в результате данного сопо-

¹ См. *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History*, p. 10.

² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах*, т. I, Госполитиздат, М., 1955, стр. 213 (курсив мой — К. Б.).

ставления к выводу о том, что «паназиатское движение полностью порвало с западной либеральной традицией и повернуло к тоталитаризму»¹. Еще дальше идет Р. Страус-Хюпе. Он без обиняков объявляет современное национально-освободительное движение близнецом завоевательных походов Чингисхана, новым проявлением «давления», которое Азия (человек степей) оказывает на Запад².

При знакомстве с этими аналогиями американских социологов невольно вспоминаются меткие слова В. И. Ленина: «...Когда писатель... берет факт монгольского ига, — писал он, — и выставляет его как пример в пояснение некоторых событий в Европе XX века, можно ли это считать только игрой, или правильнее отнести это к политическому шарлатанству? Монгольское иго есть исторический факт, несомненно связанный с национальным вопросом, как и в Европе XX века наблюдается ряд фактов, столь же несомненно связанных с этим вопросом. Однако немного найдется людей — типа тех, кого французы зовут «национальными клоунами», — способных претендовать на серьезность и оперировать для иллюстрации происходящего в Европе в XX веке с «фактом» монгольского ига»³.

Анализ работ буржуазных ученых позволяет выделить три фактора, обуславливающие, по их мнению, характер национализма. Первый, главный, — «идея», «национальный характер», «традиция», лежащая в основе данной нации, а следовательно, и национализма. Например, согласно Г. Кону, характер французского национализма был определен философией Руссо и «Декларацией прав человека и гражданина». Немецкий национализм сформировался под влиянием философии Гегеля и его идей о государстве. Ранний национализм на Западе был «совместим с космополитическими убеждениями и с общей любовью к человечеству благодаря силе и распространенности общих стандартов западной цивилизации, устойчивости христианской и стоической традиции, заботе об универсальном человеке и вере в здравый смысл»⁴.

¹ *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History*, p. 71.

² См. *R. Strausz-Hupé, The Zone of Indifference*, p. 82, 83, 149.

³ *В. И. Ленин, Соч.*, т. 23, стр. 266.

⁴ *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History*, p. 24, 60, 15.

Объявив «национальную идею» основой национализма, Г. Кон пытается далее обосновать особый характер американского и английского национализма. «Английский и американский национализм, — пишет он, — был в своем происхождении связан с тенденциями индивидуальной свободы»¹. В работах Г. Кона и других американских ученых (Л. Снайдер, В. Эбенштейн, Р. Страус-Хюпе, Дж. Рот, Ф. Нортроп, Г. Моргентау и др.) мы находим немало дифирамбов «духу терпимости и компромисса», будто бы свойственных англосаксонскому национализму. Последняя книга Г. Кона² целиком посвящена восхвалению американского национализма.

На том же «основании», т. е. исходя из «национальных идей» и «традиций», Г. Кон в полном согласии с Тойнби весьма критически отзывается о национализме в странах Центральной и Восточной Европы и Азии. С распространением национализма на эти районы происходит, утверждает он, изменение характера национализма от «либерального гуманизма» к «агрессивной исключительности»³. Квалифицируя гитлеризм как чисто национальное явление, Г. Кон целиком выводит его из «духа» германского национализма⁴.

Профессор Р. Фрай также говорит о двух видах национализма в Европе. Один из них, свойственный Западной Европе и исходящий из концепции «родины», был основан на разуме, всеобщей терпимости. Другой же имел в качестве своей базы «кровь и расу». Именно этот вид национализма присущ, по мнению Фрая, Германии и Восточной Европе⁵.

Специфику национализма буржуазные идеологи объясняют, во-вторых, качествами государственных деятелей, руководителей и идеологов национального движения. Пытаясь объяснить агрессивность германского национализма, Г. Кон, в частности, пишет: «Несчастьем Германии было то, что она имела Бисмарка, а не Гладстона или даже Кавура»⁶. Рассуждая о перспективах

¹ *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History*, p. 29.

² *H. Kohn, American Nationalism. An Interpretative Essay*, N. Y., 1957.

³ См. *ibid.*, p. 51, 52, 53.

⁴ См. *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History*, p. 79.

⁵ См. *R. Frye, Islam and the Middle East, «Nationalism in the Middle East»*, p. 328.

⁶ *H. Kohn, Nationalism, «Current History»*, April 1956, p. 213.

развития национализма в странах Азии и Африки, американские авторы (Б. Хозелитц, Дж. Коулмэн и многие другие) также ставят его содержание и общественную роль в зависимость от «целей и задач лидеров»¹. Иногда к этому добавляются измышления о якобы присущих народам Азии традициях пассивного подчинения, об их «неспособности» к самостоятельному мышлению и привычке раболепно следовать за руководителями и т. д.

Третьим фактором, обуславливающим тот или иной характер национализма, американские социологи объявляют культурно-психологический момент. В американской буржуазной литературе широко распространено понятие *frustration* (расстройство, крушение, дезинтеграция). Оно обозначает такое состояние общества, которое характеризуется резкими социальными сдвигами, ломкой традиционных отношений. Эти явления, т. е. обострение общественных противоречий, рассматриваются, однако, не в социальном, а скорее в психологическом плане. Реакционные идеологи со свойственной им враждебностью и пренебрежением к массам говорят об их «бессмысленных страхах», якобы порожденных «растущим социальным динамизмом» и т. д. В обществе, говорят они, находящемся в состоянии «расстройства», массы, объятые смятением, легко поддаются влиянию «утопических надежд». Они ищут выхода и находят его в национализме, который (как и социализм!) выступает в таких случаях в качестве защитной, часто бессознательной реакции на «дезинтеграцию», в качестве средства «регулировки» и орудия для «взрыва массовых эмоций»².

Стоя на подобной точке зрения, Дж. Коулмэн называет национализм одной из реакций «на ситуации напряжения, лишения и расстройства, созданные культурными контактами»³, а Б. Шейфер утверждает, что национализм является для масс «выходом из группового и индивидуального смятения в то время, когда растущий

¹ См. *B. Hoselitz, Nationalism, Economic Development and Democracy, «The Annals...», May 1956, p. 7; J. Coleman, Current Political Movements in Africa, «The Annals...», March 1955, p. 96.*

² *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History, p. 24.*

³ *J. Coleman, Current Political Movements in Africa, «The Annals...», March 1955, p. 96.*

урбанизм и индустриализация расшатывают старые авторитеты»¹.

Им вторят Л. Снайдер, В. Эбенштейн, Р. Эмерсон, Дж. Рот и др. Не будет ошибкой утверждать, что чисто психологический подход к проблеме национализма становится все более распространенным в социологических и исторических исследованиях буржуазных ученых. Распространяя на современный Восток положения о «расстройстве», «регуливровке» и «бессмысленных страхах» (для чего, собственно, и выдвигается данная концепция), буржуазные социологи доходят до рассуждений о психологической «амбивалентности» и даже «шизофрении», имеющих будто бы место в общественной жизни стран Азии и Африки².

Здесь мы сталкиваемся с попытками спекулировать на реально существующих особенностях стран Азии и Африки. Национально-освободительное движение, естественно, влечет за собой социальные изменения, часто принимающие революционные формы. Истинное содержание этих процессов американские буржуазные идеологи пытаются скрыть с помощью туманных фраз о «дезинтеграции» и трактовать их исключительно в идейно-психологическом плане.

Выдавая политическую и социальную проблему за проблему психологическую, американские социологи на этом не останавливаются. Они идут дальше и переносят ее из области коллективной психологии в план индивидуальной психологии. Поведение целых народов и классов, их политические и экономические интересы рассматриваются ими через призму психологии личности, причем личности неполноценной. Анализ индивидуальной психологии ведется с позиций бихейвиоризма и даже фрейдизма. Буржуазные теоретики говорят о «расстройстве» и «бессознательном беспокойстве», о «болезненном осознании фактов» и «регуливровке», квалифицируют национализм как своеобразное «бегство в болезнь» и т. п.³

¹ B. Shafer, *Nationalism: Myth and Reality*, p. 140—141.

² См. B. Rivlin, *Cultural Conflict in French North Africa*, «The Annals...», July 1956, p. 7; D. G. E. Hall, *The European impact on Southeast Asia*, «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 45.

³ P. Linebarger, H. Hazard, *Colonialism Reconsidered*, «The Idea of Colonialism», p. 465—468.

«Психологизируя» проблему национализма, буржуазные идеологи преследуют ту же самую цель: обойти социально-экономическое содержание вопроса о взаимоотношениях между империалистическим Западом и народами Азии и Африки, поставить знак равенства между национализмом нации угнетающей и угнетенной, представить национализм в некоторых странах, особенно восточных, как своего рода общественную болезнь. Именно при помощи такого приема гитлеризм объявляется продуктом «массовой демократии», разновидностью «психологического национализма» и т. д.

Картину дополняют взгляды профессора К. Дейча, претендующего, как уже отмечалось, на оригинальность своей теории национализма. К. Дейч считает, что характер национализма определяется условиями его возникновения и развития. В XVIII в. национализм (речь идет, как нетрудно догадаться, об английском и американском национализме) формировался в тесной связи с «новым подходом» к человеку, с высокой оценкой его как индивидуума. В тех же случаях, когда возникновение национализма происходит в обстановке особенно широкой «социальной мобилизации» и когда создаются большие группы людей, оторванных от привычных условий и находящихся в состоянии неизвестности, когда тенденции национализма поддерживаются обдуманно действующими правительствами (чему Дейч придает огромное и даже решающее значение) и всеми средствами «социальных коммуникаций», тогда национализм становится «огромной попыткой превратить каналы культуры в шторм-трапы для масс индивидуумов, стремящихся к социальному продвижению и социальным привилегиям»¹.

Такой крайний, по словам Дейча, национализм означает попытку «закрыть национальный разум» и разум индивидуумов путем отказа от «коммуникаций», противоречащих выработанным «стандартам поведения». В результате прерывается «поток информации». Поведение нации в подобном случае целиком определяется прошлым, традициями и напоминает движение ракеты, у которой вышли из строя приборы управления². Национализм, утверждает Дейч, превращается в «коллек-

¹ К. Deutsch, *Nationalism and Social Communication*, p. 77.

² См. *ibid.*, p. 155, 152, 142.

тивный психоз», в силу, ведущую к «разрушению наций», к «руинам Берлина»¹. Как видно, К. Дейч по существу повторяет уже знакомые нам положения буржуазных «теоретиков», слегка прикрыв их механистическими терминами.

Объясняют ли, однако, эти положения действительные исторические явления или хотя бы утверждения самих буржуазных идеологов? Можно ли с их помощью понять, почему на заре своего развития на Западе национализм был «совместим с космополитическими убеждениями»? С чем связано изменение характера национализма в середине XIX в. в сторону «агрессивной исключительности»? Чем обусловлен «образцовый» характер англосаксонского национализма и агрессивность германского национализма? Из чего вытекает «особая сложность» национализма в странах Азии и Африки?

Вместо ответа на все эти вопросы нас отсылают к «идее» и «национальному характеру», якобы лежащим в основе того или иного национализма. Но такая ссылка вызывает лишь дополнительный вопрос: чем вызвано появление и господство именно этой, а не какой-либо другой «идеи», этого, а не другого «характера»? На данный вопрос мы не получаем ответа. Таким образом, здесь дается дефиниция при помощи понятия, которое само нуждается в определении: с помощью национальной «идеи», «национального характера», так и оставшихся «неуловимыми», хотят объяснить характер национализма.

Не вносит ясности и ссылка на руководителей и идеологов национализма. Разумеется, качества руководителей оказывают немаловажное влияние на национальное движение. Известна, например, выдающаяся роль Сун Ят-сена в китайском национально-освободительном движении. На программу национального движения в Индии заметный отпечаток наложила деятельность Ганди. Однако вряд ли можно серьезно утверждать, что их свойства, как личностей, определили характер национального движения. Напротив, сама деятельность руководителей массовых движений всегда бывает обусловлена размахом и содержанием последних. И не наивно ли полагать, что если бы не было Бисмарка, то устремления

¹ См. К. *Deutsch, Nationalism and Social Communication*, p. 153, 160.

юнкерски-буржуазного национализма Германии не выразил бы кто-нибудь другой и национализм, поэтому, стал бы менее агрессивным?! Искать объяснение характера национализма в качествах его вождей — занятие малопродуктивное.

Остается третий, и последний, фактор — «психологический». Слов нет, психологическая сторона играет особую роль в национальном вопросе. Однако здесь, как и всюду, она не имеет и не может иметь самостоятельного значения. Как ни важен психологический склад нации для ее характеристики, он сам определяется материальной, социально-экономической средой. «...Еще важнее экономика, — указывает В. И. Ленин, — чем психология...»¹ И американские социологи не могут уйти от вопроса: чем порождается та или иная психология?

Что же касается попыток объяснить эту психологию «бегством» масс от глубоких социальных перемен, то подобное утверждение опровергается хотя бы примером государств социализма. Народы этих стран осуществили самый крутой переворот в социально-экономических отношениях, однако здесь не происходит «взрыва национализма». Ничуть не убедительнее взгляды, развиваемые К. Дейчем. Он тоже уходит от главного вопроса: чем обуславливается характер национализма, почему в одних странах национализм, по утверждению Дейча, связан с «гуманистическим» и «либеральным» подходом, а в других — выливается в «коллективный психоз»? Нельзя, конечно, отрицать важную роль буржуазного государства в раздувании национализма, однако «создать» национализм и тем более предопределить его объективное историческое содержание не под силу любому государству.

К. Дейч ссылается также на «бедность» как на фактор, определяющий характер национализма, в частности в странах Азии и Африки. Экономическая отсталость этих стран, бедность, нищета масс — общеизвестные факты. Национально-освободительное движение отражает стремление масс покончить с нищетой, пойти по пути экономического и социального прогресса. Американские «теоретики», и в их числе Дейч, признавая этот факт (а не признать его нельзя), используют его,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 452.

однако, для фальсификации истины: для того чтобы, умолчав об империалистическом гнете, о разделении наций на господствующие и подчиненные, объявить движущей силой национализма в Азии и Африке «зависть бедных к богатым».

Бедность и нищета сами по себе не порождают и не могут породить национализма, а богатство не служит ему противоядием. Известно, что фашистская Германия, в которой получил широкое распространение самый оголтелый национализм, отнюдь не принадлежала к числу бедных стран (хотя страдания народных масс в кризисные 1929—1933 гг. значительно обострились), как не принадлежат к ним и современные Соединенные Штаты Америки, где шовинизм и расизм получили широкий размах.

Нет, «факторы» американских буржуазных теоретиков не объясняют даже их собственных утверждений. Интересно отметить, что некоторые американские ученые признают несостоятельность, например, психологической трактовки национализма. Так, Дж. Рот пишет: «В конце концов... «психологическая» интерпретация есть в такой же степени продукт нашего собственного времени, какой была «божественная причина» для XIII в. и «естественный закон» для XVIII в. Возможно, мы тут имеем дело только с новым «мифом» относительно природы национализма»¹. Ценное признание! Но не истина заботит реакционных идеологов. Ведь неуловимость выдвигаемых ими «факторов» обеспечивает буржуазным идеологам возможность делать нужные политические выводы, прикрывая их псевдонаучной формой, славить, как мы увидим далее, англосаксонский национализм и «критиковать» национализм в странах Азии и Африки.

* *
*

Чем же определяется характер национализма? Чтобы ответить на этот и другие поставленные выше конкретные вопросы, необходимо, очевидно, вернуться к проблеме происхождения национализма, к тому, что его порождает, чьи интересы в социально-классовом

¹ «The Journal of Modern History», June 1957, p. 113.

отношении он выражает, ибо «толковать о национальном чувстве, как самостоятельном факторе, значит только замазывать сущность дела»¹.

Марксизм-ленинизм доказал, что возникновение национализма, как и формирование нации, определяется прежде всего *экономическим* развитием общества. Тем самым был осуществлен конкретно-исторический подход к национализму и дан критерий для выявления его объективной общественной роли в различные исторические эпохи.

В национализме марксизм видит идеологию и политику буржуазии. Националисты, трактуя нацию как высшую форму общественного единства, как гармоническое целое, выдают интересы класса буржуазии за общенациональные интересы. Национализм в теоретическом и практическом отношениях представляет собой оружие, с помощью которого буржуазия стремится укрепить «единство» нации на основе своего господства и затем использовать народные массы для порабощения и эксплуатации других народов. Именно потому, что в основе национализма лежат интересы буржуазии и в нем отражаются порождаемые буржуазными отношениями антагонизмы, он всегда таит в себе элементы шовинизма, национальной исключительности, которые получают большее или меньшее развитие в зависимости от исторической обстановки, от взаимоотношений данной нации с другими, а также в определенной степени от традиций.

Однако буржуазный национализм не всегда выражает лишь узкоклассовые интересы. *Характер национализма как идеологии и политики буржуазии меняется в зависимости от исторического этапа развития капитализма, от общественной роли буржуазии, ее связей с народными массами, от соотношения классовых сил в той или иной стране, от положения данной нации в системе межнациональных отношений.*

Степень отражения в национализме в определенный период и патриотических интересов определяет его относительную прогрессивность. Неодинаковы, например, буржуазный национализм в эпоху подымающегося капитализма и капитализма зрелого, а тем более капита-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 138.

лизма эпохи империализма; национализм нации угнетенной и национализм нации угнетающей.

Возьмем период формирования наций. Процесс установления национальных связей, как уже отмечалось, был одновременно процессом глубочайших социально-экономических изменений: крушения феодализма, утверждения капитализма, торжества буржуазной демократии и буржуазных свобод. Это внутреннее переплетение, слияние социального и национального процессов и определяло общественную роль национализма, который наряду с лозунгами демократии был идейным знаменем восходящей буржуазии в борьбе против феодализма.

Хотя демократия, за которую боролась буржуазия, не выходила за рамки отношений товарного производства¹, в ней были заинтересованы и народные массы, в том числе рабочий класс, для которых это означало ликвидацию феодальной кабалы, а часто и национального гнета и, следовательно, втягивало их так или иначе в политику, создавало возможности для группировки в классы, для классовой борьбы. «Прогрессивно, — подчеркивал В. И. Ленин, — пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации»².

Все это не могло не наложить отпечатка на характер национализма, придав ему в тот период определенное прогрессивное содержание. Говоря о войнах этой эпохи (1789—1871) в Европе, В. И. Ленин характеризовал их как большей частью связанные, «несомненно, с *важнейшим* «народным интересом», именно: с могучими, затрагивающими миллионы буржуазно-прогрессивными, национально-освободительными движениями, с разрушением феодализма, абсолютизма, чужестранного гнета»³.

Итак, то, что американские социологи выдают за

¹ «Новая концепция человека», «обесценение привилегий рождения», с которыми К. Дейч и многие другие американские авторы связывают возникновение англосаксонского национализма, были идейным отражением того иллюзорного равенства товаропроизводителей перед лицом рынка, которое капитализм создал, разрушая феодальную сословность. Таким образом, не «новая концепция человека» дала содержание национализму на Западе в XVIII—XIX вв., а подымающийся капитализм определил характер и «новой концепции» и национализма.

² В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 18.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 401.

исключительные качества англосаксонского национализма — лозунги демократии и индивидуальной свободы, либерализм, — есть свойства передовой, революционной буржуазии XVII—XVIII и первой половины XIX в. Отстаивая «особый», «образцовый» характер американского и английского национализма, они намеренно смешивают отмеченные выше социальные и национальные процессы. Американские ученые, таким образом, подменяют *социальную* сторону вопроса *национальной*; проявление социальной закономерности, присущей обществу на определенном историческом этапе развития, выдают за постоянное национальное качество американцев и англичан. Подобным же образом и гитлеризм — реакционная идеология буржуазии — преподносится как выражение «национальных свойств».

Характер национализма изменился с наступлением новой эпохи, эпохи вполне сложившихся капиталистических отношений и перерастания капитализма в империализм. В новую эпоху капитализму свойственны «развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»¹ Эта объективная тенденция к сближению наций выражается при капитализме в форме подчинения слабых наций сильными, в форме колониального закабаления и ограбления горсткой «цивилизованных» наций гигантского большинства населения земли. Монополистический капитал выступает как носитель самого грубого и откровенного национально-колониального гнета.

Соответственно буржуазный национализм в империалистических странах утратил постепенно всякое прогрессивное содержание: он стал агрессивным, воинствующим шовинизмом, национализмом угнетающих наций. И то, что Г. Кон изображает как «имманентное изменение существа» национализма², является лишь выражением растущей реакционности буржуазии. Не слу-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 11.

² Национализм, пишет Г. Кон, теперь «заявляет» о «закате европейской демократии» и «делает акцент на власти национального общества над личностью и на необходимости решительного действия... элиты, которая захватит власть в решающий момент». (H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History, p. 77.)

чайно сам Г. Кон вынужден связать рост такого национализма с появлением фашизма, в частности с режимом Петэна во Франции. Такой национализм — величайший враг народов. Он действительно — тут можно согласиться с профессором Дейчем — приводит к «руинам Берлина».

В наши дни империалистическая буржуазия пытается использовать национализм с целью отвлечь пролетариат от его классовых задач, расколоть интернациональное единство трудящихся, нанести ущерб делу строительства социализма и коммунизма.

Новейшей и утонченной разновидностью такого национализма является пресловутый «национал-коммунизм».

Реакционного превращения не избежал и англосаксонский национализм. Приписывая не свойственные ему добродетели, буржуазные идеологи замалчивают и искажают широко известные исторические события. Их рассуждения о «гуманизме» и «миролюбии» американского национализма, об «уважении» его к другим народам не вяжутся с политикой геноцида в отношении индейцев, с захватническими войнами против Мексики, колониальным разбоем на Филиппинах, Кубе, Пуэрто-Рико и с многими другими фактами. Не менее, если не более, красноречива летопись британского джингоизма и порабощения Англией многих десятков народов Азии, Африки, Америки, Европы.

Современный американский империалистический шовинизм, выражающийся внутри страны в преследованиях негров, евреев, пуэрториканцев, а в международном масштабе — в претензиях на мировое господство, также является идеологией и политикой реакционной буржуазии, несущей угрозу порабощения многим народам земли.

Иное дело национализм в пробудившихся странах Азии и Африки. *Это — национализм угнетенных наций, поднявшихся на борьбу с империализмом и сражающихся за политическую и экономическую независимость.* Национальные связи здесь еще продолжают складываться. Их формирование означает также известное пробуждение народных масс и ведет к борьбе против феодализма и империализма.

Среди реакционных авторов нет единодушия по вопросу об отношении к национализму в освобождающихся странах Азии и Африки. В зависимости от политической гибкости, проницательности и научной эрудиции реакционных идеологов их оценка национализма бывает различной. Разумеется, пробуждение народов Азии и Африки не по вкусу им всем. Но национально-освободительное движение растет и набирает силы, являясь неукротимым, как признают это сами американские социологи. С этим упрямым фактом приходится считаться, и буржуазные идеологи рядятся в тогу «защитников» равноправия и самоопределения наций, прикидываются сочувствующими справедливым требованиям народов, рвущих цепи колониального рабства.

Вместе с тем все они говорят об «отрицательных» свойствах национализма в странах Востока, подвергая их критике. Именно здесь находится политическое жало их теоретических выкладок по проблеме «национализма» и видна подчиненность их концепций империалистическому курсу монополий США.

Что же не нравится американским идеологам в национализме в этих странах?

Во-первых, его «агрессивность», отсутствие «духа компромисса», сотрудничества. Национализм, уверяет Э. Решауэр, «вносит большую долю разлада между странами Азии»¹. Конкретизируя это положение, Р. Эмерсон заявляет, что национализм опасен, ибо он разделяет нации и сталкивает их, например сталкивает Индию и Пакистан². Г. Кон сетует на разъединенность арабских стран.

Известно, однако, что индо-пакистанский конфликт создан английскими колонизаторами на последнем этапе их господства в Индии и с тех пор искусственно подогревается империалистами, в особенности империалистами США. Они же стоят за кулисами интриг, препятствующих более тесному сплочению стран

¹ E. Reischauer, *Wanted: An Asian Policy*, p. 266.

² См. R. Emerson, *The Progress of Nationalism*, «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 81.

Ближнего и Среднего Востока. В поисках империалистов следовало бы буржуазным идеологам, если они стремятся найти истину, видеть основную причину еще существующих трений между отдельными государствами Азии и Африки.

Но было бы наивным думать, что буржуазные идеологи всерьез озабочены укреплением единства народов Востока, установлением дружбы между ними. Наоборот, с подозрительной настойчивостью почти все американские «теоретики» твердят о том, что понятие Азии — это «туманная психологическая концепция», не имеющая никакого реального содержания, а сам термин выдвинут европейцами лишь как следствие их обобщающего подхода; что различия между странами Азии более велики, чем между Западом и Азией; что по этой причине единство Азии вряд ли возможно и т. д.

В связи с бурным подъемом освободительной борьбы в Африке империалисты за последнее время прилагают особые усилия к тому, чтобы противопоставить друг другу народы двух братских континентов, используя, в частности, вопрос о проживающих в Африке переселенцах из Азии. Они пугают африканцев фальшивой перспективой будущего «азиатского господства», чтобы заставить смириться с нынешним рабством.

Реакционные идеологи «забывают», что совместная борьба народов Азии и Африки против империализма за политическую и экономическую независимость является тем общим делом, которое перекрывает их этнические, политические, экономические и культурные различия. «Когда азиатские народы жили в условиях колониализма, — говорил президент Индонезии Сукарно, — они еще более сблизились. Верно, что колониализм разделяет народы, он отделил нас от Индии, Пакистана, Бирмы и Цейлона... Однако тот же колониализм обладал и объединяющей силой... Он объединил, хотя и помимо своей воли»¹. В речи на Бандунгской конференции президент Сукарно подчеркивал: «Мы объединены общей ненавистью к колониализму, в какой бы форме он ни проявлялся. Мы объединены общей решимостью сохранить и стабилизировать мир во всем мире»².

¹ Сукарно, Индонезия обвиняет, стр. 279.

² «Foreign Affairs Reports», vol. IV, No 8, August 1955, p. 105.

Некоторые американские идеологи, не довольствуясь разговорами об «агрессивности» национализма, обвиняют страны Азии и Африки в «империалистических стремлениях»¹. Так, американский журнал «Atlantic» объявляет «шовинистическим национализмом» требования индонезийского народа воссоединить захваченный голландскими империалистами Западный Ириан с Индонезией. С подобными же утверждениями выступают американские ученые П. Лайнбергер и В. Хазард.

Таким образом, отнюдь не заботы о дружбе и единстве народов Азии и Африки тревожат буржуазных идеологов. «Агрессивность» национализма в освобождающихся странах они усматривают, по-видимому, в его направленности против колонизаторов, против империалистического засилья в бывших колониальных и зависимых странах. Замечание, оброненное Г. Коном, подтверждает такое заключение. Он порицает бразильских и аргентинских националистов за то, что они разожгли «страсти... империализма в противовес либеральной и коммерческой цивилизации США»².

Пытаясь придать убедительность своим утверждениям об агрессивности национализма в Азии, одни буржуазные исследователи (Р. Страус-Хюпе, частично Г. Кон) ссылаются на паназиатские традиции и вспоминают о татаро-монгольских завоевательных походах и японской экспансии. Основная же масса буржуазных идеологов прибегает к уже знакомой нам «психологизации».

Кроме «общественного расстройтва», «амбивалентности», «культурной шизофрении» и прочих уже встречавшихся аксессуаров, здесь буржуазными исследователями вводится так называемый «комплекс униженности» — особое психологическое переживание, якобы свойственное народам Востока и вызванное осознанием ими превосходства Запада. Этот «комплекс униженности», по мнению буржуазных идеологов, порождает у народов Азии стремление к «компенсации» за счет «излишнего акцента» на независимость, за счет враждебности «чужеземному примеру и его либеральному

¹ *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History*, p. 89; «Toynbee and History», p. 351.

² *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History*, p. 80.

и рациональному взгляду»¹. Иными словами, согласно реакционным социологам, национализм в странах Азии и Африки, складываясь «психологическим путем», сформировался на основе противопоставления себя западному национализму.

Разумеется, никакого «комплекса униженности», свойственного народам Востока, не существует, но есть естественное чувство ненависти к империалистам, решимость покончить с колониальным гнетом — факторы, играющие огромную роль в успешной борьбе народов Азии и Африки за свою независимость, но отнюдь не являющиеся источником агрессивности или империалистических стремлений. Именно их буржуазные социологи туманно и наукообразно называют «комплексом униженности», выдавая его за некую мистическую психологическую реакцию «отсталого Востока» на достижения «передового Запада». И дело здесь не во взаимоотношениях между передовыми и отсталыми нациями и не в «униженности». Это подтверждается и историческими параллелями. Ведь не возникло же во взаимоотношениях между более развитыми и менее развитыми в прошлом народами Советского Союза «комплекса униженности», а в отношениях между империалистическим Западом и колониальным Востоком он, по мнению буржуазных идеологов, возник. Нетрудно заметить, что рассуждения американских социологов о «комплексе униженности» есть также повторение на новый лад старой расистской погудки о «неполноценности» народов Азии и Африки.

Переход в область мистифицированной и расистской психологии нужен американским идеологам и для того, чтобы доказать устарелость национализма в странах Востока, отсутствие у него почвы в современной действительности. Колониализм не существует более, он умер, говорят они, а национализм — эта психологическая реакция на колониализм — все еще продолжает существовать, напоминая фантомные боли. При этом обиды, нанесенные колонизаторами в прошлом, ошибочно

¹ *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History* p. 29; см. также *R. Nolt, W. Polk, Toward a Policy for the Middle East*, «Foreign Affairs», July 1958, p. 649—650, 654; «Human Values in Social Change in South and Southeast Asia and in the United States», p. 20.

«проецируются» народами Азии и Африки на западные державы, которые теперь якобы стоят на позициях бескорыстной дружбы.

Буржуазные идеологи тшятся, таким образом, доказать, что более не существует объективного фундамента для антиимпериалистической борьбы, что это лишь сражение с «призраком»¹, и исходя из этого призывают «забыть» прошлое и наладить «сотрудничество». Именно в таком духе выступал на Бандунгской конференции известный своими связями с американскими кругами филиппинский политический деятель Ромуло: «Давайте же черпать силы, — говорил он, — не в обидах и горе, а в общих надеждах. И если эти силы должны быть проверены на нашей способности прощать, пусть про нас скажут — это титаны наших дней»². Вот какой терпимости и каких компромиссов ждут американские теоретики от националистов в странах Азии и Африки!

Другую отрицательную сторону национализма в странах Азии буржуазные идеологи видят в том, что онде мало производит созидательных действий, является «односторонне негативным и разрушительным».

Г. Кон говорит о необходимости «направлять разрушительные и пламенеющие страсти национализма... в более конструктивные и цивилизованные каналы...»³, а К. Янг пишет в сборнике «Nationalism in the Middle East»: «Нынешний националистический крестовый поход может быть в первую очередь охарактеризован как негативный по характеру. Он еще не продемонстрировал способности конструктивно подойти к проблемам, имеющим затяжной характер»⁴.

Правда, американские идеологи не разъясняют, каких созидательных действий от национализма в стра-

¹ «Воображаемые угнетатели», говорит Б. Хозелитц; «действительная или воображаемая экономическая эксплуатация», заявляет В. Холланд. (B. Hoeselitz, Nationalism, Economic Development and Democracy, «The Annals...», May 1956, p. 2; W. Holland, New Trends in Asian Nationalism, «Asian Nationalism and the West», p. 7.)

² Цит. по кн.: Ch. Bowles, The New Dimensions of Peace, N. Y., 1955, p. 191.

³ H. Kohn, U. S. A. and Western Europe, «Contemporary Review», March 1957, p. 136.

⁴ «Nationalism in the Middle East», p. 23.

нах Азии и Африки они ждут. Однако они достаточно ясно показывают, в чем, по их мнению, состоит негативность и разрушительность национализма. Оказывается, в его направленности против системы неравноправных отношений между государствами Запада и странами Азии и Африки, в стремлении найти «империалистических козлов отпущения». Ч. Боулс называл лозунг антиколониализма негативным. А ведь он всячески аттестует себя другом стран Азии и Африки и критиковал, порой довольно резко, политический курс правительства Эйзенхауэра за то, что он не учитывал стремлений этих стран. А профессор Э. Решауэр признает, что США видят «нежелательную сторону национализма в фундаментальном подозрении», с которым националисты в странах Востока относятся к империалистическим державам. Противопоставление себя Соединенным Штатам, подчеркивают Р. Нолт и В. Полк, есть «отрицательная черта» арабского национализма¹. Здоровым, истинным объявляется тот национализм, который «несовместим» с политикой нейтралитета в «мировом конфликте» и направлен против сил демократии и прогресса.

Закономерно напрашивается вывод: призыв дополнить или даже заменить «одностороннюю негативность» национализма «созидательными» действиями в действительности означает требование пойти на уступки империалистам. Не случайно Ч. Боулс утверждает, что интересы США совпадают с целями разумных националистов².

Следует отметить и такое обстоятельство. Если для тех стран Азии и Африки, которые все еще находятся в составе колониальных империй, «негативный» национализм признается в известной мере правомерным, то, когда речь идет о странах, уже завоевавших независимость, его подвергают очень острой критике. Р. Эмерсон называет подобный национализм «бесплодным», «неадекватным», «неуместным». С ним соглашается профессор Массачузетского технологического института Б. Хиггинс. А В. Холланд говорит, что национализм в странах Востока «отстает» от задач момента и имеет

¹ См. «Foreign Affairs», July 1958, p. 654.

² См. Ch. Bowles, *Africa's Challenge to America*, N. Y., 1956, p. 96.

тенденцию «быть руководимым идеями и лозунгами, которые имели ценность до освобождения, но все более неуместны для проблем сегодняшнего дня»¹.

За этими витиеватыми словесными узорами скрывается лишь одна цель: доказать, что с провозглашением независимости антиимпериалистическая борьба заканчивается. Не говоря уже о политических целях реакционных теоретиков, такой подход закономерен для буржуазной теории с ее формальным пониманием национального равноправия и суверенитета. Ясно, однако, что, пока сохраняется угроза реставрации колониальных порядков, пока существует засилье империалистов в экономике бывших колониальных стран, национально-демократический этап преобразований не может считаться завершенным. Прекратить в таких условиях антиимпериалистическую борьбу означало бы поставить под угрозу уже приобретенные завоевания, чего, собственно, и добиваются реакционные идеологи.

По этой же причине они не «замечают», что с завоеванием политической независимости антиимпериалистическая борьба приобретает все более созидательный характер, поскольку начинают осуществляться задачи по созданию национальной государственности, передовой экономики и культуры.

Третий «порок», который американские социологи усматривают в национализме в странах Азии и Африки, — это его радикальный характер, динамизм, юность, нетерпеливое стремление к действию², т. е. известное отражение в нем тенденций к общественным преобразованиям, характерных для современной политической жизни стран Азии и Африки.

Буржуазные идеологи вынуждены признать, что подъем национально-освободительного движения связан с активизацией народов и требованиями нового общественного порядка, с поворотом «к новым формам общности, которые должны заменить старые, находящиеся

¹ *W. Holland, New Trends in Asian Nationalism, «Asian Nationalism and the West»* p. 5.

² См. *W. Holland, New Trends in Asian Nationalism, «Asian Nationalism and the West»*, p. 26; *H. Kohn, General Characteristics of Nationalism in the Middle East, «Nationalism in the Middle East»*, p. 61, 66.

в процессе разрушения»¹. Но, сознавая в большинстве случаев неотвратимость социальных и политических перемен в освободившихся странах, они проповедуют умеренность и терпение, выступают за то, чтобы эти изменения развивались как можно медленнее, «без излишеств», не революционно, а путем «упорядоченной эволюции». Г. Кон уподобляет этот процесс «эволюции», которую проводила Англия (!) в своих колониях. Ч. Боулс тоже предупреждает против «суматошной ликвидации колониального правления» и призывает националистов добиваться своих целей «справедливыми», мирными и разумными средствами, которые позволяют условия². Спрашивается, какая торопливость здесь имеется в виду и что в данном случае значит не спешить? Разве можно быть «чрезмерно торопливым», когда речь идет о стремлении к независимости и свободе. «Не спешить» в этом случае означало бы соглашаться на продолжение колониальной эксплуатации.

Более всего американские идеологи критикуют национализм в странах Востока за «пагубную» склонность к независимости, за то, что он «подчеркивает» национальный суверенитет. В этом они усматривают ограниченность и отсталость азиатского национализма, как не облегчающего и не упрощающего задачу международного сотрудничества³.

Разумеется, выступать открыто против национальной независимости стран Азии и Африки реакционные теоретики не могут. Делается это под видом критики принципа национальной независимости вообще. Вооружившись же «общими» аргументами, они призывают страны Востока наряду, так сказать, с другими странами отказаться от «излишеств» в вопросе о своем суверенитете, не настаивать на «абсолютном суверенитете». А некоторые из буржуазных ученых идут еще дальше, утверждая, что «догма» национального суверенитета в условиях Азии и Африки вовсе не применима и даже

¹ *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History*, p. 90; *R. Emerson, Paradoxes of Asian Nationalism*, «Far Eastern Quarterly», vol. XIII, No 2, February 1954, p. 142.

² См. *Ch. Bowles, Africa's Challenge to America*, p. 118, 111.

³ См. «The Annals...», July 1954, p. 117; *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History*, p. 89, 90; *R. Strausz-Hupé, Aviation and International Cooperation*, «The Annals...», May 1955, p. 136; «The Annals...», July 1956, p. 22.

вредна. Профессор Йельского университета Г. Моргентхау, например, приходит к выводу, что «многие из этих вновь возникших государств не были бы жизнеспособными политическими, военными и экономическими образованиями даже много лет назад, в пору расцвета национальных государств»¹. Профессор К. Томпсон считает, что к востоку от Западной Европы национальное государство есть лишь «разрушающая сила»².

Если верить буржуазным теоретикам, национальная независимость «устарела», она «не нужна» и даже «вредна». В качестве доказательства они ссылаются на логику общественного прогресса, которая ставит любое современное государство в сложную сеть взаимоотношений с другими странами.

Реакционные идеологи утверждают, что национальная независимость, во-первых, несовместима с потребностями развития производительных сил («технологического развития») как внутри отдельных стран, так и в мировом масштабе, с повышением материального благосостояния человечества. Так, американский профессор С. Поссоны доказывает, что национальная независимость неуместна «в современный период технологической и экономической интеграции в мировом масштабе и расширяющихся взаимосвязей между народами...»³ В новой обстановке, заявляет К. Дейч, национальное государство «малоэффективно» и в том смысле, что оно оказалось «неспособным» обеспечить нужное экономическое развитие и предупредить безработицу среди миллионов граждан⁴.

Во-вторых, отказ от национальной самостоятельности якобы необходим в целях обеспечения мира. Учитывая ненависть народов к войне, буржуазные идеологи особенно охотно используют этот довод. «Можно с полным основанием усомниться в том, — пишет Г. Кон, — что применение принципа национальной независимости...

¹ *H. Morgenthau, The Paradoxes of Nationalism, «Yale Review», vol. XLVI, No 4, June 1957, p. 491.*

² *K. Thompson, Toynbee's Approach to History Reviewed, «Toynbee and History», p. 211.*

³ *S. Possony, Colonial Problems in Perspective, «The Idea of Colonialism», p. 42.*

⁴ См. *K. Deutsch, Political Community at the International Level, p. 24.*

способствовало делу свободы и мира в Европе»¹. С ним соглашается профессор Моргентау. По его мнению, с созданием на Востоке большого числа новых национальных государств «беспорядок и угроза миру... были распространены во имя национализма на еще более обширные области Азии и Африки»². Не менее определенно выражается Ч. Боулс. «...Мир, — пишет он, — и агрессивный национальный суверенитет, на котором теперь настаивают энергичные молодые нации Африки и Азии», до сих пор были в истории несовместимыми понятиями³.

В-третьих, национальная независимость, оказывается, противоречит интересам взаимодействия и сближения культур и вследствие этого препятствует культурному развитию различных народов.

Опираясь на такие доводы, реакционные идеологи обвиняют борцов за освобождение от колониального ига в «отсталости», в «реакционных» стремлениях к «разрыву» исторически сложившихся связей между народами.

Идейным защитникам колониализма поставляют дополнительные «аргументы» некоторые правосоциалистические «теоретики», например во Франции и Австрии. Аттестуя себя интернационалистами и уверяя, что пекутся об интересах социализма, который интернационален по своему существу, они нападают на национально-освободительное движение за его «бесплодный национализм». В оправдание своей позиции они пытаются доказать, что национальная независимость многих государств Азии и Африки была бы равносильна отказу их от демократии и означала бы возврат к средневековью. Ги Молле, например, пишет в своей книге «Социалистические итоги и перспективы», вышедшей в 1958 г.: «Право народов не является безграничным. Независимость Алжира привела бы к экономическому и социальному упадку и к политической регрессии, к диктатуре или феодальному режиму... На наших глазах национальный суверенитет теряет свое значение. Социалисты

¹ *H. Kohn*, *Reflections on Colonialism*, «The Idea of Colonialism», p. 14.

² *H. Morgenthau*, *The Paradoxes of Nationalism*, «Yale Review», vol. XLVI, No 4, June 1957, p. 492.

³ *Ch. Bowles*, *New Dimensions of Peace*, p. 232.

заботятся о том, чтобы зависимые народы перешагнули через экономику националистического этапа»¹.

Что же предлагают народам Азии и Африки буржуазные идеологи взамен «абсолютной» национальной самостоятельности, которая якобы устарела? «Взаимозависимость» (*interdependence*) и «наднациональное кооперирование», которые противопоставляются как национальной независимости, так и колониализму. Тот же С. Поссоны доказывает, что альтернатива: «продолжение традиционного колониального правления» или «абсолютная национальная независимость» является «в высшей степени сомнительной, когда даже старые нации Европы идут к различным формам федерации и конфедерации»².

Буржуазные политики и пропагандисты объявляют «взаимозависимость» новым, взаимовыгодным и равноправным видом отношений между странами Востока и капиталистическим Западом, необходимым условием успешного политического и экономического развития стран Азии и Африки.

Но так ли нова «взаимозависимость»? И устарел ли национальный суверенитет? На последний вопрос отвечает сама история послевоенных лет. Принцип национальной независимости был всегда и остается ныне выражением потребностей объективного развития. И тот факт, что только за 1945—1960 гг. на карте мира появилось около четырех десятков новых национальных государств (причем данный процесс отнюдь не закончился), убедительнее всего свидетельствует о жизненности этого принципа в современных условиях. Народы бывшего колониального и полуколониального Востока переживают период ликвидации колониального гнета, феодальных отношений и, естественно, создания национальных государств. Отвечая глубоким стремлениям этих народов, как и всех народов земли, глава советского правительства Н. С. Хрущев к великому неудовольствию западных держав внес на рассмотрение XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам», ко-

¹ Цит. по: «Cahiers du Communisme», Numero Special, juillet — août 1959, p. 160.

² S. Possony, Colonial Problems in Perspective, «The Idea of Colonialism», p. 34.

торая впервые в истории Организации Объединенных Наций во всей широте поставила вопрос о полной и немедленной ликвидации позорной системы угнетения и подавления людей. Принципы этой Декларации легли в основу принятой Генеральной Ассамблеей в декабре 1960 г. резолюции о ликвидации колониализма.

Достижение национальной независимости имеет большое прогрессивное значение для дальнейшего развития освободившихся стран. Она представляет собой необходимое предварительное условие и важный плацдарм для борьбы за ликвидацию экономической отсталости и засилия иностранных монополий, за создание национальной экономики. Разве могли бы Индонезия — национализировать голландскую собственность и тем самым покончить с засилием голландских монополий в экономике страны; Египет — посягнуть на твердыню иностранных монополий и колониализма — компанию Суэцкого канала; Индия — осуществлять свои пятилетние планы экономического развития, если бы они не обладали национальной независимостью? Разумеется, нет.

Изгнание колонизаторов создает предпосылки для демократических преобразований. Именно завоевание независимости позволило, например, народу Гвинеи начать осуществление глубоких общественных преобразований, встать на путь демократического развития. Широкие возможности для развития получает национальная культура.

Жизнь опровергает также попытки возложить на национальные государства ответственность за экономические кризисы и массовую безработицу. Их подлинные причины кроются в капиталистическом строе. Вряд ли кто станет сомневаться в суверенитете Советского Союза, однако советская экономика непрерывно и бурно развивается, а с безработицей здесь давно и навсегда покончено. Страны народной демократии с победой власти трудящихся добились полной национальной независимости, но и их хозяйственные достижения неоспоримы. Значительных успехов в развитии экономики после завоевания независимости и на ее основе достигли многие страны Азии и Африки.

«Неповинна» национальная независимость и в возникновении войн. Не национальные государства, а импе-

риалистическая буржуазия, когда она их возглавляет, провоцирует военные конфликты, ввергает человечество в разрушительные войны. За примерами не надо ходить далеко. Разве позорная египетская авантюра Англии и Франции и интервенция США в странах Арабского Востока имели место не потому, что это было продиктовано интересами акционеров компании Суэцкого канала и нефтяных монополий? Широко известно вопреки утверждениям Г. Моргентгау и Ч. Боулса, что дело мира и безопасности народов во многом выиграло в результате возникновения в Азии и Африке суверенных государств, ведущих самостоятельную политику и выступающих против агрессивных замыслов империалистов.

Странам Азии и Африки, например, принадлежит серьезная заслуга в том, что за последние годы удалось в самом зародыше затушить очаги войны на Ближнем и Среднем Востоке. Известно также, что независимая Индия завоевала большое уважение своей борьбой за мир.

Столь же «убедительны» ссылки буржуазных теоретиков на логику общественного прогресса. Разумеется, историческое развитие ведет ко все более тесным и многообразным связям между народами. Это — объективная тенденция, в основе которой лежит быстрый прогресс производительных сил, требующих кооперации в международном масштабе. Однако национальная независимость на современном этапе не препятствует таким отношениям. Буржуазные пропагандисты, преследуя колонизаторские цели, прибегают к «хитроумному» фокусу — они отождествляют национальную самостоятельность с национальной изоляцией. Именно этой цели служит словечко «абсолютный». Прикрываясь им, реакционные идеологи нападают на деле не на выдуманный ими самими «абсолютный суверенитет», а на ту национальную независимость, которая является признанным международным принципом и которую страны Азии и Африки добывают в борьбе против колонизаторов.

Антагонистическое противоречие между тенденцией к национальному суверенитету и тенденцией объединения народов существует только при империализме. Ведь тенденция к объединению может выражаться как в виде добровольных, равноправных, так и насильственных,

неравноправных связей. Известно, например, что многообразные связи, соединяющие страны социалистического лагеря, становятся все более тесными, а кооперация их экономики все более глубокой и разносторонней. Крепнут также политические, экономические и культурные связи между социалистическими странами и молодыми национальными государствами Азии и Африки. Правительства освободившихся стран неоднократно подчеркивали свою готовность всемерно расширять отношения с другими государствами на основе равноправия и взаимной выгоды. В частности, в резолюции Бандунгской конференции указано, что азиатское и африканское культурное сотрудничество должно развиваться в более широких рамках мирового сотрудничества¹.

Империалисты объединяют нации путем принуждения и порабощения, путем эксплуатации одних наций другими, т. е. в форме, которая не соответствует историческому смыслу тенденции к объединению. Поэтому при империализме не может быть подлинного сближения между народами. Империалистические формы претворения в жизнь тенденции к объединению затушевывают ее прогрессивную роль как в объективном, так и субъективном отношениях.

Грубое насилие над большей частью человечества, отсталость угнетенных и паразитизм привилегированных наций, жертвы со стороны трудящихся масс всех стран — такова цена «объединения», осуществляемого империализмом. Обо всем этом умалчивают апологеты колониализма, приукрашивающие экономические, политические и культурные блага «наднационального кооперирования».

Призыв к народам Азии и Африки отказаться от «устаревшего принципа» национальной независимости равносителен требованию смириться с зависимостью, возможно в несколько иной форме, от империалистического Запада. Дж. Кинг, критикуя концепцию «абсолютного» национального суверенитета, разъясняет, почему она, с его точки зрения, не соответствует нынешним международным реальностям. Оказывается, «в существующих условиях приверженность руководителей

¹ См. «India Quarterly. A Journal of International Affairs», New Delhi, vol. XI, No 3, July — September 1955, p. 220.

Юго-Восточной Азии концепции абсолютного национального суверенитета увеличивает трудности для гладких отношений между Западом и Востоком»¹, т. е. создает угрозу для позиций империалистов и привилегий западных держав в этом районе мира.

Что дело обстоит именно так, видно и из толкования многими буржуазными идеологами характера «взаимозависимости». Например, французский профессор Р. Фор, выступая в Американской академии политических и социальных наук, определял «взаимозависимость» следующим образом: «Это — региональная концепция. . . она не может быть подобной клубу, где все члены имеют. . . одинаковое положение. Совсем напротив, взаимозависимость необходимо существует между более развитыми и слабо развитыми странами. . .»²

В политическом отношении «взаимозависимость» в понимании реакционных пропагандистов означает создание военно-политических группировок, возглавляемых империалистическими державами, — от «содружеств» и «сообществ» до агрессивных блоков. Так, Г. Кон в качестве примера пропагандируемого «кооперирования» приводит НАТО. Нечто подобное имеет в виду и Р. Эмерсон, когда сокрушается по поводу отказа националистов «принять интернациональную ассоциацию в общих целях»³.

Известно, что страны Азии и Африки являются членами ООН и активно сотрудничают в многочисленных международных организациях. Значит, у реакционных идеологов речь идет об агрессивных блоках вроде бывшего Багдадского пакта, СЕАТО, закрепляющих военно-политическое влияние империалистических держав.

Империалистические пропагандисты из кожи лезут вон, пытаясь доказать, что навязываемые ими объединения основаны на равноправии их участников. Однако факты показывают, что с помощью этих блоков империалисты добиваются установления военного и политического контроля над бывшими колониальными странами, поддерживают реакционные режимы, пытающиеся подавлять национально-освободительное движение. И это

¹ J. K. King, *Southeast Asiain Perspective*, p. 29.

² «The Annals. . .», July 1956, p. 22.

³ R. Emerson, *The Progress of Nationalism*, «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 81.

естественно, ибо в капиталистическом мире отношения между государствами складываются на основе соотношения сил, и только так.

Что же касается «взаимозависимости» в области экономики, то она понимается реакционными идеологами как сохранение и впредь «разделения труда» между *промышленным* Западом и *аграрным* Востоком.

Итак, ничего принципиально нового «взаимозависимость» не означает. Старое колониалистское содержание облекается в новые термины. Империалисты и их трубадуры в большинстве своем сознают, что национально-освободительное движение уже невозможно обуздать «испытанными» в прошлом средствами грубого насилия. «Время, когда арабский национализм или любой другой азиатский национализм, — признает Г. Кон, — мог бы на долгий срок быть усмирен демонстрацией превосходящей силы, давно прошло»¹.

Поэтому империалисты делают попытки приспособиться к новым условиям. «Практический вопрос, — пишет С. Поссоны, — таков: как трансформировать отношения между метрополиями и колониями таким образом, чтобы интересы свободного мира в их полноте были гарантированы и мировое экономическое развитие и военная безопасность были обеспечены»².

В связи с этим и появился лозунг «взаимозависимости» и «наднационального кооперирования», выражающий стремление сохранить в видоизмененной форме основу колониальной эксплуатации — неравноправные отношения между державами Запада и странами Азии и Африки и Латинской Америки. «Империалисты стремятся выхолостить, подорвать национальный суверенитет освободившихся стран, извратить смысл самоопределения наций, навязать под флагом так называемой «взаимозависимости» новые формы колониального господства. . .»³, — говорится в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий.

Путь к сближению между народами лежит не через пресловутую «взаимозависимость». К нему ведут ликви-

¹ «Contemporary Review», No 1095, March 1957, p. 135.

² S. Possony, Colonial Problems in Perspective, «The Idea of Colonialism», p. 41.

³ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 65.

дация насильственных, неравноправных форм связей и завоевание народами, в частности народами Востока, национальной свободы. Тот факт, что освобождающиеся страны отвергают «взаимозависимость», совершенно не означает, как обычно уверяют империалистические и правосоциалистические пропагандисты, их отказа от *всяких* исторически сложившихся отношений со странами Запада. От существующих связей отсекается реакционное, что привнесено империализмом. Тем самым объективно расчищается путь для подлинного сближения народов, ибо оно не может развиваться на основе сохранения или лишь некоторого изменения империалистических связей. Для этого необходимо установление новых, равноправных и добровольных отношений между народами. Поэтому ничего общего с интернационализмом не имеет и позиция тех деятелей социалистических партий (особенно, если они принадлежат к господствующей нации), которые выступают под различными предлогами против национально-освободительного движения.

Для подлинного интернационалиста главным, определяющим в данном вопросе является отнюдь не то, где выше уровень социально-экономического развития и политической демократии — во Франции или Алжире, в Англии или Кении, а *какую политику* ведут эти страны. «Отсталые» алжирцы и жители Кении, развертывая антиимпериалистическую борьбу, отстаивают политику национального освобождения. «Передовые» же Англия и Франция, навязывая колониальный гнет этим народам, проводят политику национального порабощения.

Аргументы правосоциалистических лидеров свидетельствуют еще об одной попытке создать «теоретическую» основу для борьбы против национально-освободительных движений. По существу, это проявление реакционного, колонизаторского национализма.

Подводя итоги рассуждениям буржуазных авторов об «отрицательных» сторонах национализма Азии и Африки, мы видим, что за мистифицирующим словесным нарядом («агрессивность», «юность» и «динамизм», «негативность», «узость и отсталость») скрываются те качества, которые выражают прогрессивное содержание национализма — его направленность против империализма и колониального порабощения.

Весьма характерен и призыв, с которым, например, Г. Кон обращается к азиатским националистам: «Умерить свой национализм и *быть готовыми к компромиссным решениям* и приспособлениям, преодолеть свою узость и проникнуться всеобъемлющим духом региональной организации (очевидно, вроде НАТО, СЕАТО. — К. Б.), а впоследствии еще более широкого сообщества наций»¹. В этом Г. Кон видит единственную возможность для национализма в странах Востока стать «здоровым» национализмом. Перед нами, таким образом, совершенно конкретный политический вывод, венчающий длинную цепь временами весьма отвлеченных рассуждений. С призывами «проявлять умеренность» обращаются к националистам и другие империалистические идеологи.

Реакционные ученые и публицисты не ограничиваются негативной критикой национализма в освободившихся странах. Они выдвигают и пример «здорового национализма», которому рекомендуют подражать. Таким примером, по крайней мере до последнего времени, они объявляли турецкий национализм. Турция Джелал Баяра и Мендереса — в качестве образца! Один этот факт уже знаменателен сам по себе. Ведь режим Баяра — Мендереса завоевал печальную известность своим раболепством перед империалистами и усердием по части поддержки их агрессивных планов, своей готовностью распахнуть настежь двери для проникновения в страну иностранного капитала. Но еще важнее — *что* нравилось американским социологам в турецком национализме. Его разумность, либеральность, реформистский характер, поясняет Г. Кон. Коллега Г. Кона по сборнику «Национализм на Среднем Востоке» профессор Принстонского университета Л. Томас прибавляет к этому перечню и другие качества: «удивительную уравновешенность» турецкого национализма и «прирост устойчивости и помощи... , которые Турецкая республика приносит делу Запада»².

Теперь, когда мы перевернули страницы многих книг и статей буржуазных авторов и проследили ход их рас-

¹ H. Kohn, General Characteristics of Nationalism, «Nationalism in the Middle East», p. 67 (курсив мой. — К. Б.).

² «Nationalism in the Middle East», p. 7, 8.

суждений, нередко, впрочем, весьма туманных, можно ответить на вопрос, поставленный в начале параграфа: каков политический смысл и служебная роль их рассуждений о национализме Востока?

Буржуазные идеологи и публицисты на Западе по-разному относятся к национализму в странах Азии и Африки. Однако их взгляды идентичны в исходной, отправной позиции, что обусловлено потребностями неоколониалистской политики. Национализм рассматривается ими с точки зрения возможности использовать его для борьбы против исторического прогресса. При этом имеется в виду как движение народов к социализму и коммунизму, так и процесс крушения колониальной системы. Первой из этих целей империалисты по существу не скрывают: «Мы признаем, — заявлял Дж. Аллен в бытность помощником государственного секретаря США, — фундаментальную силу национализма (в Азии и Африке. — К. Б.) в сопротивлении угрозе всемирного коммунизма»¹.

Но это лишь одна сторона дела, которая используется чаще всего для маскировки внутренне связанной с ней другой задачи, стоящей перед империалистами: спасти гибнущую систему колониального грабежа и рабства. Стремясь использовать историческую ограниченность и противоречивость национализма, обусловленные его классовой природой, крича о коммунистической опасности, трубадуры империализма добиваются от национальной буржуазии, от националистов в странах современного Востока свертывания антиимпериалистической борьбы, разрыва их связей с народными массами.

Борьбе за «здоровый национализм» и посвящены работы буржуазных социологов и историков по вопросам национально-освободительного движения. Какими отвлеченными ни казались бы их рассуждения, как бы длинен ни был путь, ведущий к политическим выводам, общий смысл «исследований» американских авторов состоит в том, чтобы опорочить национально-освободительную борьбу и прогрессивное содержание национализма угнетенных наций, идейно обосновать и оправдать политику империалистов США.

¹ «The Annals. . .», July 1956, p. 119.

Удивительно ли, что «теоретические» положения и рекомендации американских буржуазных идеологов очень сходны, а порой даже буквально совпадают с заявлениями официальных руководителей внешней политики США. Известно, например, что руководители госдепартамента не раз выступали с лозунгом «упорядоченной эволюции». К ней призывал, в частности, уже упоминавшийся Дж. Аллен. Он предупреждал против «немедленного» предоставления независимости многим колониям, уверяя, что внезапный разрыв «жизненных связей» этих территорий с метрополиями может привести к «политической и экономической нестабильности», к политическому «вакууму»¹. За «упорядоченную эволюцию» африканских народов ратовал другой помощник государственного секретаря в правительстве Эйзенхауэра — Саттеруэйт². Джон Ф. Даллес также неоднократно предостерегал деятелей национального движения в странах Азии и Африки от «торопливых», «быстрых» шагов к независимости³.

Государственный департамент, как и реакционные идеологи, добивается от буржуазных националистов отказа от «негативности», призывает их к «умеренности» и «созидательной» деятельности. Так, бывший помощник государственного секретаря США Ф. Вилкоккс ставил задачу «канализирования» энергии и энтузиазма вновь найденного национализма азиатских стран, который является огромной силой, в продуктивные и плодотворные решения»⁴. А Дж. Аллен дополнял Ф. Вилкоккса требованием обуздать «чисто негативные» элементы, которые не удерживаются в рамках здорового национализма⁵. Что это означает на деле, империалисты США наглядно продемонстрировали, например, в 1957 г. в Иордании, организовав свержение там патриотического правительства. Нечто подобное они тогда же пытались проделать в Сирии и Ливане.

«Американские правящие круги... требуют, — указывал в связи с этим Н. С. Хрущев, — чтобы Турция рас-

¹ См. «The Annals...», July 1956, p. 118, 120.

² См. «Current History», July 1959, p. 29.

³ См. «New York Times», 11 June 1954.

⁴ «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 285 (курсив мой. — К. Б.).

⁵ «The Annals...», July 1956, p. 118.

правилась с негодным США правительством Сирии, чтобы в Сирии было создано такое правительство, которое было бы послушным орудием в руках США, проводило бы политику закабаления арабских стран империалистами США, вело бы их в кабалу к американцам»¹.

Выше говорилось о том, что буржуазные идеологи видят серьезнейший недостаток и «узость» национализма в странах Востока в отстаивании национальной независимости и суверенитета и не жалеют усилий для защиты идей «взаимозависимости». И в данном вопросе они следуют за руководителями госдепартамента, которые также ратуют, и притом весьма энергично, за «взаимозависимость».

Так, выступая в октябре 1959 г. на сессии Дальневосточного Совета торговли и промышленности, заместитель государственного секретаря США Д. Диллон (ныне министр финансов) всячески подчеркивал, что «взаимозависимость жизненно необходима для свободы и прогресса»².

Свою борьбу против национально-освободительного движения американские правящие круги пытаются представить как защиту от «коммунистической опасности». Буржуазные идеологи, как будет показано далее, защищают и пропагандируют те же идеи.

Можно было бы продолжить эти довольно характерные параллели, однако и приведенные сопоставления служат, на наш взгляд, убедительным доказательством правильности уже сделанного вывода о том, что *трактовка буржуазными идеологами проблемы национализма в странах Азии и Африки есть попытка теоретически оправдать и подкрепить неокOLONиалистскую политику, в особенности курс империалистов на сговор с частью национальной буржуазии, помешать идеологическими средствами дальнейшему развертыванию национально-освободительной борьбы и окончательному крушению колониализма.*

¹ Н. С. Хрущев, За прочный мир и мирное сосуществование, Госполитиздат, 1958, стр. 201.

² «New York Times», 8 October 1959.

§ 2. О характере и некоторых особенностях национализма в странах Азии и Африки на современном этапе

Конкретное рассмотрение хотя бы некоторых сторон национализма в странах современного Востока, как идеологии и политики, представляет несомненный интерес. Национализм этот трактуется здесь в общем виде, как нечто единое, несмотря на огромное разнообразие условий в странах Азии и Африки. Такая постановка вопроса представляется нам правомерной.

Разумеется, национализм имеет свои особенности в каждой из этих стран вследствие различий в исторических условиях, в политическом и экономическом положении, в расстановке классовых сил. Однако они касаются не самого главного. Колониальное прошлое этих стран и переживаемый ими в настоящее время один и тот же этап развития обуславливают общность основных, принципиальных черт национализма, его общественно-политического значения в странах Азии и Африки¹.

В качестве базы для конкретного анализа политики национальной буржуазии берется преимущественно Индия. Обширные размеры страны, большая численность населения, широкое поле для социальных изменений, относительно высокий уровень развития, сила и организованность буржуазии, значительная степень классовой дифференциации делают здесь картину более ясной.

Выбор Индии как основного источника конкретного материала оправдан и тем, что проводимый руководителями этой страны внутри- и внешнеполитический курс встречает одобрение буржуазно-националистических кругов в ряде других стран Востока и влияет на их программу.

Постановка вопроса. Как уже отмечалось, марксизм-ленинизм видит в национализме идеологию и политику буржуазии, которые, трактуя нацию как высшую и непреходящую форму общественного единства с тождественными, гармоничными интересами всех его предста-

¹ Конечно, анализ специфических черт национализма в отдельных странах Востока очень важен, но это — задача, требующая специального исследования.

вителей, выдают за общенациональные интересы классовые устремления буржуазии. Национализм в теоретическом и практическом отношении составляет основу, исходя из которой буржуазия пытается в рамках национального «единства» отрицать или по крайней мере отодвинуть в любом случае на задний план классовую борьбу трудящихся и «объединить» данную нацию, противопоставив ее другим нациям.

Если сущность национализма заключается прежде всего в отстаивании классовых интересов буржуазии, выдаваемых за общенациональные, то, следовательно, чтобы дать оценку национализму, необходимо выяснить, *каков классовый интерес буржуазии на том или ином историческом этапе, какова цель ее политики.* Поэтому выводы о характере и общественной роли национализма должны, на наш взгляд, опираться на анализ конкретно-исторических условий страны или группы стран, на анализ интересов и политики буржуазии.

Чем же обуславливается содержание и общественная роль национализма в странах Востока на данном этапе?

Подавляющее большинство бывших колониальных и зависимых стран, т. е. те страны Азии и Африки, где у власти встала национальная буржуазия, переживает в настоящее время *национальный, демократический* этап общественных преобразований. Перед ними не стоят непосредственно социалистические задачи. *Главным противоречием нынешнего периода является противоречие между империализмом и поддерживаемым им феодализмом, с одной стороны, и становящейся нацией — с другой.* Необходимость развития производительных сил, стремление покончить с колониальными отношениями в политике и экономике являются основой для сплочения всех патриотических слоев нации в этих странах.

Эти общие интересы составляют объективную базу для образования на данном этапе в странах Азии и Африки общенационального, демократического фронта борьбы. «Цели, которые стоят перед Демократическим фронтом, — писал генеральный секретарь Национального совета Коммунистической партии Индии А. Гхош, — есть *национальные* цели — завоевание полной независимости, постановка национальной экономики на здоровые ноги, подъем на более высокий уровень жизни и

культуры всей нации. Поэтому *по объему* так же, как *по целям*, этот демократический фронт... есть национальный. Это не фронт одних трудящихся масс, и он не ставит на этой стадии социалистических целей. Это — фронт национальной демократической революции»¹.

Здесь все еще имеет место известное, хотя и преходящее, совпадение антиколониальных и антифеодальных интересов национальной буржуазии с антиимпериалистическими и антифеодальными интересами масс. Поскольку империализм есть основное препятствие на пути к осуществлению национальных целей, противоречие между ним и национальной буржуазией является на данном этапе коренным. Национальная буржуазия выступает и против феодализма, который препятствует ликвидации колониальной отсталости, сковывает развитие капитализма, мешает упрочению позиций буржуазии и укреплению национальной самостоятельности. В этих вопросах буржуазия выступает как *класс*, заинтересованный в утверждении своего господства над «собственным» народом в рамках национально-независимого государства. Расхождения внутри буржуазии могут возникнуть и действительно возникают по вопросу о конкретных методах разрешения этих противоречий, о мерах уступок империалистам и феодалам. Объективно национальная буржуазия еще способна отражать в определенной, хотя и ограниченной, степени общенародный интерес, участвуя в антиимпериалистической и антифеодальной борьбе. Она не исчерпала еще в этих странах своего «кредита» в глазах народных масс; она не стояла у власти в годы колониального владычества и не была скомпрометирована вместе с империалистами. Напротив, ее активная роль в национально-освободительном движении, увенчанном завоеванием национальной независимости, проводимые ею меры по ограничению феодальных отношений, снискали ей определенный авторитет среди трудящихся. Это, конечно, не означает, что в данной группе стран не произошло уже серьезного социального размежевания, нет столкновения классовых интересов в рамках главного противоречия, в первую очередь относительно *путей* разрешения этого противоречия.

¹ *Ajoy Ghosh*, The United Front, «New Age», February 1956, p. 5.

Известно, что существует принципиальное различие, особенно если иметь в виду конечные цели освободительного движения, между завоеванием независимости в условиях гегемонии пролетариата, единственного до конца последовательного борца за свободу, и достижением суверенитета при руководстве национальной буржуазии. Буржуазия непоследовательна, своекорыстна и в решении национальных задач. Она добивается их осуществления в основном за спиной масс и за их счет, боясь подъема сознательности и активности народа. Передовые силы рабочего класса и всех трудящихся сознают слабости национальной буржуазии, порожденные ее узкоклассовыми тенденциями. Являясь искренним союзником национальной буржуазии в антиимпериалистической борьбе, они стремятся нейтрализовать указанные тенденции и обеспечить полную победу национально-демократической революции.

Говоря об историческом этапе, переживаемом ныне бывшими колониальными и зависимыми странами, о роли и позиции национальной буржуазии, необходимо учитывать международную обстановку.

Национально-освободительное движение и национализм в странах Азии и Африки развиваются в условиях обострения общего кризиса капитализма, когда все ярче выявляются обреченность империализма и превосходство социализма. Рост могущества Советского Союза и мировой социалистической системы создает благоприятные предпосылки для широкого развертывания национально-освободительной борьбы, придает ее участникам новые силы и уверенность. Он влияет и на национальную буржуазию, усиливая ее антиимпериалистические тенденции, накладывает отпечаток на идеологию и политическую программу буржуазных националистов.

Огромное значение для современного Востока имеют экономические достижения Советского Союза, особенно хозяйственный и культурный расцвет республик Средней Азии и Закавказья. Стоящая перед Индией, Индонезией, Ираком, Бирмой, ОАР и другими странами задача ликвидации отсталости и создания передовой национальной экономики порождает и среди буржуазных националистов острый интерес к опыту Советского Союза, который успешно решил эту проблему. Очень

важно и то, что молодые национальные государства могут опереться на социалистические страны в создании своей национальной экономики.

Антиимпериалистические тенденции национальной буржуазии в странах Азии и Африки в известной мере определяются также агрессивным курсом, проводимым в международных делах влиятельными кругами США и других западных держав. Странам Азии и Африки, которые только что завоевали независимость или еще сражаются за нее, необходим мир для решения стоящих перед ними сложных задач. Тот факт, что Советский Союз и другие социалистические государства последовательно борются за мир, а империалистические круги, подстегиваемые магнатами военной индустрии, поощряют гонку вооружений, находится в центре внимания общественности в странах Востока.

Национально-освободительное движение в Азии и Африке окрепло в борьбе против колониального ига финансовых монополий — самого худшего вида национального гнета. Борьба с американскими, английскими, французскими, бельгийскими, голландскими и другими империалистами не могла не породить у народов Востока чувства солидарности и известной общности, убеждения в том, что для победы над колонизаторами необходимо тесное антиимпериалистическое единство.

Большое воздействие на позицию буржуазии, на формы, в которые выливается ее политика, оказывают массы, когда они организованы и политически активны. Вовлекаемые в национально-освободительную борьбу в условиях общего кризиса капитализма, укрепления могущества социалистических стран и роста притягательной силы социалистических идей, народные массы вносят в движение свой революционный демократизм, свое, навеянное примером Советского Союза и других социалистических стран, влечение к социализму. Буржуазия стран Азии и Африки нуждается в поддержке масс для завоевания, а затем и упрочения национальной независимости. Кроме того, она пока относительно слаба, часто не имеет достаточно сильного государственного аппарата с прочными антидемократическими традициями. Поэтому она в определенной степени вынуждена, по крайней мере в первое время после прихода к власти, прислушиваться к голосу масс, особенно

в условиях, когда национально-освободительная борьба пробудила в них политическую активность. «Не в наших силах было, — признавал Гамаль Абдель Насер в 1954 г., — стоять на дороге истории подобно регулируемому движению полисмену и задерживать движение одной (социальной. — К. Б.) революции, пока другая национальная («политическая») не пройдет мимо, чтобы предупредить их столкновение. Единственным возможным было действовать так хорошо, как мы могли, и стараться избежать быть стертým между жерновами. Было неизбежно, что мы идем через две революции одновременно»¹.

Наконец, при рассмотрении позиции национальной буржуазии нельзя не принимать в расчет нажим, которому подвергаются националистические круги со стороны империалистических стран. Империалисты пытаются направить национально-освободительное движение в удобное им русло и, применяя более гибкие и замаскированные методы, продолжать колониальную эксплуатацию. С этой целью они стремятся «приручить» национальную буржуазию, притупить антиимпериалистическое острие национализма, направить буржуазных националистов против последовательно прогрессивных сил как внутри стран Азии и Африки, так и на международной арене.

Было бы ошибкой считать подрывные действия империалистов беспочвенными и бесперспективными. Они имеют определенную основу в буржуазной природе национализма, в боязни, с которой национальная буржуазия относится к массам.

Известная боязнь масс, недоверие к ним постоянно порождают колебания национальной буржуазии и могут при военном, политическом, экономическом и идеологическом давлении империализма быть базой для ее компромиссов с колонизаторами и отказа от части национальной программы.

Таковы некоторые основные моменты, которые, на наш взгляд, нужно учитывать при определении общего характера современного национализма в освобождающихся странах.

¹ Premier *Gamal Abdul Nasser*, *Egypt's Liberation, The Philosophy of the Revolution*, Washington, 1955, p. 43—44.

Об идеологии национализма в странах современного Востока. Главными принципами всякого буржуазного национализма как идеологии являются: 1) положение о нации как высшей форме общественного единства, 2) идея национальной исключительности, национального превосходства.

Речи и печатные выступления руководителей и идеологов национализма в странах Азии и Африки, программы националистических партий и другие источники показывают, в какой конкретной и своеобразной форме находят свое выражение на нынешнем этапе в странах Азии и Африки основные идеи буржуазного национализма.

Националистические руководители и идеологи в странах Востока настойчиво выдвигают идею о национальном единстве и национальной общности, как некой суверенной общности, стирающей социальные и классовые перегородки. Само антиимпериалистическое единство сводится ими к выражению этой общности — и только. Национализм выдается за общенародную идеологию, отождествляется с национальным самосознанием.

Выступая на массовом собрании в Калькутте в августе 1957 г., Дж. Неру говорил: «Мы живем в опасные времена, когда слабые и разобщенные нации не могут выстоять и должны погибнуть... Я хочу, чтобы Вы дали следующую клятву: «Мы, в первую очередь, верны Индии. Мы будем служить Индии, и мы принимаем без всяких оговорок единство Индии как самое главное для нас, считая все остальное второстепенным»». В январе 1960 г. в речи на митинге в Эрнауламе. Неру подчеркивал, что «будущее Индии будет вполне обеспечено только путем сочетания, во-первых, национализма и, во-вторых, модернизма». Те же идеи развивают и другие лидеры партии Индийский национальный конгресс. Президент Насер неоднократно подчеркивал, что «каждый араб верит в арабский национализм». «Мы все должны, — говорил он, — высоко держать знамя арабского национализма. Арабский национализм является нашим путем». Целью Национального союза ОАР Насер объявлял создание «жизнеспособной нации». Он пропагандировал чувство «любви к своим соотечественникам» и осуждал систему политических партий, в частности, за

то, что она распространила семена раскола среди «детей Египта». В интервью члену английской палаты общин В. Уайатту в августе 1960 г. Насер заявил: «Что касается ОАР, то национализм здесь является движущей силой. Народ выступает за национализм и относится к национализму как к желаемой и твердо установленной идеологии».

Подобные высказывания содержатся во многих выступлениях президента Индонезии Сукарно. В речи по радио в феврале 1957 г. он говорил: «Само слово «национальный» означает большую семью». А Осуман Састроамиджой, посол Индонезии в Аргентине, формулировал «национальную концепцию» Индонезии, например, в следующих словах: «Все слои общества без исключения должны сотрудничать между собой ради благосостояния нации. Подчеркивание острых политических разногласий... может привести... к гражданской войне».

Во всех этих высказываниях содержится одна из основных специфических идей буржуазного национализма — идея надклассовой национальной общности. Однако конкретно-исторические условия бывших колониальных и зависимых стран, где национальные связи устанавливаются в борьбе против колониализма и поддерживаемого им феодализма, придают этой идее определенное прогрессивное значение. Идея эта приобретает в первую очередь антиимпериалистическую, антифеодалную направленность, выступая не только как идея классового сотрудничества, но и как идея суверенности нации в политическом и экономическом отношениях.

Отмечая влияние идей национализма в странах Азии и Африки, Неру говорил, что для этих стран «национализм означает невмешательство со стороны других стран», что «современный национализм является реакцией против иностранного империализма и расизма»¹. Такую же мысль подчеркивал Сукарно. «Для нас, — заявлял он, — национализм означает возрождение наших наций, обеспечение уважения для наших народов, решимость взять будущее в свои руки. Для нас национализм — это любовь к стране и решимость улучшить

¹ J. Nehru, *India To-day and To-morrow*, «AICC. Economic Review», April 1, 1959, p. 5.

ее... Мы, националисты, потому что это наше право — завоевать достойное место в семье народов, отнятое у наших предков три с половиной столетия тому назад»¹. В другом своем выступлении, сославшись на сосуществование диаметрально противоположных систем — капитализма и социализма, Сукарно говорил: «Однако в мире имеется другой большой конфликт, конфликт, при котором невозможно мирное сосуществование. Я имею в виду конфликт между империализмом и национализмом».

Представляет интерес замечание генерального секретаря Бандунгской конференции Р. Абдулгани. По его словам, в выступлениях большинства делегатов конференции постоянно подчеркивалась неразрывная связь национализма в Азии и Африке с антиколониализмом².

В заявлениях президента ОАР Насера выдвигаются такие же положения. «Арабский национализм, — говорил он, — защищает арабские народы от империалистических заговоров... Это сильное оружие, при помощи которого мы будем бороться против агрессии и иностранного господства... Это — наша сила в длительной борьбе, которую мы ведем за наши права на жизнь и свободу». Насер подчеркивал также, что идея арабского национализма означает братство арабских народов в борьбе против эксплуатации и империалистического господства, суверенитет всей арабской нации, независимость арабских народов и повышение их жизненного уровня³. Единство всех слоев населения Египта Насер характеризовал как «первое средство обеспечения безопасности в процессе становления нации». А вот как характеризует «кредо» националистов деятель мальгашского национального движения Ж. Рабемананжара: «Они стали националистами, потому что они хотят

¹ Сукарно, Индонезия обвиняет, стр. 337, 340.

² См. *R. Abdulgani, The Asian — African Conference in Retrospect, «Foreign Affairs Reports», vol. IV, No 8, August 1955, p. 105.* Можно было бы заметить, что нельзя исходить только из заявлений националистических руководителей и идеологов. Вместе с тем вряд ли правильно игнорировать то объективное содержание, которое проглядывает в этих заявлениях, сходных у националистов разных стран. Немаловажно и то, что они декларируют и пропагандируют, обращаясь к массам.

³ См. «Правда», 15 ноября 1958.

пользоваться всей полнотой национального суверенитета, потому что они добиваются прав и уважения, которыми пользуются народы, сами распоряжающиеся своей судьбой»¹.

Таким образом, есть основания утверждать, что в идеологии национализма на современном Востоке принцип национальной общности имеет также антиимпериалистическое и антифеодальное содержание. В этой связи сам национализм приобретает некоторые черты антиимпериалистической идеологии. Но было бы неправильно не замечать реакционную уже на данном этапе сторону указанного принципа. В соответствии с классовой природой буржуазного национализма и его конечными целями идея национальной общности уже сейчас используется для того, чтобы помешать классовому самоопределению масс, подъему их политического сознания, чтобы завоевать и упрочить господство буржуазии над остальной частью нации. Это находит свое выражение в проповеди классового мира и классового сотрудничества, занимающей большое место в печатных и устных выступлениях националистических лидеров.

«Мы хотим подчеркнуть, — говорил Насер на конференции национальных кооперативов в декабре 1957 г., — что основой общества является социальная солидарность». В речи, произнесенной в феврале 1960 г. в г. Халебе, он вновь подчеркивал: «Наш путь построения общества — это мирный путь, который не знает столкновения классов и партий». Насер призывает к «устранению разногласий между классами», к «мирному сосуществованию между всеми сынами... отечества».

Руководители Индийского национального конгресса постоянно пропагандируют «единство в упорном труде», призывают «всех членов общества сотрудничать», подчеркивают значение «этического», гандистского подхода к политическим и социальным проблемам. Они высоко отзываются о тех организациях и движениях, которые построены на принципах классового сотрудничества, вроде движений «бхудан» и «грамудан».

¹ *J. Rabemananja, Nationalisme et Problemes Malgaches. Presence Africaine, Paris, 1959, p. 83.*

Видный деятель партии Индийский национальный конгресс, бывший премьер-министр штата Уттар Прадеш Сампурнананд писал в августе 1958 г.: «Взаимоотношения между классами могут быть горизонтальными, вместо того чтобы быть вертикальными: не отношениями владельца и работника, а отношениями коллег и партнеров в общем предприятии. Тогда не может быть и речи о классовых конфликтах. Махатма (Ганди. — К. Б.) призывал капиталистов смотреть на себя как на попечителей»¹. Коллега П. Сампурнананда по партии Г. Джайахандран выражается еще более определенно. Он подчеркивает, что ядром «индийской идеологии должно быть поддержание сердечных отношений между капиталом и трудом в интересах прогресса страны»². «Между рабочими и хозяевами должен поддерживаться мир»³, — заявлял министр транспорта и связи Индии П. Сабборайян. Когда в июле 1960 г. служащие центральных правительственных учреждений объявили забастовку в защиту своих прав и заработной платы, печать Конгресса под флагом «патриотизма» выступила против стачечников. Журнал «Economic Review», например, критикуя «антипатриотические элементы» (т. е. стачечников. — К. Б.) подчеркивал: «Сегодня страна нуждается в глубоком чувстве патриотизма, подобном тому, какой был продемонстрирован борцами за свободу. Если они могли отдать свою жизнь, чтобы завоевать свободу для нас, не следует ли нам забыть наши мелкие ссоры и объединиться целеустремленно. !»⁴

Чем консервативнее националисты, тем активнее выдвигается ими реакционная сторона принципа национальной общности, тем откровеннее ее антидемократический характер. Делается это с целью затушевать социальные противоречия и во имя «национального прогресса» без помех эксплуатировать трудящихся.

Стремясь более глубоко обосновать идею классового сотрудничества, националисты нередко пытаются доказать, что ее истоки заключены в национальных традициях соответствующих народов Востока. В качестве

¹ «AICC. Economic Review», August 1, 1958, p. 9.

² «AICC. Economic Review», February 15, 1960, p. 15.

³ «The Hindustan Times Weekly», 16 April 1961.

⁴ «AICC. Economic Review», July 22, 1960, p. 6.

такого традиционного принципа выдвигается в Индии «терпимость» и «ненасилие», в Бирме — «благотворительность» и т. д.

Идеи, пропагандируемые националистами как «традиционные», чаще всего имеют религиозное происхождение. Хотя национализм в странах Азии и Африки нередко выступает в более или менее тесной связи с религиозными доктринами, религия при этом, как правило, не играет самостоятельной роли. Национализм (на этом сходится большинство исследователей как на Западе, так и в самих освобождающихся странах) имеет «светский», «секуляризованный», характер. Религиозные же идеи, как признают сами националистические идеологи, а также многие специалисты в странах Азии и Африки¹, приспособляются к его нуждам, играя роль оболочки, в которой порой выступает политическая и экономическая программа националистов. Более того, по мере своей эволюции национализм постепенно, хотя далеко не полностью, освобождается — и это естественно с точки зрения логики общественного развития — от религиозных наслоений.

Было бы, однако, неверным видеть источники указанных «наслоений» в одних феодальных пережитках. Дело и в том, что некоторые буржуазные националисты стремятся сохранить элементы религиозного мировоззрения для более «солидного» обоснования и пропаганды идей классовой гармонии и отказа от классовой борьбы. Именно в этом пункте всего теснее связь между националистической и религиозной идеологиями. Несомненно, например, связь идей классового сотрудничества в индийском национализме с философией индуизма, гандизма. Идеологи индийской национальной буржуазии, придав национализму с течением времени светский характер, в то же время всячески стараются поддерживать в сознании народа указанные принципы. Не случайно и то, что правое крыло националистов за редким исключением опирается на религию. Ее используют определенные националистические круги, например, в ОАР и Марокко, для борьбы с демократическими силами.

¹ См. Premier *Gamal Abdul Nasser*, *Egypt's Liberation, The Philosophy of the Revolution*, p. 104; *A. Desai*, *Social Background of Indian Nationalism*, Bombay, 1954, p. 137, 290—291.

Что касается идеи национальной исключительности и национального превосходства — другой центральной идеи буржуазного национализма — ее наличие в идеологии национализма современного Востока настойчиво отрицается руководящими националистическими деятелями и теоретиками в странах Азии и Африки. Сукарно, например, много раз подчеркивал, что его национализм свободен от шовинизма¹, что «национализм бесплоден, если он не живет в лоне интернационализма»².

В статье, опубликованной в советской печати, Сукарно писал: «Азиатский национализм является священной силой, которая стремится к независимости своей родины, независимости определенной нации... среди содружества наций всего мира... Азиатский национализм проникнут любовью ко всему человеческому. Этот национализм дает ясное представление каждому народу, что он является частью всего человечества»³. Соотечественник и соратник Сукарно Р. Абдулгани утверждает, что «одним из наиболее важных ингредиентов» азиатско-африканского национализма является «мировое сознание» (*world consciousness*), играющее, правда, подчиненную роль, пока колониализм не уничтожен полностью и национальная независимость не упрочена окончательно⁴.

Подобные высказывания мы находим у Неру, Паникара, Састроамиджойо и др. Неру неоднократно выступал против «национальной ограниченности» и за «интернационализм». Насер говорил в свою очередь, что арабский национализм не направлен против какой-либо страны, если она не вмешивается во внутренние дела арабских стран и уважает их независимость. А Ж. Рабемананжара подчеркивает, что враждебность к другим народам не может не быть чуждой мальгашскому национализму, поскольку она противоречит «сознанию космического братства, которое составляет сущность» мальгашской цивилизации⁵. Разумеется, современный национализм в странах Азии и Африки не может быть

¹ См. «Новое Время» № 30, 1956, стр. 6.

² Сукарно, Индонезия обвиняет, стр. 265.

³ «Правда», 11 октября 1956.

⁴ R. *Abdulgani*, *The Asian—African Conference in Retrospect*. «Foreign Affairs Reports», vol. IV, No 8, August 1955, p. 100.

⁵ J. *Rabemananjara*, *Nationalisme et Problemes Malgaches*, p. 149.

«особым» национализмом. В силу своей классовой природы национализм всегда таит в себе национальные и классовые антагонизмы, элементы шовинизма и т. д.

Подчеркивая данное обстоятельство, нельзя в то же время игнорировать заявления националистических идеологов и руководителей об «интернационализме», свойственном, по их словам, национализму в странах Азии и Африки. За этими заявлениями скрывается определенное содержание. Оно отражает влияние, которое оказывает на идеологию национализма идея солидарности, рожденная в ходе антиколониальной, антиимпериалистической борьбы. Известная близость этой идеи к тем, с которыми на данном этапе связана идеология национализма в странах Азии и Африки, например идеям национального антиколониального единства, национального суверенитета, очевидна. Правильность такого вывода подтверждается материалом, который содержится в работах различных авторов.

Р. Абдулгани, например, отмечая, что «Азия и Африка объединены общим национализмом», разъясняет: «...повсюду в этой огромной области существует общий антиколониальный взгляд и общее пронациональное чувство. Это чувство есть сильный цементирующий фактор, который на данной стадии развития объединяет эту область¹. К. Паниккар в свою очередь говорит о так называемом «asianism'e» и отмечает, что он порожден общим колониальным опытом на протяжении целого века². Подобную точку зрения высказывают многие японские авторы. Они считают, что связь, которая объединяет «национализм» в разных странах Азии и Африки, «есть общий фактор антиколониализма»³. Во французском буржуазном журнале «Economie et humanisme» также подчеркивается, что «интернационализм» националистов современного Востока «пропитывают антиколониалистские заботы»⁴.

Немаловажную роль играет и то обстоятельство, что в странах Азии и Африки расизм, шовинизм и национальная исключительность являлись знаменем колони-

¹ R. *Abdulgani*, *The Asian — African Conference in Retrospect*, «Foreign Affairs Reports», vol. IV, No 8, August 1955, p. 101, 102.

² См. К. *Panikkar*, *Asia and Western Dominance*, p. 493, 494.

³ «Asian Affairs», vol. 1, No 4, December 1956, p. 394.

⁴ «Economie et humanisme» No 104, mai — juin 1957, p. 253.

затов и были скомпрометированы. Это не могло не оказать влияния на идеологию национализма. Антиколониализм, как нам кажется, в известной мере препятствует на данном этапе развитию в национализме в странах Востока идей национальной исключительности, превращению ее в господствующую. Заслуживает внимания в этой связи высказывание на Бандунгской конференции представителя Сирии Халеда Эль Азема. «У нас нет империалистических мотивов, — говорил он, — ибо мы сами были жертвами иностранного господства. Мы не одобряем никакой дискриминации — расовой, цвета кожи, языка, веры. . . , ибо сами были и все еще являемся жертвами дискриминации. Мы не имеем целью ни эксплуатацию, ни запугивание и ни завоевание, ибо наши ресурсы подвергаются эксплуатации, наша политическая жизнь — запугиванию и наши страны — завоеванию»¹.

Вместе с тем необходимо отметить, что идея национального превосходства уже дает о себе знать. Она проявляется, например, в рассуждениях об особой исторической миссии арабов, в попытках трактовать единство арабских народов как объединение под эгидой одного из арабских государств, которое иногда объявляют «руководителем и моральным вождем арабского Востока»². И отнюдь не исключено, что идея национальной исключительности в недалеком будущем может проявиться в национализме в странах Азии и Африки с большей силой.

Подводя итоги, можно, на наш взгляд, утверждать, что в нынешних условиях в идеологии национализма в странах Азии и Африки в основном преобладает антиколониальная, антиимпериалистическая и антифеодалская сторона. Именно в ней и выражена (в форме, неизбежно ограниченной вследствие буржуазной природы национализма) идея национального освобождения, что позволяет выдавать национализм за общенародную идеологию, выдвигать его как знамя национального движения. В национализме в данном случае находит известное отражение демократизм национально-освободительного движения, протест против империалистического гнета, стремление к национальной независимости и

¹ «Vital Speeches of the Day», June 1, 1955, p. 1278.

² *Anwar El Sadat, Revolte sur le Nil*, Paris, 1957, p. 142.

общественному прогрессу той части масс, которая еще не поднялась до классового сознания. У них, в частности у значительных слоев крестьянства, национализм носит антиимпериалистический характер и выступает как первоначальная, неразвитая форма антиимпериалистического сознания, вырабатывающегося в борьбе с колонизаторами.

То содержание идеологии национализма в странах Азии и Африки, которое является на данном этапе прогрессивным, вырастает исключительно из его связи с национально-освободительной борьбой, главной силой которой выступают народные массы, добивающиеся уничтожения колониализма и осуществления коренных социальных преобразований. Народными массами, например, рождена и отстаивается идея антиколониальной солидарности, которая была знаменем исторических конференций в Бандунге и Каире, Ташкенте и Конакри, Тунисе и Касабланке. Антикапиталистические настроения масс, их тяготение к социализму как символу национальной свободы и общественного прогресса побуждают многие националистические партии в странах Востока выставлять лозунги социализма. Это признают и многочисленные буржуазные исследователи и публицисты, в том числе в самих освобождающихся странах.

Коммунисты видят прогрессивную сторону национализма в странах Азии и Африки. В то же время они подчеркивают противоречивость и ограниченность националистической идеологии, ее неспособность вследствие буржуазной природы выражать последовательно идею национального освобождения и коренные цели движения. Уже отмечалось, что на современном Востоке нации складываются в процессе борьбы против колониализма, за политическую и экономическую независимость, за общественные преобразования. В таких условиях идея национального освобождения, являющаяся знаменем национального движения народов Азии и Африки, особенно тесно переплетается с идеями общественного и социального прогресса. Она является антиимпериалистической по своей сущности. И только та идеология, которая последовательно и до конца выражает антиимпериалистическую тенденцию, может быть подлинной путеводной звездой национально-освободительного движения.

Националистическая же идеология подготавливает политические и духовные предпосылки для консолидации наций в странах Востока на *капиталистической* основе. А в условиях, когда процесс формирования нации здесь носит антиимпериалистический характер и происходит в период, когда капитализм как общественно-экономическая формация уже сходит с исторической сцены, когда борьба народных масс в странах Азии и Африки против порожденного капитализмом колониального гнета неотделима от борьбы за глубокие общественные преобразования, это противоречит в конечном счете внутреннему содержанию процесса в целом. Это противоречит и тому факту, что данный процесс является частью борьбы человечества против всех форм гнета.

Идея «надклассового» национального единства, выдающая устремления буржуазии за общенациональные интересы и абсолютно исключая постановку вопроса о *классовых* интересах трудящихся, препятствует подъему политического сознания масс, их активности и самостоятельности, без чего нельзя решать задачи национальной реконструкции. Идея «надклассового» национального единства, как и соответствующая ей политика буржуазии, если они выдвигаются на первый план и навязываются буржуазией всему национальному движению, неизбежно ведут к столкновению с силами, представляющими чаяния масс, и могут вызвать разобщение национально-освободительного движения.

Коммунисты предупреждают, что национальная исключительность и национальный эгоизм, присущие всякому национализму, не могут не проявляться и в странах Востока. А это чревато угрозой раскола патриотических, антиколониальных сил как внутри отдельных стран, так и в масштабах всего антиколониального фронта народов этих стран.

Антидемократические, узкоклассовые тенденции буржуазного национализма ограничивают его роль как орудия борьбы с проимпериалистической идеологией. По своему характеру капитулянтская идеология чрезвычайно эклектична. В ней, с одной стороны, используется идейная похлебка прислужников колонизаторов периода колониального правления: преклонение перед

империалистическим Западом, стремление рабски его копировать, нигилистическое и антипатриотическое отношение к национальной культуре и традициям своей страны, боязнь общественного прогресса, пренебрежение и ненависть к массам. С другой стороны, в ней широко представлены «новейшие» положения, заимствованные из произведений адвокатов «нового» колониализма: космополитические нападки на принцип национальной независимости, проповедь «взаимозависимости» и «наднационального кооперирования» с империалистическими державами Запада, демократическая фразеология, маскирующая ненависть к массам, апология «эволюционного» решения назревших общественных проблем и т. д.

Несмотря на эклектичность и расплывчатость идеологии капитулянтства и соглашательства, ее неотъемлемой частью является антикоммунизм, более или менее прикрытый антидемократизм. Наличие в буржуазном национализме известных антидемократических, антикоммунистических тенденций всегда оставляет лазейки для проимпериалистической идеологии. Как идеология национально-освободительного движения, буржуазный национализм носит тем более ограниченный характер, что в настоящее время существует социалистическая, марксистско-ленинская идеология — идеология рабочего класса и его коммунистических партий, которая с максимальной полнотой и последовательностью выражает идеи национального освобождения.

Будучи выражением интересов пролетариата, социалистическая идеология общенародна и направлена против всех форм гнета и эксплуатации. Национальное порабощение и расовая дискриминация, национальные привилегии и национальный эгоизм несовместимы с социалистическим мировоззрением. Социализм предполагает полное освобождение, общественный прогресс и национальный расцвет всех народов. Социалистическая идеология, таким образом, последовательно проводит идею национальной свободы.

В социалистическом мировоззрении нет места для идей национальной исключительности или национального превосходства. Выдвигая горячо поддерживаемые всеми патриотами задачи национального освобождения и возрождения стран Азии и Африки, подъема их

экономики и культуры, социалистическое мировоззрение помогает понять, что этих целей следует добиваться соединенными усилиями всех наций. Поэтому социалистическая идеология способствует укреплению интернациональной солидарности народов Азии и Африки, сплочению всех антиимпериалистических сил в мире.

Коммунистические партии стремятся вооружить социалистической идеологией национально-освободительное движение, справедливо усматривая в этом важнейшую предпосылку его полной победы. Они исходят из объективного развития событий. В странах Азии и Африки на основе экономического прогресса углубляется классовая дифференциация, особенно после завоевания политической независимости. В этот период на первый план выдвигаются задачи социальных, демократических преобразований как условие для достижения национальных целей. Растет сознательность и той части масс, которая подпала под влияние буржуазии. Массы начинают убеждаться, что на данном этапе национализм все менее в состоянии выступать как форма антиимпериалистического национального сознания и становится все ограниченнее. В поисках мировоззрения, последовательно выражающего их антиимпериалистические устремления, они все чаще обращаются к социалистической идеологии, подлинными носителями которой являются коммунистические партии.

О политическом курсе национальных буржуазных правительств в странах Азии и Африки. Рассмотрим некоторые стороны политики национальной буржуазии для того, чтобы лучше уяснить интересы и общественную роль национальной буржуазии на современном этапе, глубже понять подлинное значение национализма в странах Востока.

На международной арене большинство национально-буржуазных государств Азии и Африки ведет в основном антиимпериалистическую политику, борется против колониализма и за упрочение мира. В этом деле национализм как идеология и политика одной из сил национально-освободительного движения — национальной буржуазии — играет положительную роль.

Распад колониальной системы и возникновение в Азии и Африке десятков новых независимых государств лишают империалистов огромных материальных и люд-

ских резервов, затрудняют для них доступ к весьма важным источникам сырья. В результате происходит обострение *всех* противоречий империализма. В частности, трения, вызванные соперничеством империалистических держав в районах Азии и Африки и серьезно обостряющиеся в связи с национально-освободительной борьбой народов Востока, являются одним из главных факторов, которые нередко мешают империалистам действовать сообща в международных делах.

Борьба народов Азии и Африки против колонизаторов, все чаще перерастающая ограниченные рамки политического и идеологического руководства национальной буржуазии, мешает осуществлению военных планов империалистов, затрудняет мобилизацию их сил для подрывных действий против социалистических государств.

Превращение государств Азии и Африки в активный фактор мировой политики ведет к дальнейшему ослаблению влияния сил реакции в области международных отношений. Внешняя политика Индии, Индонезии, Объединенной Арабской Республики, Ганы, Гвинеи, Цейлона, Иракской Республики, Бирмы и других стран Азии и Африки создает немалые препятствия курсу империалистов на сколачивание агрессивных военных блоков, их попыткам проводить политику международного диктата, военных провокаций и колонизаторских авантюр.

Антиимпериалистическая, антиколониальная позиция молодых национальных государств Азии и Африки способствует их сближению между собой. Она порождает у них стремление к дружбе и сотрудничеству с социалистическими странами. Идеи национального равноправия, уважения суверенитета всех народов, которыми неизменно руководствуются в своей политике социалистические государства, их борьба против империализма и военной опасности побуждают определенную часть буржуазных националистов к установлению дружественных контактов с СССР и другими странами социализма. В результате укрепляются экономические, политические и культурные связи между социалистическими и молодыми национальными государствами, что ведет к ослаблению влияния империалистов в странах Азии и Африки.

Большинство завоевавших независимость бывших колониальных и зависимых стран входят вместе с социалистическим лагерем в «зону мира». Мирлюбивая политика молодых национальных государств Азии и Африки является одной из причин того, что война перестала быть фатальной неизбежностью.

Даже те буржуазно-националистические правительства в освободившихся странах, «прозападные» симпатии которых хорошо известны, часто бывают вынуждены объективным ходом событий идти на шаги, которые носят антиимпериалистический характер. Особенно это касается проявлений антиколониальной солидарности. Оценивая, например, внешнюю политику тунисского правительства, генеральный секретарь Коммунистической партии Туниса М. Эннафаа писал: «Вообще известно, что Тунис — это страна, которая официально находится в лагере так называемого западного мира, и что президент Бургиба сознательно отдает предпочтение так называемому свободному миру. Между тем, правительство Туниса борется за укрепление национальной независимости... и, объективно говоря, его борьба идет в том же направлении, что и борьба мировых сил, в отношении которых оно заняло непримиримую позицию»¹.

Таким образом, в вопросах внешней политики буржуазные националисты во многих странах Востока стоят на антиимпериалистических позициях. Это способствует сокращению материальных, идейных и моральных резервов империализма, обострению межимпериалистических противоречий, мешает осуществлению внешнеполитических авантур агрессивных кругов западных держав.

Конечно, это не означает, что во внешней политике миролюбивых национальных государств Азии и Африки нет противоречивости, непоследовательности. Однако это не умаляет большого прогрессивного значения их внешнеполитического курса.

Более сложным является вопрос о внутренней политике буржуазных националистов, хотя и она, естественно, нацелена в первую очередь на решение задач национального становления и реконструкции, которые не

¹ «Démocratie Nouvelle», août 1958, p. 497.

могут быть решены без антиимпериалистической борьбы. Завоевание политической независимости странами Азии и Африки не кладет конец колониализму. Хотя империалисты и лишились важных политических и экономических рычагов в этих странах, они продолжают эксплуатировать бывшие колонии. Колонизаторы опираются на свои позиции в хозяйстве этих стран, а также на всю систему международного капиталистического разделения труда с характерными для нее аграрно-сырьевой специализацией стран Азии, Африки и Латинской Америки и крайне низким уровнем развития в них производительных сил. Более того, используя экономическую слабость и зависимость этих стран, империалисты, как уже подчеркивалось, пытаются подорвать их политическую самостоятельность, восстановить свое господство.

Поэтому национально-освободительная борьба народов Азии и Африки вступает в новую фазу. Ее главная задача теперь: покончить с унаследованной от колониального прошлого отсталостью и в кратчайший срок завоевать экономическую самостоятельность, избавить массы от нищеты, темноты и на этой основе упрочить политическую независимость. Жизненность каждого режима, существующего в освободившихся странах, проверяется в первую очередь его способностью решить именно эту задачу. *Коренной особенностью нового этапа является выдвижение на первый план социальных проблем* — аграрно-крестьянского вопроса, вопросов борьбы труда и капитала, коренного изменения положения масс, расширения демократии. Не разрешая их, невозможно двигаться вперед.

Каковы в этом свете направленность и результаты внутренней политики национальной буржуазии освободившихся стран? Ее руководители объявляют своей задачей завоевание полной, то есть политической и экономической независимости, создание национальной экономики, установление социальной справедливости и повышение жизненного уровня масс.

Действительно, в молодых национальных государствах Азии и Африки проводятся определенные мероприятия, направленные на подрыв и, в конечном счете, преодоление феодальных пережитков, на развитие производительных сил, на укрепление независимости.

В Индии после провозглашения независимости была принята буржуазно-демократическая конституция, ликвидирован институт княжеств и серьезно ограничены привилегии феодальной аристократии. Вновь организованные и реорганизованные штаты создавались по лингвистическому принципу. Армия, полиция и другие части правительственного аппарата постепенно освобождались от английских офицеров и чиновников.

Были приняты меры по упразднению кастовой системы и кастовой дискриминации. Законодательным путем провозглашены равные с мужчинами права женщин. «Первому парламенту Индии, — писал видный деятель Коммунистической партии Индии Е. М. Ш. Намбудурипад, — можно вполне поставить в заслугу очень важные реформы в старомодной системе брака и наследования... Эти законы могут расцениваться как меры, сломившие правовую цепь, которая привязывала женщину к ее отцу, брату, мужу или сыну...»¹

Значительные изменения претерпели земельные отношения. С помощью выкупа была почти полностью упразднена система посредников, джагирдаров и земиндаров. Это мероприятие, как указывается в решениях IV съезда Компартии Индии, «несомненно, обуздало узаконенную власть помещиков и ограничило старинную феодальную эксплуатацию»².

Изъятые у помещиков и перешедшие в руки государства земельные излишки, как правило, могли быть выкуплены арендаторами, если они пользовались землей не менее двух лет. В некоторых штатах, например Джамму и Кашмир, Западная Бенгалия, земля, изъятая у помещиков, безвозмездно передавалась безземельным и малоземельным крестьянам. Законодательство в определенной степени ограничило произвол феодалов. В большинстве штатов была установлена максимальная арендная плата за землю, равная в среднем 20—25% стоимости валовой продукции, что значительно меньше прежних размеров арендных платежей, которые составляли от 33 до 75% урожая.

В сельском хозяйстве проводятся работы по ирригационному строительству, внедрению более совершен-

¹ «New Age», February 1956, p. 21.

² «New Age», 20 May 1956.

ной агротехники, улучшению транспорта и связи, организации кредитования и медицинского обслуживания. Эти мероприятия осуществляются главным образом с помощью так называемых программ развития сельских общин и национальной службы развития¹, которые должны в 1963 г. охватить своей деятельностью всю страну. Как утверждает в журнале «Economic Review», к сентябрю 1960 г. эта задача была решена на три четверти². «Программа развития сельских общин и национальная служба развития (НСР), — говорилось в решениях IV съезда Коммунистической партии Индии, — удовлетворяет некоторые насущные нужды деревень...»³ Результатом перечисленных и других мер были подъем урожайности и общий рост сельскохозяйственного производства, которое за период с 1949/50 по 1956/57 г. увеличилось, согласно официальным данным, на 23%⁴.

Производство продовольственного зерна за годы второго пятилетнего плана (1955/56 — 1960/61 гг.) возросло по предварительной оценке на 15%⁵.

Несмотря на некоторые успехи, сельское хозяйство Индии, являющееся источником существования 70% населения (всего на селе живет 83% населения) и приносящее половину национального дохода страны, остается весьма отсталым. Для индийской деревни характерны острый земельный голод, примитивные методы обработки земли, нищета крестьян. За последние 50 лет площадь обрабатываемой земли в пересчете на душу населения снизилась на 30%. Около 10 млн. семей не имеют земли, а еще 30 млн. семей владеют менее чем 5 акрами каждая⁶. Урожайность сельскохозяйственных культур в Индии одна из самых низких в мире⁷.

Главной причиной продолжающегося отставания сельского хозяйства Индии и чрезвычайной остроты

¹ 50% их расходов должны покрывать крестьяне преимущественно в виде бесплатного труда.

² См. «AICC. Economic Review», September 7, 1960, p. 17.

³ «New Age», 20 May 1956.

⁴ См. «AICC. Economic Review», September 15, 1957, p. 21.

⁵ См. «New Age», August 1960, p. 59.

⁶ См. «AICC. Economic Review», January 9, 1959, p. 38.

⁷ См. G. Kuriyan, Agriculture in India, «Current History», February 1956, p. 92.

аграрной проблемы является наличие в деревне феодальных пережитков. Буржуазия, заинтересованная в преодолении феодальных сил, расширении внутреннего рынка и подталкиваемая крестьянским движением, пошла на некоторые преобразования. Однако радикальная земельная реформа, единственно способная разрешить назревшие вопросы и дать простор развитию производительных сил в сельском хозяйстве, не проведена.

В документах индийского правительства признается, что в области аграрных отношений сделано очень мало и что даже те мероприятия, которые получили силу закона, осуществляются крайне медленно и неудовлетворительно. В большинстве штатов так и не был установлен максимум земельного владения, и помещики сохранили крупную земельную собственность. Отмечая этот факт, Нагпурский съезд партии Индийский национальный конгресс в январе 1959 г. предложил во всех штатах ввести соответствующее законодательство до конца 1959 г. Однако сделано это было лишь в одном штате.

По заявлению одного из министров центрального правительства, 60% индийских крестьян в 1955 г. все еще владели только 15,5% всей обрабатываемой земли, тогда как в руках 5% землевладельцев было 34% земли. В последующие годы, по данным прогрессивной печати, концентрация земельной собственности возросла¹. То, что распределение земли остается очень неравномерным, не отрицается и конгрессистскими источниками. Согласно данным журнала «Economic Review» в ноябре 1959 г. в штате Майсор, например, 60% землевладельцев принадлежало 25% обрабатываемой земли. В то же время менее 1% собственников имели 10% земли².

На основании закона о земельной реформе помещики имеют право удалять арендаторов с земли в случае, если хотят обрабатывать ее сами или с помощью наемных рабочих. Пользуясь этим, они сгоняют крестьян с земельных участков, которыми те пользовались в течение поколений. Министр труда и планирования

¹ См. «New Age», April 1960, p. 3; September 1960, p. 31.

² См. «AICC. Economic Review», November 15, 1959, p. 31—32.

Индии Нанда признал, что в ряде штатов наблюдается сгон арендаторов с земли в больших масштабах. Подсчитано, что общее количество согнанных с земли крестьян за последние несколько лет превысило их число за предшествующие 100 лет.

Смысл права «личной обработки» помещиками принадлежавшей им земли был раскрыт одним из членов конгрессистского подкомитета по проведению земельной реформы Рамамурти, который заявил: «Личная обработка сегодня включает в себя вид рационализации, напоминающий своего двойника в промышленности... Следует понимать, что нынешняя тенденция к личной обработке не имеет ничего общего с крестьянским хозяйствованием целыми семьями... Нынешнее повальное увлечение личной обработкой... рождено в такой же степени нежеланием собственника, чтобы кто-нибудь имел зацепку на его землю, как его решимость *добыть столько же дохода, сколько он получал все время в виде ренты*»¹.

Процесс капиталистической трансформации бывших феодальных и полуфеодальных владений (путем сбуржуазивания помещиков) облегчается огромной компенсацией, предусмотренной законами об аграрной реформе. Размеры выкупных платежей равны 8—20-кратной сумме ежегодного чистого дохода земиндаров. Общая величина их по всей Индии равна, по признанию Нанда, 6 250 млн. рупий — громадной сумме, лежащей тяжелым грузом на плечах индийского народа. К началу 1961 г. 1200 млн. рупий компенсации были уже выплачены.

Хотя перешедшие к государству земли по закону могут быть выкуплены крестьянами-арендаторами, выкупные платежи так велики, что этим правом пользуются главным образом зажиточные слои крестьян².

Большие суммы — 5 кроп ежегодных пенсий, не облагаемых налогами, — уплачиваются прежним феодальным властителям — магараджам и раджапрамухам — в качестве компенсации за утраченные владения и привилегии. Князья и магараджи пользуются, кроме того, большими льготами при уплате налога на драго-

¹ «New Age», January 1956, p. 30 (курсив мой. — К. Б.).

² См. «New Age», 20 May 1956.

ценности. По заявлениям ряда членов парламентской фракции партии Индийский национальный конгресс, эти льготы обходятся в 2240 млн. рупий. Компенсация и налоговые льготы феодальным князьям и земельным собственникам отвлекают средства, столь нужные для хозяйственного развития страны, и оставляют в руках реакционных групп определенные экономические рычаги.

В то же время ничего не сделано для уменьшения огромных долгов крестьян и мало что — для обуздания ростовщиков. Предложение Коммунистической партии Индии о предоставлении крестьянам мораториума было отвергнуто. Хотя законом установлены максимальные ставки ростовщического процента (от 6 до 25), на самом деле этот процент зачастую является вдвое большим. Такой «кредит» разоряет крестьян.

Что касается кооперативного кредита, то он, во-первых, играет весьма небольшую роль в сельскохозяйственном кредите в целом и, во-вторых, находится в руках богатых крестьян и помещиков.

Деятельность «службы национального развития» и организации «общинных проектов» (и других подобных организаций в странах Азии и Африки, которые функционируют на основе принципов «социальной солидарности») также приносит выгоды в первую очередь богатым крестьянам. Дж. Неру признавал, что действующая в Индии «система кооперативов помогает только более состоятельным людям, вместо того чтобы поощрять бедняков, она обескураживает их»¹.

В то же время партия Конгресса пытается использовать эти организации, равно как и движения типа «бхудан» и «грамудан», для противодействия политическому размежеванию и разворачиванию классовой борьбы в деревне, для укрепления своего влияния на крестьянство с целью сковать инициативу беднейшей части крестьянства, связав его кооперативной «общностью» с более богатыми крестьянами, и обеспечить последним господствующее, вместо феодалов, влияние в деревне. Министр Нанда, например, подчеркивал значение движения «грамудан» для создания благоприятного «социального климата» в деревне². Дж. Верслей,

¹ Цит. по: «Советское Востоковедение» № 4, 1956, стр. 37.

² «AICC. Economic Review», August 1, 1958, p. 14.

заместитель директора исследовательского центра Юнеско, отмечал, что в Индии кооператив «помогает уменьшить противоречия между богатыми и бедными» и что «его влияние обычно скорее социальное, чем экономическое»¹.

Не изменило существенно положения крестьян осуществление второго пятилетнего плана. Не принесет, видимо, им особого облегчения и третий пятилетний план. Как и в предшествующей пятилетке, внимание в нем концентрируется на мерах по улучшению агротехники, по благоустройству сел, развитию медицинского обслуживания и т. д., в то время как индийской деревне необходимы радикальные *социальные* преобразования.

Таким образом, аграрная политика индийской национальной буржуазии в конечном счете направлена на *постепенное* капиталистическое преобразование феодальной структуры индийской деревни, вытеснение феодалов и обуржуазивание их и зажиточной части села за счет новых жертв со стороны широких слоев крестьянства.

Капиталистические отношения в сельском хозяйстве насаждаются таким способом, который диктуется в первую очередь желанием достигнуть компромисса с феодалами и избежать развязывания инициативы народных масс, неизбежного при ломке феодальных отношений революционным путем. Характерно, что выдвинутый возглавлявшимся коммунистами правительством штата Керала аграрный законопроект, который предусматривал важные мероприятия в пользу бедных и средних крестьян, натолкнулся на сопротивление центральной администрации.

Такая политика дает определенный временный выигрыш всему или почти всему крестьянству, но подлинные выгоды несет лишь зажиточной его части. Она не меняет коренным образом положение трудящегося крестьянства и не дает простора развитию производительных сил не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности.

Хотя отношения между помещиками и крестьянами во многих случаях по существу превратились в отно-

¹ J. Verstuys, Social Factors in Asian Rural Development, «Pacific Affairs», June 1957, p. 171.

шения капиталистов и наемных работников, противоречие между силами средневековья и крестьянством все еще является главным противоречием в индийской деревне и одним из самых серьезных препятствий на пути национальной реконструкции. *Антифеодальная революция остается незавершенной.*

Подчеркивая тот факт, что индийская буржуазия проводит политику уступок и компромиссов в отношении феодальных землевладельцев или части их, необходимо одновременно учитывать *характер*, который носят эти уступки. Расширяют ли они экономическую мощь и политическое влияние феодальных групп, или, напротив, осуществляемые в рамках всей аграрной политики буржуазии, ведут к серьезному ослаблению позиций этих групп? Ясно, что уступки эти касаются *меры* (которую определяет главным образом буржуазия) материальных и политических потерь крупных землевладельцев, *темпов* и *формы* ликвидации их как класса *феодальных* земельных собственников. Противоречия между феодалами и буржуазией разрешаются в немалой степени также за счет феодалов. Известное ограничение прав помещиков буржуазия использует для снискания авторитета среди части масс.

Феодалы отступают, теснимые как буржуазией, так и в первую очередь крестьянскими массами. Не случайно, что в Индии и в других государствах Азии и Африки, руководимых национальной буржуазией, земельные преобразования были проведены быстрее и относительно радикальным образом в тех частях страны, где крестьянское движение получило самое высокое развитие. Даже американские и проамериканские источники подчеркивают эту сторону вопроса и значение «крестьянской угрозы» в налаживании компромисса феодалов и буржуазии. Так, Т. Зинкин в журнале «Pacific Affairs» отмечает, что индийское правительство указывало земиндарам и джагирдарам на альтернативу: «взять то, что они могут получить, или столкнуться с крестьянским восстанием». «Сегодня в результате, — продолжает Т. Зинкин, — земиндары примирились, причем настолько, что наиболее популярные из них завоевали места по спискам конгресса»¹.

¹ Т. Zinkin, Nehruism: India's Revolution without Fear, «Pacific Affairs», September 1955, p. 227.

Уступки феодалам со стороны буржуазии делаются в основном за счет народа, и в этом смысле можно говорить о союзе буржуазии и феодалов, направленном против трудящихся масс как в экономическом, так и в политическом отношениях. Буржуазия стремится укрепить свои позиции не только в противовес феодализму (и империализму), но и в противовес народным массам.

Подобная картина наблюдается и в ОАР. До аграрной реформы в египетской деревне 94% земельных собственников (крестьяне) владели лишь 34% обрабатываемой земли, в то время как 0,25% землевладельцев (помещикам) принадлежало 28% земли. 200 тыс. федданов земли — около 4% всей обрабатываемой площади — находилось в руках королевской семьи. Четыре пятых сельского населения Египта было безземельным, являлось арендаторами и сельскохозяйственными рабочими¹.

Принятый в сентябре 1952 г. «Закон об ограничении землевладения и упорядочении арендных отношений» установил максимум земельного владения в 200 федданов (при праве землевладельца распределить еще 100 федданов среди своих сыновей) и предусмотрел принудительное изъятие излишков с уплатой компенсации. Вся изъятая земля (656,139 феддана) подлежала распределению в течение пяти лет среди 200 тыс. семей безземельных и малоземельных крестьян. В 1957 г. законом о вакуфных землях было передано для этих же целей еще 250 тыс. федданов.

«Закон» ограничил величину земельного владения 5—10 федданами и запретил дробление участков ниже этого предела. Установлен максимум арендной платы — 50% урожая. Общая сумма ее по всей стране сократилась, по официальным египетским данным, на 40 млн. египетских фунтов². Запрещены посредничество и маклерство в арендных отношениях. Законом установлено обязательное ежегодное определение минимума дневного заработка сельскохозяйственных рабочих.

¹ См. *H. Dawood*, *Agrarian Reform in Egypt*, «Current History», June 1956, p. 333—334, 336.

² См. *ibid.*, p. 338.

Правительство ОАР проводит и другие мероприятия в сельском хозяйстве — освоение новых земель, внедрение высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур, расширение применения машин и удобрений. Оно добивается увеличения посевной площади под зерновыми с целью создать прочную продовольственную базу в стране, ослабить ее зависимость от внешнего рынка, вызванную чрезмерной специализацией сельского хозяйства.

Как и в Индии, аграрные преобразования здесь проводятся в жизнь весьма медленно. Как заявил министр экономики и казначейства ОАР Кайсуни, в Египетском районе к июлю 1960 г., т. е. почти за 8 лет, среди 180 тыс. семей феллахов было распределено около 500 тыс. федданов земли, примерно 70% крестьян по-прежнему лишены земли.

И в ОАР земельная реформа предусматривает серьезные уступки помещикам. Им выплачивается компенсация, равная десятикратной величине ежегодной арендной платы. Общая сумма платежей достигает 150 млн. египетских фунтов¹. Отобранная земля перепродается крестьянам по высокой цене. Выплаты новых владельцев — 14 египетских фунтов с феддана — почти равны установленной ныне законом земельной ренте (17,5 египетских фунта)².

В некоторых египетских источниках содержатся указания на задачи, которые должны быть решены в результате земельных преобразований по замыслу их авторов. Так, например, Г. Давуд, бывший руководитель кабинета министра социальных дел Египта, оценивая последствия реформы, называет наряду с ростом производства и покупательной способности населения как еще более важный результат — накопление частного капитала и его вложение в промышленное производство³.

Таким образом, в Индии, ОАР, как и в других странах, где приняты законы о земельной реформе, они проводятся в жизнь медленно, не приносят больших выгод крестьянам и не разрешают их основных проблем.

¹ См. «Current History», June 1956, p. 337.

² См. «Economie et Politique», No 26, juillet — août, 1960.

³ См. *H. Dawood*, Agrarian Reform in Egypt, «Current History», June 1956, p. 336, 338.

Определенные усилия предпринимаются правительствами этих стран и в области промышленного развития.

В Индии на первых порах основное внимание уделялось сельскому хозяйству и транспорту, а в области промышленности — производству предметов потребления. Для второго и третьего (1961—1966) пятилетних планов уже характерен упор на вопросы индустриализации страны и преимущественное развитие тяжелой промышленности. Дж. Неру и другие руководители индийского правительства неоднократно разъясняли цели такой политики. Так, выступая в октябре 1955 г. перед студентами Калькутты, Неру говорил: «Для того чтобы индустриализовать Индию, нужно создать основные отрасли промышленности... Мы не можем сделать этого до тех пор, пока не будем выпускать большие машины. Пока мы не сможем этого, мы не сможем называть себя независимыми...» В речи, произнесенной на заседании Всеиндийского комитета партии Индийский национальный конгресс в сентябре 1959 г., Неру вновь подчеркивал: «Проблемы такой страны, как Индия, могут быть решены установкой больших машин и созданием крупных предприятий. Большие машины, несомненно, являются основой нашего прогресса. С их помощью мы можем работать с громадной скоростью и эффективностью»¹.

Если в первой пятилетке государственные ассигнования на сельское хозяйство составляли 16% всех расходов, а на промышленность — лишь 7%, то во втором пятилетнем плане на развитие промышленности было выделено 19, а вместе с транспортом и энергетикой — 57% всех средств². Удельный вес расходов на эти цели не снижается и в третьем пятилетнем плане, хотя общая сумма капиталовложений возрастает в полтора раза³.

Изменяется структура промышленного производства. Доля средств производства в нем должна возра-

¹ «AICC. Economic Review», December 1, 1959, p. 5.

² См. *J. Anjaria*, *Industrial Planning in India*, «Current History», February 1956, p. 99.

³ См. «New Age», September 1960, p. 28; «AICC. Economic Review», August 22, 1960, p. 11.

сти с 5% в 1955/56 г. до 10% в 1960/61 г., доля полуфабрикатов — с 25% до примерно 40%¹.

В результате осуществления второго пятилетнего плана доля сельского хозяйства в национальном доходе снижается с 48,4 до 45,8%, доля же фабричной промышленности поднимается с 7,8 до 10,2%. За период с 1949 по 1957 год производство промышленной продукции в Индии увеличилось на 66%, т. е. росло в 8,5 раза быстрее, чем в течение последних 10 лет британского господства, большая половина которых приходится на годы II мировой войны, когда военные нужды способствовали промышленному подъему. К концу 1960 г. индекс промышленного производства составил 167,5 (1951=100).

Главную роль в расширении промышленного производства играют государственные капиталовложения. Индийским правительством проводится политика, отдающая большую роль государству в экономическом развитии и предусматривающая укрепление и расширение государственного сектора в народном хозяйстве. Еще в 1956 г., выступая от имени правительства в Народной Палате, Неру заявил, что «принятие как национальной цели построения общества социалистического образца, необходимость планового и быстрого развития экономики страны требуют, чтобы все основные отрасли, имеющие стратегическое значение, наряду с предприятиями общественного обслуживания входили в государственный сектор. Другие важные отрасли промышленности, требующие таких капиталовложений, которые при данных условиях может обеспечить только государство, также должны входить в государственный сектор». Неру выдвигал задачу «расширения государственного сектора и создания растущего кооперативного сектора»².

Из общей суммы более 6000 крор³ капиталовложений, предусмотренных вторым пятилетним планом, 62% средств должно быть израсходовано в государственном секторе, а 38% — в частном. В годы же первой пятилетки инвестиции распределялись поровну

¹ См. *J. Anjaria*, *Industrial Planning in India*, «Current History», February 1956, p. 100.

² «Commerce and Industry», 2 May 1956.

³ 1 крора — 10 млн. рупий.

между государственным и частным секторами. Всего за период первого и второго пятилетнего планов государственные капиталовложения в промышленности возрастают почти в 20 раз, а частные — лишь в 1,8 раза. По третьему пятилетнему плану три четверти средств, вкладываемых на строительство крупных и средних промышленных предприятий, энергостроительство, на транспорт и связь, поступит из государственных источников¹. С 1955/56 г. по март 1961 г. оплаченный капитал предприятий государственного сектора возрос в 7 раз — с 66 крор до 468,4 крор².

Деятельность частного капитала, согласно заявлениям индийского правительства, должна протекать под контролем правительства и содействовать целям его политики. Правительство имеет полномочия воздействовать на размеры и направление капиталовложений, расположение вновь строящихся предприятий и т. д. Впрочем, даже в официальных источниках признается недостаточная действенность соответствующих законоположений³.

Политика правительства в отношении частного капитала отличается известной двойственностью. Индийская буржуазия добивается национальной независимости на путях капиталистического развития и хочет этого достигнуть в более или менее короткие сроки. Но частный капитал слаб и заведомо неспособен справиться с такой задачей. В этих условиях правительство создает государственные предприятия в жизненно важных отраслях промышленности. Одновременно оно всячески поощряет деятельность индийских предпринимателей, поднимая их роль в экономической жизни страны, в особенности в противовес иностранному капиталу. Характеризуя политику правительства в этом вопросе, Неру говорил: «У нас должен быть частный сектор в промышленности, так как в настоящее время мы не имеем ни персонала, ни других средств для того, чтобы при-

¹ См. «New Age», September 1960, p. 28, 29.

² «New Situation and our Tasks», Speech by Ajoy Ghosh as Amended and Adopted by the Sixth Congress of the Communist Party of India. Vijayawada 1961, 7—16 April, Communist Party Publications, p. 15.

³ J. Anjaria, Industrial Planning in India. «Current History», February 1956, p. 101.

нять частные предприятия. Я лично не вижу в настоящее время другого пути, как сохранить частный сектор и даже поощрять его».

В сторону значительного усиления роли частного капитала был пересмотрен проект второго пятилетнего плана. На деле частные капиталовложения в промышленность возросли еще больше. Деятельность частного капитала была допущена также в отраслях тяжелой индустрии. Правительство создало ряд специальных корпораций (промышленно-финансовая корпорация, национальная корпорация мелкого производства, корпорация повторного финансирования, финансовые корпорации в двенадцати штатах и т. д.) для финансирования частных предпринимателей.

Проект третьего пятилетнего плана Индии предусматривает расширение деятельности частных предпринимателей. На частный сектор приходится более одной трети запланированных капиталовложений¹. Вразрез с официально провозглашенной политикой частный капитал допускается к разведке, добыче и переработке нефти, производству алюминия. Кроме того, ему разрешено участвовать в государственных предприятиях — существующих или вновь создаваемых².

Важно при этом отметить, что в сфере частного предпринимательства господствует крупный капитал и именно он в особенности выигрывает от расширения частного сектора. «Несмотря на социалистические декларации и политику прогрессивного налогообложения на протяжении последних 10 лет, — пишет конгрессистский член парламента Х. Неда, — именно крупные капиталисты выиграли более всего»³.

Индийский капитал в фабричной промышленности, банковском деле и ранее отличался высокой концентрацией. Так, в 1947 г. предприятия с числом рабочих свыше 1000 составляли 37,1% всех фабрик в текстильной промышленности и около 2,8% всех металлургических заводов. В то же время на этих предприятиях было занято соответственно 90,7 и 62,2% всех рабо-

¹ См. «AICC. Economic Review», August 22, 1960, p. 91.

² См. «AICC. Economic Review», August 22, 1960, p. 104; «New Age», September 1960, p. 40.

³ «AICC. Economic Review», January 9, 1959, p. 71.

чих указанных отраслей промышленности. В последующие годы процесс концентрации экономической мощи не только продолжался, но и усилился. В 1955 г. 9 крупнейших банков владели 72% депозитов и получили 72,8% чистых прибылей всех индийских акционерных банков. В 1961 г. десять монополистических объединений контролировали 67% оплаченного капитала всех компаний¹.

Небольшой группе крупных и крупнейших капиталистов принадлежат важные хозяйственные рычаги. Степень концентрации богатства, неравномерность распределения доходов даже внутри самой буржуазии иллюстрируют и данные налогообложения. Оказывается, 65% общей суммы дополнительного налога, взимаемого с лиц, имеющих доход в 25 тыс. рупий и более, платили 2153 человека с доходом свыше 100 тыс. рупий². Согласно заявлению министра финансов Г. Редди, 28 индийцев имели в 1959 г. доход свыше 10 млн. рупий³.

Правительство предоставляет займы монополиям или выступает гарантом при получении ими иностранных кредитов. Центральное правительство, как и правительства штатов, создают смешанные государственно-частные компании с участием крупных промышленных магнатов. Представители крупной буржуазии активно участвуют в экономическом планировании, являясь членами различных правительственных комитетов. В индийской и иностранной печати неоднократно отмечалось, что государственные финансовые корпорации кредитуют почти исключительно крупные и крупнейшие компании⁴.

Прибыли компаний растут. За 10 лет (1949—1959) они увеличились, по официальным данным, на 36%⁵. Большая часть прибылей распределяется в виде дивиден-

¹ «New Situation and our Tasks», Speech by Ajoy Ghosh as Amended and Adopted by the Sixth Congress of the Communist Party of India. Vijayawada 1961, 7—16 April, Communist Party Publications, p. 16.

² См. Л. Фрей, Денежно-кредитная система и международные расчеты республики Индии, М., 1956, стр. 62.

³ См. «Times», 28 November 1960.

⁴ См. «Pacific Affairs», September 1958, p. 262, 263, 264.

⁵ См. «AICC. Economic Review», April 1, 1960, p. 29.

дендов. Вдобавок монополии, используя свои тесные связи с государственным аппаратом, скрывают действительные доходы и прибегают к другим приемам уклонения от уплаты налогов, в результате чего государство ежегодно теряет сотни миллионов рупий. В индийской печати приводятся многочисленные факты, когда весьма ответственные чиновники, уходя с правительственной службы, получают за оказанные «услуги» высокооплачиваемые должности в корпорациях. Правда, второй пятилетний план предусматривал усиление налогообложения корпораций. Но это не изменило коренным образом систему налогообложения. Ставка налога на корпорации остается в Индии более низкой, чем во многих других капиталистических странах¹. Американский профессор Локвуд подчеркивает, что налоговое обложение компаний таково, что дает «сильные стимулы для новых инвестиций»².

Несмотря на это, министерство финансов Индии запланировало в 1960/61 финансовом году прекращение взимания с компаний «налога на богатство» и уменьшение налоговой ставки с 51—60 до 45% общего дохода компаний. Подобная дополнительная льгота корпорациям вряд ли уравнивается взиманием, как намеревается это сделать правительство, 30% дивидендов в качестве принудительного займа государству³.

С другой стороны, иные шаги правительства, например национализация Имперского банка и страхового дела, закон об управляющих агентствах, правительственный контроль над капиталовложениями, форсированное развитие государственных предприятий, создание государственной корпорации внешней торговли и некоторые другие мероприятия, в определенной степени ущемляют интересы монополий. Принятый в 1956 г. закон о компаниях устанавливает, например, некоторые ограничения для деятельности так называемых управляющих агентств. Поправки к этому закону, сделанные в 1959 г., предоставили правительству дополнительные

¹ См. Р. А. Ульяновский, Индия в борьбе за экономическую независимость. «Независимая Индия. 10 лет независимости 1947—1957», М., 1958, стр. 47; «Pacific Affairs», December 1958, p. 391; «Foreign Affairs», October 1958, p. 124.

² «Pacific Affairs», December 1958, p. 394.

³ См. «AICC. Economic Review», March 15 1959, p. 24, 25, 26.

права: упразднить управляющие агентства, вмешиваться более активно, чем прежде, в деятельность частных компаний. Они предусматривают также ряд мер, имеющих целью ликвидировать некоторые лазейки, с помощью которых компании обходят существующие законы, в частности, в области налогообложения и т. д.¹ В начале 1956 г. была предпринята национализация страхового дела в стране, которое до того фактически находилось в руках монополий. Прогрессивная печать расценила этот закон как положительный шаг правительства, создающий возможность воспрепятствовать использованию финансовых ресурсов в спекулятивных целях и направить эти ресурсы на развитие промышленности. Кроме того, передача правительству доли страховых компаний в капитале частных предприятий, в том числе заводов Тата, усилила экономические позиции государства.

В более или менее определенные границы заключена деятельность иностранного капитала. Согласно правительственным заявлениям иностранцы могут производить инвестиции по индивидуальным лицензиям и лишь в соответствии с экономической политикой правительства в отрасли, которые пользуются приоритетом в пятилетнем плане и в которых капитал и технические знания индийцев недостаточны.

Иностранные компании обязаны сотрудничать с индийским капиталом, готовить местные кадры. По официальным индийским данным, за 1947—1957 гг. число индийцев, занятых на работе в иностранных компаниях, увеличилось вдесятеро².

По сравнению с иностранным капиталом индийская буржуазия пользуется привилегиями. Она выигрывает и от протекционистской торговой политики. «После завоевания независимости, — подчеркивается в журнале «New Age», — эксплуатация империалистами (Индии. — К. Б.) посредством торговли все более утрачивает свое значение. Расположенные в Индии предприятия эффективно защищены от иностранной конкурен-

¹ См. «AICC. Economic Review», May 15 1959, p. 37—39. Характерно, однако, что эти поправки содержат в то же время положения, создающие новые льготы частным фирмам.

² См. «AICC. Economic Review», November 15, 1957, p. 32.

ции»¹. Правительство поощряет практикуемое во все более широких масштабах создание смешанных компаний. Такие компании являются не только компромиссом с иностранным капиталом, но и орудием завоевания местным капиталом новых позиций, вытеснения иностранных конкурентов.

В нынешних условиях иностранный частный капитал не поступает в больших масштабах в Индию. В конце 1959 г. общая сумма частных иностранных небанковских инвестиций составила, по данным Резервного банка Индии, 5930 млн. рупий², т. е. увеличилась с 1955 г. на 1370 млн. рупий. При этом половина прироста за 1956—1958 гг. приходилась на займы Международного банка реконструкции и развития. Одновременно наблюдается отлив частного иностранного капитала из ряда отраслей хозяйства³. Что же касается оплаченного капитала индийских акционерных обществ, то он только за 1950/51—1954/55 гг. возрастал ежегодно в среднем на 520 млн. рупий, не считая государственных капиталовложений.

Если к тому же учесть, что, например, по второму пятилетнему плану намечалось ежегодно вкладывать в народное хозяйство более 12 млрд. рупий и из них только 13% за счет иностранных, в первую очередь государственных, кредитов, естественно предположить соответствующее сокращение роли частного иностранного капитала в экономике Индии.

Правительство Индии отвергло в основном рекомендации Международного банка по вопросам экономического развития Индии и роли в этом отношении иностранного капитала. В то же время оно поощряет ввоз иностранного капитала в границах, которые, как оно заявляет, диктуются основными целями его экономической политики. Оно предоставляет льготы иностранному капиталу, разрешает вывоз прибылей. Например, в сентябре 1957 г. было заключено соглашение с США о предоставлении определенных гарантий американским инвестициям. Другое соглашение, подписанное в декабре 1959 г., предусматривает новые меры, поощряю-

¹ «New Age», September 1960, p. 38.

² См. «Reserve Bank of India Bulletin», April 1960.

³ См. «Reserve Bank of India Bulletin», June 1959.

щие ввоз в страну американского частного капитала¹. В бюджете на 1959—1960 финансовые годы отражено намерение правительства увеличить приток иностранного капитала. Ряд положений, имеющих целью «избегать всего, что может мешать участию иностранцев в индийских промышленных предприятиях»², содержит и новый закон о компаниях, принятый в 1959 г. Иностранному бизнесу отводится значительное место в частных капиталовложениях в промышленность, предусмотренных третьим пятилетним планом³. Индийский миллиардер Ч. Бирла, выступая весной 1960 г. в Нью-Йорке на заседании Ассоциации предпринимателей, заявил, что в Индии существуют «исключительно благоприятные условия для капиталовложений»⁴.

За 1954—1957 гг. иностранные инвесторы получили от небанковских частных капиталовложений 1 642 млн. рупий прибылей, из которых лишь 530 млн. были реинвестированы⁵. Между тем иностранные предприниматели не проявляют стремлений к увеличению капиталовложений в индийскую промышленность, особенно в те ее отрасли, которые наиболее важны для экономической независимости страны. Не считаясь с национальными интересами страны, они направляют свои капиталы преимущественно в предприятия по переработке нефти и в торговлю ею, плантационное (чайное) производство и управляющие агентства, т. е. главным образом в сферы, традиционные для них еще во время колониального господства.

Более решительные меры против экономических позиций колонизаторов предприняли правительства Индонезии и ОАР. В Индонезии, начиная с 1957 г. и до декабря 1960 г., было национализировано 70% всех голландских предприятий. В Египте была осуществлена «египтизация» английских и французских компаний. Однако следует иметь в виду, что эти меры вызывались особыми, даже чрезвычайными, обстоятельствами и были направлены не против иностранного капитала вообще, а против тех империалистических держав, проти-

¹ См. «Eastern World», January 1960, p. 35.

² См. «AICC. Economic Review», May 15 1959, p. 37.

³ См. «New Age», September 1960, p. 41.

⁴ «AICC. Economic Review», May 15 1960, p. 9.

⁵ См. «Reserve Bank of India Bulletin», June 1959.

воречия с которыми являются особенно острыми. В дальнейшем правительство ОАР, например, согласилось на возобновление деятельности некоторых английских фирм и решило уплатить компенсацию за конфискованную собственность. Характерно также, что кое-кто в индонезийском правительстве, пошедшем под давлением масс на решительные меры против голландского капитала, стремился ограничить инициативу рабочего класса. В сентябре 1958 г., несмотря на противодействие коммунистов, индонезийский парламент принял закон, поощряющий иностранные капиталовложения.

Итак, выше было показано, что и в области промышленности индийская национальная буржуазия проводит *принципиально* ту же линию, что и в аграрных отношениях. Это — курс на *независимое капиталистическое* развитие, на завоевание экономической независимости. Поскольку частный индийский капитал из-за своей слабости не способен самостоятельно решить эту задачу, часть дела берет на себя государство, выступающее в роли, так сказать, совокупного капиталиста.

В этих же целях и в интересах *всего* класса буржуазии оно порой идет на ущемление интересов *отдельных* групп буржуазии, в том числе *монополистической буржуазии*. И хотя в целом политика правительства создает довольно благоприятные условия для деятельности монополий, эти аспекты правительственного курса подвергаются, естественно, острой критике со стороны ряда представителей крупной буржуазии. При этом в борьбе против «чрезмерного» развития государственного сектора индийская монополистическая буржуазия порой проявляет тенденцию объединиться с иностранными монополиями.

Как было показано, добиваясь экономической независимости, индийская буржуазия в то же время избегает решительных мероприятий против иностранного капитала. В отношении него проводится политика широкого компромисса, которая позволяет английским и американским монополиям выкачивать из страны немалые прибыли. Однако и здесь компромисс не означает усиления позиций иностранного частного капитала. Напротив, он является половинчатой, нерешительной формой *вытеснения* иностранного частного капитала, зна-

чение которого в экономике страны ослабевает, хотя и очень медленно.

Отказ, по крайней мере временный, от национализации иностранных предприятий, компромисс с иностранным капиталом вызван как тесными связями с ним индийской буржуазии, так и ее стремлением охранять «священный принцип частной собственности», боязнью масс, желанием провести преобразования и в этой области как можно более «гладко», реформистски.

У буржуазии есть основания опасаться недовольства народных масс. Правда, крестьянство получило определенный выигрыш в результате ограничения феодальных и ростовщических форм эксплуатации, проведения агротехнических мероприятий, улучшения медицинского обслуживания и школьного дела в деревне. Некоторых завоеваний как в смысле социального законодательства, так и в материальном отношении добился пролетариат. Однако, как признал министр труда Г. Нанда, выступая в 1960 г. в индийском парламенте, выигрыш рабочего класса в заработной плате был впоследствии «в значительной степени ликвидирован в связи с ростом цен»¹.

Положительные результаты для народных масс дают меры, которые правительство, заинтересованное в обеспечении национальными кадрами хозяйства и государственного аппарата, проводит в области просвещения и культуры. Прогрессивной печатью положительно оцениваются некоторые мероприятия правительства по реформе образования, особенно замена в средней школе английского языка местными языками.

Однако все перечисленные мероприятия, как правило, завоеванные массами в борьбе, не привели к большим изменениям в их жизненных условиях. Крестьянство, остро нуждающееся в земле, обремененное огромными долгами, все еще в значительной мере находится в тисках полуфеодальной и ростовщической эксплуатации и влачит жалкое существование.

Положение рабочего класса продолжает оставаться тяжелым, а в некоторых отношениях даже ухудшается. Происходит дальнейшее перераспределение средств в пользу капиталистов.

¹ «New Age», June 1960, p. 21.

В прогрессивных кругах отмечают, что индийская буржуазия пытается максимально эксплуатировать рабочий класс в интересах «национального прогресса». Журнал «Economic Review», например, в специальном номере, посвященном Нагпурской сессии партии Конгресса, в 1959 г. предлагал рабочим «потуже затянуть пояса», чтобы обеспечить экономическое развитие Индии и называл «эгоистическими» всякие требования о повышении заработной платы. Год спустя журнал вновь подчеркивал, что «рабочих следует убеждать прилагать все усилия в целях национального строительства»¹.

Интенсификация труда усиливает безработицу, и без того достигающую огромных размеров. Положение трудящихся еще более ухудшается вследствие роста цен. К концу 1959 г. общий индекс цен на продовольствие равнялся 125 (1951/52=100)².

Сами за себя говорят и существующие в Индии налоговая система и методы финансирования пятилетних планов. В 1955/56 г. в бюджете центрального правительства косвенные налоги составили 63%, а налоги на личные доходы и на компании — 24% поступлений. Как уже отмечалось, некоторое усиление налогообложения монополий, предусмотренное вторым пятилетним планом, не изменило положения сколько-нибудь существенно. Главным источником поступления продолжают оставаться косвенные налоги, лежащие тяжелым бременем на трудящейся части населения.

За период 1949/50 — 1960/61 финансовые годы сумма акцизов Индийского Союза (тех, что взимаются центральным правительством) возросла более чем в 5 раз — с 678,5 до 3 799 млн. рупий. За это же время доля прямых налогов в доходах правительства сократилась с 45,1 до 27,4%³.

Все эти цифры ясно показывают, кто оплачивает «национальную реконструкцию», мероприятия по экономическому развитию страны. Руководящий комитет партии Индийский национальный конгресс признал в 1957 г., что «вся доступная статистика показывает увеличение неравенства доходов за последние несколько

¹ «AICC. Economic Review», February 15, 1960, p. 13.

² См. «New Age», June 1960, p. 21.

³ См. «New Age», April 1960, p. 13.

лет...»¹ А вот что писал по этому поводу в августе 1960 г. министр по делам научных исследований и культуры Индии Х. Кабир: «Один из наиболее важных недостатков современной индийской экономики — бросающееся в глаза неравенство в доходах между различными частями народа. С одной стороны — страшная нищета большей части народа, находящегося на грани голода, а с другой — огромное богатство небольшого меньшинства, граничащее с вульгарным хвастовством»².

Народные массы, рабочий класс и крестьянство — вот на кого главным образом индийская буржуазия стремится возложить финансовое бремя индустриализации. Здесь кроется одна из основных причин того, что жизненный уровень трудящихся в Индии остается крайне низким.

В то же время отвергаются предложения Коммунистической партии национализировать иностранные предприятия, ограничить прибыли частного капитала, отменить или отсрочить уплату компенсации помещикам и князьям, сократить огромные доходы ростовщиков и спекулянтов, изъять при помощи принудительных займов хотя бы часть богатств князей, помещиков и буржуазии, общая сумма которых равна многим миллиардам долларов. Эти предложения отвечают интересам народных масс и пользуются их поддержкой.

Рост социальной дифференциации на основе развития капиталистических отношений, узкоклассовые аспекты политики правящих кругов, выявление и углубление классовых противоречий создают основу для повышения сознательности и организованности трудящихся. Ослабление патриархальных связей и уменьшение влияния феодальных собственников в деревне, некоторое расширение демократических прав, общее оживление политической жизни в стране, проникновение элементов культуры и образования и нарастающая в этих условиях неудовлетворенность масс своим тяжелым положением втягивают их в политическую жизнь. Ведущее значение в развитии классовой сознательности трудящихся имеет деятельность прогрессивных организаций, в первую очередь коммунистической партии.

¹ «AICC. Economic Review», December 1, 1957, p. 19.

² «AICC. Economic Review», August 22, 1960, p. 14.

Все это подтверждается ростом рабочих, крестьянских, молодежных и женских организаций, усилением движения сторонников мира, успехами демократических сил на выборах в индийский парламент и органы местного самоуправления. В первых рядах трудящихся идет индийский рабочий класс, руководимый коммунистической партией.

Национальная буржуазия пытается противодействовать подъему сознательности и организованности масс как с помощью определенных уступок и социальной демагогии, так и путем ограничения демократии и укрепления бюрократического государственного аппарата, путем борьбы против прогрессивных организаций, особенно коммунистической партии. Эта борьба составляет одну из главных сторон внутренней политики Индийского национального конгресса и многих других партий национальной буржуазии в странах Востока. Кое-где дело доходит до открытого наступления на права трудящихся, грубого подавления политической активности масс.

Противоречивую роль в этих условиях играет идеология национализма. Подчеркивая задачи национального возрождения, национальной независимости и, следовательно, антиимпериалистической борьбы, она на данном этапе в определенной мере способствует пробуждению некоторых слоев народа. В то же время идеи «надклассового» национального единства и сотрудничества используются буржуазией, чтобы замаскировать эксплуатацию буржуазией народных масс в интересах «национальной реконструкции», мешают развитию их классового самосознания. Сплочение всех национальных, патриотических сил на антиимпериалистической основе национальная буржуазия пытается представить с помощью националистической идеологии как социальную гармонию всех слоев нации.

Под флагом этих идей всячески насаждаются контролируемые государственным аппаратом профсоюзы и другие организации, которым вменяется в обязанность поддерживать дисциплину и порядок на производстве, создаются всяческие помехи деятельности тех профсоюзов, которые последовательно отстаивают интересы рабочего класса. С целью воспрепятствовать классовой организации трудящихся политические пар-

тии национальной буржуазии (Национальный конгресс в Индии, Национальный Союз в ОАР и т. п.) выдаются за общенародные организации.

Узкоклассовые тенденции, свойственные внутренней политике национальной буржуазии, порождают серьезное противоречие между общенациональными целями, которые ставятся буржуазией — независимость, преодоление отсталости — и которые могут быть достигнуты только при активном участии и поддержке масс, и методами, используемыми для достижения указанных целей. Эти методы в значительной мере враждебны трудящимся и продиктованы страхом перед ними.

Народные массы заинтересованы в завоевании экономической независимости, преодолении феодальной отсталости. Здесь заключена основа общности части интересов народа с интересами национальной буржуазии на данном этапе. Однако, стремясь разрешить эту задачу главным образом за счет трудящихся, выдвигая на первый план, в ущерб антиимпериалистической борьбе, свои эгоистические интересы, буржуазия подрывает эту связь, ослабляет экономические, социальные и политические источники патриотического подъема всех здоровых сил нации. Данное противоречие объективно. Оно способствует социальной дифференциации и на этой основе будит политическое сознание масс, особенно рабочего класса. Оно порождает колебания в политике национальной буржуазии. Наконец, оно является одним из источников углубления и обострения противоречий между буржуазией и силами империализма и феодализма. Но оно же может толкать буржуазию на компромисс с этими силами.

Таким образом, и во внутренней политике национальная буржуазия на данном этапе исходит, прежде всего, из интересов укрепления независимости руководимых ею государств. Национальная буржуазия добивается решения антиимпериалистических и антифеодальных задач, стремясь ограничить их рамками своих узкоклассовых интересов.

И внутри стран и за их пределами национальная буржуазия бывших колониальных и зависимых стран выступает за исторически ограниченное, но прогрессивное на данном этапе дело, способствуя укреплению национальной самостоятельности, ликвидации феодальной

отсталости. В. И. Ленин учил, что прогрессивность буржуазии определяется нерешенностью, незаконченностью ее борьбы против феодализма (и, можно сказать, против империализма, поскольку это касается освобождающихся стран Азии и Африки), ее способностью вести подобную борьбу¹.

Признавая это, не следует, однако, забывать о двойственном характере национальной буржуазии. Было бы ошибкой огульно объявлять национальную буржуазию реакционной силой, но неверно впасть и в другую крайность: видеть лишь прогрессивные аспекты ее деятельности или преувеличивать их.

Двойственность национальной буржуазии, прослеженная при рассмотрении ее внешней и внутренней политики, вытекает не только из ее классовой природы и классового инстинкта, но и из приобретенного ею опыта. Буржуазия освобождающихся стран, хоть она выросла в условиях колониального господства, толкающего к революционной борьбе, и исторически не завершила еще антифеодальный период своего развития, это не буржуазия XVIII в. Это — буржуазия XX в., в «тылу» которой уже стоит рабочий класс, возглавляемый, как правило, коммунистическими партиями, и пробуждающееся крестьянство. Она нередко побаивается этих своих союзников в национально-освободительном движении больше, чем империалистических и феодальных врагов. Поэтому она неспособна довести до конца национально-демократическую антиимпериалистическую революцию. Поэтому же она может часто идти на компромиссы и сделки с империалистами и феодальными элементами.

Общественное значение национализма в странах Азии и Африки на данном этапе. Итак, современный национализм в странах Азии и Африки противоречив по своему характеру. Своей антиимпериалистической направленностью он способствует национально-освободительной борьбе народов Азии и Африки и укреплению независимости бывших колониальных и зависимых стран, играет известную положительную роль в деле морально-политической изоляции империализма и обострения межимпериалистических противоречий и тем

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 127.

самым способствует ослаблению империализма. В то же время он содействует капиталистическому развитию стран Востока, помогает буржуазии укрепить в них свое господство.

Националистические идеология и политика на данном этапе направлены одной своей стороной против империализма, на завоевание полной независимости путем преодоления феодальных сил и создания национальной экономики. В то же время они уже теперь служат и иным целям. Используя временное совпадение какой-то части интересов народа и буржуазии, идеологи национализма стремятся абсолютизировать это совпадение, трактовать буржуазный интерес как общенародный, затушевать социальные противоречия и оправдать эксплуатацию трудящихся потребностями «национального прогресса». Национальное единство при этом отождествляется с широким классовым сотрудничеством.

Начинает сказываться и национальная исключительность, всегда таящаяся в буржуазном национализме. Ее пытаются подогреть и использовать в своих целях империалисты. Однако известное сдерживающее влияние на национализм в освобождающихся странах в этом отношении оказывает объективная необходимость антиколониальной солидарности, опыт совместной антиимпериалистической борьбы.

В настоящий момент национализм в странах Азии и Африки характеризует в первую очередь антиимпериалистическая и антиколониальная направленность. Это вытекает, конечно, не из какого-либо принципиального своеобразия национализма в освобождающихся странах, а из того факта, что эти страны переживают национальный, антиимпериалистический (антиколониальный) и антифеодальный этап развития.

Национализм в бывших колониальных и зависимых странах — это национализм угнетенных наций, вставших на борьбу за свободу и независимость против колониального порабощения, носителем которого выступает империализм.

Национализм в странах современного Востока — это национализм наций, которые, как правило, еще складываются, наций, переживающих этап национально-демократических преобразований, национального про-

буждения и возрождения и создания национальных государств. Поскольку установление национальных связей происходит в борьбе против феодализма и империализма, принцип нации здесь еще революционен, а идея «надклассового» национального единства — одна из основных идей буржуазного национализма — направлена и против феодальной и империалистической реакции. Становление нации тесно связано в этих странах с пробуждением масс, с их борьбой против империализма и за общественные преобразования.

Прогрессивные стороны подобного национализма коммунисты могут поддерживать, не поступаясь при этом ни на йоту принципами пролетарского интернационализма, не отказываясь от пропаганды этих принципов — подлинной идеологии дружбы народов. Ибо речь в данном случае идет о поддержке не национализма самого по себе, а того его содержания, которое отражает патриотические устремления. Главной целью коммунистов является, как подчеркивал генеральный секретарь Коммунистической партии Сирии тов. Х. Багдаш, «защита независимости страны, укрепление ее экономически и политически, отпор любой агрессии против родины»¹.

Разумеется, коммунисты поддерживают буржуазных националистов в строго *определённом* направлении, ведущем к завоеванию национальной свободы, победе над империализмом и феодализмом, к перерастанию борьбы в высшую фазу. Они решительно противодействуют попыткам определенных буржуазных кругов в странах Азии и Африки использовать национализм в качестве орудия национального эгоизма и национальной исключительности, в качестве средства помешать развитию политического сознания масс. Как подчеркивал Н. С. Хрущев, «попытки под флагом национализма игнорировать интересы отдельных слоев населения, интересы людей труда являются несостоятельными»².

Прогрессивная на нынешнем этапе сторона национализма в странах Азии и Африки порождается национально-освободительной борьбой. Эта борьба накладывает

¹ «Правда», 10 ноября 1957.

² Н. С. Хрущев, Мир без оружия — мир без войн, т. 1, Госполитиздат, М., 1960, стр. 213.

ваёт отпечаток на идеологию и политическую программу националистов в странах Востока, усиливая их прогрессивную сторону и тормозя проявление реакционных тенденций. Это отнюдь не исключает такого развития событий, при котором реакционные черты национализма могут взять верх. Общественное значение национализма в странах Азии и Африки целиком зависит и впредь будет зависеть от развития массового антиимпериалистического движения, от стойкости национальной буржуазии в антиколониальной борьбе, от подъема политического сознания масс, от укрепления общенационального антиимпериалистического фронта всех патриотических, демократических сил.

Глава IV

Идеологи современного колониализма об экономическом развитии стран Азии и Африки

§ 1. Рекомендации американских «благожелателей» и их истинные цели

Добившись создания независимых национальных государств, народы Азии и Африки завоевали важный плацдарм для борьбы за всесторонний общественный прогресс. Перед ними во весь рост, как неотложная необходимость, встали задачи преодоления унаследованной от прошлого крайней отсталости, создания национальной экономики, избавления масс от нищеты, темноты и рабского труда. В условиях колониального ига об этом нельзя было и мечтать. Ведь, как писал Энгельс, «до тех пор пока отсутствует национальная независимость, большой народ исторически не в состоянии даже обсуждать сколько-нибудь серьезно какие бы то ни было внутренние вопросы»¹.

Только теперь, когда сброшено чужеземное иго и ликвидирована искусственная изоляция, в которой империалисты старались держать колонии, когда народы освободившихся стран более или менее широко ознакомились с замечательными достижениями социалистических государств, они оказались в состоянии понять всю глубину отсталости, в которую их ввергли колонизаторы.

Создание национальной экономики и коренное изменение положения масс жизненно необходимы для защиты и упрочения завоеванной самостоятельности. Опираясь на экономические рычаги, империалисты

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, М., 1935, стр. 185.

пытаются ограничить и подорвать политическую независимость молодых государств Азии и Африки. Возникает острейшее противоречие между политической самостоятельностью этих государств, их стремлением самим вершить собственные дела, повышать свою роль на международной арене и слабостью их экономики, засиленным в ней империалистических монополий.

Чтобы нанести окончательное поражение колонизаторам и добиться полной независимости, необходимо подвести под политическую самостоятельность экономическую основу. «Известно, что недостаточно иметь, — подчеркивал Н. С. Хрущев, — только политическую независимость. Политическая независимость страны крепка, если эта страна имеет свою прочную экономическую базу»¹.

Жизнь, таким образом, ставит страны Азии и Африки перед выбором: либо, опираясь на завоеванную политическую независимость, пойти дальше в борьбе с империализмом и добиваться экономической самостоятельности, либо остановиться на полпути и оказаться перед угрозой нового колониального порабощения. Поэтому экономическое строительство, борьба за индустриализацию становится решающим звеном для тех народов, которые добились политической самостоятельности.

В этих условиях становится особенно актуальным вопрос о том, способны ли освобождающиеся страны развиваться самостоятельно или им следует примириться с господством в экономике иностранного капитала и опереться на него в своем экономическом развитии. Как части этой основной проблемы и в зависимости от нее встают также вопросы о темпах экономического прогресса, о значении индустриализации, о роли в народном хозяйстве государственного сектора и местных предпринимателей, о политике в отношении иностранного капитала и др.

Империалистическая пропаганда пытается навязать общественному мнению и правительствам в странах Азии и Африки свои, удобные монополиям решения этих вопросов. Особенно усердствуют американские ад-

¹ Н. С. Хрущев, К победе в мирном соревновании с капитализмом, Госполитиздат, М., 1959, стр. 289.

вокаты современного колониализма. Они исходят как из важности данной проблемы, так и из предположения, что «наилучшие возможности» для проводимого США курса в отношении стран Азии и Африки лежат «скорее в области экономики и образования, чем в области политики»¹.

В условиях, когда основные общественные силы в странах Азии и Африки являются активными сторонниками экономического прогресса, империалисты не могут, как прежде, открыто выступать против экономического развития освободившихся стран. Поэтому реакционные идеологи на словах ратуют за подъем хозяйства в освободившихся странах и даже, порой, за «индустриализацию». В то же время они настойчиво рекомендуют народам Азии и Африки не торопиться с этим делом, идти так называемым эволюционным путем.

Напоминая, что индустриализация Западной Европы и Северной Америки длилась 100—200 лет, буржуазные идеологи пытаются навязать подобные же темпы странам Азии и Африки. Бывший помощник государственного секретаря США Миллер в одном из своих выступлений утверждал, например, что ликвидация отсталости слаборазвитых стран займет 100 лет². Профессор Э. Решауэр призывает восточные народы к осторожным, медленным, маленьким движениям по пути экономического прогресса, движениям «ползком»³. С подобными же увещаниями выступают известный американский экономист С. Кузнец, профессор Э. Мэзон, руководящий чиновник государственного департамента США К. Янг, профессор Р. Страус-Хюпе, профессор Р. Хоукинс, профессор Г. Робертс и десятки других американских «теоретиков» и политиков.

Комитет исследований при комиссии по вопросам экономического развития выступил в апреле 1957 г. с рекомендациями, в которых убеждал правительства слаборазвитых стран согласиться «с тем, что экономическое развитие — это продолжительный процесс и что цель... лежит далеко впереди. Если они (слаборазви-

¹ «Current History», July 1959, p. 3.

² См. «Foreign Affairs», July 1955, p. 647.

³ См. E. Reischauer, *Wanted: an Asian Policy*, p. 110.

тые страны. — К. Б.) начнут осуществление программы, ожидая эффективных результатов, в конечном счете они будут разочарованы». Против «чрезмерной спешки», т. е. высоких темпов экономического развития стран Азии и Африки выступали также представители США и Франции в экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ).

«Заботливо» советуя не торопиться, буржуазные пропагандисты уверяют, что высокие темпы не нужны и не под силу народам Востока из-за присущих им национально-расовых особенностей, инертности, отсутствия предпринимательского духа и «восприимчивости к денежным стимулам» и т. д.¹ Такие темпы, утверждают они, резко снизят и без того невысокий жизненный уровень масс и поставят под угрозу демократические институты. В связи с этим потребуются активное государственное вмешательство, которое несовместимо с демократией и ее «опорой» — системой свободного предпринимательства.

Ссылки буржуазных идеологов на опыт капиталистических государств Запада основаны на неправомерных аналогиях между несходными историческими явлениями и эпохами. Страны Запада в период промышленного развития, как правило, не стояли перед проблемой преодоления глубокой отсталости и ликвидации пережитков колониализма, не боролись против засилия иностранных монополий. Народы освободившихся стран решают такие задачи, и фактор времени, вопрос о темпах движения вперед, приобретает здесь важнейшее значение. Ускоренное экономическое развитие стран Азии и Африки тем более необходимо, что при нынешних его темпах позиции экономически отставших стран в мировом капиталистическом хозяйстве скорее имеют тенденцию ослабевать, чем усиливаться.

Растянуть разрешение этих задач на век, как предлагают адвокаты монополий, означало бы примириться с колониальной эксплуатацией империалистическими трестами стран Азии и Африки в течение неопределенно долгого срока, поставить под угрозу их независимость. Уговаривая народы освободившихся стран «не

¹ См., например, *E. Mason, Promoting Economic Development: The United States and Southern Asia*, Claremont, California, 1955, p. 41.

спешить», империалистические пропагандисты рассчитывают также на то, что национальные правительства, избрав «эволюционный» курс, пойдут по пути, который навязывают им колонизаторы, т. е. откажутся от борьбы против господства иностранного капитала в экономике своих стран. Это лишило бы их поддержки демократических сил, изолировало от масс и в результате серьезно ослабило бы их позицию. У империалистов же появилась бы возможность, выиграв время, укрепиться в странах Азии и Африки.

Возможность весьма высоких темпов экономического развития доказана опытом социалистических стран Европы и Азии. Менее четверти века понадобилось для превращения Средней Азии и Закавказья — отсталых колониальных окраин царской России — в цветущие индустриально-аграрные районы. Быстрыми темпами развиваются производительные силы в Китайской Народной Республике.

Причины замечательных успехов этих стран заключены в преимуществах социалистического строя. Однако и те государства Азии и Африки, которые не вступили еще на путь социализма, имеют возможность при мобилизации внутренних ресурсов и при помощи со стороны социалистических государств ускорить ход экономического развития.

Пример социалистических стран показывает также, что быстрый экономический прогресс, индустриализация не только не влекут за собой снижения жизненного уровня народа, но являются необходимым условием, предпосылкой для его повышения, когда проводятся в интересах масс. Так, в СССР в 1940 г., когда были завершены две пятилетки, проведена социалистическая индустриализация и страна вступила в третью пятилетку, реальные доходы трудящихся по сравнению с 1913 г. возросли: рабочих (с учетом ликвидации безработицы) более чем в 3 раза, крестьян — примерно в 3,5 раза. За 1950—1958 гг., период бурного экономического развития СССР, реальные доходы рабочих и служащих возросли на 55%, а крестьян — на 85%.

На самом деле как раз рекомендуемое реакционными идеологами «эволюционное» развитие, дав иностранным монополиям возможность продолжать колониальную эксплуатацию, ухудшило бы положение масс.

Ключом к высоким темпам хозяйственного подъема является индустриализация. Это — главное условие прогресса в экономически слабо развитых странах, основа строительства национальной экономики. Путем создания тяжелой промышленности только и можно завоевать экономическую независимость, обеспечить себя машинами и оборудованием, преобразовать сельское хозяйство, укрепить обороноспособность. Искренность деклараций о поддержке экономического прогресса освободившихся стран проверяется прежде всего отношением их к индустриализации.

Руководители ряда молодых государств Азии и Африки неоднократно высказывались за форсированное строительство тяжелой индустрии. «Индустриализация, — говорил Сукарно, — является единственным путем для увеличения благосостояния общества и государства; .. индустриализация — это вопрос жизни и смерти для индонезийского народа»¹. «Как может страна быстро и неуклонно развиваться?» — спрашивал Дж. Неру. «Единственное спасение, — говорил он далее, — в создании тяжелой промышленности. Производство машин и машинного оборудования должно получить бесспорный приоритет, так как это единственное, что может двинуть нашу страну вперед по пути прогресса и процветания»². Состоявшаяся в декабре 1958 г. в Каире Конференция национальных предпринимателей и представителей финансовых кругов стран Азии и Африки рекомендовала ускорить индустриализацию этих стран. За индустриализацию освободившихся стран высказались Вторая конференция народов Африки в Тунисе (январь 1960 г.) и Вторая конференция солидарности народов Азии и Африки в Конакри (апрель 1960 г.).

Курс некоторых государств Азии и Африки на развитие тяжелой индустрии подвергается яростным нападкам со стороны апологетов неокOLONиализма. Одни из них, не стесняясь, ополчаются против всякой индустриализации. Журнал «Fortune», например, объявляет главной хозяйственной проблемой слаборазвитых стран производство сельскохозяйственных и сырьевых товаров. Журнал заявлял, что задачи второго

¹ Сукарно, Индонезия обвиняет, стр. 310—311.

² «Indian Express», December 5, 1956.

пятилетнего плана Индии по развитию тяжелой промышленности нереальны и должны быть пересмотрены¹. По мнению журнала, сосредоточение внимания слаборазвитых стран «на грандиозных проектах развития может принести больше вреда, чем пользы»². В брошюре Государственного департамента США, выпущенной в мае 1958 г., утверждалось, что поставленные перед собой освободившимися странами «честолюбивые планы развития» и проекты «быстрой индустриализации» превышают их возможности. Почти в то же время со специальным заявлением против «ненужного упора на индустриализацию» в слаборазвитых странах выступала и Американская торговая палата.

Другие — таких большинство — соединяют словесное признание индустриализации с атаками на ее сущность и цели. Индустриализацию они толкуют как создание определенного количества предприятий легкой и горнодобывающей промышленности. Что касается тяжелой индустрии, то ее строительство буржуазные идеологи, ссылаясь на исторический опыт Запада, объявляют в лучшем случае делом последующих, более далеких времен. Стремление же молодых национальных государств, не откладывая, наладить у себя производство машин и оборудования квалифицируется буржуазными пропагандистами как вредная дань национальному тщеславию, как психологический и эмоциональный подход к экономике и т. д. и т. п.³

Известный американский экономист С. Кузнец, например, призывает освободившиеся страны довольствоваться «более скромными экономическими достижениями» и отложить индустриализацию на будущую «фазу»⁴. Профессор Э. Клоумэн расценивает, как «аппетиты гаргантюа», стремление народов освободившихся стран «развить собственную индустрию с тем, чтобы более высокий уровень жизни мог быть достигнут в условиях уменьшившейся зависимости от вывоза сырья»⁵. Полное согласие с ним высказывает Ж. Эрар. Он счи-

¹ См. «Fortune», April 1958, p. 129.

² Ibid., p. 130.

³ См. «The Annals...», March 1958, p. 167; J. King, *Southeast Asia in Perspective*, p. 216.

⁴ «Economic Growth: Brazil, India, Japan», p. 15, 16, 17.

⁵ E. Klotman, *Colonialism and Western Policy*, «The Idea of Colonialism», p. 372.

таст, что в слаборазвитых странах целесообразно создавать лишь текстильную, обувную, пищевую, сахарную и другие подобные отрасли промышленности, да и то на основе несовершенной техники. Индустриализацию стран Азии и Африки Ж. Эрар называет «мистической идеей»¹. Сходные взгляды развивают Д. Болдуин, Дж. Кинг, Г. Робертс, К. Янг, В. Клэнт и многие другие².

Официальные и полуофициальные органы США также выступали неоднократно против индустриализации стран Азии и Африки. Летом 1955 г. комиссия Гувера, например, записала в своих рекомендациях, что в азиатско-африканской зоне, за исключением Японии, не следует осуществлять большие производственные проекты, сооружать большие промышленные предприятия, кроме как для производства стратегических материалов. Комиссия аргументировала свое требование, в частности, стремлением предупредить конкуренцию в будущем с американской промышленностью. В упоминавшейся выше брошюре государственного департамента указывается на необходимость создания в странах Азии и Африки предприятий «менее импозантных, чем новые... заводы».

На состоявшемся в ноябре 1958 г. в Сиэтле (США) совещании стран Коломбо представители восточных стран обратились с просьбой о займах для промышленного строительства. Однако представители США и их английские коллеги подчеркнули, что речь может идти только о займах для развития сельского хозяйства и добычи полезных ископаемых.

В целях противодействия индустриализации широко используется «помощь» США. Финансовыми подачками империалисты пытаются расколоть ряды сторонников индустриализации и ослабить напор масс, требующих быстрого экономического прогресса. Кроме того, «помощь» является средством втягивания ряда стран в военные блоки, ведет к участию их в гонке вооружений.

¹ *J. Ehrhard, Le Destin du colonialisme, p. 160—162.*

² См. *J. King, Southeast Asia in Perspective, p. 209—216; K. Young, The Challenge of Asia...; «The Department of State Bulletin», 27 August 1956, p. 349; «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 212; «Pacific Affairs», December 1956, p. 378; *H. Roberts, Russia and America. Dangers and Prospects, p. 137—138.**

Это, естественно, отвлекает большие средства и препятствует самостоятельному развитию стран Азии — участников агрессивных союзов.

«Помощь» используется и для прямого давления, имеющего целью помешать осуществлению планов индустриального строительства. Следуя этой линии, Международный банк долгое время отказывал в займе Индии на том основании, что ее планы развития тяжелой промышленности якобы не реальны. Миссия «трех мудрецов», посланная правлением Банка в Индию в 1960 г., поспешила объявить нереальным и ее третий пятилетний план¹. В 1957 г. банк занял отрицательную позицию в отношении строительства металлургического предприятия в Пакистане. Американское правительство уклонилось от предоставления Гане займа на промышленное строительство.

Выступая против индустриализации освободившихся стран, реакционные идеологи «обосновывают» свою позицию многословной и довольно разнообразной аргументацией. Наряду со ссылками на путь, пройденный западными странами, а также на финансовые трудности и недостаток подготовленных кадров в странах Азии и Африки они часто говорят об угрозе, которую будто бы представляет развитие тяжелой промышленности для «туземной культуры» и «туземных институтов». Духовные родичи тех, кто веками третировал культуру восточных народов, как примитивную и отсталую, вдруг вспыхнули к ней «любовью» и рядятся в одежды защитников от «опасности», которую ей якобы несет общественный прогресс. Чтобы придать правдоподобный вид своим аргументам, реакционные «теоретики» прибегают к уже знакомому нам приему. Ликвидацию отсталости, создание передовой национальной экономики они выдают за так называемую вестернизацию, т. е. усвоение «западного образа жизни», «западных институтов».

Однако накопленный человечеством опыт не оставляет сомнений в том, что уничтожение отживших свой век общественных форм, прогресс и, в частности, индустриализация не несут сами по себе (в особенности, если совершаются не в антагонистических формах)

¹ См. «New York Times», 20 April 1960.

опасности ни национальной самобытности, ни национальной культуре. Не утратили же национальных особенностей в ходе промышленного развития государства Запада, хотя развитие по капиталистическому пути содержит определенную угрозу самобытности народов. Народы Советского Союза после Октябрьской революции покончили с экономической отсталостью и достигли вершин цивилизации. Однако они ни в коей мере не лишились своей самобытности. Более того, никогда ранее их национальная жизнь не играла такими яркими красками, не была столь многогранной. И в странах, сбросивших иго колониализма, общественный прогресс (и индустриализация), наступая на отсталость, не разрушают национальную культуру. «Только став независимыми, — говорил генеральный секретарь подготовительного комитета Конференции африканских народов в Аккре Амегбе, — мы получили возможность поддерживать деятелей нашей культуры в их стремлении возродить и развивать традиции древнего искусства Ганы»¹. Опасность для национальной культуры и самобытности народов Азии и Африки таится в колониализме, в попытках иностранных монополий навязать этим народам так называемый «западный образ жизни». Она заключается в пропаганде космополитизма, которая ведется реакционными кругами США.

Разумеется, не забота о «туземной культуре» движет идеологами современного колониализма, когда они «воюют» против индустриализации. Они стремятся — и в этом единодушны все американские теоретики — сохранить экономическую основу, на которой покоится колониальное господство: международное капиталистическое разделение труда.

Но именно сейчас, когда политическая независимость завоевана большинством стран Азии и Африки и система колониализма в значительной степени разрушена, встает вопрос о ломке колониальных отношений в мировой экономике, о ликвидации экономического колониализма.

Против этого-то и восстают империалистические пропагандисты, ополчаясь против индустриализации. Но свои истинные намерения они маскируют с помощью

¹ «Советская культура», 5 марта 1959.

новых словечек. Они, как уже отмечалось, говоря о «взаимозависимости» империалистических держав Запада и национальных государств Востока, и выдают ее за новый, якобы основанный на равноправии вид взаимоотношений между странами. Однако роль, которая отводится в этой «взаимозависимости» странам Азии и Африки, разоблачает подлинные цели буржуазных идеологов. Профессор К. Дейч объявляет образцом такой «взаимозависимости» отношения между специализированными районами метрополии и их индустриально неразвитыми колониями, или хинтерландами¹. Руководитель же исторического отделения Йельского университета, профессор Г. Радин сетует на то, что завоевание независимости азиатскими странами ликвидировало «интернациональную экономическую базу», которой располагали колониальные державы. Он призывает к воссозданию «экономического интернационализма» за счет Африки². Трудно определить, чего больше в жалобах американского ученого — цинизма или неосведомленности. Кому не известно, что экономические связи между империалистическими державами и их колониями в Азии, именуемые Радиным «интернационализмом», на самом деле означали искусственное превращение стран Азии в сырьевые придатки метрополий, консервацию отсталости колоний, беззастенчивое ограбление их иностранными монополиями.

Тот же Г. Радин, анализируя первые шаги молодой Гвинейской Республики, заявлял: «Парадоксально и неизбежно, что независимость невозможна без зависимости от иностранцев, диктата с чьей стороны опасаются»³. Вывод поистине парадоксальный — нельзя в этом не согласиться с американским профессором, особенно, если учесть, что Гвинея, отвергнув «взаимозависимость» в рамках «французского сообщества», демонстрирует пример самостоятельного развития. Но каким образом получен подобный вывод и так ли он «неизбе-

¹ См. К. *Deutsch*, *Political Community at International Level*, p. 373.

² См. H. *Rudin*, *The International Position of Africa Today*, «The Annals...», July 1956, p. 54; H. *Rudin*, *Past and Present Role of Africa in World Affairs*, «The Annals...», March 1955, p. 37.

³ H. *Rudin*, *Guinea Outside the French Community*, «Current History», July 1959, p. 15.

жен»? Толкуя экономическую самостоятельность как экономическую изоляцию и с торжеством указывая на техническую и иную помощь, которую получает Гвинея, профессор Радин считает возможным заявить: «Отделившись от Франции, Гвинея получила великий урок двадцатого столетия, а именно: в то время как возможно достичь политической независимости, полная экономическая независимость недостижима»¹. В этом рассуждении он совершает очередную подмену понятий: ополчаясь против надуманной полной (т. е. абсолютной) экономической независимости, Г. Радин в действительности отвергает вполне возможную в современных условиях относительную экономическую самостоятельность, отвергает самую идею создания национальной экономики. Все это делается, разумеется, с целью защиты «взаимозависимости».

Американские ученые Н. Бахэнэн и Г. Эллис (к ним присоединяется Дж. Кинг, утверждающий, что высказывает точку зрения, которая господствует на Западе) заявляют, что экономическое развитие бывших колониальных стран должно идти «в рамках международной экономики, опирающейся на специализацию или разделение труда, в котором слаборазвитые страны будут в течение определенного времени в будущем оставаться производителями главным образом сырья. Экономический прогресс будет для этих стран разворачиваться постепенно...»²

Следовательно, понятие экономической «взаимозависимости» таит колониалистский смысл, завуалированный «согласием» на развитие легкой промышленности и индустрии по первичной переработке сырья в таких пределах, чтобы это развитие не угрожало серьезным позициям иностранных монополий и не вело к завоеванию «освободившимися» странами экономической независимости.

Апологеты современного колониализма спешат, правда, уверить, что завоеванный странами Азии и Африки суверенитет гарантирует им экономическое равноправие в системе «взаимозависимости». Более того, они изо-

¹ *H. Rudin*, *Guinea Outside the French Community*, «Current History», July 1959, p. 15.

² *N. Buchanan and H. Ellis*, *Approaches to Economic Development*, N. Y., 1955, p. 376.

бражают «взаимозависимость» как необходимое условие успешного экономического развития этих стран. Профессор Г. Робертс, например, утверждает, будто «слаборазвитые страны могут извлекать экономические выгоды» в том случае, если останутся «экономическим дополнением промышленных стран»¹. В упоминавшейся уже брошюре государственного департамента специально указывается на «отрицательные экономические последствия» стремлений освободившихся стран «уменьшить зависимость от индустриальных стран».

Ссылаясь на логику общественного прогресса и развития производительных сил, реакционные профессора и публицисты доказывают, что «взаимозависимость» стран необходима в интересах международного разделения труда и повышения эффективности мирового хозяйства на современном этапе, объявляют реакционными любые попытки изменить характер связей, существующих многие десятилетия между промышленным Западом и странами Азии и Африки. Усилия освободившихся стран по созданию самостоятельной экономики они называют узким экономическим национализмом, противоречащим как нуждам мировой экономики, так и потребностям самих народов Азии и Африки.

В докладе Центра международных исследований при Массачузетском технологическом институте критикуется такой национализм, который «вдохновляет экономическую политику, нацеленную на превращение нации в специфическую (*distinct*) экономическую систему, хотя подобная политика в действительности не соответствует важнейшим материальным интересам нации»².

Американские ученые П. Лайнбергер и Г. Хазард квалифицируют как лучший тот путь развития взаимоотношений между развитыми капиталистическими странами Запада и странами Азии и Африки, который позволит «их совершенно различным и в то же время в высшей степени дополняющим друг друга экономикам взаимодействовать и в будущем...»³ Такие же

¹ *H. Roberts, Russia and America. Dangers and Prospects*, p. 137.

² «*Human Values in Social Change in Southeast Asia and in the United States*», The Department of State Publications, 1956, p. 9.

³ *P. Linebarger and H. Hazard, Colonialism Reconsidered, «The Idea of Colonialism»*, p. 469.

взгляды развиваются в работах Ж. Эрара, С. Поссони, Е. Клоумэна, В. Эллиота и многих других английских, американских и французских авторов¹.

Одновременно трубадуры монополий пытаются привлечь на свою сторону определенные слои буржуазии в освободившихся странах и добиться поддержки ею проектов «взаимозависимости». Они соблазняют торговых предпринимателей выгодными посредническими операциями, растущую сельскую буржуазию — широким рынком в индустриальных странах Запада, а промышленных предпринимателей — высокими прибылями в легкой промышленности.

Слов нет, общественное развитие ведет ко все более тесным и многообразным связям между народами. На соответствующем историческом этапе имело определенный экономический эффект даже то насильственное объединение наций, которое характерно для империализма. Оно вело к известному прогрессу, несмотря на всю его противоречивость. Однако уже тогда аграрно-сырьевая специализация колоний и паразитизм метрополий, являющиеся неизбежным порождением международного капиталистического разделения труда, сковывали возможности экономического развития обеих групп стран. В наши же дни империалистическая форма объединения вступила в острейшее противоречие с нуждами развития мировой экономики. И распад колониальной системы отражает банкротство империализма в области хозяйственного сближения народов, как и всякого другого сближения.

Однако достижение политической самостоятельности не избавляет народы освободившихся стран от засилия иностранных монополий в экономике. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что финансовый капитал «способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью...»² Латиноамериканские государства, например, еще в прошлом веке добились независимости, но их отношения с США и поныне вследствие господства в их экономике американских трестов не являются равноправными.

¹ См. *J. Ehrhard, Le Destin du colonialism*, p. 54; «*The Idea of Colonialism*», p. 19, 31, 373, 450.

² *В. И. Ленин, Соч.*, т. 22, стр. 246.

Невозможно добиться полного освобождения и самостоятельного развития стран Азии и Африки, не ликвидировав уродливую специализацию их хозяйства, обрекающую эти страны на неравноправное положение в капиталистическом мире. Индустриальная мощь и империалистическое развитие стран Запада, с одной стороны, и колониальная зависимость, отсталость стран Азии и Африки — с другой, это две тесно связанные стороны одного и того же противоречия, внутренне присущего империализму. И дело не только в том, что индустрия Запада в значительной мере поднялась на богатствах, награбленных на Востоке. Империализм не может существовать без колониального насилия, без колониальных рынков, без колониального порабощения народов. Страны Азии и Африки в течение многих десятилетий были жертвами (об этом, естественно, «забывают» реакционные идеологи) пресловутой «взаимозависимости», и именно здесь надо искать главную причину их нынешней отсталости.

Создавая легкую промышленность, увеличивая добычу сырья, поднимая сельское хозяйство, нельзя, несмотря на всю важность и необходимость этих мер, подорвать сложившееся капиталистическое разделение труда. Сейчас в отличие от XVIII—XIX вв. существуют разветвленная мировая империалистическая система хозяйства и международные монополии, способные препятствовать самостоятельному развитию стран Азии и Африки. Индустриализация для этих стран — абсолютно необходимый путь, встав на который только и можно вырваться из тисков нищеты, в максимально короткие сроки покрыть расстояние, отделяющее их от передовых стран Запада и добиться полного, фактического, а не только юридического, политического равноправия. Поэтому индустриализация — общенациональная задача и цель в странах Азии и Африки.

Слабость национального капитала и враждебность масс к проделанному Западом капиталистическому пути развития побуждают, как уже отмечалось, правительства Индии, Индонезии, Объединенной Арабской Республики и некоторых других освободившихся стран становиться на путь построения национальной экономики с помощью активного вмешательства государства в экономическую жизнь, создавать и расширять в народ-

ном хозяйстве, особенно в тяжелой промышленности, государственный сектор. Правительственными органами в указанных странах составляются долгосрочные планы их экономического развития в национальных масштабах.

Этот сектор следует отнести к государственно-капиталистическим формам, поскольку его создает и им руководит государство буржуазии и в нем господствуют объективные законы экономики капитализма. Национально-буржуазные правительства пытаются добиться победы капитализма в освободившихся странах с помощью широкого применения государственно-капиталистических методов. Исторические условия, в которых находятся страны Азии и Африки, существующее в них соотношение классовых сил определяют отличие этих форм от государственного капитализма на Западе. Государственный капитализм в Западной Европе и США — это государственно-монополистический капитализм, поддерживающий всевластие империалистических монополий. Он используется для того, чтобы сохранить обветшавшую систему производственных отношений, и является орудием и опорой реакционных сил, тормозящих общественный прогресс.

Государственный капитализм в освободившихся странах на данном этапе не служит целям извлечения монополиями сверхприбылей, не подчинен империалистическим монополиям. Мероприятия государства в этих странах помогают укрепить позиции национальных сил в борьбе против мощных империалистических трестов. Благодаря им у государства появляются новые источники дохода, увеличивается та доля национального продукта, которая идет как капиталовложения в народное хозяйство, и уменьшается часть прибавочной стоимости, непроизводительно расходуемая имущими классами. Они открывают возможность более целесообразного использования ресурсов стран для преодоления колониальной и феодальной отсталости. Развитие государственного капитализма, вызывая рост рабочего класса, ведет к росту слоя эксплуататоров в значительно меньшей степени, чем это имеет место при частном предпринимательстве. Создавая препятствия для проникновения иностранных монополий, государственно-капиталистические формы играют в связи с этим поло-

жительную роль и в политической жизни освободившихся стран.

Государственный капитализм возникает в странах Азии и Африки в условиях экономической отсталости и выступает в качестве средства форсированного по сравнению с частнокапиталистическими формами экономического развития. Он помогает переходу от мелкого феодального или полуфеодального производства к крупному, современному.

Таким образом, будучи здесь орудием создания национальной экономики, государственный капитализм в странах Азии и Африки объективно направлен против иностранных монополий. Его развитие на данном этапе отвечает общенациональным интересам. Поэтому в отличие от государственно-монополистического капитализма на Западе государственный капитализм в освободившихся странах играет в настоящее время прогрессивную роль. Кроме того, при наличии демократической власти государственно-капиталистические формы как важная материальная предпосылка могут серьезно облегчить переход к социализму. Как подчеркивается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в 1960 г., создание и расширение на демократических основах государственного сектора, независимого от иностранных монополий, в народном хозяйстве стран, сбросивших колониальное иго, имеет большое значение¹.

Разумеется, это не означает, что следует абсолютизировать или хотя бы преувеличивать прогрессивную роль государственно-капиталистических форм в освободившихся странах. Поскольку они имеют капиталистическую сущность, им свойственны и реакционные тенденции, которые при соответствующих обстоятельствах могут стать преобладающими. Каким явится в конечном счете содержание и роль этих форм, зависит от соотношения классов, от роста демократических сил, их влияния на государственные дела, от политики национальных правительств, от хода и исхода социальной борьбы. Отнюдь не исключено, например, что в случае укрепления позиций реакционных сил, расширения их

¹ См. «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 66.

Влияния государственный сектор может быть использован в антидемократических целях¹. Государственный капитализм в этих странах играет прогрессивную роль не в силу своей природы, а лишь благодаря условиям, в которых он развивается. Он прогрессивен лишь в той мере и до тех пор, пока служит орудием борьбы против империализма.

Как бы то ни было, широкое распространение в освободившихся странах государственного капитализма свидетельствует в определенном смысле о новом проявлении банкротства капиталистической системы производственных отношений. Здесь, как и на Западе, государственно-капиталистические формы являются, хотя и в ином смысле, выражением глубокого кризиса капитализма². Если на Западе они отражают несоответствие буржуазных отношений прогрессу производительных сил общества уже в период их относительно высокого развития, то в странах Азии и Африки капитализм обнаруживает свою историческую ограниченность и несостоятельность на значительно более раннем историческом этапе — на заре своего развития.

И на Западе, и на Востоке капитализм, эта хваленая система «свободного предпринимательства» и «частной инициативы», нуждается во все более серьезных государственных подпорках. Обращение национальных буржуазных правительств к методам государственного капитализма свидетельствует также о том, что «классический» капиталистический путь развития дискредитировал себя не только в глазах народных масс в странах Азии и Африки, но в определенной мере и в среде национальной буржуазии.

Относительная прогрессивность государственного капитализма в освободившихся странах, его внутренняя противоречивость выражаются и в том, что он, как показал опыт последних лет, не обеспечивает полного решения задач национальной реконструкции. Потребности самостоятельного развития все чаще вступают в противоречие с капиталистическим характером производ-

¹ Уже сейчас местные, а через них, очевидно, и иностранные монополии пытаются завоевать решающее влияние на развитие государственного сектора.

² В этом отношении между государственным капитализмом на Западе и Востоке существует определенное сходство.

ственных отношений. Государственный капитализм существует с широким развитием частного предпринимательства, а также с иностранным капиталом, которые присваивают значительные средства, необходимые для национального строительства. Накопление капитала очень серьезно сдерживается и тем, что государственно-капиталистические формы уживаются с остатками феодализма в сельском хозяйстве, с мучительно медленным преобразованием деревни на капиталистических началах. Наконец, стихийное действие экономических законов капитализма препятствует плановому руководству строительством национальной экономики.

Особенно неудовлетворительно обстоит дело с решением важнейшей задачи нового этапа освободительной борьбы — повышением жизненного уровня масс. Трудящиеся остаются объектом эксплуатации. Верно, в пределах государственного сектора прибавочная стоимость, создаваемая их трудом, присваивается не *отдельными* капиталистами, а классом буржуазии *в целом*, что имеет немаловажное значение, однако это не изменяет сколько-нибудь серьезно положения пролетариата и крестьянства.

Крестьянство продолжает страдать и от докапиталистических форм гнета. Тяжелое положение масс, препятствуя серьезному расширению внутреннего рынка, ограничивает накопление и тормозит развитие промышленности.

В то же время бесспорно, что государственно-капиталистические формы несравненно больше, чем частное предпринимательство, отвечают интересам независимого развития. Именно поэтому мероприятия по укреплению государственно-капиталистических форм хозяйства в освободившихся странах подвергаются резким нападкам со стороны империалистов и их идеологов. Видные финансисты и «ученые» профессора, модные журналисты и профессиональные дипломаты, парламентарии и министры — все в один голос критикуют курс правительств ряда восточных стран на создание в народном хозяйстве государственного сектора, требуют отказа от него и предоставления полного простора частному капиталу, особенно иностранному. Милликэн и Ростоу называют стремление к созданию государственного сектора в народном хозяйстве стран Азии и

Африки «социалистическими предрассудками»¹. С раздражением порицает «доктринерскую социализацию» хозяйства в ряде стран Европы и Азии и профессор Р. Страус-Хюпе. Она, по его утверждению, отвечает лишь «национальному тщеславию»². Президент «Чейз манхэттен бэнк» Дж. Макклой призывает избегать инцидентов «стэйтизма»³ (state (англ.) — государство). Еще более определенно высказывается Льюис В. Джонс — президент Ратджерского университета (США). Он заявляет, что «американцы, преданные идеалам свободного предпринимательства», не могут согласиться с «преобладанием правительственной инициативы и контроля в Юго-Восточной Азии»⁴. Такие же взгляды развивают профессор Ван дер Крёф, который особенно энергично выступает против государственного сектора в народном хозяйстве Индонезии⁵, известный американский бизнесмен Эрик Джонстон⁶ и др.

Следует вместе с тем отметить, что в последнее время определенная и все возрастающая группа буржуазных публицистов и ученых (Ч. Боулс⁷, Е. Мэзон и другие), учитывая господствующие в странах Азии и Африки настроения, признает закономерность и неизбежность государственной инициативы в экономической жизни этих стран. Однако эта точка зрения, по существу, мало чем отличается от взглядов большинства реакционных идеологов и политиков, решительно отвергающих вмешательство государства в развитие хозяйства стран Азии и Африки. Ч. Боулс и его единомышленники допускают временное развитие государственно-капиталистических форм на начальном этапе хозяйственного строительства, пока частный капитал не окреп, не набрался сил. По их мнению, государственные инвестиции должны способствовать данному процессу накопления сил, должны носить «социальный» характер, т. е. сосредоточиваться в сферах менее рентабельных или вовсе нерентабельных с точки зрения частного капи-

¹ *Millikan and Rostow, Foreign Aid: Next Phase, «Foreign Affairs», April 1958, p. 433.*

² *«The Annals...», May 1955, p. 137—138.*

³ *«Nationalism and Progress in Free Asia», p. 374.*

⁴ *«Current History», August 1957, p. 76.*

⁵ См., например, *«Pacific Affairs», March 1959, p. 49, 59, 61 etc.*

⁶ См. *«AICC. Economic Review», June 1, 1959, p. 26.*

⁷ См. *Ch. Bowles, Ideas, People and Peace, p. 51—52.*

тала, но необходимых для развертывания его деятельности, — транспорт, связь, социальные услуги и т. д. «Выполнение правительством такого рода общественных работ, — пишет Е. Мэзон, — является, конечно, существенно важным для расширения частного капитала, и развитие адекватной массы социального капитала в Южной Азии есть одно из главных условий, необходимых для расширения частных капиталовложений, как местных, так и иностранных»¹.

Какие доводы выдвигают противники развития государственного сектора в экономике стран Азии и Африки? Их, как правило, три.

Аргумент первый. Вмешательство государства в экономическую жизнь подрывает «основные стимулы экономического развития», присущие лишь «системе свободного предпринимательства». Так утверждает, например, в докладе Комитета по вопросам исследований. Авторы этого документа подчеркивают, что для развития экономики нужны предприятия, не зависящие от государства. Профессор С. Кузнец в свою очередь пишет, что «принудительная реорганизация» экономики влечет за собой «опасность длительных ограничений основных источников экономического развития — свободной игры человеческих идей и желаний»². А В. Мэллори, вице-председатель Совета по международным отношениям, заявляет, что развитие новой экономики, «достаточно тяжелое в любом случае, делается вдвойне трудным» вследствие той экономической политики, которую проводят освободившиеся страны, т. е. вследствие создания государственного сектора и определенного ограничения деятельности иностранного капитала³.

Пропагандисты колониализма, однако, «забывают» об опыте более чем сорокалетнего соревнования социализма с капитализмом. В ходе этого соревнования социализм убедительно продемонстрировал свое превосходство, а система «свободного предпринимательства» терпит поражение за поражением. Среднегодовой прирост промышленной продукции в СССР за 42 года, из которых 18 лет падает на гражданскую и Отече-

¹ E. Mason, Promoting Economic Development: The United States and Southern Asia, p. 47.

² «Economic Growth: Brazil, India, Japan», p. 17.

³ См. «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 62.

ственную войны и периоды восстановления народного хозяйства, был в 3—5 раз выше, чем в развитых капиталистических странах. В то время как объем промышленного производства социалистической системы хозяйства за 1937—1958 гг. возрос в 9,5 раза, промышленная продукция капиталистических стран за тот же период увеличилась менее чем в 2 раза¹.

Темпы развития индустрии в СССР и США ярко характеризуют следующие данные о промышленном производстве в этих странах в 1959 г. по сравнению с 1953 г.²

	СССР	США
Вся промышленная продукция	рост на 90%	рост на 11%
В расчете на душу населения	рост на 71%	рост на 0,3%
Чугун	рост на 57%	падение на 16 %
Сталь	рост на 57%	падение на 16 %
Уголь	рост на 58%	падение на 12 %
Нефть	рост на 145%	рост на 9%
Электроэнергия	рост на 97%	рост на 56%
Цемент	рост на 143%	рост на 24%

Эти цифры ярко показывают, насколько успешнее и быстрее развивается социалистическая экономика Советского Союза по сравнению с основанной на частном предпринимательстве экономикой США. От непродолжительных, как правило, «бумов» к кризисам и депрессиям — так функционирует система «свободного предпринимательства» в развитых капиталистических странах. Еще менее она способна обеспечить «основные источники» экономического прогресса в странах Азии и Африки, где национальный капитал слаб, а народные массы доведены колонизаторами до крайней нищеты.

Аргумент второй. Вмешательство государства в экономическую жизнь, создание государственного сектора

¹ «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». Тезисы доклада тов. Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, Госполитиздат, 1958, стр. 24.

² См. *Н. С. Хрущев*, Разоружение — путь к упрочению мира и обеспечению дружбы между народами. Доклад и заключительное слово на четвертой сессии Верховного Совета СССР, Госполитиздат, М., 1960, стр. 12.

в народном хозяйстве создают якобы угрозу «демократии» и могут привести к победе «тоталитаризма». Неоднократно упоминавшийся уже журнал «Fortune», касаясь перспектив экономического развития стран Азии и Африки, подчеркивает, что «необходимой предпосылкой политической свободы является экономическая свобода в противоположность контролю со стороны государства. Необходимой предпосылкой справедливости является уважение частной собственности и святости контракта»¹. Профессор Э. Решауэр (ему вторит профессор Б. Хозелитц²) предупреждает, что «большая концентрация экономических инициативы и контроля в правительственных руках» может иметь следствием «тоталитарное правление»³. Ту же точку зрения отстаивает журнал «Life». Майкл Хэйлперн и издатели журнала «Fortune» в опубликованной ими статье категорически заявляют, что «частная собственность — будь то внутри страны или за границей — является основой прогресса и самой человеческой свободы»⁴. Не трудно понять, о чем пекутся адвокаты монополий. Свободу человека они подменяют свободой капитала, а под последней, как мы увидим далее, подразумевают бесконтрольное хозяйничанье иностранного капитала.

Опыт социалистических стран неопровержимо доказал, что участие государства, в том числе руководящее, в экономической жизни отнюдь не угрожает само по себе существованию демократических институтов. Все дело в том, *к чьей выгоде* осуществляется государственное вмешательство. Когда оно совершается в интересах народных масс, это не только не угрожает демократии, но является для нее опорой. Именно так обстоит дело в Советском Союзе и странах народной демократии.

Совсем иное положение в империалистических странах, где государственный аппарат выступает как орудие финансовых монополий. Характерно, что против государственного сектора в странах Азии и Африки особенно рьяно выступают политики и публицисты США — той страны, где вмешательство государства в экономику в интересах империалистических монополий

¹ «Fortune», April 1956, p. 13.

² См. «Annals...», May 1956, p. 6.

³ E. Reischauer. Wanted: an Asian Policy, p. 166.

⁴ «Life», July 21, 1958.

Достигло огромных размеров. Такое вмешательство, действительно, связано с наступлением на демократию. Но это не вызывает беспокойства у «борцов» за свободу.

Что касается Индии и других освободившихся стран, то здесь, как мы стремились показать, участие государства в экономической жизни осуществляется в первую очередь с целью борьбы против иностранных монополий и защиты национальных антиимпериалистических интересов. «Забота» буржуазных публицистов о демократии в этих странах разоблачается и тем фактом, что в их книгах и статьях немало высокомерных, пренебрежительных замечаний в адрес народных масс в странах Азии и Африки вкупе с советами «ограничить» демократию, к которой эти массы, дескать, еще «не подготовлены»¹. «Демократия и необходима и возможна, — откровенно заявляет С. Поссоны, — лишь в передовых нациях»². А президент крупной империалистической компании «Родезиан Англо-Американ Лимитед» Оппенгеймер выступает против применения в Африке принципа «один человек — один голос», ибо это есть отступление от позиции С. Родса: «равные права для всех цивилизованных людей». Оппенгеймер считает неприемлемым даже принцип равного представительства от проживающей в Южной и Северной Родезиях и Ньясаленде кучки белых и миллионов коренных обитателей³. Мутный поток подобных рассуждений полился со страниц буржуазной прессы в связи с событиями в Конго, хотя их спровоцировали сами империалисты.

Аргумент третий. Переход значительной части «экономической инициативы» в руки государства не обеспечивает, по мнению реакционных публицистов, широкого формирования «среднего класса», «средних слоев», которые являются прочной опорой экономического прогресса, носителем «порядка» вообще⁴. Буржуазные пропагандисты не жалеют красок для апологии «исторической» роли «среднего слоя» в хозяйственном развитии Запада,

¹ См., например, *E. Reischauer, Wanted: an Asian Policy*, p. 159; «Times», 6 October 1960.

² *S. Possony, Colonial Problems in Perspective, «The Idea of Colonialism»*, p. 29.

³ См. «Times», 17 November 1960.

⁴ См. «An Approach to the Study of Entrepreneurship». *F. S. Lane and J. C. Riemersma* (eds), *Enterprise and Secular Change*, Illinois, 1953, p. 187.

в его экономической системе. Известно, что применительно к современному Западу буржуазные идеологи термином «средний слой» обозначают мифическую надклассовую группу, включающую в себя на почве «общих» интересов и капиталистов и трудящихся. Когда же американские теоретики рассуждают о «среднем слое», имея в виду ранний период развития капитализма, под ним разумеется, по существу, как раз та социальная группа — бизнесмены, «рыцари» наживы, — которую буржуазные идеологи ныне пытаются спрятать, прикрыть термином «средний слой», чтобы затушевать классовые противоречия и выдать интересы капиталистов за интересы всего «среднего слоя».

Кто же подразумевается под «средним классом» в странах Азии и Африки? Организаторы экономики, руководители хозяйственного развития, «центральная фигура в экономике»¹, разъясняют нам. Очевидно, это не кадры квалифицированных специалистов: инженеров, техников, администраторов — без которых хозяйственное строительство действительно невозможно. Ведь государственные предприятия не в меньшей степени, чем частные, нуждаются в таких кадрах. Речь, по-видимому, идет о той более широкой социальной опоре, которую ищут для себя империалисты в освободившихся странах вместо потерпевшей крах местной «элиты» периода колониальной администрации. С этой целью они и добиваются укрепления и расширения экономических связей с частью местных предпринимателей, чтобы тесно связать со своими интересами интересы широких кругов национальной буржуазии. Государственно-капиталистические формы, естественно, ограничивают такие возможности, и защитники колониализма негодуют.

«Аргументы» колониалистских критиков призваны замаскировать подлинные мотивы, побуждающие империалистических политиков и идеологов выступать против государственного сектора в народном хозяйстве освободившихся стран. Между тем ларчик открывается просто. Государственный сектор, как мы видели, является более действенным по сравнению с частным предпринимательством инструментом создания нацио-

¹ W. Rostow and R. Hatch, *An American Policy in Asia*, N. Y., 1955, p. 10.

нальной экономики. Империалисты понимают, что отказ государств в странах Азии и Африки от руководства экономической жизнью привел бы к устранению сколько-нибудь серьезных препятствий для бесконтрольного хозяйничания иностранных монополий.

Особенность тактики империалистов состоит в том, что свои выступления против государственного сектора они лицемерно прикрывают заботой о местных предпринимателях, хотя последним в планах адвокатов современного колониализма отводится второстепенная, вспомогательная роль. Порой некоторые из них, забыв об осторожности, выдают подлинные причины нападок на государственный сектор в экономике освободившихся стран. Так, президент компании «Стандарт вакуум ойл» Приоло предупреждал, что, если нынешняя тенденция, направленная на «установление государственного контроля над промышленностью», не изменится, «американские капиталовложения будут вытеснены с этих богатых потенциальных рынков». А авторы книги «Американская политика в Азии» Ростоу и Хэтч раскрывают еще одну из причин, вызывающих тревогу монополистов США. Последние опасаются, что успехи независимого экономического развития на основе укрепления и расширения государственного сектора могут привести к созданию в странах Азии и Африки политической обстановки, крайне неблагоприятной для колонизаторов¹.

«Неограниченный простор для частного капитала» — под таким лозунгом выступают теоретики и политики неоколониализма. Вот заявления некоторых из них. Закономерно ожидать, подчеркивает профессор Льюис В. Джонс, что в странах Азии и Африки «в будущем роль частного предпринимательства возрастет»². Милликэн и Ростоу заявляют в журнале «Foreign Affairs», что «частному капитализму, местному и иностранному (американскому. — К. Б.), должна принадлежать растущая роль в новых нациях»³. «Мы считаем, — говорил бывший заместитель государственного секретаря США

¹ См. *W. Rostow and R. Hatch, An American Policy in Asia*, p. 13.

² «Current History», August 1957, p. 77.

³ *M. Millikan and W. Rostow, Foreign Aid: Next Phase*, «Foreign Affairs», April 1958, p. 427—428.

Диллон, — что экономическое развитие этих стран может быть обеспечено лучше всего с помощью частного капитала, как своего собственного, так и иностранного»¹.

Однако пропаганда идей «свободного», частного предпринимательства в освободившихся странах наталкивается на серьезные трудности. Здесь сильны антикапиталистические настроения. Народные массы, испытавшие все ужасы колониализма — этого отвратительного порождения капитализма — тянутся к новым, свободным от гнета и эксплуатации общественным порядкам. Такие настроения находят отклик и в выступлениях многих буржуазных политических деятелей в странах Азии и Африки. Например, видный государственный и общественный деятель Индонезии Р. Абдугани писал: «По нашему опыту колониализм — дитя капитализма. В своем неизбежном потоке колониализм принес нам национальное раздробление и бедность в такой степени, которая, вероятно, никогда не была известна Западу. Для нас колониализм не теоретическое зло, ибо его последствия видны повсюду в наших странах. Развитие, физическое и духовное, наших народов было остановлено колониализмом, а колониализм — плод капитализма. Поэтому для нас социализм есть существенный ингредиент национализма, поскольку мы верим, что социализм предлагает нашим народам быстрое избавление от ужасов колониального господства»². О том же говорил президент Индонезии Сукарно: «Империализм политический лишил народы Азии их национальной самостоятельности и тем самым породил сопротивление и борьбу за создание справедливого, процветающего общества. Экономический империализм, в основе которого лежит капиталистическая система, вызвал нищету и лишения в колониальных странах Азии, тем самым он вызвал сопротивление и антиимпериалистическую, антикапиталистическую борьбу за идеалы социальной справедливости»³.

На глазах народов Востока в течение десятилетий происходит историческое соревнование капитализма и социализма. Они могли сравнить оба общественных

¹ «The United States News and World Report», May 10, 1957, p. 44

² R. *Abdulgani*, Ideological Background of the Asian-African Conference, «United Asia», vol. 7, № 2, March 1955, p. 44.

³ См. «Правда», 11 октября 1956.

строю в действии. За сорок лет социализм превратился в могучую мировую систему, объединяющую 1 млрд. людей. Он поднял народы отсталой России к вершинам мирового прогресса, мировой культуры. На путях социализма преобразуется древний Китай. Социализм предстал перед народами как могучая и непобедимая сила, которой принадлежит будущее. Он символизирует мир и прогресс, раскрепощение и братство народов, расцвет их науки и культуры.

А что принес человечеству за тот же период капитализм? Две мировые войны, а в мирные годы безудержную гонку вооружений; опустошительные экономические кризисы, непомерно обостряющие нищету и страдания десятков миллионов людей, и топтание на месте в «бескризисные» периоды; законы джунглей в международных отношениях; насилие над народами колоний, фашизм и гонения на всякую прогрессивную мысль.

Неудивительно, что социализм как цель, как общество, основанное на социальном и национальном равноправии, завоевывает сердца миллионов людей в странах Азии и Африки. Приспосабливаясь к настроениям широких масс, многие крупные политические партии в этих странах выдвигают лозунг социализма. Под социалистическим флагом проводят государственно-капиталистические мероприятия некоторые национальные правительства в освободившихся странах. Порой объявляют себя социалистическими даже группы, далекие от идей общественного прогресса.

Обеспокоенные сложившейся ситуацией, американские монополии решили развернуть шумную рекламную кампанию, поддержанную дипломатическими, политическими и иными мерами, в пользу системы «свободного предпринимательства», пытаясь навязать ее странам Азии и Африки. «В этих слаборазвитых странах, — требовал рупор монополий журнал «Fortune» в статье с многозначительным названием «Американская игра», — американский ответ должен заключаться в проведении *твердой* (курсив мой. — К. Б.) кампании, поддержанной дипломатическими средствами, с целью создания более благоприятных условий для свободного предпринимательства», обеспечения «уважения частной собственности». «Миссия США, — заключал журнал, — состоит в том, чтобы показать как на словах, так и на

деле, что существует альтернатива (социалистическому пути и вмешательству государства в экономическую жизнь. — К. Б.)». Чтобы «выполнить эту миссию», журнал призывал к решительному насаждению в странах Азии и Африки «политической и экономической философии» американских бизнесменов¹.

Пропаганду системы «свободного предпринимательства» возглавили ответственные американские руководители. Еще в 1956 г. в выступлении на 3-й ежегодной конференции Совета по вопросам рекламы президент Эйзенхауэр выдвигал целую программу идеологической кампании в освобождающихся странах. США, подчеркивал он, должны прививать странам Востока «моральные и духовные ценности своей системы», должны добиваться развития этой системы на почве Азии и Африки. «Есть много путей, — говорил Эйзенхауэр, — с помощью которых Соединенные Штаты могут использовать свое влияние, чтобы стать уверенными в том, что другие народы признают достоинства капиталистической системы...» Он призывал проявить «изобретательность» в поисках таких путей.

Выступая в Сиэтле на совещании стран — участниц плана Коломбо в ноябре 1958 г., Эйзенхауэр вновь расхваливал «свободное предпринимательство как средство обеспечения экономического роста»². В таком же духе высказываются и другие официальные лица США.

Влиятельные американские круги вместе с обслуживающими их публицистами предпринимают всяческие усилия для распространения, как выражается газета «New York Herald Tribune», «идей капитализма». Фальсифицируя исторические факты и умалчивая о бесчеловечной эксплуатации и полном разорении масс в период первоначального накопления, буржуазные проповедники в идиллических, пасторальных тонах изображают развитие капитализма на Западе, особенно в США, и призывают страны Азии и Африки пойти по такому же пути. Они хотят переписать заново историю капитализма, доказать «необоснованность» враждебного к нему отношения народов Азии и Африки, уверить, что между капитализмом и колониализмом нет внутренней связи. «Это случай обвинения по ассоциации, — восклицает

¹ См. «Fortune», April 1956, p. 108.

² «Правда», 12 ноября 1958.

В. Х. Меллори, — капитализм... не является сам по себе причиной... несчастий» народов колоний¹. О «достойной сожаления путанице» в умах индийцев, у которых капитализм ассоциируется с колониализмом, фашизмом и империализмом², пишет Н. Палмер.

Очевидно, сознавая неубедительность своих аргументов, реакционные идеологи прибегают и к другой пропагандистской уловке. Они утверждают, что на смену «старому» и, возможно, плохому капитализму XIX в. пришел новый, лучший, которому по природе, мол, чуждо стремление к колониальной прибыли. «Какая бы практика не сопровождала инвестиции в ряде мест и в ряде случаев в прошлом, — пишет журнал «Foreign Affairs», — сейчас у частных инвесторов нет и мысли, как и необходимости эксплуатировать»³. Множество книг и статей, речей и радиопередач, специальные выставки на все лады прославляют «народный капитализм» в США. Именно в «народном капитализме» должны, по мнению идеологов колониализма, освободившиеся страны видеть решение стоящих перед ними проблем.

Наряду с мощной пропагандистской машиной в ход пускаются средства политического и финансового давления. Американский сенат в своих рекомендациях по вопросу о помощи иностранным государствам подчеркнул, что эта помощь, являясь орудием «национальных интересов США», должна «поддерживать развитие свободной (т. е. такой, как в США. — К. Б.) политической и экономической системы в других... нациях»⁴. В специальном заявлении Американская торговая палата прямо потребовала, чтобы программа «помощи» «поощряла частное предпринимательство».

И в самом деле, противодействие развитию государственного сектора в народном хозяйстве стран Азии и Африки и стимулирование частного предприниматель-

¹ См. «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 63; См. также *I. King*, *Southeast Asia in Perspective*, p. 23; *F. Low*, *Struggle for Asia*, New York, 1955, p. 13; *E. Reischauer*, *Wanted: an Asian Policy*, p. 164.

² См. *N. Palmer*, *Indian Attitudes Toward Colonialism*, «The Idea of Colonialism», p. 288.

³ «Foreign Affairs», April 1954, p. 414; «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 63.

⁴ «Current History», August 1957, p. 115.

ства (разумеется, в легкой и горнодобывающей промышленности) являются одним из главных аспектов деятельности Управления международного сотрудничества США. Авторы одиннадцатого полугодового доклада Управления международного сотрудничества, отмечая повсеместное отрицательное отношение общественности стран Азии и Африки к капитализму, подчеркивали: «В этой обстановке Управление ищет возможности добиться более ясного понимания того ценного вклада, который может внести местная частная промышленность». Управлением, указывается в том же докладе, был «предпринят ряд шагов с целью повышения роли местного частного предпринимательства».

Вот несколько примеров того, как это делается. В августе 1956 г. Управление учредило в некоторых освободившихся странах специальные фонды для предоставления займов частным предпринимателям. На эти цели идет и часть средств, депонируемых в соответствии с соглашениями о поставках излишков сельскохозяйственных продуктов из США. Еще раньше, в феврале 1955 г., такой фонд был создан на Филиппинах. В 1957 г. было заключено соглашение с Индией о финансировании местных частных предпринимателей за счет средств американской «помощи». Эти средства составляют две трети (54,4 млн. долл. из 80,85 млн. долл.) капитала корпорации повторного финансирования, созданной для кредитования частных индийских предпринимателей.

В то же время Управление отказывается предоставлять займы на строительство государственных предприятий. В сентябре 1957 г. руководство Управления выступило со специальным заявлением, которое гласило: «Соединенные Штаты убеждены, что частная собственность на предприятия перерабатывающей и добывающей промышленности и частная эксплуатация этих предприятий в большей мере, нежели общественная собственность и общественная эксплуатация, способствуют... развитию экономики в любой стране... Поэтому в основу политики Управления международного сотрудничества положено стремление использовать американскую помощь так, чтобы это обеспечивало развитие частных секторов в экономике стран, пользующихся этой помощью. Поэтому же Управление международного

сотрудничества, как правило, не будет соглашаться на финансирование находящихся в общественном владении предприятий перерабатывающей и добывающей промышленности...» Даже американская печать расценила это заявление как грубое вмешательство во внутренние дела ряда стран Азии и Африки. В некоторых газетах прямо указывалось, что заявление имело в виду в первую очередь Индию.

В том же 1957 г. за счет правительственных ассигнований был создан фонд экономического развития, задачей которого является предоставление из более низких процентов (примерно 3—4%) займов частным предпринимателям в экономически слабо развитых странах. Единственный американский кредит Тунису на промышленное строительство (сооружение фабрики по производству целлюлозы) был предоставлен из средств этого фонда в распоряжение частной компании, которая к тому же тесно связана с американской фирмой.

Весьма показательна в этом отношении и деятельность Международного банка реконструкции и развития, который является «международным» лишь по названию, находясь, по существу, полностью в руках американских финансистов¹. Характеризуя курс, осуществляемый банком, журнал «Fortune» писал: «Международный банк... является своего рода мостом между капитализмом и странами, которые не хотят или не могут широко открыть свои двери для частного предпринимательства. Такой мост вполне стоит поддерживать, поскольку перед ним ставится цель скорее поощрять нормальные (т. е. частные — К. Б.) капиталовложения, чем самому делать их»². Банк, как заявил его президент Ю. Блэк, «всячески поощряет частную предприимчивость и частные капиталовложения» в экономически слабо развитых странах и отказывается «поддерживать правительственные мероприятия в тех областях экономики, которые должны быть основаны на конкуренции и для которых при надлежащих обстоятельствах может быть найден частный капитал».

¹ «Банк, — говорил президент МБРР Ю. Блэк, — является международной организацией... Но я считаю, что он служит интересам Соединенных Штатов» («The United States News and World Report», June 22, 1956, p. 110).

² «Fortune», April 1956, p. 108 (курсив мой. — К. Б.).

Политику Банка можно проиллюстрировать на примере Индии. Банк, как уже отмечалось, отказывался финансировать второй пятилетний план Индии, мотивируя свою позицию, в частности, тем, что «потенциальные возможности частного предпринимательства обычно недооцениваются в Индии, а его деятельность подвергается там ненужным ограничениям». Отрицательное отношение со стороны Банка встретила просьба Индии и о займе на строительство государственных сталелитейных заводов. Зато кредиты были даны местным монополиям — «Индиэн айрон энд стил компани» и «Тата айрон энд стил корпорейшн». Предоставление в июле 1957 г. после длительных оттяжек займа Индии на железнодорожное строительство было использовано руководством Банка для оказания нового давления на индийское правительство с целью побудить его «максимально поощрять» частные, особенно иностранные, капиталовложения. Было заявлено, что это — последний большой заем, предоставляемый Индии, а Ю. Блэк, выразив недовольство расширением государственного сектора в экономике страны, предупредил, что Банк будет следить за экономической политикой правительства и соответственно решать вопрос о размерах и сроках предоставления займа.

К маю 1958 г. более половины всех кредитов Международного банка, предоставленных Индии, приходилось на частные компании. Миссия Банка, побывавшая в 1960 г. в Индии, подчеркнула необходимость большего упора на частное, в том числе иностранное, предпринимательство в период осуществления третьего пятилетнего плана. Пример Индии особенно знаменателен, потому что здесь Банк, принимая во внимание независимую политику индийского правительства, вынужден действовать с некоторой осторожностью.

Предоставление займов Таиланду на реконструкцию железнодорожного транспорта и порта в Бангкоке МБРР обусловил превращением государственных железных дорог и Бангкокского порта в предприятия, не принадлежащие правительству. Характерно, что многие высокопоставленные официальные лица США в период администрации президента Эйзенхауэра, в том числе министр торговли Андерсон, его помощник Кэрнс, заместитель государственного секретаря Диллон и др.,

резко отрицательно отнеслись к проекту американского сенатора Монрони, по существу имевшего целью ограничить подобную практику Международного банка¹.

Выступая на заседании сенатской подкомиссии, Кэрнс недвусмысленно заявил: «Принципиально мы должны стремиться отказываться в нашей поддержке — будь то прямо или через международные агентства — развитию государственных предприятий в менее развитых странах».

Какие цели преследуют американские монополисты, навязывая освободившимся странам систему «частной инициативы» и «свободного предпринимательства»? Они стремятся укрепить капиталистическую систему, спасти ее от дальнейших потерь, сохранить в ее орбите страны, где живут десятки народов, сотни миллионов людей. В то же время — и это главная конкретная цель — их борьба за систему «свободного предпринимательства» в странах Азии и Африки есть попытка удержать эти страны в подчинении, хотя и в новой форме.

Система «свободного предпринимательства» не может удовлетворить потребности независимого национального развития стран Азии и Африки. Подчинить экономическое строительство целиком принципу капиталистической рентабельности и получению максимальной прибыли, как того требуют американские идеологи и политики, означало бы отказаться от индустриализации, ибо частный капитал неизбежно устремится и устремляется, как показывает опыт Индии и некоторых других стран, в легкую промышленность. Это обрекло бы освободившиеся страны на крайне медленное развитие, растянуло бы на очень долгие сроки или вовсе сорвало реконструкцию экономики и создало бы угрозу реставрации колониальных порядков.

Небезынтересно отметить, что американские теоретики видят зависимость темпов экономического прогресса от масштабов государственного вмешательства в хозяйственную жизнь стран Азии и Африки. И это усиливает

¹ Учитывая недовольство государств Азии и Африки кредитной политикой Международного банка, сенатор-демократ Монрони в феврале 1958 г. внес предложение о создании нового банка «Интернейшнл девелопмент ассошиэйшн» для оказания «помощи» экономически слабо развитым странам на более приемлемых для них условиях.

их недоброжелательное отношение к мероприятиям по созданию государственного сектора в экономике этих стран.

Путь развития, пройденный капиталистическими странами Запада в XVIII—XIX вв., неповторим на современном Востоке, ибо историческая обстановка изменилась коренным образом. Известно, что в высокоразвитых странах Европы и в США индустриализация была проведена в значительной мере за счет ограбления колоний и эксплуатации других, более слабых государств, за счет войн и контрибуций. По некоторым данным, только за 60 лет (с 50-х годов XVIII в. до второго десятилетия XIX в., т. е. в период, имевший огромное значение для развития английского капитализма) Великобритания вывезла из Индии ценностей на сумму от 500 млн. до 1 млрд. ф. ст., не считая доходов от неэквивалентной торговли. Насколько велика эта цифра, видно из того, что на рубеже XX в. общий капитал английских акционерных компаний в Индии составлял 36 млн. ф. ст.¹

Американские пропагандисты пытаются поставить США в особое положение: США, заявляют они, на протяжении своей истории большей частью не имели колоний. Но ведь известно, что США осуществляли территориальные захваты, начиная с вытеснения и истребления индейцев вплоть до присоединения Техаса и Флориды. Фактически они имели немало колоний. Но дело не только в колониальных владениях США, а во всей системе капиталистического мирового хозяйства и капиталистических отношений, которые путем перераспределения прибылей обеспечивали США (особенно за счет более слабых и менее развитых европейских стран — метрополий) немалую толику богатств, награбленных в колониях.

Некоторые американские авторы в той или иной форме признают данный факт. «Мы должны честно признать, — пишет Ч. Боулс, — что богатство, извлеченное европейскими державами из Азии и инвестированное в США, сыграло большую роль в нашем экономическом развитии»². Поэтому, замечает далее Боулс, не благо-

¹ См. *P. Baran, The Political Economy of Growth*, p. 145.

² Цит. по кн.: *E. Mason, Promoting Economic Development: The United States and Southern Asia*, p. 15.

ворительность, а простая справедливость обязывает США оказывать экономическую помощь слаборазвитым странам Азии и Африки. Кроме того, США имели «внутреннюю колонию» — миллионы негров, бывших объектом жесточайшей эксплуатации. В большой степени индустриализацию США облегчала колонизация земель, особенно на западе страны, а также усиленная эксплуатация некоторых групп эмигрантов.

Эти возможности исключены для национального капитала в освободившихся странах. Более того, государствам Азии и Африки приходится сталкиваться с активным противодействием со стороны империалистов своим усилиям, направленным на создание передовой национальной экономики.

Первоначальное накопление на Западе было в огромной степени обеспечено за счет беспощадной эксплуатации трудящихся самих метрополий. Однако и это вряд ли возможно на современном Востоке в тех масштабах, которые были характерны для эпохи первоначального накопления в западных странах. Народные массы стран Азии и Африки в результате многолетнего господства колониального режима живут в ужасающей нищете. Еще важнее то, что они враждебно настроены по отношению к капитализму и не дают себя обмануть идиллическими описаниями его. Трудящиеся могут оказать сильнейшее сопротивление стремлениям повести их по пути, пройденному Западной Европой и США несколько веков тому назад, по пути, связанному с нещадной эксплуатацией трудового люда, с нищетой, войнами.

Это признают и некоторые руководители освободившихся стран. Неру, например, заявил, что «прежние капиталистические формы индустриализации XIX в., которые связаны с созданием большой безработицы, ведущей к социальным бедствиям», устарели. «Никто, — говорил он, — не может и не хочет повторить это в какой-либо стране. Мы не можем позволить себе повторить это, ибо народ попросту не будет терпеть»¹. Выступая в 1959 г. с лекцией об историческом пути Индии, Неру вновь вернулся к этой мысли: «Совершенно очевидно, что эти неразвитые страны не могут идти через

¹ Цит. по: «New Age», January 1956, p. 29.

долгие процессы, посредством которых были индустриализованы Европа и Америка. Здесь имеется постоянное социальное давление, которое вполне в состоянии опрокинуть политическую систему, если только народ не получит чего-либо для удовлетворения своих чаяний»¹.

Следует подчеркнуть, что возможности грубого насилия над массами в значительной степени ограничены существованием могучего социалистического лагеря, ростом и укреплением демократических сил, горячо сочувствующих народам освободившихся стран.

Окончательное утверждение «системы свободного предпринимательства» создало бы, как уже отмечалось, более благоприятные условия для роста элементов, готовых пойти на сговор с империалистами. В Индии, например, это могло бы привести к полному засилью монополистических групп вроде Таты, Бирлы, Далмии. Эти группы и тяготеющая к ним часть крупной буржуазии, движимые своекорыстными расчетами и напуганные успехами демократических сил, все чаще выступают проводниками проимпериалистического курса во внутренних и внешних делах. Понятно, что они высказываются против «чрезмерного» развития государственного сектора и за поощрение иностранного капитала. Еженедельник «Commerce», отражающий точку зрения крупных бомбейских капиталистов, писал, что было бы «трагедией», если бы Индия лишилась благожелательного отношения со стороны США. Чтобы этого не случилось, необходимо, говорилось в журнале, «извлечь уроки из ошибок» (имеются в виду меры по национализации страховых компаний и налогообложению монополий. — К. Б.) и предпринять «решительные шаги» по обеспечению условий для заграничных инвестиций².

Империалистические монополии настойчиво ищут новых путей для установления непосредственных связей с местными крупными предпринимателями. Например, в финансировании индийской корпорации промышленного кредита и инвестиций наряду с индийскими капитали-

¹ *J. Nehru*, *India To-day and To-morrow*, «AICC. Economic Review», March 15, 1959, p. 6.

² См. *S. Rayan*, *Indo-American Relations*, «Commerce», 28 June 1958, p. 1235.

стами принимают участие британские и американские компании, в том числе столь известные, как «Вестингауз Электрик», «Братья Рокфеллеры», Банк Америки и др. Профессор Иллинойского университета Д. Спенсер называет их вклад «знаменательным», ибо это создает прецедент «для участия американских капиталистов в предприятиях такого типа»¹. Дж. Неру отмечал, что «американцы, предлагая свою помощь Индии, делают ставку на частный капитал, на лиц, тесно связанных с американским капиталом»². Поэтому наступление на позиции иностранных монополий в экономической и политической жизни освободившихся стран бывает успешным тогда, когда соединяется с борьбой против реакционных групп местной монополистической и крупной буржуазии.

Нет, «свободное предпринимательство» не отвечает нуждам независимого развития стран Азии и Африки. Это, разумеется, не означает, что национальный капитал не может сыграть полезной роли в экономических усилиях восточных стран. При обеспечении государством самостоятельного развития страны местные предприниматели могут (и должны с точки зрения национальных интересов) внести важный вклад в создание национальной экономики. Альтернатива — отказ от государственного вмешательства в экономику или полная ликвидация всяких возможностей для национального капитала участвовать в экономической жизни — является на данном этапе развития освободившихся стран целиком надуманной. Она выдвигается, чтобы обосновать нападки на государственный сектор, причем заботы о национальном капитале являются тут не чем иным, как дымовой завесой, прикрывающей подлинные намерения колонизаторов. На самом же деле империалистические идеологи менее всего пекутся об интересах местных предпринимателей. Добиваясь расширения «частной инициативы», монополии рассчитывают на *слабость* национального капитала в странах Азии и Африки. В условиях, когда местные предприниматели не в состоянии обеспечить капиталовложений, необходимых для выполнения про-

¹ «Pacific Affairs», September 1958, p. 269.

² Цит. по кн.: «Независимая Индия. 10 лет независимости 1947—1957», стр. 27.

граммы реконструкции, и не могут без государственной поддержки противостоять конкуренции мощных зарубежных корпораций, позиции которых в этих странах еще сильны, свобода «частного предпринимательства» оборачивается свободой «иностранного капитала», а отстаивание этой «свободы» превращается в защиту привилегий иностранного капитала. И именно такова главная цель «крестового похода» монополий США и их ученых адвокатов в защиту «системы свободного предпринимательства» в странах Азии и Африки.

Об истинных намерениях американских политиков иногда проговариваются они сами. Так, Диллон в той же речи ратовал за «частный капитал», подчеркнул готовность американских бизнесменов временно компенсировать его нехватку в странах Азии и Африки своими инвестициями. «Наша роль, — говорил, он — заключается в том, чтобы восполнить этот недостаток капитала...»¹ Другой руководящий чиновник государственного департамента К. Янг заявил, что иностранный капитал «будет необходим в течение некоторого времени как *ключевой фактор* в стимулировании начала и поддержании энергии экономического роста»².

Печать и официальные представители США непрерывно трубят о необходимости для стран Азии и Африки открыть двери для «мощного» притока американских инвестиций, о «невозможности» иным путем добиться экономического прогресса.

Особое недовольство у проповедников современного колониализма вызывает проведенная в Индии, Индонезии, ОАР национализация собственности некоторых иностранных компаний. Негодуя по поводу нарушения «священных прав частной собственности», они одновременно пытаются доказать пагубность подобных мероприятий для экономического прогресса стран Азии и Африки. Профессор С. Поссоны заявляет, например, что национализация оказывает исключительно отрицательное действие «не только на мировую экономику, но и на развитие самой страны, где она проводится»³. А про-

¹ «The United States News and World Report», May 10, 1957, p. 44.

² «The Department of State Bulletin», vol. XXXV, № 896, August 27, 1956, p. 348 (курсив мой. — К. Б.).

³ S. Possony, Colonial Problems in Perspective, «The Idea of Colonialism», p. 35.

фессор Б. Хиггинс считает, что следствием национализации голландских предприятий в Индонезии явится «потеря иностранной обменной валюты, дальнейшее расточение энергии индонезийских лидеров на чисто политические маневры, которые не решают ни одной из коренных экономических проблем», и «уменьшение притока иностранного капитала», столь важного для хозяйственного развития¹. Отрицательно оценивает национализацию голландской собственности в Индонезии и профессор Ван ден Крёф².

Ополчаясь против национализации, некоторые американские «теоретики» и публицисты называют желание освобожденных народов лишить иностранцев контроля над естественными ресурсами и экономикой своих стран неправомерным расширением рамок национального суверенитета. Такое «расширительное» толкование права на самоопределение, заявляют они, идет «от обветшалой идеи абсолютного суверенитета», является «абсурдным» и создает «величайшую опасность большим и передовым народам, например тем, которые населяют Западную Европу, т. е. наиболее цивилизованным народам»³. Реакционные идеологи, например профессора Иглтон и Эллиот, требуют изменить «устаревшее» международное право и лишить народы Азии и Африки суверенных прав на естественные богатства их стран под предлогом их неспособности «развивать и сохранять» эти богатства. Эллиот не скрывает, что такие требования продиктованы опасениями за позиции нефтяных трестов на Ближнем и Среднем Востоке. Он даже предлагает державам НАТО (!) сформулировать новую концепцию права собственности и контроля над «основными жизненными ресурсами мира, в частности нефтяными»⁴.

Цинизм колонизаторов, их аппетит не имеют границ. Как можно иначе расценить их претензии на то, чтобы державы Североатлантического блока распоряжались природными богатствами, расположенными на территории других стран? Спрашивается, почему бы в таком

¹ См. «Pacific Affairs», March 1958, p. 86.

² См. «Pacific Affairs», March 1959, p. 67.

³ W. Elliot, Colonialism: Freedom and Responsibility, «The Idea of Colonialism», p. 445.

⁴ Ibid., p. 447.

случае не поставить под сомнение, например, права американского государства на месторождения нефти и других полезных ископаемых на территории США? Однако, как легко догадаться, сторонники пересмотра суверенных прав народов Азии и Африки категорически восстали бы против этого. Иглтон и Эллиот не одиноки. Горячо поддержал проект германского банкира Абса о провозглашении «Великой хартии», которая «защищала бы частные капиталовложения за границей», журнал «Life»¹.

Монополии настаивают, чтобы правительство США еще более активно отстаивало их интересы в освободившихся странах, всячески добивалось создания в них «благоприятного климата» для американских инвестиций. Журнал «Life», например, писал: «Правительство США имеет все основания не только защищать своих граждан за границей, но и *всеми имеющимися у него средствами* как в области дипломатии, так и торговли внушать иностранным правительствам, что, если им нужен частный американский капитал, то они должны заслужить право на это»². В статье подчеркивалось, что правительство США должно оказать официальную поддержку проекту Абса.

Журнал «Foreign Affairs» в апреле 1958 г. призывал правительство США «делать больше... в деле создания благоприятного климата для американских частных инвестиций в слаборазвитых странах»³. С этой целью журнал считал необходимым «более настойчиво навязывать договора и другие условия (экономически слабо развитым странам. — К. Б.), имеющие целью защитить американские капиталовложения»⁴.

Американские бизнесмены, собравшиеся в ноябре 1958 г. на съезд по вопросам внешней торговли, в своей декларации сформулировали недвусмысленное требование: «Съезд настаивает на том, чтобы наше правительство и впредь добивалось — путем улучшения нашей системы коммерческих договоров и с помощью других надлежащих средств — создания условий, призванных

¹ «Life International», July 21, 1958, p. 81.

² Ibidem (курсив мой. — К. Б.).

³ «Foreign Affairs», April 1958, p. 4.

⁴ Ibid., p. 425.

поощрять и охранять частные капиталовложения за границей. . .»¹

Правительство США, как и следовало ожидать, принимает все меры к тому, чтобы проложить американскому капиталу дорогу в страны Азии и Африки, обеспечить ему привилегированное положение и преодолеть, как выражался заместитель помощника государственного секретаря США в правительстве Эйзенхауэра Г. Джонс, «страх, который препятствует частному капиталу. . . быть принятым Азией»².

США оказывают постоянное давление на правительства тех освободившихся стран, где, по их мнению, «условия для американских инвестиций недостаточно выгодны». На совещании стран — участниц плана Колombo в 1958 г. президент США Эйзенхауэр убеждал представителей стран Азии и Африки в необходимости обратиться к услугам американского частного капитала. Он настаивал на создании благоприятной обстановки для иностранных капиталовложений³. С подобными рекомендациями выступают американские официальные лица и в самих освободившихся странах.

Чтобы проложить дорогу частному капиталу, широко используются финансирование государством монополий и так называемая помощь. Правительство США ввело особые льготы для американских корпораций, которые действуют в экономически отставших странах Азии и Африки.

Предоставление «помощи» США этим странам часто обуславливается введением привилегий американскому капиталу. В полуофициальных и официальных американских документах вполне ясно сказано, что обеспечение таких привилегий является одной из основных целей «помощи». «Надежный приток правительственного капитала на осуществление основных проектов развития плюс техническая помощь, — говорится в докладе американского Комитета по вопросам исследований, — должны быть стимулом и гарантией для притока частного капитала. . .» Уже известный нам Г. Джонс

¹ «Правда», 24 ноября 1958.

² «The Department of State Bulletin», vol. XXXV, № 904, October 22, 1956, p. 639.

³ См. «Правда», 12 ноября 1958.

выдвинул даже модель «правильного соотношения» между частными и государственными американскими инвестициями; оказывается, первые должны составлять девять десятых всех инвестиций¹.

Суля «помощь», американское правительство добивается ослабления или даже отмены мер таможенной защиты, к которым прибегают некоторые страны в интересах национальной промышленности, требует всякого рода «гарантий» для американских монополий². По данным американского Управления международного сотрудничества, на 1 мая 1957 г. соглашения о «гарантии прав» американских монополий были заключены с 31 страной. В сентябре 1957 г. США добились от Индии гарантий американским капиталовложениям, подпадающим под действие закона о взаимном обеспечении безопасности. Индийское правительство обязалось также создать условия для деятельности в стране американских нефтяных трестов³. Осенью 1958 г. правительство США в ответ на просьбу Ганы о займе для строительства гидроэлектростанции на р. Вольта и промышленных предприятий откровенно обусловило возможность предоставления кредитов привлечением частных финансовых кругов США.

Страны Азии и Африки, естественно, нуждаются в экономической и технической помощи извне. Хотя эта помощь ни в коей мере не заменяет усилий самих народов освободившихся стран, вместе с тем она может в немалой степени содействовать решению задач национальной реконструкции. Западные державы, обладающие развитой промышленностью, квалифицированными техническими кадрами и значительными финансовыми средствами, могли бы сыграть положительную роль в экономическом развитии стран Азии и Африки. Это было бы тем более уместным, что западные державы находятся в неоплатном историческом долгу перед этими странами. Ведь навязанное ими колониальное иго есть главный источник отсталости, которую преодолевают теперь народы Азии и Африки. Оказание помощи

¹ «The Department of State Bulletin», vol. XXXV, № 904, October 22, 1956, p. 640.

² См. «The Department of State Bulletin», June 24, 1957, p. 999.

³ См. «Treaties and Other International Acts». Series 3900, Washington, 1957.

слаборазвитым странам положительно сказалось бы и на экономике государств Запада.

Однако ни «помощь» США, ни инвестиции американских и иных монополий не способствуют решению освободившимися странами задач национального возрождения. Напротив, их целью наряду с получением максимальной прибыли является, как мы говорили, укрепление и расширение позиций иностранного капитала в хозяйстве этих стран, противодействие усилиям народов, направленным на завоевание экономической самостоятельности. Иначе и не может быть. Бескорыстная, подлинная помощь несовместима с системой капиталистических отношений. «Капиталистические страны, — говорил Н. С. Хрущев, — ...оказывают «помощь» слаборазвитым странам, но в таких дозах и на таких условиях, чтобы получающая эту помощь страна не могла создать собственную промышленность, развивать свою экономику, чтобы в политическом и экономическом отношении она оставалась в постоянной зависимости от той или иной капиталистической страны, а чаще всего от многих сразу. К тому же идет эта помощь главным образом на строительство военных баз, на то, чтобы увеличивать вооруженные силы»¹.

Выше приводился конкретный материал, показывающий, как «помощь» используется в целях реализации планов экономического и политического закабаления стран Азии и Африки, в целях воспрепятствовать созданию в этих странах национальной экономики.

Столь же мало способствуют самостоятельному экономическому развитию освободившихся стран инвестиции американских и иных монополий. На собственном горьком опыте народы Азии и Африки убедились, что господство иностранного капитала ведет к отсталости и кризису экономики, к глубокой зависимости от империалистических держав. «...Западная предприимчивость, — отмечает профессор Массачусетского технологического института Б. Хиггинс, — не развивала эти страны в том смысле, в котором их правительства теперь используют термин «развивать»»².

¹ Н. С. Хрущев, К победе в мирном соревновании с капитализмом, стр. 454.

² «Pacific Affairs», March 1958, p. 75.

Из общей суммы голландских капиталовложений в Индонезии (45—46 млрд. рупий), которые почти целиком сделаны в колониальный период, 24 млрд., или 53%, приходятся на плантационное хозяйство и 11,2 млрд., или 23%, — на горнодобывающую промышленность.

И после освобождения стран Азии и Африки от колониального ига иностранные предприниматели устремляются в сферы хозяйства, наиболее рентабельные, с их точки зрения, но далеко не самые важные, если исходить из интересов развития национальной экономики. Так, из иностранных капиталовложений, сделанных в Индии за период с 30 июня 1948 г. по 31 декабря 1955 г., менее половины пошло в обрабатывающую (в том числе легкую и пищевую) промышленность и почти столько же в торговлю и плантационное хозяйство.

Более половины американских зарубежных капиталовложений, сделанных за пределами Канады и Латинской Америки (т. е. преимущественно в экономически отставших странах), приходится на добычу стратегического сырья. В странах Латинской Америки в этих отраслях хозяйства было сосредоточено в 1958 г. 43% прямых частных инвестиций граждан США, не считая тесно связанных с ними капиталовложений в транспорт, связь и некоторые предприятия. И едва лишь 7% американских инвестиций в этом районе было вложено в предприятия, имеющие значение для индустриализации латиноамериканских стран¹. Ж. Эрар, воинствующий защитник колониализма, не отрицает, что «частные капиталовложения в слаборазвитых странах в общем почти полностью ограничены нефтяной и горнодобывающей промышленностью»². Дж. Кинг также отмечает, что американский частный капитал не идет в те отрасли, которые являются «центром потребностей развития Юго-Восточной Азии», жизненно важными для них³.

Связанные тысячами нитей с хозяйством метрополий, иностранные предприятия в освободившихся странах Азии и Африки являются скорее частью экономики

¹ См. «*Démocratie Nouvelle*», juillet 1958, p. 448.

² *J. Ehrhard*, *Le Destin du colonialisme*, p. 29.

³ См. *J. King*, *The Southeast Asia in Perspective*, p. 214.

метрополий, чем стран, в которых они находятся. Через иностранные предприятия осуществляется разрушительная конкуренция монополий и всей экономики империалистических держав с национальным государственным и частным капиталом. Для американских трестов, как признал президент американской компании «Филио интернейшнл корпорейшн» Уильямс, «капиталовложения и производство за границей стали главным средством проникновения на иностранные рынки». Каждая новая позиция, завоеванная иностранными инвесторами, означает утрату определенных возможностей для местного капитала. При этом столь рьяно отстаиваемое проводниками современного колониализма «равное положение» иностранных предпринимателей в условиях, когда на их стороне большие преимущества (опыт, организация, поддержка мощных финансовых групп), оказывается далеко не равным и весьма неблагоприятным для местных предприятий. Именно эти обстоятельства побудили, например, Ассоциацию индонезийских предпринимателей специально выступить против новых иностранных капиталовложений, заявив, что они нанесут смертельный удар национальным предприятиям¹.

Империалистические монополии часто предпринимают откровенно подрывные действия с целью затормозить самостоятельное развитие стран Азии и Африки. Например, англо-американские нефтяные концерны, чтобы обеспечить свое господство на индийском рынке, долгое время срывали работы по созданию местной нефтяной промышленности, утверждая, что в Индии нет нефти. Между тем за последнее время с помощью советских и румынских специалистов в стране открыты промышленные месторождения нефти. Американские фирмы «Форд» и «Дженерал моторс» в ответ на предложение индийского правительства превратить свои заводы по сборке автомобилей из изготовлявшихся в США деталей в автомобильные заводы с полным производственным циклом в самой Индии демонтировали предприятия и вывезли их в США.

Таиланду компании «Стандарт ойл» и «Ройял датч шелл» навязали соглашение, по которому правительство

¹ См. «Pacific Affairs», March 1959, p. 64.

страны лишается права участвовать в сбыте нефтепродуктов или содействовать созданию национальных компаний по их продаже. Став монопольными хозяевами на тайландском рынке, эти нефтяные тресты вздувают цены, чтобы обеспечить себе огромные прибыли. Одновременно они всячески стремятся не допустить строительства заводов для переработки найденной в Таиланде нефти. На Филиппинах иностранные монополии используют всякую возможность, чтобы воспрепятствовать разворачиванию деятельности местных предпринимателей, например, в сталелитейной промышленности.

Иностранные монополии получают в экономически отставших странах огромные прибыли, значительно более высокие, чем в метрополиях.

Сумма прибылей, которые иностранные инвесторы получают, значительно превышает размеры их новых капиталовложений. За 1957—1959 гг. монополии США, вложив в странах Азии, Африки и Латинской Америки в качестве прямых инвестиций 1180 млн. долл., получили 5112 млн. долл. прибыли¹. В Индии, по данным журнала «Economic Review», прибыли иностранных капиталистов в 1,5 раза больше их новых инвестиций.

Создается парадоксальное положение: экономически слаборазвитые страны, по существу, финансируют империалистические монополии, а через них в определенной мере экономику индустриальных держав Запада. Отлив значительных средств в виде прибылей иностранных предпринимателей задерживает процессы накопления и лишает эти страны части резервов, крайне необходимых для экономического развития.

Иностранные монополии играют отрицательную роль и в политической жизни освободившихся стран. Они, как уже говорилось, стремятся сомкнуться с антипатриотическими группами, установить тесные связи с колеблющимися силами, организовать их и направить против политики национального возрождения.

Иностранные инвестиции являются постоянным предлогом для прямого, грубого вмешательства (вплоть до военной интервенции) империалистических держав во внутренние дела стран Азии, Африки и Латинской Америки под флагом защиты «законных прав» своих под-

¹ См. «Survey of Current Business», September 1960, p. 20—21.

данных. Достаточно вспомнить англо-французскую агрессию против Египта после национализации компании Суэцкого канала, требования высадить на Суматре американские войска для «защиты» нефтяных интересов, с которыми выступили некоторые круги США в дни организованного при их же содействии мятежа, кампанию угроз, клеветы и открытых провокаций, развернутую империалистами США против Кубинской Республики, революционное правительство которой встало на путь укрепления независимости страны, ликвидации засилия американских монополий в экономике, и многие другие примеры.

Факты неопровержимо доказывают, что позиции иностранных монополий — это своеобразный «тroyанский конь» колонизаторов, серьезное препятствие на пути народов Азии и Африки к экономическому подъему, к полной независимости. Даже Европейский совет — консультативная организация капиталистических государств Европы — в докладе своих экспертов о «развитии Африки» признает «малосовместимым» стремление слаборазвитых стран «взять в свои руки контроль над собственной экономикой и обеспечить своим гражданам возможность использовать национальное достояние с усилиями иностранных инвесторов соблюсти свои интересы путем обладания правом контроля и руководства в соответствии с размерами своих вкладов и получать максимальные прибыли»¹.

В силу всего этого не только таможенная защита молодой промышленности стран Азии и Африки, но, что еще важнее, национализация собственности иностранных монополий являются, как специально отметили первая и вторая конференции солидарности народов Азии и Африки, законным, патриотическим и необходимым шагом, имеющим большое значение для обеспечения независимого национального развития. Такие действия правительств молодых национальных государств, конечно, не исключают их экономического сотрудничества с другими странами, а также с иностранными частными фирмами. И во всяком случае они не ведут к «национальной ограниченности», «изоляции» и т. д. Здесь решается иной вопрос, имеющий жизненно важное значение для

¹ «Démocratie Nouvelle», juin 1958, p. 385.

молодых национальных государств: *какая* роль, главная или второстепенная, отводится иностранным монополиям в экономическом развитии этих стран и *чему* служит иностранная помощь, *каков* ее характер. Тем самым решается вопрос, *кто* будет определять направление экономического, а значит в конечном счете и политического развития стран Азии и Африки¹.

Если главную роль в развитии экономики будут играть национальные силы, они получают возможность определять направление экономического прогресса и добиваться самостоятельности, создания национальной экономики. Если эту функцию передать, как добиваются адвокаты современного колониализма, иностранному капиталу, то тогда он будет направлять дальнейшее развитие стран Азии и Африки.

Таким образом, стратегическая линия империалистов и их идеологов по отношению к экономическому прогрессу освободившихся стран состоит в попытках помешать их самостоятельному развитию, теоретически обосновать невозможность такого развития и необходимость для народов Азии и Африки отдать свою судьбу в руки иностранного капитала, который-де должен стать главным средством, главным фактором развития хозяйства в экономически отставших странах. Именно таковы цель правящих кругов империалистических держав и смысл рассуждений их идеологов, о чем бы ни шла речь — о темпах развития, выборе отраслей хозяйства для первоочередного развития, о роли государственного сектора и иностранного капитала и т. д.

В идейно-теоретическом отношении это — восхваление в новой форме и в новых условиях «цивилизаторской» роли Запада, перепевающее в значительной мере теорию «деколонизации»; это — протаскивание в завуалированном виде старых идей о неспособности народов Азии и Африки жить без империалистических опекунов.

¹ Это подтверждают и высказывания наиболее откровенных представителей монополий. Президент компании «Филио интернейшнл корпорейшн» Уильямс в докладе на III ежегодной конференции по вопросам заграничных операций открыто выразил притязания «американской частной промышленности» на руководство экономическим развитием в отставших странах. Журнал «Fortune» также всячески подчеркивает необходимость в руководстве со стороны иностранного, американского «бизнеса» экономическим развитием стран Азии и Африки. См. «Fortune», January 1957, p. 172.

В практически политическом и экономическом отношениях — это попытка закрепить господство империалистических монополий в экономике слаборазвитых стран, спасти и увековечить колониализм.

Уже отмечалось, что образование новых национальных государств в Азии и Африке, завоевание ими политической независимости означает, что система колониальных отношений *политически* подорвана. Теперь освободительный процесс идет дальше, становится более глубоким: в порядок дня выдвигается задача преодоления колониальных отношений в области *экономики*. Речь идет, таким образом, о жизненно важных для империализма связях: не только о судьбе максимальных прибылей в освободившихся странах, но о всей системе мировой капиталистической экономики, о всей сумме экономических связей империализма. Именно по этой причине одну из главных своих задач империалисты сегодня видят в том, чтобы помешать самостоятельному экономическому развитию стран Азии и Африки или по крайней мере затормозить его. Поэтому же империалисты противодействуют созданию национальной экономики во *всех* экономически отставших странах, независимо от существующих в них режимов. Более того, в странах вроде Южной Кореи, Южного Вьетнама и др., правители которых являются «друзьями» США (т. е. полностью от них зависят), это противодействие, ничем не ограниченное, является особенно бесцеремонным.

Сталкиваясь с мощным подъемом антиколониальной борьбы, империалисты маневрируют, пытаются «модернизировать» систему колониального рабства. Они стремятся повернуть дело так, чтобы могучий освободительный процесс ограничился ломкой некоторых, порой, может быть, даже важных форм колониальных отношений, но не ликвидировал их основного содержания — эксплуатации промышленно развитыми империалистическими державами экономически отставших народов. Более чем когда-либо раньше они хотели бы сохранить разрыв в уровнях развития производительных сил в странах империализма и в освободившихся странах. Этот разрыв, всегда составлявший основу колониализма, имеет особое значение для новых форм колониальной политики.

Колониалистский характер рекомендаций буржуазных политиков и идеологов национальным государствам Азии и Африки подтверждается опытом стран, которым империалисты навязали угодный им курс.

Возьмем, например, Пакистан. Еще в 1949 г. правительство этой страны разрешило иностранным предпринимателям иметь в предприятиях тяжелой индустрии до 49% общей суммы капитала и до 70% — в остальных отраслях промышленности. В 1954 г. Пакистану был продиктован закон о предоставлении новых широких льгот иностранным инвеститорам. Это открыло дополнительные возможности для проникновения в Пакистан иностранного капитала, деятельность которого наносит тяжелый урон местным предпринимателям. Не случайно в феврале 1956 г. руководящим комитетом Объединения торговых и промышленных палат Пакистана была принята специальная резолюция с просьбой о защите местных банков от иностранной конкуренции¹.

Народное хозяйство Пакистана остается в тисках иностранных монополий. Английский капитал контролирует 90% банковских активов страны и 75% ее иностранных операций. Ему же принадлежат ключевые позиции в нефтяной, угольной, цементной, табачной, химической промышленности, в добыче природного газа и цветных металлов, в производстве джута и чая. В руках иностранного капитала находится и страховое дело. За период с конца 1956 г. по конец 1959 г. частные иностранные инвестиции в стране возросли на 40%².

Американские и английские нефтяные объединения за последние годы навязали Пакистану ряд весьма невыгодных для него соглашений, фактически отдающих в распоряжение иностранных компаний нефтяные богатства страны. К середине 1958 г. 30% территории Пакистана было отдано в концессию английским и американским трестам, ведущим разведку нефти. Деятельность этих трестов вызывает протесты со стороны местных

¹ См. «Мировая экономика и международные отношения» № 11, 1958, стр. 122.

² «Statesmen», 17 April 1961.

предпринимателей. Группа видных пакистанских промышленников в письме правительству подчеркивала, что иностранные компании, «несмотря на острый недостаток нефти в Пакистане, не торопятся с эксплуатацией уже разведанных месторождений, хотя они могли бы удовлетворить все потребности страны. . . и стремятся держать открытие новых месторождений в тайне от правительства Пакистана».

Уступив давлению империалистов, правительство Пакистана не пошло по пути ускоренного развития собственной тяжелой индустрии. Государственные, как и частные, капиталы вкладываются здесь преимущественно в отрасли промышленности, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья и добычей некоторых полезных ископаемых. Несмотря на то, что за 1950—1957 гг. объем производства фабрично-заводской промышленности значительно увеличился, металлургия и машиностроение практически не росли, оставаясь в зародышевом состоянии. В 1957 г. в стране было произведено 12 тыс. т стали¹. Попытки пакистанского правительства заложить хотя бы основы собственной сталелитейной промышленности разбивались до сих пор о противодействие иностранных монополий.

В Пакистане, по существу, не приступили всерьез к решению аграрной проблемы. 70% обрабатываемой земельной площади страны находится в руках помещиков, князей и компрадорской буржуазии и лишь менее четверти ее принадлежит мелким земельным собственникам-крестьянам. Несколько миллионов крестьян не имеют земли вовсе. Опутанное феодальными пережитками, страдающее от односторонней экспортной специализации, которая всячески закрепляется иностранными монополиями, сельское хозяйство Пакистана находится в состоянии хронического кризиса.

Очень характерны экономические мероприятия правительства Айюб-хана, которое пришло к власти в результате военного переворота, встретившего горячее одобрение в империалистических кругах. Следуя советам западных экспертов, это правительство провозгласило политику «оздоровления» экономики страны. Согласно этой политике, серьезно уменьшает-

¹ См. «Pacific Affairs», June 1959, p. 146.

ся роль государственного сектора в экономике Пакистана. Все предприятия, сооруженные государственной корпорацией промышленного развития, будут переданы частным владельцам, и частный капитал станет основным источником финансирования экономического развития страны. Этот курс получил отражение и во втором пятилетнем плане (1960—1965 гг.), согласно которому развитие пакистанской промышленности будет осуществляться главным образом за счет частных инвестиций. Новые возможности для активизации своей деятельности получают иностранные предприниматели. Им предоставляются дополнительные налоговые льготы (в частности, снижен на 30% подоходный налог), а различные существовавшие ранее ограничения сняты. Правительство отменило положение, по которому в предприятиях, куда вложен иностранный капитал, не менее 50% инвестиций должно принадлежать пакистанцам.

Согласно правительственной программе, строительство крупных промышленных предприятий (в том числе единственного в стране металлургического завода в г. Мультае), откладывается на неопределенное время. В промышленности Пакистана будут создаваться лишь средние, мелкие и кустарные предприятия¹.

Поступающая от США «помощь» лишь усугубляет экономические трудности Пакистана. Как признал бывший пакистанский министр финансов Саед Амджад Али, она увеличивает «сверх всяких ожиданий зависимость страны от США». Профессор Н. Палмер, президент Национального совета США по азиатским делам, говорил об американской «помощи» Пакистану следующее: «Она («помощь» США.— К. Б.) поощрила Пакистан создать военную систему в масштабах, которые он не в состоянии поддерживать за свой счет, и поэтому увеличила уже нездоровую степень зависимости от США... Она, возможно, подстрекнула Пакистан занять более воинственную позицию в отношении Индии в связи с кашмирским вопросом. Остается фактом, что нынешний уровень военных расходов увеличивает зависимость Пакистана от США и уменьшает его уже ограниченную способность справиться со своими долгосрочными проблемами».

¹ См. «Pacific Affairs», June 1959, p. 159.

Небольшое африканское государство Либерия, пожалуй, являет собой еще более яркий пример. В этой стране, которая провозглашена независимой 115 лет назад и которая в течение многих десятилетий имеет «особые» отношения с США, созданы самые привольные условия для иностранных инвесторов. Им предоставляются долгосрочные концессии, большие налоговые льготы (от частичного освобождения от обложения налогами до ограничения максимальной квоты взимаемых налогов 25% от суммы дохода), полная свобода вкладывать и репатриировать капиталы и т. д. Не скрывая удовлетворения таким положением, комиссия американского сената писала в докладе в октябре 1956 г.: «Это — ободряющий пример выгодных обеим сторонам отношений, которые могут быть установлены при наличии доброй воли и разумных жертв, сделанных как свободным предпринимательством, так и правительством»¹.

Американская компания «Файерстоун», получившая в аренду 400 тыс. га земли сроком на 99 лет, имеет плантации на площади в 38 тыс. га, что в 5,5 раза превышает площадь плантаций местных землевладельцев. Она эксплуатирует 30 тыс. сельскохозяйственных рабочих из местного населения, получает 40 тыс. т каучука и десятки миллионов долларов прибыли ежегодно. Компания вносит в национальный бюджет 40% его поступлений. Ей же принадлежит более трети всех шоссе-ных дорог Либерии. Другая компания США, «Гудрич», завладела концессией в 600 тыс. акров сроком на 80 лет. А корпорация «Рипаблик стил корпорейшн» получила право на эксплуатацию до 2026 г. железнорудного месторождения в Боми-Хилл с ежегодной добычей в 1,8 млн. т руды². Американскими же фирмами сооружены порт Монровия и аэропорт «Робертс Филд», которые, согласно американо-либерийскому соглашению, превращаются в случае войны в базы США. Правительство Либерии одобрило 9-летний план развития страны, разработанный американскими экспертами; 30% средств, необходимых для осуществления плана, предоставляет Экспортно-импортный банк. Таким образом, Либерия в течение долгого ряда лет представляет

¹ «*Démocratie Nouvelle*», juin 1958, p. 386.

² См. «*Démocratie Nouvelle*», juin 1958, p. 385; «Новое время» № 30, 1958, стр. 22.

собой образцовое «опытное поле», где воплощаются в жизнь американские рецепты в отношении развития отсталых в экономическом отношении стран, выявляется их подлинный смысл. И каковы результаты?

Вернемся к уже процитированному докладу американского сената: «Либерия, — говорится в нем, — по существу страна монокультуры, весьма уязвимая в отношении колебаний мировых цен, это — слабо развитая страна, не обеспечивающая своих продовольственных потребностей, с весьма недостаточной сетью дорог, с высоким процентом малярии... и других эндемических заболеваний, с огромными запущенными районами. 90% населения неграмотно, научный и специализированный персонал, квалифицированные и неквалифицированные рабочие, подготовленные кадры вообще почти полностью отсутствуют»¹. Следовало бы добавить к этому, что средний ежегодный доход на душу населения в Либерии является одним из самых низких в мире. Таким образом, опыт Либерии, как и опыт Пакистана, показывает, что означают на практике американские планы «развития» бывших колониальных и зависимых стран, *какую* участь они готовят народам Азии и Африки.

Приведенные примеры говорят сами за себя. Хотя они почерпнуты из жизни разных стран и даже разных континентов, картина примерно одна и та же. Упрочение и расширение влияния иностранных монополий в экономике, разграбление ими национальных богатств, нищета масс, отказ от решения основных проблем, стоящих перед экономически отставшими странами, — вот к чему ведут навязываемые империалистами «массовый приток частных иностранных капиталовложений» и «система «свободного предпринимательства».

§ 2. О некоторых факторах самостоятельного развития освободившихся стран

Империалисты и их идеологи выдают желаемое за действительное, когда утверждают, что страны, сбросившие политическое господство колонизаторов, не способны к самостоятельному развитию.

¹ «Démocratie Nouvelle», juin 1958, p. 386.

Здесь сказывается не только непримиримо враждебное отношение колонизаторов к делу национального освобождения и прогресса народов Азии и Африки, но и крайняя близорукость сил реакции. Империалисты не могут позабыть о тех временах, когда народы Востока были лишены возможности решать свою судьбу. Они упрямо не хотят признать происшедшие в мире изменения.

В прошлом, если колонии удавалось завоевать политическую независимость и создать национальную государственность, она не могла, как правило, добиться экономической самостоятельности, создать национальную экономику. Такие колонии начинали свое существование как государства в эпоху возвышения или безраздельного господства капитализма, когда отношения устанавливались исключительно на основе силы, когда господствовало стремление к порабощению и ограблению более слабых наций. В результате эти страны не в состоянии были освободиться от засилия колонизаторов в экономике. Более века назад страны Латинской Америки покончили с испанским, португальским, французским владычеством, однако до сих пор они находятся в значительной степени под властью иностранных, в первую очередь американских, монополий.

В наше время совершенно иначе выглядит проблема завоевания экономической независимости странами, порвавшими с колониальным статутом. Историческая обстановка изменилась коренным образом. Капитализм уже не является всеохватывающей мировой системой. Его силы надломлены, и он переживает глубокий общий кризис. Возникла и успешно развивается мировая социалистическая система. Невиданный размах приобрело национально-освободительное движение, в которое вступают все новые и новые отряды борцов.

Все это привело к возникновению новых мощных факторов, способствующих успеху народов Азии и Африки в их борьбе за экономическую независимость. Оно же придало ряду существовавших и прежде обстоятельств, благоприятных для освободительного движения колониальных народов, более важное значение. В итоге для стран, отпавших от политической системы колониализма, появилась историческая возможность завоевать экономическую самостоятельность, т. е. постро-

ить национальную экономику и добиться полной независимости. Возникновение такой реальной перспективы есть одно из наиболее ярких свидетельств происшедших в мире изменений, роста сил демократии и прогресса.

В этой связи представляется важным остановиться хотя бы на некоторых из основных общественных социально-экономических факторов¹, способствующих завоеванию экономической самостоятельности странами Азии и Африки.

Возникновение мировой социалистической системы, повлекшее за собой ослабление империалистического лагеря, является важнейшим из этих факторов. Успехи национально-освободительного движения народов Азии и Африки неотделимы от существования социалистических государств, от поддержки, которую они оказывают борцам против колониализма. В этом выражается глубокая объективная связь и общность антиимпериалистических интересов народов угнетенных стран и стран социализма. Разумеется, существование социалистических государств не предопределяет хода событий в освободившихся странах. Как и прежде, события разворачиваются там в первую очередь в зависимости от процессов внутри этих стран. Однако возникновение мировой системы социализма в корне изменило международную обстановку, создало несравненно более благоприятные условия для национально-освободительной борьбы, серьезно влияя тем самым и на развитие внутренних событий в самих странах Азии и Африки. «Социалистическая система стала надежным щитом независимого национального развития освободившихся народов... Страны социализма — искренние и верные друзья народов, борющихся за освобождение или уже освободившихся от империалистического ига и угнетения. Принципиально отвергая какое-либо вмешательство во внутренние дела молодых национальных государств, они считают своим интернациональным долгом содействовать народам в их борьбе за укрепление национальной независимости. Они оказывают всемерную помощь и поддержку этим странам в их развитии по

¹ Такие сугубо экономические моменты, как, например, проблема накопления и т. п., здесь, естественно, не рассматриваются.

пути прогресса, в создании отечественной промышленности, развитии и укреплении национальной экономики в подготовке собственных кадров, сотрудничают с ними в борьбе за мир во всем мире, против империалистической агрессии»¹.

Опираясь на помощь стран социализма, на крепнущую солидарность народов Азии и Африки, на поддержку всего прогрессивного человечества, молодые национальные государства Востока, несмотря на свою экономическую и военную слабость, в состоянии противостоять притязаниям империалистов и вести самостоятельную политику.

Это подтверждается примером Египта, успешно отстоявшего в 1956 г. свой суверенитет от посягательств и даже агрессии со стороны империалистических держав, что было совершенно немыслимым в прошлом. Проводимая социалистическими странами политика мирного сосуществования отвечает самым насущным интересам молодых государств в Азии и Африке, ибо национальную реконструкцию можно осуществлять только в условиях мира. Эта политика обуздывает стремление империалистов подавлять силой оружия национально-освободительное движение.

Социалистические государства глубоко заинтересованы в самостоятельном экономическом развитии бывших колониальных и зависимых стран. Такое развитие подрывает отношения господства и подчинения, на которых зиждется мировой капиталистический рынок, способствует расширению международных экономических связей. Уменьшение разрыва между экономически передовыми и отставшими странами содействует сближению народов, способствует подъему благосостояния масс.

Социалистические государства обладают всеми возможностями для оказания помощи освободившимся странам. Непрерывный и быстрый рост хозяйственного потенциала социалистических стран является прочной основой для неуклонного расширения экономического сотрудничества со всеми странами мира, в том числе со странами Азии и Африки.

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 64, 68—69.

Хотя социалистические государства заинтересованы в расширении международного торгового обмена, они не ищут рынков для сбыта излишков товаров: социалистическая экономика не знает кризисов перепроизводства.

В силу всего этого экономическое сотрудничество социалистических государств и освободившихся стран характеризуется принципиально иными чертами, чем взаимоотношения последних с империалистическими державами. Это — сотрудничество равноправных сторон. Оно не налагает ни на одну из них никаких военных и политических обязательств, экономических пут или унижительных ограничений.

Оказывая большую помощь освободившимся странам, социалистические государства не ставят себе целью извлечь какую-то выгоду. Они поступают как искренние друзья. Советский Союз и другие государства лагеря социализма не жалеют средств для помощи экономически отставшим странам. Коммунисты руководствуются принципами марксистско-ленинской идеологии, которая учит непримиримости ко всякому угнетению, учит борьбе за равноправие народов, за дружбу между ними. «Мы это называем, — говорил Н. С. Хрущев, — бескорыстной помощью и действительно никакой корысти нам от этого нет. Есть, впрочем, своеобразная «корысть» (я беру это слово в кавычки), ничего общего не имеющая с материальной корыстью, эксплуатацией, наживой. Она заключается в том, что, оказывая экономическую, техническую и иную помощь, мы тем самым создаем этим странам условия для того, чтобы они, освободившись от колониального рабства, не шли на кабальную сделку с колонизаторами, не шли к ним на поклон, не подчиняли им свою экономику и тем самым получили бы возможность противостоять попыткам навязать им старые колониальные отношения, хотя бы в измененном виде. Помогая этим странам восстановить свою промышленность, развить экономику, поднять благосостояние своих народов, мы тем самым помогаем им укреплять независимость, завоеванную в борьбе с империалистическими колонизаторами»¹.

¹ Н. С. Хрущев, К победе в мирном соревновании с капитализмом, стр. 453—454.

Советский Союз и некоторые народно-демократические государства обладают первоклассной высокоразвитой техникой. Они охотно и во все возрастающих размерах снабжают промышленным оборудованием страны Азии и Африки. «Теперь им не нужно, — говорил Н. С. Хрущев на XX съезде КПСС, — идти за современным оборудованием на поклон к своим бывшим угнетателям. Такое оборудование они могут получить в странах социализма, не расплачиваясь за это никакими обязательствами политического или военного характера»¹. Как подчеркивалось на XX съезде КПСС, впервые в истории высокоиндустриальное государство бескорыстно помогает индустриализации отставших стран.

Та небольшая группка высокоразвитых государств, которая в свое время выделилась в капиталистическом мире, всячески мешала и мешает индустриализации других, особенно бывших колониальных и полуколониальных, стран. Западные державы, отмечал Неру, предпочитают «скорее поощрять... в Индии производство предметов потребления, чем производство средств производства. Политика коммунистических стран в их собственной стране и советы, которые они дают другим странам, заключаются в том, чтобы в первую очередь развивать тяжелую промышленность, производство машин... Коммунистические страны всецело согласны обучать нас производственной технике и организации, которые в других странах охраняются определенной системой патентов... Коммунистические страны готовы делать это, в то время как другие страны, возможно, не так расположены к этому»².

В настоящее время в странах азиатского и африканского континента с помощью Советского Союза строится более 300 промышленных предприятий.

Поставки металла и металлургического оборудования из СССР, железнодорожного подвижного состава, оборудования для сахарных заводов и текстильных

¹ «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, Госполитиздат, М., 1956, стр. 25.

² *T. Mende, Conversations with Mr. Nehru, London, 1956, p. 131, 132.*

фабрик из Чехословакии и Польши, электрооборудования из Венгрии и ГДР сыграли большую роль в развитии народного хозяйства Индии и реализации целей ее второго пятилетнего плана. Замечательным примером дружественного экономического сотрудничества между социалистическими государствами и Индией явился пуск в феврале 1959 г. первой очереди мощного металлургического завода, сооруженного в Бхилаи. Дж. Неру оценил это событие «как первый крупный шаг и поворотный момент в нашем (Индии. — К. Б.) прогрессе».

Уже в этом, 1961 г. Бхилайский завод даст треть стали, выплавляемой предприятиями государственного сектора, и 17% общего ее производства в стране. После окончания второй очереди завод будет давать стране ежегодно 2,5 млн. т стали. Индийская печать, официальные лица и специалисты отмечают высокое качество советского оборудования и выполненных работ, что обеспечивает бесперебойную и высокопроизводительную деятельность агрегатов. В Индии не прошло незамеченным и другое обстоятельство: несмотря на то что сооружение завода в Бхилаи началось фактически на год позже, чем в Руркела, где строительством металлургического предприятия руководят западногерманские фирмы, бхилайская домна была раньше готова к сдаче в эксплуатацию. Кроме того, работы в Руркела и в Дургапуре¹, как неоднократно отмечалось в индийской печати, отличаются низким качеством. И это в условиях, когда их стоимость выше, чем расходы по сооружению завода в Бхилаи.

Индийские наблюдатели с удовлетворением отмечали также, что на строительстве в Бхилаи в отличие от положения в Руркела и Дургапуре сложились теплые, братские отношения между иностранными специалистами и индийцами. «В Бхилаи, — писал директор Бхилайского завода Н. Ч. Шривастави, — установилась счастливая и сердечная атмосфера, выросла горячая дружба между индийскими и советскими инженерами и рабочими»².

¹ В Дургапуре сооружается металлургический завод под руководством консорциума английских компаний.

² «Правда», 18 декабря 1959.

Наряду со строительством завода в Бхилаи Советский Союз по соглашению, заключенному с Индией в ноябре 1957 г., оказывает помощь в сооружении других крупных промышленных объектов (завод тяжелого машиностроения, завод по производству шахтного оборудования, тепловая электростанция мощностью в 250 тыс. квт и др.). Им предоставлен для этой цели заем в 600 млн. рупий. Даже государственный департамент США вынужден признать, что помощь социалистических государств «значительно помогает осуществлению индийской программы промышленного развития».

Советский Союз помогает Объединенной Арабской Республике в сооружении крупнейшего объекта — Асуанской плотины, а также в строительстве ряда промышленных предприятий.

Учитывая трудности, которые слаборазвитые страны испытывают в накоплении средств, необходимых для индустриализации, социалистические государства предоставляют им крупные кредиты. К концу 1960 г. Советский Союз предоставил странам Азии и Африки свыше 9 млрд. рублей (в ценах 1960 г.) в качестве долгосрочных займов. Советские кредиты обеспечивают 15% расходов Индии в иностранной валюте по второму пятилетнему плану, 50% расходов по плану промышленного развития Объединенной Арабской Республики, в том числе большую часть средств, необходимых для сооружения Асуанской плотины. Они покрывают почти 35% капиталовложений по плану экономического развития Афганистана на 1956—1961 гг.

Советские займы предоставляются на долгие сроки и из весьма низких процентов — 2—2,5 (против 4,5—6 и более процентов, взимаемых Международным банком и другими кредиторами из капиталистического лагеря). В частности, ставка советского кредита для строительства металлургического завода в Бхилаи в 2 раза ниже ставки займа, предоставленного английскими фирмами для сооружения предприятия в Дургапуре. Западногерманские же компании, действующие в Руркела, первоначально потребовали 12% годовых. Платежи по займам производятся в формах, отвечающих национальным интересам стран Азии и Африки. Широко

применяется система безналичных расчетов, расчетов при помощи местной валюты и традиционных товаров стран-заемщиков.

Весьма важно то, что строительные и проектные организации социалистических стран в отличие от капиталистических фирм и стоящих за ними империалистических государств ни в коей мере не претендуют на участие в управлении и прибылях строящихся с их помощью предприятий, не становятся, хотя бы частично, собственниками этих предприятий. Все предприятия являются собственностью тех стран, на территории которых они сооружаются. Извлечение выгод за счет других народов чуждо самой природе социалистических государств.

Огромное значение имеет и тот факт, что социалистические страны помогают созданию предприятий в государственном секторе и преимущественно в отраслях тяжелой промышленности, непосредственно способствуя укреплению экономической основы независимости стран Азии и Африки.

Благодаря плановому характеру экономики социализма хозяйственные связи, в том числе торговые отношения, социалистических государств с освободившимися странами имеют устойчивый характер. Это способствует укреплению экономики государств Азии и Африки.

Советский Союз и другие социалистические государства охотно делятся своим опытом экономического строительства. «Нам, советским людям, — указывал Н. С. Хрущев, — понятно и близко стремление других народов иметь свою развитую экономику, независимую от иностранного капитала. Советский Союз накопил большой опыт в области индустриализации своей страны и охотно делится им со странами, желающими воспользоваться этим опытом для своего экономического развития»¹. Замечательные успехи Советского Союза во всех областях хозяйственной жизни, превращение его в передовую индустриальную державу, стоящую в авангарде современной науки и техники, вызывают энтузиазм у народных масс в Азии и Африке, вселяют в них уверенность в своей способности справиться с грандиоз-

¹ «Международная жизнь» № 11, 1958, стр. 6.

ной задачей преодоления экономической отсталости. Большое воздействие на народы освободившихся стран оказывают достижения китайского народа.

За изучение и использование опыта социалистических стран в экономическом строительстве высказываются руководящие деятели многих государств Азии и Африки. «Для народов Азии, — писал Сукарно, — также очень важен опыт строительства в Советском Союзе, который уничтожил старое феодальное аграрное общество и построил новое общество, основанное на высоком уровне развития техники. Многие из опыта строительства в Советском Союзе может быть поучительным и взято в качестве примера»¹. Подобную точку зрения высказывал и Дж. Неру. «Мы, в Индии, — говорил он, — ...пытались учиться и продолжаем учиться на основе того, что было проделано в других странах, и в особенности в Советском Союзе»².

О влиянии опыта социалистических стран говорят, например, попытки планирования народного хозяйства, которые предпринимаются во многих странах Азии и Африки.

«В области экономической мы последовали вашему примеру, — говорил Менон, бывший чрезвычайный и полномочный посол Индии в Советском Союзе. — Всем хорошо известно, что Советский Союз — пионер в области планирования. И мы также приступили к планированию нашей экономики»³. Пятилетние планы приняты в Индии, Индонезии, Объединенной Арабской Республике, четырехлетний план — в Марокко, трехлетний план — в Гвинее и т. д. Составление хозяйственных планов практикуется и теми правительствами в освободившихся странах, которые не выдвигают программы широких общественных преобразований и форсированного экономического строительства. «Если есть поток, который несетя через Азию, — писала английская газета «Times», — это прилив энтузиазма по поводу экономического планирования. Он становится религией Азии, новым светом Востока. Планирование, как замечает последний ежегодный отчет экономической комис-

¹ «Правда», 11 октября 1956.

² «Правда», 28 февраля 1959.

³ «Правда», 15 августа 1956.

сии ООН для Азии и Дальнего Востока, стало паролем Азии»¹.

Разумеется, это — лишь попытки планирования, которые принципиально отличаются от планового ведения хозяйства, характерного для социалистического общества. В социалистических странах планирование имеет незыблемую объективную основу — общественную собственность на орудия и средства производства, социалистические производственные отношения, руководящую роль социалистического государства в экономическом развитии. В национально-буржуазных государствах Азии и Африки производство капиталистическое. Поэтому планирование здесь — одно из выражений государственного капитализма. Плановое начало наталкивается в буржуазных государствах Азии и Африки на стихийное действие законов капиталистической экономики, на антиобщественную природу капиталистического производства. Проведению его в жизнь серьезно противодействуют иностранные монополии. Против планирования выступают и наиболее реакционные круги господствующих классов внутри стран Азии и Африки. Основным, а порой единственным орудием планирования являются здесь государственные капиталовложения.

И все же, несмотря на очень ограниченные возможности такого планирования, хозяйственные планы, разработанные и осуществляемые в Индии и некоторых других освободившихся странах, играют положительную роль. Они способствуют более целесообразному использованию внутренних ресурсов стран в борьбе за преодоление колониальной и феодальной отсталости. И чем решительнее будут ликвидироваться позиции иностранных монополий, чем глубже и последовательнее будут социальные преобразования, тем большие плоды принесет экономическое планирование в слабо развитых странах.

Пример Советского Союза и народно-демократических стран способствует тому, что в странах Азии и Африки крепнет убеждение в необходимости более активного вмешательства государства в экономическую жизнь, создания в народном хозяйстве государствен-

¹ «The Times», 27 March 1957.

ного сектора. Интересно, например, что в ходе строительства завода в Бхилаи на основе советского опыта были созданы впервые в Индии крупные государственные организации по монтажу электротехнического и технологического оборудования, трубопроводным работам, водоснабжению и т. д.

Как и попытки планирования, создание государственного сектора и другие экономические мероприятия государства могут явиться новым важным фактором, способствующим освобождению экономики стран Азии и Африки от господства колонизаторов. Отсталость хозяйства, ограниченность источников накопления, необходимость борьбы с подрывными действиями иностранных монополий и империалистических держав придают особую важность влиянию государства на экономическую жизнь в странах Азии и Африки. Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что прогрессивное значение и эффективность государственного вмешательства стоит в прямой зависимости от того, насколько государство освободилось от влияния иностранных и местных монополий и насколько сильны в нем демократические элементы.

Сотрудничество социалистических государств с бывшими колониальными и зависимыми странами на началах равноправия и взаимной выгоды лежит в основе быстрого расширения экономических связей между ними. Только за последние годы Советский Союз заключил торговые соглашения с большинством стран Азии и Африки. Со многими из них, в том числе с Индией, Индонезией, Афганистаном, ОАР, Ираком, Йеменом, Эфиопией, Гвинеей, заключены также соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве.

Если раньше экономическую помощь слаборазвитым странам оказывал только Советский Союз, то теперь активное участие в этом принимают и народно-демократические государства.

Общественность освободившихся стран все более ясно сознает всю важность сотрудничества с социалистическими государствами для обеспечения самостоятельного развития стран Азии, Африки и Латинской Америки. Подобные настроения находят отражение и на страницах газет, в выступлениях видных общественных и государственных деятелей, принадлежащих к

различным политическим направлениям. За последнее время получателями советской помощи стали некоторые из тех стран, которые раньше в своих экономических связях ориентировались исключительно на капиталистические страны.

Значение сотрудничества с социалистическими государствами для самостоятельного развития стран Азии и Африки понимают и империалисты. Отсюда их настойчивые усилия подорвать дружественные связи молодых национальных государств Азии и Африки со странами социализма. США, например, обуславливают оказание «помощи» экономически отставшим странам, в частности, соблюдением ими положений небезызвестного закона Бэттла, направленного против торговли с социалистическими странами.

Тесное сотрудничество экономически отставших стран с социалистическими государствами имеет широчайшие перспективы для своего развития. Оно станет еще более эффективным в результате выполнения семилетнего плана развития народного хозяйства СССР и новых достижений социалистического строительства в странах народной демократии Европы и Азии.

Непрерывный рост могущества социалистического лагеря явится фактором, способствующим успеху освободительной борьбы народов Азии и Африки. Возрастут силы, на которые народы могут опереться, чтобы преодолеть тяжелое наследие колониализма, добиться полной самостоятельности и социального прогресса. Бурный подъем экономики и культуры, обеспечивающий повышение материального благосостояния трудящихся, вступление СССР в полосу развернутого строительства коммунизма окажут огромное влияние на политическую позицию масс, усилят их стремление добиваться демократического развития своих стран.

Существование мировой социалистической системы, ее помощь экономически отставшим странам оказывают серьезное влияние на отношения между ними и капиталистическими государствами. Клеветники из лагеря империализма утверждают, что Советский Союз и другие социалистические государства стремятся — подорвать связи между Западом и Востоком, изолировать европейские страны и США от стран Азии и Африки. Для «доказательства» этого вздорного утверждения

они частенько ссылаются на укрепление взаимоотношений социалистических государств со странами Азии и Африки.

Дело, разумеется, обстоит совсем иначе. Как раз социалистические государства в противоположность империалистическим державам не превращают экономические отношения с бывшими колониальными и зависимыми странами в предмет политических спекуляций, в орудие холодной войны. Если империалисты финансируют в Азии и Африке преимущественно своих союзников по агрессивным пактам или те страны, на территории которых имеются их военные базы, если их займы являются часто платой за участие в «холодной войне», то социалистические государства оказывают в больших масштабах помощь нейтральным странам Азии и Африки. Страны социализма стремятся к расширению связей с экономически отставшими странами отнюдь не за счет их отношений со странами капитализма, а в рамках общего расширения хозяйственных связей и международной торговли. Советский Союз и народно-демократические государства видят и признают объективную необходимость связей между промышленными странами Запада и странами Азии и Африки. Н. С. Хрущев говорил: «Мы понимаем, что страны Западной Европы заинтересованы в сырье, которое они получают от стран Востока. Но это совсем не означает того, что империалисты могут силой навязывать свои кабальные условия в эксплуатации богатств этих стран. Надо обеспечить получение необходимого для западных стран сырья не путем ограбления стран Востока, а путем развития взаимовыгодных торговых отношений, чтобы эти страны получали от западных стран необходимую компенсацию за то сырье и товары, которые они поставляют западным странам. Развитию таких отношений мы не только не препятствуем, но и всемерно поощряем, так как сами придерживаемся принципа развития взаимовыгодных отношений со всеми странами»¹.

СССР и другие социалистические государства заинтересованы в том, чтобы отношения стран Запада со

¹ Н. С. Хрущев, К победе в мирном соревновании с капитализмом, стр. 288.

странами Востока развивались и укреплялись на основе равноправия. Это привело бы к серьезному улучшению политической обстановки в мире, уменьшению международной напряженности и военной опасности. Ведь попытки спасти или восстановить колониализм были за последние 10—12 лет источником ряда военных конфликтов. Они и поныне являются одной из причин международной напряженности и чреваты новыми войнами.

Содействие западных держав экономическому развитию стран Азии и Африки помогало бы повышению эффективности всего мирового хозяйства. Наконец, утверждение равноправных отношений способствовало бы несравненно более интенсивному культурному обмену между странами Востока и Запада, имеющему большое значение для развития мировой культуры.

Социалистические государства отнюдь не добиваются монополии в деле оказания помощи экономически отставшим странам. Они приветствовали бы активное участие в этом западных государств.

Социалистические государства предлагают державам Запада соревноваться в оказании помощи слаборазвитым странам, рассматривая это как часть экономического соревнования двух мировых систем. «Давайте посоревнуемся на этом поприще, — говорил Н. С. Хрущев. — Но надо оказывать такую экономическую помощь, при которой страна, получая эту помощь, могла бы действительно развивать свою экономику и имела возможность высвободиться из зависимости от экономически сильных стран, на деле обеспечить свою независимость. Именно в такой помощи нуждаются народы слаборазвитых стран. Но никогда империалистические государства на это не пойдут»¹.

Известно, например, что Советский Союз неоднократно предлагал сократить военные расходы великих держав, а сэкономленные суммы употребить на оказание экономической помощи странам Азии, Африки и Латинской Америки. Советские предложения были отклонены западными государствами, особенно США, которые тратят на вооружение более двух третей своего бюджета,

¹ Н. С. Хрущев, К победе в мирном соревновании с капитализмом, стр. 517.

а на все виды «помощи» слаборазвитым странам — менее четверти процента «общего национального продукта».

Советское правительство на XVI сессии ООН выдвинуло план всеобщего и полного разоружения. Оно вновь призвало западные державы обратить часть средств, предназначенных для военных целей, на нужды промышленного и сельскохозяйственного развития стран Азии, Африки и Латинской Америки. Социалистические государства, таким образом, отнюдь не мешают расширению связей между странами Запада и Востока. Этому препятствует только политика империалистических держав. В интересах финансовых магнатов они пытаются сохранить неравноправные колониальные отношения.

Однако в условиях, когда слаборазвитые страны могут выбирать между двумя типами экономических отношений с иностранными государствами, когда империалисты лишены монополии на займы, экспорт оборудования, на технические знания и вынуждены часто идти на уступки, эти страны могут в известных пределах нейтрализовать колониалистские тенденции в политике западных держав и добиваться для себя более равноправных и более выгодных отношений.

Многие буржуазные публицисты и политические деятели не скрывают, что те финансовые соглашения США с некоторыми странами Азии и Африки, например с Индией и Объединенной Арабской Республикой, которые не предусматривают явно неравноправных для стран-заемщиков условий, продиктованы необходимостью «конкурировать» с бескорыстной помощью Советского Союза. В преамбуле закона 1957 г. о помощи иностранным государствам специально подчеркивается, что правительству США следует «продолжать помощь, пока коммунисты продолжают угрожать нашим интересам».

Характерными являются также некоторые факты из англо-индийских экономических отношений. Известно, например, что в ходе длительных переговоров о строительстве металлургического предприятия в Дургалпуре английские фирмы всячески старались навязать Индии крайне невыгодное для нее соглашение. Однако после заключения советско-индийского соглашения о сооружении завода в Бхилаи английские компании были вы-

нуждены пойти на уступки, и менее чем через месяц был подписан контракт, условия которого значительно изменились в пользу Индии. Подобное же благоприятное для Индии воздействие оказало соглашение о строительстве комбината в Бхилаи на переговоры индийского правительства с западногерманскими фирмами по вопросу о заводе в Руркела.

Другой пример касается нефтяной промышленности Индии. Компания «Ассам ойл корпорейшн» (филиал английской нефтяной компании «Бирма ойл компани») категорически возражала против строительства нефтеперерабатывающего завода в Ассаме. Однако после того как румынское правительство предложило помощь Индии в строительстве такого завода, компания изменила свою позицию. Она даже вызвалась помочь в строительстве нефтепровода от нефтяных промыслов до рекомендованного американскими экспертами нефтепергонного завода, выделив для этой цели 10 млн. ф. ст.

В связи с существованием мировой социалистической системы по-новому встает и вопрос о влиянии империалистических противоречий на ход и перспективы развития стран Азии и Африки. Эти страны в борьбе за независимость всегда стремились использовать противоречия в стане колонизаторов. Однако, если даже такие усилия увенчивались успехом и страна сбрасывала иго одной империалистической державы, она почти неминуемо попадала в лапы одного из соперников этой державы. В современной обстановке, опираясь на социалистические государства, этого можно избежать. Использование межимпериалистических противоречий *при таком условии* может в определенной мере способствовать делу борьбы народов Азии и Африки. Ход событий, например, показал, что англо-американское, франко-английское и американо-французское политическое и экономическое соперничество сыграло определенную положительную роль в освободительной борьбе арабских народов. Подобное же значение может иметь конкуренция Западной Германии и Японии с Англией, США и другими империалистическими державами в районах Азии и Африки.

Мощным, эффективным орудием борьбы за экономическую самостоятельность стала в современных условиях политическая независимость молодых националь-

ных государств Азии и Африки. Это особенно важно потому, что, несмотря на возможные изменения и повороты событий в отдельных странах, несмотря на все усилия колонизаторов, национальная государственность и политическая самостоятельность являются в целом прочным историческим завоеванием народов Азии и Африки.

Разумеется, политическая самостоятельность, национальная государственность и в прошлом играли немалую роль. Китай, например, до победы народной революции был государством, почти полностью зависимым от империалистических держав, и подвергался бесцеремонному грабежу. И все же нельзя отрицать существенной разницы между его положением и положением колоний, скажем, Индии. Эксплуатация Индии английскими империалистами, неограниченная, по существу, никакими правовыми нормами, международными или внутренними, и осуществляемая непосредственно колониальной администрацией, была более интенсивной, часто носила характер прямой конфискации. Не имея национального внешнеполитического статуса, Индия не могла использовать в своих интересах противоречия между империалистами.

Вместе с тем в условиях безраздельного господства капитализма политическая независимость, не опиравшаяся на передовую экономику, не могла быть реальной, подлинной. Империалистические хищники навязывали слабым государствам откровенно неравноправные взаимоотношения, ставили их в подчиненное положение и в значительной мере превращали в формальность политическую самостоятельность этих государств. Именно так складывались отношения между Соединенными Штатами и латиноамериканскими странами, Англией и Египтом, группой крупных империалистических держав и Китаем. Возникновение социалистической системы нанесло сильнейший удар господству грубой силы в международных отношениях. В международную практику был введен новый тип взаимоотношений, основанных на равноправии и уважении суверенитета всех стран — больших и малых. В первую очередь благодаря усилиям социалистических государств эти принципы все более прочно утверждаются в международной жизни.

Империалисты не могут теперь навязывать свою

волю политически независимым, но еще слабым странам Азии и Африки. Они вынуждены маневрировать, действовать окольными путями. Кроме того, сами экономические рычаги, которые в прошлом вполне обеспечивали подчинение слабых государств империалистическим монополиям и продолжают широко использоваться в настоящее время для подрыва политической самостоятельности стран Азии и Африки, не являются уже столь действенными. Все помнят, как благодаря помощи Советского Союза и народно-демократических стран были сорваны попытки экономического удушения Египта колонизаторами после провала англо-франко-израильской агрессии. Торговля с Советским Союзом и другими социалистическими государствами серьезно укрепила позиции Кубинской Республики, ставшей объектом экономической агрессии со стороны империалистов США.

В новых условиях — условиях существования двух мировых систем, значение политической самостоятельности, таким образом, неизмеримо возросло. Существуют все объективные предпосылки к тому, чтобы политическая независимость явилась надежной основой для развития передовой национальной экономики в странах Азии и Африки, для завоевания ими полной независимости. Освободившиеся страны в состоянии вести самостоятельную политику, успешно отстаивать свое независимое положение, если стоящие у власти силы готовы осуществлять такой курс и выступать против империализма. *Лишь при таком условии* их независимость является вполне реальным делом уже сейчас.

Это подтверждается также ходом событий в некоторых странах, например в Индии, на Цейлоне. Не удовлетвовавшись в значительной мере формальной самостоятельностью, вырванной у британских колонизаторов, эти государства пошли по пути укрепления своего суверенитета и добились важных успехов. Подобные же изменения произошли в Египте после свержения монархии и отстранения от власти феодально-компрадорских групп.

Завоевание политической независимости создает возможности для использования государства в качестве орудия борьбы за национальную экономику. При

этом национальная государственность может служить как для обеспечения внешних условий самостоятельного экономического развития, так и для проведения определенных внутренних мер, стимулирующих хозяйственный прогресс. В условиях современного Востока экономические возможности национального государства проявляются также и в том, что оно путем создания обширного государственного сектора в народном хозяйстве непосредственно участвует в создании национальной экономики.

Особое значение для обеспечения самостоятельного развития стран Азии и Африки имеет решение их насущных социально-экономических проблем. Серьезные сдвиги в экономическом прогрессе общества всегда бывают связаны с глубокими, качественными общественными изменениями, с ломкой обветшавших социальных форм. Освободившиеся страны в особенности нуждаются в общественных преобразованиях. Первоочередной задачей здесь является упразднение феодальных и полуфеодальных отношений, которые всячески консервировались колонизаторами из политических и экономических соображений. Средневековые пережитки давно вступили в противоречие с самыми неотложными нуждами развития производительных сил. С изгнанием колонизаторов феодальные силы лишились непосредственной поддержки иностранных монополий и возникла возможность их ликвидации.

Преодоление феодальных и полуфеодальных отношений может освободить огромные резервы для быстрого экономического прогресса в странах Азии и Африки. Обеспечение сырья и внутреннего рынка для промышленности, продовольствия для населения, подъем жизненного уровня трудящихся, ликвидация экономических и политических позиций феодальной реакции, приобщение миллионов сельских тружеников к активному участию в национальном строительстве — таковы те важные результаты, которые принесла бы аграрная реформа, уничтожающая помещичье землевладение и передающая землю тем, кто ее обрабатывает. Отражая требования масс, Каирская конференция солидарности народов Азии и Африки записала в своих рекомендациях: «... Конференция считает, что проведение аграрных реформ, которые будут стимулировать развитие

национальной экономики стран, стало неотложной необходимостью»¹. Это решение было торжественно подтверждено II конференцией солидарности народов Азии и Африки в Конакри.

В ряде национальных буржуазных государств Азии и Африки, как отмечалось выше, проводятся в настоящее время определенные меры антифеодалного характера. Однако характер земельных реформ, осуществляемых в Индии, Объединенной Арабской Республике и некоторых других странах, таков (огромные компенсации, выплачиваемые помещикам, оставление в их руках крупных земельных владений, передача земли крестьянам за выкуп, доступный, как правило, лишь зажиточной части деревни и т. д.), что они обрекают деревню на длительную и мучительную капиталистическую трансформацию путем обуржуазивания части феодалов, а также зажиточных крестьян — на одном полюсе, и обезземеливания и дальнейшего обнищания основной массы сельского населения — на другом.

Подобный процесс не нов, хотя и совершался ранее в иных условиях. Исторически он был связан с капиталистическим путем развития и крайне медленным переходом от феодализма к капитализму. В современной обстановке, когда темпы экономического развития приобрели огромное значение для решения национальных задач, стоящих перед освободившимися странами Азии и Африки, когда нищета крестьянских масс здесь в результате господства колонизаторов достигла колоссальных размеров, когда империалистические монополии всячески противодействуют усилиям этих стран создать передовую экономику, вступление на такой путь создает серьезную угрозу для реализации задач национального возрождения. Только радикальная земельная реформа, только революционные меры, ликвидирующие феодальные пережитки и ведущие крестьянство к коллективным методам ведения хозяйства, могут создать прочные и абсолютно необходимые предпосылки для быстрого прогресса.

Одной из самых серьезных и трудных проблем, встающих перед странами, которые осуществляют про-

¹ «Конференция солидарности народов Азии и Африки», Госполитиздат, 1958, стр. 201.

грамму национальной реконструкции, является вопрос о кадрах специалистов. Недостаток в таких кадрах — излюбленный аргумент империалистической пропаганды в ее попытках «обосновать» неспособность бывших колоний и зависимых стран к самостоятельному развитию. Однако исторический опыт, в особенности опыт Советского Союза и других стран социализма, доказал другое. Когда возникает неотложная общественная необходимость, в ходе глубоких социальных преобразований и в результате творческого подъема масс кадры формируются ускоренными темпами. Кроме того, большую помощь государствам Азии и Африки в подготовке национальных кадров, способных взять целиком в свои руки дело технического перевооружения народного хозяйства, оказывают социалистические страны. Это делается как путем обучения специалистов в учебных заведениях и на предприятиях социалистических стран, так и посредством их подготовки в ходе строительства промышленных объектов на территории экономически отставших стран с участием организаций социалистических государств. Только в Советском Союзе, по неполным данным, в 1957—1958 гг. прошла подготовку примерно тысяча специалистов в области промышленности из ряда государств Азии. Для одного Бхилайского завода в СССР было подготовлено более 500 индийских инженеров и рабочих. Кадры готовились и в процессе самого строительства в Бхилаи, которое осуществлялось силами индийцев¹. В декабре 1958 г. было заключено специальное соглашение об оказании Советским Союзом помощи Индии в подготовке кадров инженеров. По решению Советского правительства в Москве в 1960 г. создан Университет дружбы народов с целью оказания помощи странам Азии, Африки и Латинской Америки в подготовке национальных кадров специалистов.

Слаборазвитые страны могут в известной степени использовать для подготовки кадров также учебные заведения западных государств. Однако эти возможности ограничены. Дело в том, что империалисты пытаются идеологически обработать азиатских и африканских

¹ В то же время в Руркеле в строительстве участвовали десятки фирм из ФРГ, а в Дургапуре основные работы выполнялись английскими фирмами.

студентов, обучающихся в университетах и колледжах США, Англии и других стран Запада, воспитать в их лице пополнение «среднему классу», о создании которого в качестве своей опоры мечтают проводники новых форм колониализма¹.

Большую роль в обеспечении самостоятельного развития освободившихся стран Азии и Африки, в успешном исходе борьбы за экономическую независимость призвана сыграть антиколониальная солидарность народов, государств Азии и Африки. Разумеется, и раньше между азиатско-африканскими народами существовали связи в борьбе против общего врага — колонизаторов. Однако связи эти были слабыми и часто непостоянными. Империалисты стремились изолировать друг от друга народы колоний и зависимых стран.

Огромный размах национально-освободительной борьбы в послевоенные годы был тем горнилом, в котором выковывалась и крепла антиимпериалистическая солидарность народов. Опыт показал, что единство стран Азии и Африки в борьбе против колонизаторов умножает силы борцов с колониализмом, является важным залогом их успехов.

Ликвидация колониального режима, возникновение национальных государств укрепляет эту солидарность; она может охватить не только политическую, но и экономическую сферу. Сообща слаборазвитые страны могут, например, более эффективно противостоять попыткам иностранных монополий грабить их посредством неэквивалентного обмена. Взаимная помощь, координация планов, обмен опытом хозяйственного строительства могут оказать также благотворное влияние на развитие экономики освободившихся стран. Учитывая все это, Каирская конференция солидарности народов Азии и Африки подчеркнула необходимость для освободившихся стран «сотрудничать в интересах экономического развития и координации своих планов на основе взаимных интересов... Такое сотрудничество и солидарность

¹ Американский профессор В. Эллиот прямо пишет: «Без широкой программы подготовки кадров (с помощью США и в США. — К. Б.) невозможно, например, создать в Иране или Ираке стабильное общество, способное опираться на растущий средний класс» (W. Elliot, *Colonialism: Freedom and Responsibility*, «The Idea of Colonialism», p. 455).

в различных областях экономики укрепят их национальную независимость и будут содействовать миру во всем мире»¹. Конференция предпринимателей стран Азии и Африки также отметила важность экономического сотрудничества стран двух континентов для реализации программ национального возрождения.

Важнейшим фактором самостоятельного развития освободившихся стран является рост в них прогрессивных сил. На основе подъема сознательности, активности и организованности масс в ходе национально-освободительной борьбы ширится влияние демократических сил в странах Азии и Африки. Они завоевали очень важные позиции в общественной жизни Индии, Индонезии и других освободившихся странах. Их силы все более крепнут².

Большое значение для укрепления независимости молодых национальных государств в Азии и Африке имеет рост демократических сил в империалистических странах. Эти силы служат все более серьезным препятствием политике колониализма.

Неисчерпаемые резервы для самостоятельного развития стран Азии и Африки таит энергия народных масс, их патриотический подъем. Эта энергия, этот подъем способствовали поражению колонизаторов и обеспечили завоевание колониями и полуколониями политической независимости. Успехи освободительной борьбы вдохновили массы, и их энтузиазм способен стать могучей, непреодолимой силой в борьбе стран Азии и Африки за полную самостоятельность. Это возможно, однако, при условии, что поддерживаемая трудящимися национальная реконструкция будет осуществляться методами и путями, понятными массам и соответствующими их интересам.

Народные массы закономерно связывали свержение колониального режима с перспективой коренного улучшения своего положения. Крестьяне рассчитывали получить землю, пролетарии — добиться восьмичасового рабочего дня, серьезного повышения заработной платы и прогрессивного социального законодательства. Массы надеялись, что к их голосу будут прислушиваться

¹ «Конференция солидарности народов Азии и Африки», стр 197.

² См. об этом подробнее в гл. V.

государственные деятели. Народные массы понимают, что решающий перелом в их материальном положении невозможно осуществить немедленно и во всяком случае до тех пор, пока страны Азии и Африки остаются отсталыми, а иностранные монополии еще занимают ключевые позиции в экономике. Поэтому они требуют, чтобы было покончено с пережитками средневековья, с засилием иностранного капитала, чтобы создание национальной экономики вело к непрерывному подъему благосостояния масс. Трудящиеся настаивают на укреплении и расширении демократии, на ограничении прав реакционных элементов.

Не учитывая этих пожеланий, нельзя сохранить доверие народа, решить задачи национального, антиимпериалистического развития.

Наконец, новые возможности для достижения экономической независимости, для быстрого развития открывает перед странами Азии и Африки бурный технический прогресс, характерный для нашего времени. Слаборазвитые страны могут преобразовывать экономику, исходя из последних технических достижений. С одной стороны, они могут не обременять свою индустрию отраслями, которые не имеют большой перспективы в будущем, а с другой стороны, уделять особое внимание новым и новейшим видам промышленного производства, новым источникам энергии, которые способны сыграть большую роль в индустриализации этих стран.

Мы рассмотрели лишь некоторые из политических и социально-экономических факторов, благоприятствующих самостоятельному развитию стран Азии и Африки. Но из сказанного видно, что для завоевания этими странами экономической независимости имеются вполне реальные возможности. Все дело, однако, в том, будут ли и насколько будут эти возможности использованы. Главное теперь зависит от политики, которая проводится классами и силами, стоящими у государственного руля в странах Азии и Африки.

Самостоятельный курс в международных отношениях. последовательно демократическая линия во вну-

тренних делах — только такая политика позволит использовать в интересах экономически отставших стран те предпосылки, которые созданы новыми условиями в мире и в самих этих странах, вставших на путь самостоятельного развития. Во внешней политике перспективы самостоятельного развития освободившихся стран неразрывно связаны с последовательным отпором проискам империалистов, их попыткам сохранить неравноправные отношения в международной политике и экономике, их агрессивному курсу на подготовку новой войны. Не будет преувеличением сказать, что в той мере, в какой любое государство Азии и Африки отделяет себя от империалистического лагеря и проводит последовательно миролюбивую политику, оно укрепляет дело своей национальной независимости и самостоятельного развития.

Во внутренней политике нужды независимого развития стран Азии и Африки могут быть обеспечены лишь путем демократической политики, направленной на осуществление задач национальной реконструкции в интересах народных масс.

Те, кто стремится достигнуть национальных целей на капиталистической основе, ставят себя перед противоречием между общенародным характером задач, вытекающих из антиимпериалистического и антифеодального этапа, переживаемого ныне освободившимися странами, и узкоклассовой сущностью методов, используемых для их решения. Они пытаются добиться национальных целей, подчиняя их эгоистическим интересам буржуазии и осуществляя их как в противовес империалистическим силам (ибо борьба за национальные цели в любой, самой ограниченной форме вызывает противодействие империалистов и ведет к столкновению с ними), так и в противовес интересам масс. Как показывает опыт ряда стран Азии и Африки, в определенных, ограниченных рамках возможен прогресс на капиталистической основе. Но такое развитие не разрешает коренных национальных задач.

Пример турецкой буржуазии, которая отказывалась считаться с интересами народа и, боясь народного гнева, в конце концов пошла на компромисс с империалистами, ярко показывает, куда ведет подобная политика. Турция, как известно, не только не завоевала экономиче-

ской независимости, не только не покончила за 30 с лишним лет с отсталостью и не создала передовой национальной экономики, но фактически утратила в значительной мере свою политическую самостоятельность, вновь подпав под влияние империалистических держав. Падение режима Баяра — Мендереса было фактически банкротством этой антинациональной политики, проводившейся в течение десятилетий.

Иронией истории является тот факт, что империалистический лагерь, жизненно заинтересованный в насаждении капитализма в странах Азии и Африки, в том, чтобы помешать их переходу на социалистический путь, своей колонизаторской политикой объективно суживает перспективы капиталистического развития этих стран.

Противодействие империалистов национальной реконструкции в освободившихся странах является одним из основных факторов, препятствующих решению национальных задач на капиталистической основе. Оно способствует осознанию народами Азии и Африки необходимости искать в некапиталистическом развитии, в социализме путь к решению назревших исторических задач. В этом противоречии также выражается глубокий кризис капитализма на современном этапе.

Проблема развития стран, сбросивших колониальное иго, не является более вопросом только теории. Опыт социалистических государств убедительно демонстрирует возможность самостоятельного развития экономически отставших стран, их способность в короткие исторические сроки решать великие задачи реконструкции.

Все большему числу людей в странах Азии и Африки становится ясным, что перспективы великого дела обновления Востока неразрывно связаны с социализмом. И есть все основания думать, что народы освободившихся стран отвергнут фальшивые рецепты империалистических «благожелателей» и пойдут по пути, который отвечает их национальным и историческим особенностям и приведет к великой цели — национальной и социальной свободе.

Глава V

Антикоммунизм — орудие колониализма

§ 1. Антикоммунизм в идеологии колонизаторов

Особое, очень важное место в идейном арсенале колониализма занимает антикоммунизм. Известно, что антикоммунизм является важнейшей составной частью современной империалистической идеологии в целом. Он взят на вооружение также колонизаторами и пронизывает всю колониалистскую идеологию. И это понятно. Атаки империалистов против национальной свободы народов Азии и Африки, их яростные усилия любой ценой спасти колониальные порядки не могут не быть направлены в первую очередь против коммунистов, стоящих в авангарде освободительной борьбы. Рост авторитета коммунистических партий в бывших колониальных и зависимых странах, усиление влияния прогрессивных идей в народных массах побуждают колонизаторов использовать антикоммунизм в борьбе за сохранение своего господства. Большое значение имеет и тот факт, что в антикоммунизме империалисты усматривают наиболее благоприятную идеологическую основу для соглашения и сотрудничества с частью буржуазии освободившихся стран.

Как и на Западе, в национальных буржуазных государствах Азии и Африки насаждаемый империалистами антикоммунизм является орудием реакции и выступает под фальшивым флагом защиты «свободы» и «демократии». Но если на Западе антикоммунизм выдвигается непосредственно для защиты капиталистического строя, то в странах Азии, Африки и Латинской Америки он служит для империалистов в первую очередь средством отстаивания колониализма.

Выступления идеологов колониализма пестрят злобными нападками на коммунизм и коммунистов, фантастическими описаниями коммунистической «опасности» и коммунистических «заговоров» в странах Азии и Африки. Но за последние годы реакционные пропагандисты, как уже отмечалось, несколько изменили свою тактику. Теперь уже очень немногие из них объявляют национально-освободительное движение результатом «происков» коммунистов. Огромный размах национальной антиимпериалистической борьбы, приведшей в движение сотни миллионов людей и охватившей целые континенты, участие в движении социальных групп, политических партий и деятелей, которых никак нельзя заподозрить в симпатиях к коммунизму, — все это убедительно показало беспочвенность подобных утверждений реакционных буржуазных идеологов.

Вынужденные отступать, реакционные публицисты прибегают к более гибким методам идеологической борьбы. Они изображают коммунистов повинными в трудностях и препятствиях, которые приходится преодолевать народам Азии и Африки в борьбе за независимость, объявляют их виновниками «излишеств» национально-освободительной борьбы. Они уверяют, будто коммунисты являются экспортированной извне силой, чуждой патриотическому движению и вторгающейся в него для того, чтобы использовать его в своих собственных целях, которые-де «противоречат» национальным интересам народов стран Азии и Африки. В этом отношении типичными являются, например, утверждения Дж. Кинга, который заявляет, что сейчас на Востоке решается «успех или неудача коммунистических усилий взнудать революционные и националистические силы Юго-Восточной Азии и направить их к коммунистическим целям...»¹

Основной прием, к которому прибегают колониалистские идеологи, — это попытки извратить смысл великих преобразующих процессов, развертывающихся ныне в странах Азии и Африки, затушевать их антиимпериалистическую направленность. Общеизвестно, что ход событий в освободившихся странах имеет большое значение для перспектив соревнования двух мировых

¹ J. King, *Southeast Asia in Perspective*, p. XVII.

систем, для борьбы между империалистической и коммунистической идеологиями. Подчеркивая этот факт, идеологи колониализма стремятся, однако, использовать его таким образом, чтобы «доказать», будто стержнем общественной жизни самих стран Азии и Африки является борьба между коммунизмом и антикоммунизмом. Что же касается конфликта сил национального освобождения с империализмом, то он, оказывается, уже не имеет никакой серьезной почвы и потому-де потерял значение.

И в данном случае идеологи колониализма прибегают к грубой фальсификации. Основным в развитии стран Азии и Африки на современном этапе является укрепление их политической независимости, завоевание экономической самостоятельности, создание национальной экономики, повышение жизненного уровня населения. Эти задачи признаются первоочередными, жизненно важными рабочим классом, крестьянством, мелкой и национальной буржуазией, готовой участвовать в антиимпериалистической борьбе, национальной интеллигенцией — всеми патриотами, как коммунистами, так и некоммунистами. Анализируя противоречия, характерные для современной Индонезии, генеральный секретарь Коммунистической партии Индонезии Д. Айдит писал: «Основное из этих противоречий в настоящее время... есть противоречие между индонезийской нацией и империализмом»¹.

Разногласия же между коммунистами и некоммунистами, между трудящимися и национальной буржуазией — это разногласия внутри наций, формирующихся здесь на основе борьбы с империализмом. Реакционная же пропаганда намеренно смешивает эти два типа противоречий в общественной жизни бывших колониальных стран с целью расколоть единый антиимпериалистический фронт, натравить одну часть нации на другую.

В самом деле, что препятствует, например, упрочению политической независимости стран Азии и Африки? Колонизаторские действия империалистов, которые явно и тайно вмешиваются во внутренние дела этих стран, стремятся увековечить их неравноправное, зависимое

¹ «New Age», April 1959, p. 15.

положение. Всяческими путями и средствами они, как мы видели, добиваются политического, военного и экономического контроля над странами Азии и Африки. Поэтому даже те правительства в этих странах, которые не скрывают своих «прозападных» симпатий, вынуждены в определенной мере не соглашаться с курсом империалистических держав.

Что же касается коммунистов, то они поддерживают действия национально-буржуазных правительств стран Азии и Африки, направленные на укрепление независимости. В данном случае общность устремлений коммунистов — представителей трудящихся — и патриотических кругов национальной буржуазии носит объективный характер, порождается интересами борьбы за полное и окончательное избавление от колониализма и в конечном счете не зависит от симпатий и настроений отдельных лиц или политических групп. Именно этим объясняется поддержка коммунистами патриотических шагов и таких правительств в освободившихся странах, отрицательное отношение которых к коммунистам не вызывает сомнений.

А как обстоит дело с созданием национальной экономики? И здесь империалистические монополии выступают как основная сила, противодействующая национальным устремлениям народов Азии и Африки. Империалисты всячески стараются отстоять и расширить свои позиции в экономике освободившихся стран, закрепить аграрно-сырьевую специализацию этих стран. И только в решительной борьбе с иностранными монополиями, с колонизаторскими происками империалистов могут народы Азии и Африки создать национальную экономику. Как раз такой курс решительно и последовательно отстаивают коммунистические партии.

Таким образом, и по вопросу завоевания политической независимости, и по вопросу достижения экономической самостоятельности налицо одна и та же расстановка сил, обусловленная объективным ходом событий: империалисты, выступающие в союзе с антипатриотическими и реакционными элементами, с одной стороны, и противостоящие им национальные патриотические силы (в том числе и, в особенности, коммунисты), — с другой. В борьбе этих сил решается главная для стран Востока проблема — станут они на путь самосто-

ятельного развития, закрепляя и расширяя национально-освободительные завоевания, или попадут в сети, расставляемые проводниками новых форм колониализма. В этой связи уместно напомнить заявление, сделанное несколько лет назад Дж. Неру. Отвергая утверждения западных пропагандистов о том, что современный Восток является ареной сражения между коммунизмом и антикоммунизмом, Неру говорил: «Кризис нашего времени в Азии есть борьба колониализма против антиколониализма»¹.

Этот-то реальный конфликт между империалистами, стремящимися спасти колониальные порядки, и народами Азии и Африки (в том числе национальной буржуазией, стоящей на патриотических позициях), добивающимися полного освобождения, реакционные идеологи и хотят подменить противоречием между коммунистами и некоммунистами. С помощью пропагандистского мифа об «общем враге», каковым объявляется коммунизм, они пытаются в какой-то мере ослабить отрицательное отношение к империализму со стороны патриотических сил в странах Азии и Африки.

Делается все это с целью расколоть единство национальных сил, обосновать ненужность и неправомерность антиимпериалистической борьбы народов Азии и Африки, найти идеологическую основу для привлечения части национальной буржуазии к сотрудничеству с империалистами. Обращаясь к определенным кругам в освободившихся странах, реакционные политики и идеологи убеждают их сконцентрировать внимание на борьбе с коммунизмом. Так, Т. Финлеттер, в недавнем прошлом министр авиации США (ныне представитель США в НАТО), призывал страны Азии и Африки, отказавшись от «соревнования с Западом в антагонизме» (т. е. от борьбы против колониализма. — К. Б.), заменить его соревнованием за то, «кто лучше будет служить делу некоммунизма повсюду»². У. Робертсон, в бытность помощником государственного секретаря США, также убеждал буржуазных националистов в Азии и Африке в том, что «западный колониализм

¹ Цит. по кн.: *R. Strausz-Hupé, A. Cottrell, J. Dougherty, American-Asian Tensions*, London, p. 191.

² *T. K. Finletter, Factors Looking to Western World Leadership, «The Annals...», July 1958, p. 139.*

мерть, и они должны повернуться» против коммунизма¹. К ним присоединил свой голос и профессор Н. Палмер, один из издателей журнала «Surgent History». Он подчеркивал, что теперь «большие непосредственные опасности» угрожают «свободному миру»² и предостерегал, что «поглощенность вопросом о колониализме делает многих жителей Азии слепыми в отношении реальных и нынешних опасностей, включая советско-коммунистическую угрозу»³.

Антикоммунизм используется идеологами современного колониализма в различных формах. В первую очередь он выражается в яростных нападках под флагом защиты «свободы» и «демократии» на прогрессивные элементы в странах Азии и Африки. При этом, выдавая себя за приверженцев демократии, адвокаты колониализма изображают коммунистов ее противниками. Конечно, можно только удивляться «смелости» империалистических идеологов, рискующих выступать в роли «демократов». Ведь нет более непримиримого врага демократии, чем империализм. Об этом свидетельствует вся общественная жизнь империалистических государств.

Но особенно лицемерна позиция идеологов империализма, когда они становятся в позу защитников «демократии» в странах Азии и Африки. Известно, что излюбленными методами, которые колонизаторы использовали для управления колониями, было грубое насилие над поработенными народами. Достаточно вспомнить, например, кровавую бойню в Амритсаре (Индия), варварские бомбардировки и разрушения Дамаска (Сирия), зверское подавление народных восстаний на Яве и Суматре (Индонезия), избиение 40 тыс. алжирцев в Константине и многие другие факты.

Империалисты не отказались от подобных методов и в годы второй мировой войны, хотя в борьбе против гитлеризма провозглашали демократические лозунги. Когда в 1942 г. руководители индийского национального движения, исходя из демократических деклараций глав правительств США и Англии, обратились с тре-

¹ См. «Nationalism and Progress in Free Asia», p. 2.

² N. Palmer, *Indian Attitudes Toward Colonialism*, «The Idea of Colonialism», p. 308.

³ *Ibid.*, p. 273.

бованием о предоставлении Индии независимости, британские колонизаторы обрушили на страну массовые репрессии. То же примерно произошло в Бирме. Бирманский посол в США У Тан рассказывает об этих событиях: «Мистер Черчилль тогда пригласил бирманский народ к участию в «войне за демократию». Юные бирманцы-националисты сказали, что Бирма не будет сражаться за демократию, пока сама она закована в рабство. И за такой ответ «демократия» не поколебалась запереть большое число молодых бирманских лидеров в тюрьмы»¹.

Знаменательно и то, что ревнители «свободы» связаны самыми нежными узами с наиболее антидемократическими правительствами в странах Востока. Террористический и антипатриотический режим Нго Динь Дьема, отщепенец и предатель Чан-Кай-Ши, свергнутый и изгнанный китайским народом, — вот кто пользуется особым расположением и покровительством американских империалистов. Ими же был установлен режим кровавого диктатора Ли Сын-мана, рухнувший в результате народного восстания. Посол Индонезии в США М. Нотовидигдо писал, имея в виду эти симпатии империалистов, что, видимо, «для Запада не имеет значения, строит ли нация позитивную демократию или нет. Кажется, для них существенно только, чтобы она была антикоммунистической и примкнула к западному блоку... Следует отметить, что некоторые азиатские союзники США еще не имели свободных выборов, в то время как «непримкнувшие» страны уже имели всеобщие выборы»².

Под предлогом защиты демократии и противодействия коммунизму колонизаторы грубо вмешиваются во внутренние дела освободившихся стран. Разве не показательно, что именно этими мотивами «объясняли» США и Англия интервенцию в Ливане и Иордании.

Такой же «довод» выдвигался правительством Эйзенхауэра, чтобы оправдать свои колонизаторские действия в Конго и Лаосе.

Вряд ли можно сомневаться в том, что защитой «демократии» в странах Азии и Африки империалисты

¹ «The Annals...», July 1958, p. 41.

² Ibid., p. 46.

в действительности прикрывают попытки сохранить колониализм. Касаясь заявлений западных держав о том, что они отстаивают в Азии и Африке демократию, М. Нотовидигдо писал: «Мы видели, как западные государства поддерживали колониальные державы, когда вставали антиколониальные вопросы. То же справедливо и в отношении расовых вопросов; западные государственные деятели говорили о свободном мире, самоопределении, равных правах и в то же время молчаливо соглашались или даже поддерживали подавление движений за независимость или подавление человеческих прав в Южной Африке»¹.

Коммунисты, разумеется, последовательно выступают против такой «демократии». Они — неутомимые борцы за подлинную демократию, предполагающую уничтожение всякого гнета. Коммунисты ведут неустанную борьбу за упрочение и расширение прав трудящихся, за демократизацию общественной жизни. Даже там, где они лишены возможности действовать легальным путем, они мужественно отстаивают демократические институты. Коммунисты оказывают решительное сопротивление попыткам империалистов навязать, используя реакционные элементы и клики, некоторым странам Азии и Африки военные диктатуры.

Нападая на коммунистов в странах Востока, империалисты стремятся использовать антидемократические тенденции части национальной буржуазии. С помощью антикоммунизма колонизаторы пытаются восстановить ее против последовательно демократических элементов, составляющих ядро национально-освободительной борьбы.

Следует отметить, что в среде национальной буржуазии порой замечается стремление использовать жупел «коммунистической опасности» в торге с империалистами с целью обеспечить себе более выгодные условия. Заслуживает внимания в этом отношении высказывание Ф. Сайега, советника Арабской лиги и сотрудника ООН: «Вполне закономерно, что арабский национализм отстоял свое право быть единственным бастионом против коммунизма в арабском мире или единственной эффективной альтернативой притягательной силе ком-

¹ «The Annals...», July 1959, p. 71.

Мунизма. Этот момент дает западным государственным деятелям возможность понять, наконец, что пойдя на соглашение с арабским национализмом и его законными устремлениями и терпимо относясь к его нейтралистским тенденциям, Запад имеет гораздо большие шансы для обеспечения своих законных интересов в арабском мире, чем это ему удавалось добиться путем противодействия арабскому национализму...»¹ Однако такая позиция является бесперспективной. Вставая на рельсы антикоммунизма, национальная буржуазия не усиливает, а обезоруживает себя перед лицом империалистов.

Опыт показывает, что нельзя успешно бороться против империализма, подавляя народ. Репрессии против коммунистов и зависимость страны от империалистов находятся, как правило, в прямой связи. Вполне закономерно, что правительства Таиланда, Филиппин, Иордании и некоторых других стран, «прославившиеся» травлей демократических элементов, послушно следуют в фарватере империалистической политики.

Самым рьяным антикоммунизмом отличался режим Нури Саида в Ираке. Именно в годы правления Нури Саида были обвинены в «антипатриотизме» и казнены руководители компартии, реабилитированные после Иракской революции 1958 г. как патриоты, деятельность которых достойна высокой оценки их родины и народа. Знаменательно и то, что застрельщиками антикоммунистической кампании выступают партии, хорошо известные своей враждебностью массам и связями с колонизаторами, например, партия Машуми в Индонезии и другие. Антикоммунизм был одним из основных лозунгов контрреволюционного проимпериалистического мятежа против Индонезийской Республики. Поучительны в этом отношении и события на Арабском Востоке.

Антикоммунизм используется идеологами колониализма не только для борьбы против патриотов-коммунистов в странах Азии и Африки. Это оружие они часто направляют и против тех, кто хотя и не является коммунистами, но стоит на антиимпериалистических позициях. И это особенно наглядно раскрывает подлинный,

¹ «The Annals...», July 1959, p. 110.

Колониалистский смысл антикоммунистической кампании в освободившихся странах. Известно, что реакционные пропагандисты в период конфликта, связанного с национализацией компании Суэцкого канала, объявляли коммунистом президента Насера, антикоммунистические позиции которого хорошо известны. В первое время после победы Иракской революции 1958 г. не было недостатка в обвинении в коммунизме по адресу премьер-министра Иракской Республики Касема. Колонизаторы изображали коммунистом и главу законного правительства Конго Патриса Лумумбу. Вплоть до дней конголезской драмы западные круги именовали Лумумбу националистом. Стоило, однако, ему показать себя стойким патриотом и решительно выступить против интриг колонизаторов, пытающихся расчленить и вновь подчинить себе Конго, как империалисты и их подголоски завопили, что Лумумба... коммунист. А подметные листки, распространявшиеся в Леопольдвиле, объявили его «агентом Москвы». В Лаосе американские империалисты и внутренняя реакция под прикрытием антикоммунизма ведут борьбу против премьер-министра принца Суванна Фумы — сторонника независимой внешней политики.

Где бы империалисты ни выступали против движения угнетенных народов, они маскируют свои действия криками о борьбе с «коммунистической опасностью». В 1953 г. английское правительство отстранило от власти в Гвиане национальное правительство Ч. Джагана и послало туда дополнительные войска, заявив, что в стране раскрыт «коммунистический заговор». А теперь даже консервативный английский «Economist» называет этот заговор «якобы имевшим место». Когда в 1956—1957 гг. империалисты готовились задушить свободную Сирию, они вопили о «господстве коммунизма» в этой стране. А если послушать французских министров, то выходит, что колониальная война против алжирского народа ведется тоже в интересах «спасения» его от коммунизма. Подобные рассуждения широко распространяются и в самих метрополиях, чтобы ослабить сопротивление колониальным авантюрам со стороны определенных буржуазных и мелкобуржуазных кругов.

Другой разновидностью антикоммунизма, которую

Используют идеологи современного колониализма, является клеветническая кампания, направленная против Советского Союза и стран народной демократии. Прибегая к фантастическим вымыслам о советском «колониализме» и коммунистическом «империализме», они пытаются внести в отношения стран Азии и Африки с социалистическими государствами недоверие и отчужденность, подорвать их дружеское сотрудничество. Реакционные идеологи настойчиво убеждают правительства освободившихся стран присоединиться к империалистическому лагерю и «удивляются» тому, что их рекомендации встречаются без всякого энтузиазма. Профессор Н. Палмер, например, с неудовольствием констатирует «тот обескураживающий факт, что многие в Азии, даже имея широкое образование и политический опыт, с симпатией относятся к Советскому Союзу и к коммунизму и упрямо отказываются допустить существование советского империализма»¹.

Антикоммунизм и в этом случае используется для осуществления той же цели: нанести удар делу национального освобождения народов Востока. Если демократические силы в странах Азии и Африки являются внутренним оплотом борьбы освободившихся наций за самостоятельное развитие, то социалистическая система есть важнейшая международная опора в борьбе этих стран за укрепление независимости. С ее существованием и укреплением неразрывно связаны успехи национально-освободительного движения, так же как перспективы самостоятельного развития стран Азии и Африки.

Позицию социалистических государств, как было показано, характеризует помощь, которую они в возрастающих размерах оказывают странам Азии и Африки в экономическом строительстве. Империалисты всячески стараются оболгать эти благородные действия социалистических государств. С одной стороны, они прибегают к прямым клеветническим утверждениям. Так, помощник государственного секретаря США в период президентства Эйзенхауэра Ф. Вилкоккс заявил, что «советская помощь иностранным государствам имеет своей задачей способствовать достижению Совет-

¹ N. Palmer, *Indian Attitudes Toward Colonialism*, «The Idea of Colonialism», p. 273.

ским Союзом своей цели — мирового господства»¹. С другой стороны, реакционные публицисты ставят под сомнение искренность советской помощи. СССР как социалистическая держава не может, по их утверждению, помогать государствам, где у власти находится национальная буржуазия.

О бескорыстном характере помощи Советского Союза достаточно говорилось выше. Что же касается второго «аргумента» буржуазных идеологов, то следует напомнить, что коммунисты всегда выступали в поддержку угнетенных наций, и помощь социалистических государств освобожденным странам является отражением именно такой позиции. Советский Союз и страны народной демократии помогают не национальной буржуазии, а эксплуатируемым нациям в странах Азии и Африки, способствуя их раскрепощению, полному освобождению от колониализма. То, что Советский Союз в своих отношениях с освобожденными странами руководствуется прежде всего интересами их независимого национального развития и борьбы против колониализма, подтверждается хотя бы примером Объединенной Арабской Республики. Ни для кого не секрет, что общественные системы и идеологии, существующие в СССР и ОАР, глубоко различны. Тем не менее СССР оказывает большую помощь Объединенной Арабской Республике в сооружении Асуанской плотины и других сельскохозяйственных и промышленных объектов. Делается это с целью содействовать укреплению национальной независимости ОАР, созданию национальной экономики, преодолению последствий колониализма. От этого должны выиграть и народные массы в ОАР.

Различие в общественных системах и идеологические разногласия, на которых пытаются «сыграть» колонизаторы, не должны, как подчеркивал Н. С. Хрущев на XXI съезде КПСС, мешать развитию дружественных отношений между социалистическими странами и молодыми национальными государствами Азии и Африки, их совместной борьбе против империализма. Антиимпериалистическая, антиколониальная позиция социалистических стран и стран, добившихся национальной

¹ «The Annals...», July 1959, p. 134.

независимости, определяет искренность и прочность их сотрудничества.

Обособление от социалистической системы, которого добиваются защитники колониализма, несовместимо с укреплением национального суверенитета стран Азии и Африки. Это подорвало бы экономические и политические резервы освободившихся стран для проведения независимой национальной политики. В условиях современного Востока нельзя вести самостоятельную национальную политику, примыкая к антисоветскому курсу правящих кругов империалистических держав и участвуя в агрессивных группировках.

Антикоммунизм используется колониалистскими идеологами и политиками еще и с целью расколоть единство народов Азии и Африки, противопоставить одни из них другим, подорвать антиимпериалистическую солидарность освободившихся стран.

Подчеркивая различие общественно-экономических систем и идеологий стран народной демократии Азии и других государств Азии, а также Африки, империалистические пропагандисты стремятся обосновать «невозможность» солидарности между ними и посеять недоверие. Реакционные публицисты и в этом случае прибегают к фальсификации. Было бы, конечно, нелепо преуменьшать глубокое различие между социальным строем народно-демократических стран и национально-буржуазных государств на Востоке, однако, все эти страны жизненно заинтересованы в борьбе против империализма и колониализма, в ликвидации последствий колониальной и полуколониальной зависимости. А именно эти вопросы и являются главными для их антиимпериалистической солидарности. Это понимают и многие буржуазные деятели. К. Паниккар, например, писал: «...Эти в корне различные страны имеют фундаментальное единство подхода к определенным, наиболее важным проблемам. Самый его очевидный пункт — их желание видеть право всех наций на независимость принятым как генеральный принцип»¹.

Попыткам колонизаторов расколоть с помощью антикоммунизма антиимпериалистическое единство на-

¹ К. Pannikar, Symbol of Independence, «Nation», vol. 180, № 14, April 2, 1955, p. 287.

родов Востока был дан отпор на II конференции солидарности народов Азии и Африки в Конакри. «Наше движение, — подчеркивал представитель Уганды Дж. Кале, — должно быть основано, как на краеугольном камне, на объединяющем нас всех антиимпериализме. Различия в политическом, социальном и экономическом устройстве в афроазиатском мире не являются несовместимыми с нашей солидарностью».

Таким образом, антикоммунизм в его разных конкретных проявлениях выступает орудием колониализма, формой борьбы против национальной независимости стран Азии и Африки.

§ 2. Коммунисты — знаменосцы антиимпериалистической борьбы

Повсюду, где разворачивается борьба за свободу и социальный прогресс, в первых рядах ее идут коммунисты. И в антиимпериалистическом национальном движении наиболее последовательными и самоотверженными борцами выступают коммунисты.

Уже отмечалось, что участники национально-освободительного движения, вливаясь в единый фронт борьбы против колонизаторов, не отказываются от своих классовых позиций. Правильность этого положения всячески оспаривается представителями национальной буржуазии. Пропагандируя националистическую идеологию, они утверждают, что их политика имеет «надклассовый» характер и что классовые деления «не имеют значения» в национальном движении. Факты, однако, говорят о другом. Став во главе национально-освободительной борьбы во многих странах, буржуазия использовала это обстоятельство, чтобы прийти к руководству новыми национальными государствами и создать благоприятные условия для своей экономической и политической деятельности. Разве не знаменательно, что за 8 лет существования независимой Индии (1948/49—1956/57) индийский акционерный капитал возрастал в 2 раза быстрее, чем в период второй мировой войны, и в 4 раза быстрее, чем в годы ей предшествующие¹.

¹ Р. А. Ульяновский, Индия в борьбе за экономическую независимость, «Независимая Индия», стр. 62.

У национальной буржуазии есть причины скрывать свое классовое лицо. Ведь ее цели лишь частично отвечают народным устремлениям. Буржуазия выступает за независимое развитие, за создание национальной экономики, и это совпадает с интересами масс, но она имеет в виду независимое *национально-буржуазное* развитие, национальную *капиталистическую* экономику, что противоречит чаяниям народа.

Между тем лишь тот класс, устремления которого непримиримо враждебны всякому гнету и всякой эксплуатации, способен последовательно выражать национальные цели, быть стойким и неустрашимым борцом против колониализма. Таким классом является пролетариат. Его цели в национально-освободительной борьбе не своекорыстны. Они принципиально отличны от устремлений буржуазии и несовместимы с половинчатой победой над колонизаторами, с заменой одних — колониальных и феодальных — форм гнета другими — капиталистическими.

Классовые интересы пролетариата полностью соответствуют конечным целям национально-освободительного движения, поскольку пролетариат выступает за национальную консолидацию на социалистической основе. История возложила на пролетариат особую роль в национально-освободительном движении. Он способен без колебаний радикально решить аграрную проблему и изгнать окончательно иностранные монополии из экономической и политической жизни стран Азии и Африки — меры, на которые не решается пойти национальная буржуазия.

Классовые интересы пролетариата, а, следовательно, всех трудящихся, выражают коммунистические партии. Так как устремления рабочего класса сливаются с общенародными целями национально-освободительного движения и несовместимы с уступками империалистам, коммунисты являются знаменосцами антиимпериалистической борьбы и самыми стойкими патриотами.

Коммунисты стран Азии и Африки не скрывают, что конечной целью их борьбы является установление власти трудящихся и выведение народов Востока на путь социалистического развития. В уничтожении колониализма, в победе над империалистами они видят необходимым предпосылку для решения этой задачи.

Марксизм-ленинизм, которым руководствуются коммунисты во всей своей деятельности, с научной точностью указывает пути достижения этой великой цели.

Клеветники из лагеря империализма утверждают, что коммунисты, являясь интернационалистами, не могут быть поборниками национальной независимости. Но это лишь очередная ложь буржуазной пропаганды. Коммунисты не скрывают своего стремления сблизить, сплотить народы всего мира. Но это будет добровольный союз свободных и равноправных наций. Путь к нему лежит через разрушение навязанных империализмом неравноправных отношений между странами, через завоевание национальной независимости угнетенными народами и ликвидацию привилегий угнетающих наций, через интернациональное сплочение народов в антиимпериалистической борьбе. Поэтому интернационализм коммунистов побуждает их к бескомпромиссной борьбе против национального гнета и неравноправия, за национальное освобождение.

На протяжении десятилетий в кровопролитной национально-освободительной борьбе коммунисты зарекомендовали себя настоящими патриотами. Коммунисты всюду выступали в первых рядах борцов против колониализма, организаторами и вдохновителями самых решительных выступлений против колонизаторов. Антиголландские восстания в Индонезии в 1926—1927 гг., восстания 1948 и 1956 гг. в Ираке, антиимпериалистические забастовки нефтяников и докеров Басры, партизанская борьба корейского народа, крестьянское восстание в Бихаре и трехмесячная стачка в Ахмедабаде (Индия) и многие другие героические страницы национально-освободительной борьбы повествуют о подвигах коммунистов, снискавших широкое признание у трудящихся и всех патриотов.

Президент Индонезии Сукарно говорил, например, что Коммунистическая партия Индонезии заслужила «любовь родины своей борьбой против эксплуатации рабочих и крестьян империализмом»¹. А руководство националистической Индонезийской партии после ее запрещения колониальной администрацией приняло реше-

¹ Цит. по кн.: «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. 2, Госполитиздат, М., 1958, стр. 207.

ние «призвать всех членов партии вступить в одну из партий народа, например в Коммунистическую партию Индонезии»¹.

Беспримерное мужество проявили коммунисты, организуя в годы второй мировой войны сопротивление японскому империализму, сражаясь вместе с народом против английских, французских, голландских и иных колонизаторов, которые пытались после изгнания японских захватчиков вновь поработить народы Азии.

Коммунисты возглавили героическую борьбу китайского народа против американских империалистов и их чанкайшистских прислужников, увенчавшуюся образованием Китайской Народной Республики. После многих десятилетий зависимости от иностранцев Китай под руководством коммунистической партии добился полной самостоятельности, превратился в великую антиимпериалистическую силу.

Коммунисты вдохновляли народ Вьетнама на национально-освободительную войну против французских колонизаторов, корейский народ — на сопротивление японским и американским империалистам, а в настоящее время руководят борьбой вьетнамского и корейского народов за национальное воссоединение. Еще сегодня борются с оружием в руках алжирские коммунисты.

Коммунистам принадлежит огромная заслуга в том, что страны Азии и Африки в своем большинстве уже добились политической независимости и национальной государственности. Коммунисты заплатили за это тысячами и тысячами жизней своих лучших товарищей. Генеральный секретарь Коммунистической партии Ирака Юсуф Фахид и члены политбюро ЦК Заки Бассом и Хусейн аш-Шабиби, генеральный секретарь Коммунистической партии Индонезии Мусо и члены Политбюро ЦК Сурипно, Шарифуддин, Сарджоно, генеральный секретарь Коммунистической партии Малайи У-Чин, член Политбюро Марокканской коммунистической партии Абдель Крим Бенабдаллах, секретарь организации Коммунистической партии города Касабланка Мохаммед Сетти, члены Центрального Комитета партии трудящихся Вьетнама Ха Юй Тан и Фан Данг Яу — таковы лишь

¹ Цит. по кн.: «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. 2, стр. 207.

некоторые имена коммунистических руководителей, сложивших головы в борьбе за дело национального освобождения. Колонизаторы и их марионетки яростно преследовали и преследуют именно коммунистов. Это — своеобразное, на полицейский лад, признание авангардной роли коммунистов в национально-освободительной борьбе.

Не менее самоотверженно коммунисты выполняют свой патриотический долг и после изгнания колонизаторов. С завоеванием политической независимости на первый план, как уже отмечалось, выдвигаются вопросы завоевания экономической самостоятельности и преодоления отсталости промышленности и сельского хозяйства, нищеты народных масс, проблема демократизации общественной жизни. В этой связи возникает вопрос о характере и путях дальнейшего развития стран Востока.

Различные классы, участвующие в национально-освободительном движении, придерживаются неодинакового мнения на этот счет. Коммунисты считают, что задачи национально-демократической революции не ограничиваются изгнанием колонизаторов. Если не ликвидировано господство империалистических монополий в народном хозяйстве и не создана национальная экономика, если не покончено с феодализмом, колониализм еще живет, а национальная независимость не является ни полной, ни прочной. «Для нас ясно, — подчеркивал генеральный секретарь Коммунистической партии Индонезии Д. Айдит, — что империализм и феодализм — основные враги индонезийской революции на современном этапе»¹.

Коммунисты считают, что решение новых национальных задач, укрепление национальной независимости возможно лишь на путях социального прогресса, в результате последовательно проводимой демократической политики. Успехи в решении этих задач коммунисты справедливо считают одним из главных критериев зрелости национально-освободительного движения. В условиях экономически отставших стран, которым приходится постоянно сталкиваться с происками империали-

¹ D. H. Aidit, Comment achever la révolution indonésienne, «Démocratie Nouvelle», mars 1959, p. 64.

стов, не отказавшихся от мысли реставрировать колониальные порядки, особенно справедливо то общее положение, что целей национальной революции можно достичь, только опираясь на массы. А чтобы завоевать поддержку масс, необходимо проводить политику, учитывающую интересы народа. Массы связывали победу национально-освободительного движения с перспективой своего материального и духовного раскрепощения, социального прогресса. Именно от того, насколько оправдываются эти ожидания, и зависит активность масс, их решимость и после достижения политической независимости продолжать антиимпериалистическую борьбу и вести ее до конца.

Чаяния народных масс могут быть удовлетворены только на пути некапиталистического развития. Для перехода на такой путь — разумеется, в формах, которые соответствуют конкретно-исторической обстановке и своеобразию условий той или иной страны или группы стран — ныне существуют во многих странах благоприятные внешние и внутренние предпосылки. Неуклонно растет могущество социалистической системы, которая превращается в направляющую силу мирового развития. Хозяйственные успехи стран социализма, быстрое преодоление исторически сложившегося различия в уровнях экономического развития между ними, подтягивание отставших стран до уровня передовых оказывают глубоко революционизирующее воздействие на народы Азии и Африки. Они воочию убеждаются, что социализм создает безграничные возможности для ликвидации отсталости и нищеты, национального неравенства и вражды, для экономического и культурного прогресса. Социалистические государства оказывают все большую помощь экономическим усилиям освободившихся стран. В результате для экономического развития этих стран открываются новые перспективы.

Резко ослаб и продолжает слабеть империализм. Его способность экономическими, политическими и идеологическими средствами противодействовать самостоятельному развитию стран Азии и Африки все более ограничивается в связи с существованием и укреплением социалистической системы. Авантюристическая агрессивная политика империалистов, которая угрожает человечеству истребительной атомной войной, ве-

дет к нарастающей их изоляции и укрепляет антиимпериалистические настроения в освободившихся странах.

В самих странах Азии и Африки капитализм и ранее был непопулярным вследствие того, что значительная часть масс справедливо связывает с ним колониализм. Теперь же он дискредитируется окончательно по мере того, как накапливается опыт развития тех экономически отставших стран, которые пошли по капиталистическому пути. Невозможность добиться последовательного осуществления общенациональных задач капиталистическими методами становится важнейшей предпосылкой для перехода на некапиталистический путь развития. Народные массы ранее угнетенных и неправых наций окончательно пробудились к новой жизни и играют активную роль в историческом прогрессе, в решении собственных судеб и судеб всего человечества. Они приходят к пониманию тесной связи борьбы против колониализма с поисками новых путей общественного развития, исключающих замену одних форм эксплуатации другими. Массы требуют проведения демократической общенациональной политики, стремятся к реальному участию в управлении государственными делами.

В этих условиях переход на некапиталистический путь возможен и для самых отставших стран. В относительно короткие сроки они могут достигнуть современного уровня развития производительных сил и социально-политических отношений. Но и в тех странах, которые под руководством национальной буржуазии уже идут по пути самостоятельного капиталистического развития, вопрос об их перспективах еще не решен окончательно. Учитывая необходимость осуществления общенациональных демократических задач и принимая во внимание относительную непрочность позиций буржуазии, лишь недавно пришедшей к власти, в экономической и общественной жизни, правомерно думать, что и для этих стран существует возможность, минуя ряд ступеней развития капитализма, перейти на некапиталистический путь.

Коммунисты борются за последовательное доведение до конца национально-демократической революции. Решение этой задачи все более упирается в необходимость расширить (особенно в условиях, когда часть на-

циональной буржуазии по мере обострения социальных противоречий проявляет растущую склонность к соглашательству с внутренней реакцией и империализмом) социальную базу государственной власти в освободившихся странах. Чтобы быть орудием революционной борьбы против колониализма и империалистической политики, за преодоление в кратчайшие сроки социально-экономической отсталости, за укрепление мира, государственная власть в освободившихся странах должна иметь общедемократический и общенациональный характер и отражать в достаточной мере (как объективно, так и субъективно) интересы самых широких слоев населения, а не какого-либо одного класса. Дело национального независимого развития не может иметь подлинного успеха, если от руководства жизнью наций, освобождающихся и возрождающихся в ходе антиимпериалистической борьбы, отстраняются важнейшие общественные силы — рабочие, крестьяне, средние слои города и деревни.

Объективной социальной предпосылкой для возникновения такой государственной власти является заинтересованность всех основных классов освобождающихся наций в решении общедемократических задач национальной революции. Однако одного этого недостаточно. Необходимы особые исторические условия, которые теперь уже существуют: социалистическая система превращается в решающий фактор мирового общественного развития и ее перевес над силами империализма растет; благодаря этому для молодых национальных государств Азии и Африки возникла реальная возможность развиваться самостоятельно; империализм ослаб, но еще представляет собой реальную угрозу свободе и суверенитету освободившихся стран и стремится к реставрации колониальных порядков.

Новой государственной формой, создание которой стало ныне возможным и подсказывается самой жизнью во многих освободившихся странах, является государство национальной демократии. В Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в 1960 г. указывается: «В современной исторической обстановке создаются благоприятные международные и внутренние условия во многих странах для образования независимого государства националь-

ной демократии, то есть государства, последовательно отстаивающего свою политическую и экономическую независимость, борющегося против империализма и его военных блоков, против военных баз на своей территории; государства, борющегося против новых форм колониализма и проникновения империалистического капитала; государства, отвергающего диктаторские и деспотические методы правления; государства, в котором народу обеспечены широкие демократические права и свободы (свобода слова, печати, собраний, демонстраций, создания политических партий и общественных организаций), возможность добиваться проведения аграрной реформы и осуществления других требований в области демократических и социальных преобразований, участия в определении государственной политики. Образование и укрепление государств национальной демократии обеспечивают им возможность быстро развиваться по пути социального прогресса, играть активную роль в борьбе народов за мир, против агрессивной политики империалистического лагеря, за полную ликвидацию колониального ига»¹.

Государство национальной демократии вызывается к жизни в первую очередь задачами национально-освободительной борьбы, вырастает из нее и потому в важнейших своих особенностях носит ее отпечаток. Первоочередной целью государства национальной демократии является развитие и доведение до конца национально-освободительной революции путем укрепления политической самостоятельности освободившихся стран, завоевания экономической независимости, повышения жизненного уровня народа. В то же время государство национальной демократии — переходная форма, которая выведет освободившиеся страны на широкую дорогу социального прогресса. Это государство призвано на основе обеспечения и расширения демократических свобод отстаивать права всех патриотических сил нации. Им призван руководить не какой-либо один класс, а блок социальных сил, стремящихся к дальнейшему развитию и углублению антиимпериалистической борьбы и состоящий из представителей всех здоровых сил

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 67—68.

наций — рабочего класса, крестьянства, средних слоев города и деревни и той части национальной буржуазии, которая на данном этапе борьбы выступает как активная демократическая антиимпериалистическая сила. Вместе с тем правомерно ожидать, что государство национальной демократии будет диалектически развиваться, что это — гибкая, подвижная форма широкого классового союза, где существуют единство и борьба входящих в него классовых сил и где соотношение между этими силами не остается неизменным. Социальная база государства национальной демократии расширяется по мере того, как решаются очередные общедемократические задачи и народные массы втягиваются в активную борьбу за развитие национальной антиимпериалистической революции. Одновременно создаются условия для все более широкого участия трудящихся в политике государства.

Решая общедемократические задачи, государство национальной демократии не ликвидирует частную собственность на средства производства и не отстраняет от участия в управлении государством некоторые нетрудящиеся слои. В то же время последовательное осуществление антиимпериалистических общедемократических задач неизбежно приведет к ограничению обогащения меньшей части общества за счет его большинства, к такому использованию и перераспределению прибавочного продукта, которое отвечало бы интересам быстрейшего развития производительных сил страны и подъема жизненного уровня самых широких слоев населения. Важнейшим делом государства национальной демократии станет всемерное развитие и расширение общественных форм собственности. В условиях национально-демократического антиимпериалистического развития государственный сектор, независимый от иностранных монополий и постепенно превращающийся в определяющий фактор экономики страны, способен стать материальной основой перехода освобождающихся стран на путь некапиталистического развития.

Таким образом, государство национальной демократии вызывается к жизни потребностями прогрессивного развития общества. Это — форма государственного устройства для освобождающихся наций, форма их борьбы против империализма и за демократический

прогресс. Именно поэтому ведущая роль в создании такого государства принадлежит рабочему классу и крестьянству.

Разумеется, коммунисты не откладывают борьбу за полное осуществление задач национально-освободительной революции до создания государства национальной демократии. Ведь сама борьба за решение этих задач и создаваемые в ходе ее гибкие классовые союзы, сплачивая патриотические силы, приближают и облегчают создание такого государства.

Коммунисты выступают с конкретной программой. Они добиваются передачи земли трудящимся крестьянам, повышения заработной платы и сокращения рабочего дня пролетариев, обеспечения народным массам демократических прав и свобод, создания благоприятных условий для расцвета национальной культуры, для деятельности национальной интеллигенции, ликвидации позиций иностранных монополий, реализации планов национального строительства. Они на деле доказывают жизненность своих лозунгов. Как известно, коммунисты около двух с половиной лет руководили правительством Керала — одного из индийских штатов. Оценивая деятельность этого правительства, следует иметь в виду, что многие важнейшие вопросы жизни штата находятся в компетенции центральной администрации, и возможности правительства штата были ограничены. Однако даже в этих условиях коммунисты за короткий срок сумели показать, что несет их программа народу Индии. Небезынтересно отметить, что при этом они осуществили ряд мер, которые прокламировала партия Индийский национальный конгресс, но так и не провела в жизнь. В штате были приняты законы о запрещении выселять арендаторов и о передаче 700 тыс. акров правительственных земель безземельным и малоземельным крестьянам. Был подготовлен и представлен на рассмотрение центрального правительства закон о радикальной земельной реформе, предусматривавший ликвидацию помещичьего землевладения и наделение крестьян землей.

Получило силу закона положение об участии рабочих в управлении предприятиями государственного сектора, которое было рекомендовано и частным предприятиям. При снижении налогов на крестьян повысился

налог на крупных капиталистов и плантаторов, а полученные от этого средства направлялись на развитие экономики штата. При активной поддержке правительства рабочие повсеместно добились повышения заработной платы. Только за 6 месяцев 1957 г. было разрешено в пользу рабочих свыше трех тысяч трудовых конфликтов. В то же время администрация поощряла в разумных пределах деятельность национального частного капитала.

В штате было осуществлено сокращение административного аппарата, снижено жалование высшим чиновникам. Был разработан ряд других мероприятий, имевших целью повысить жизненный уровень трудящихся, поднять экономику и культуру, сократить безработицу среди интеллигенции и т. д. Правительство национализировало городской транспорт, установило гарантированный минимум заработной платы сельскохозяйственным рабочим, учителям и сельским служащим.

В Керале решительно пресекались попытки использовать, как это делалось раньше, полицию против трудящихся, охранялись и расширялись демократические права трудящихся. Кроме того, некоторые мероприятия, одобренные правительством штата Керала, были отвергнуты центральной администрацией, например предложение о моратории на долги крестьян.

Опыт штата Керала еще раз показал, что коммунисты предлагают надежный путь решения национальных задач в интересах народа. «Мероприятия и деятельность этого правительства (штата Керала. — К. Б.) даже за короткий... период, — говорилось в постановлении пленума Национального совета Коммунистической партии Индии в Мадрасе, — принесли не только значительное улучшение эксплуатируемым слоям трудящихся штата Керала, но и возбудили надежду в борющихся массах по всей стране и вселили в них уверенность в их будущем. Эта деятельность правительства штата Керала является разительным контрастом по сравнению с деятельностью правительств партии Индийский национальный конгресс»¹.

Достижения правительства Кералы, снискавшие ему широкую популярность среди трудящихся штата, и

¹ «New Age», 19 October 1959.

растущее влияние этого факта на индийскую общественность явились, по мнению многих индийских и иностранных обозревателей, причиной, побудившей руководство партии Конгресса настоять на роспуске правительства штата и установлении в штате президентского правления.

Коммунисты делают все, чтобы конструктивно решались национальные антиимпериалистические задачи и тогда, когда они не входят в правительство. Верные демократическим и патриотическим принципам, они поддерживают прогрессивные мероприятия национальных правительств стран Азии и Африки и одновременно подвергают критике те стороны их деятельности, которые носят лишь узкоклассовый характер, создают угрозу национальной независимости, находятся в противоречии с интересами масс. «Поддержка Коммунистической партией Индонезии кабинета Джуанды, — писал товарищ Д. Айдит, — является искренней и критической поддержкой, то есть *безоговорочная поддержка его прогрессивной политики, критика его колеблющейся политики с тем, чтобы превратить ее в прогрессивную политику, и оппозиция к той его политике, которая является вредной для народа*»¹.

Коммунистическая партия Индонезии поддерживает миролюбивую внешнюю политику президента Сукарно и его правительства, их стремление укреплять солидарность азиатско-африканских стран. Она одобряет действия президента по восстановлению конституции 1945 г. и его курс на создание правительства с участием всех патриотических сил страны, положительно оценивает некоторые меры правительства в рабочем и сельскохозяйственном законодательстве, его стремление развивать кооперативы в деревне и организовать кредитование крестьян.

Одновременно коммунисты указывают на ухудшение положения трудящихся. Например, реальная заработная плата рабочих, крайне низкая в 1954 г., снизилась к концу 1958 г. еще на 38%. В деревне все еще значительны пережитки феодализма. Коммунисты настаивают на принятии немедленных мер, которые серьезно улучшили бы положение масс.

¹ «New Age», April 1959, p. 23.

Коммунистическая партия Индонезии поддерживает официально провозглашенную правительством цель — создать национальную экономику. Она высказалась против принятия парламентом закона об иностранных инвестициях, поскольку он противоречит этой цели и облегчает проникновение иностранного капитала в экономику страны. Коммунистическая партия выступила в поддержку восьмилетнего плана Индонезии, так как он отвергает привлечение в Индонезию иностранного капитала и предусматривает осуществление земельной реформы, укрепление государственного сектора в экономике, меры по индустриализации страны. Коммунисты Индонезии приветствовали энергичные действия правительства по подавлению контрреволюционного мятежа. В то же время они разоблачили желание определенных политических групп использовать военные действия и возросшую роль армии для ограничения демократических свобод и подавления деятельности прогрессивных сил.

Поддерживая меры правительства, направленные против голландского капитала и расценивая их как важное патриотическое мероприятие, коммунистическая партия вместе с тем подвергла критике стремление некоторых влиятельных кругов внутри страны ограничить действия рабочего класса, который явился инициатором решительных мер против голландских монополий.

Коммунистическая партия Индии положительно оценивает миролюбивую внешнюю политику правительства Дж. Неру, одобряет взятый им курс на индустриализацию и создание сильного государственного сектора, отмечает положительное значение определенных антифеодалных мероприятий. Вместе с тем коммунисты критикуют правительство за непоследовательность и колебания в некоторых вопросах внешней политики, за отказ от проведения радикальной земельной реформы, за предоставление фактически неограниченной свободы частным предпринимателям и за терпимое или даже благосклонное отношение к деятельности иностранных монополий в стране, за новые налоговые и иные тяготы, которые вваливаются на плечи индийских рабочих и крестьян.

Коммунисты подчеркивают, что избранный партией Индийский национальный конгресс путь преодоления

феодалных отношений в сельском хозяйстве с помощью постепенной, капиталистической его трансформации, ведущей к обезземеливанию трудящегося крестьянства, ставит под угрозу решение задач национальной реконструкции. В условиях современной Индии такой курс не ведет к созданию необходимого для национальной экономики внутреннего рынка, к обеспечению страны сырьем и продовольствием. Он не дает возможности поддерживать патриотический подъем крестьянских масс и использовать его в интересах национального возрождения.

Отказ от решительных мер против иностранных монополий, усиленная эксплуатация пролетариата и сохранение огромной части национального дохода¹ в руках паразитической части общества, репрессии против трудящихся, защищающих свои демократические права и добивающихся повышения заработной платы, также несовместимы с реализацией антиимпериалистических национальных целей.

Индийские коммунисты предлагают немедленно и безвозмездно передать помещичью землю малоземельным крестьянам и сельскохозяйственным рабочим, ликвидировать позиции иностранных монополий в стране, национализировать банки, ввести эффективные формы контроля и ограничить деятельность крупного капитала, быстро расширять государственный сектор в народном хозяйстве с упором на тяжелую промышленность, повысить заработную плату и улучшить условия труда рабочих, осуществить эффективные меры в целях снижения цен и борьбы с коррупцией и т. д. Они отстаивают демократические права народа и добиваются их расширения. При этом, поскольку провозглашенные официально правительством Индии цели носят в основном национальный и демократический характер, индийские коммунисты добиваются их последовательного осуществления.

Как индонезийские, так и индийские коммунисты занимают последовательно патриотические позиции. Проводимая ими линия отвечает интересам народных масс, интересам укрепления национальной независимо-

¹ По данным американского профессора П. Бэрна, свыше 25%. См. P. *Baran*, *The Political Economy of Growth*, p. 225.

сти и учитывает двойственный характер национальной буржуазии, наличие в ней различных слоев.

Коммунисты в ОАР также зарекомендовали себя решительными борцами за свободу и независимость родины. В дни англо-франко-израильской агрессии против Египта осенью 1956 г. египетские коммунисты, невзирая на жестокие политические репрессии, которым они подвергались в родной стране, грудью встали на ее защиту. Как справедливо указывала в своем заявлении в январе 1959 г. Коммунистическая партия Египта, коммунисты много сделали, чтобы в те трудные дни мобилизовать народные массы на поддержку правительства Насера¹.

В Сирии коммунисты составили костяк добровольческих отрядов, сформированных в помощь Египту. Они же поднимали народ против империализма, посягнувшего на независимость Сирийской республики.

Сирийская коммунистическая партия в течение многих лет ведет неустанную борьбу за национальные интересы арабских народов. Последовательно выступая за арабское единство, коммунистическая партия в то же время решительно разоблачает попытки использовать этот лозунг с целью навязать волю одного арабского государства — другим или с целью замаскировать наступление на права трудящихся, на их жизненный уровень.

Единство, отвечающее устремлениям народов арабских стран, — это антиимпериалистическое единство. «Мы, сирийские коммунисты, как и все прогрессивные патриоты-арабы самых различных взглядов, — говорил на XXI съезде КПСС генеральный секретарь Сирийской коммунистической партии тов. Х. Багдаш, — понимаем арабское единство прежде всего как движение за освобождение от империализма, движение, которое берет свое начало в народных массах и опирается на народные массы. Основой арабского единства должно быть освобождение от империализма, упорная борьба против империализма»². Несмотря на репрессии, сирийские коммунисты стойко отстаивают интересы народных

¹ «World News», vol. VI, No 12, March 21, 1959, p. 147.

² «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. II, стр. 31.

масс и добиваются восстановления в стране демократических свобод.

Когда коммунисты критикуют те или иные стороны политики правительств национальной буржуазии, это ни в коей мере не означает, что они ослабляют свои усилия, направленные на укрепление и расширение единого фронта всех патриотических сил. «Этот фронт, — подчеркивал на XXI съезде КПСС первый секретарь ЦК Коммунистической партии Марокко Али Ята, — сыгравший решающую роль в деле завоевания национальной независимости, нужен нам и сейчас для ее защиты и дальнейшего укрепления»¹. Предпосылки для возникновения единого фронта создаются объективными условиями. Антиимпериалистические задачи, которые продолжают занимать центральное место в борьбе народов Азии и Африки, делают возможным и необходимым сохранение единства патриотических слоев населения. Возможным потому, что в этом заинтересованы все социальные силы, участвующие в национально-освободительной борьбе. Необходимым потому, что на данном этапе эти задачи могут быть решены только соединенными усилиями. Будучи разобщены, рабочие, крестьяне, национальная буржуазия, активно выступающая против империализма, и другие патриотические силы не могут успешно противостоять колонизаторам.

Однако коммунисты не являются поборниками любого национального единства. Они не выступают и не могут выступать за «национальное единство» вообще, без всяких условий. Ведь к «национальному единству» призывают и шах Ирана и иорданский король Хусейн. Спекулировать на этом лозунге не прочь при случае и колонизаторы. Достаточно вспомнить инспирированную ими, но недолговечную федерацию Ирака и Иордании в 1958 г.

Коммунисты, представители трудящихся масс, не могут поддержать такое «национальное единство», при котором приносятся в жертву интересы людей труда и тем самым создается угроза завоеваниям национально-освободительной борьбы и отдаляются перспективы полной победы над колониализмом. Коммунисты высту-

¹ «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. II, стр. 114.

пают за такое национальное единство, которое является единством *антиимпериалистическим, патриотическим, единством в интересах народа.*

Значимость единого фронта определяется, следовательно, тем, насколько его характер и цели соответствуют задачам, вызвавшим его к жизни, насколько он помогает развернуть борьбу против всех остатков колониальной зависимости, насколько он отражает чаяния масс.

Другая принципиальная особенность подхода коммунистов к единому фронту состоит в том, что они добиваются не формального союза или верхушечного блока партий и их руководства, а *единства масс*, особенно рабочего класса и крестьянства. Успех борьбы за национальную свободу зависит от воли народов, их сознательности и боеспособности. Именно под натиском масс пришлось отступить английским колонизаторам в Индии и Гане, Малайе и Бирме; французским колонизаторам — во Вьетнаме и Марокко, Сирии и Ливане, Тунисе и Гвинее. Мужество египетских рабочих и крестьян было серьезной преградой, на которую натолкнулась англо-франко-израильская агрессия. Поэтому коммунисты и считают, что единый фронт ценен тогда, когда он позволяет сплотить вокруг лозунгов национального освобождения и антиимпериалистической борьбы действительно широкие народные массы, организовать трудящихся и поднять их политическую активность.

Однако нельзя рассчитывать на поддержку масс, если их права ограничиваются или даже попираются. Как метко заметила газета иракских коммунистов «Иттихад аш-Шааб», «те, кто превратил демократию в подобие лекарства, которое дается в виде малых инъекций, не смогут найти какой-либо части народа, согласной с такими концепциями»¹.

Отношение к демократии решает вопрос о том, поощряется или ограничивается широкое и сознательное участие масс в антиимпериалистической борьбе. Там, где существуют и крепнут демократические свободы, где активность масс не встречается в штыки, империалисты получают твердый отпор. Иракская республика сумела в 1958—1959 гг. сорвать планы колонизаторов,

¹ См. «Iraqi Review», December 30, 1959, p. 10.

использовавших реакционные круги некоторых арабских стран. Но разве это произошло не благодаря поддержке народных масс, которые добились серьезных демократических завоеваний в тот период и политическая активность которых разворачивалась тогда в обстановке относительной свободы?

Демократические свободы и завоевания сирийского народа сыграли важную роль в том, что Сирия смогла защитить свою национальную независимость в 1954—1957 гг. Организованность рабочего класса, пробуждение крестьянства являются той силой, которая помогает Кубинской Республике успешно отстаивать свою независимость.

Напротив, наступление на демократические свободы, фактически направленное против народных масс и их политической активности, объективно ведет к разобщению национального антиимпериалистического фронта, выхолащивает его содержание, подрывает его силу.

Таким образом, характер единого фронта и само его существование неотделимы еще от одного фактора — от демократических свобод.

Коммунисты борются за предоставление трудящимся широких демократических прав. Через профсоюзные, крестьянские, молодежные, женские и иные демократические организации они добиваются максимального повышения организованности и сознательности масс. Коммунисты постоянно выступают за боевой союз рабочего класса и крестьянства, который является стержнем национально-освободительной борьбы, залогом ее победоносного завершения.

Замечательные примеры антиимпериалистической борьбы показали коммунистические партии метрополий. С презрением отменяя обвинения в «предательстве» интересов своих стран, не отступая перед репрессиями, они всегда последовательно боролись против колониализма, солидаризировались с народами, добивающимися освобождения от колониального гнета.

Верные великим принципам пролетарского интернационализма, заветам Маркса и Ленина, коммунисты метрополий поддерживали и поддерживают антиимпериалистическую борьбу поработанных народов, мобилизуют массы на их защиту и создают серьезные преграды колонизаторским действиям империалистов.

Коммунистические партии метрополий подчеркивают жизненную важность для рабочего класса развитых капиталистических стран крепить союз с поработенными народами в общей борьбе против империализма. Они разъясняют, что трудящиеся метрополий ничего не выигрывают от колониальной политики, что колониализм используется монополиями для получения несметных прибылей, для вскармливания политической реакции и наступления на демократические свободы, для разжигания шовинизма и расистского мракобесия.

Коммунистическая партия Франции всегда была в авангарде антиколониальной борьбы. Она активно выступала и выступает в поддержку освободительного движения народов, поработенных французскими империалистами. Многие ее члены стали жертвами репрессий со стороны правительств, проводивших колониальную политику. Генеральный секретарь партии Морис Торез перед II мировой войной был заключен в тюрьму за выступления против действий французских колонизаторов в Северной Африке.

После II мировой войны коммунисты Франции развернули самоотверженную борьбу против попыток французских империалистов удержать в рабстве народы колоний и зависимых стран. Партия всегда и при любых обстоятельствах оставалась верна своему интернациональному долгу в отношении этих народов — долгу, о котором Морис Торез в декабре 1949 г. говорил: «Пролетарии империалистической страны, которая угнетает в своих колониях десятки миллионов рабов, мы должны во всеуслышание провозгласить право этих народов на самоопределение, включая их отделение от Франции. Мы должны были бороться у себя с любой тенденцией к колониализму, шовинизму, предоставляя нашим товарищам коммунистам в колониальных странах возможность выступать против всякой национальной ограниченности и провозглашать необходимость для их собственного народа солидарности с французским пролетариатом в борьбе против одних и тех же империалистических угнетателей»¹. Партия организовала по всей стране движение солидарности с героическим народом Вьетнама. Жак Дюкло, Бенуа Фрашон,

¹ Цит. по: «Cahiers du Communisme» No 12, Decembre 1960, p. 1905.

Марсель Дюфриш, Лео Фигэр, Ги Деколонэ, Андрэ Стиль и другие видные деятели партии подвергались преследованиям властей за участие в этой борьбе. И в том, что французским империалистам пришлось отступить из Вьетнама, немалая заслуга принадлежит коммунистам Франции. В специальном досье Военного министерства Франции на 102 страницах описываются действия французских коммунистов в поддержку борьбы народов Вьетнама, Кореи, Туниса в течение одного лишь 1952 г. По данным этого досье, только за март—май того года состоялось 25 массовых антиколониальных выступлений, организованных коммунистами¹.

Коммунистическая партия Франции ведет мужественную борьбу за предоставление алжирскому народу и другим народам, которые еще находятся под господством французского империализма, права на самоопределение. Состоявшийся в июне—июле 1959 г. XV съезд партии записал в своей резолюции: «Единственный выход из проблем, поставленных непреодолимым освободительным движением колониальных народов, находится в удовлетворении их законных требований национальной независимости и в переговорах с их авторитетными представителями»². Когда в 1954 г. вспыхнуло национально-освободительное восстание алжирского народа, партия выступила с протестом против отправки войск в Алжир и потребовала удовлетворения законных требований алжирского народа. В Декларации, опубликованной ею 8 ноября 1954 г., говорилось: «События, которые в настоящее время разворачиваются в Алжире, являются в основном результатом отказа французских правителей удовлетворить национальные требования огромного большинства алжирцев...»³ Декларация осуждала репрессии французских колонизаторов против алжирского национального движения и выдвигала требование прекратить репрессии, признать законность стремлений алжирского народа к свободе и начать переговоры с его подлинными представителями. Коммунисты провели и ведут огромную работу, поднимая массы на борьбу за прекращение алжирской трагедии.

¹ См. «La Nouvelle Critique», avril 1959, p. 70.

² «L'Humanité», 4 juillet 1959.

³ Цит. по «Cahiers du Communisme» No 12, Decembre 1960, p. 1913.

Коммунисты первыми заклеямили пытки над алжирскими патриотами, кровавые расправы с населением, «подвиги» парашютистов и солдат иностранного легиона, которые официальная и неофициальная буржуазная печать пытались окружить заговором молчания. Они рассказали правду о так называемой перегруппировке мусульманского населения, сгонявшегося в концентрационные лагеря. Коммунисты — единственные, кто разоблачил поддержанную прессой и политическими партиями провокацию правительства, которое пыталось приписать Алжирской Армии национального освобождения зверское истребление жителей деревни Мелуза, учиненное французскими колонизаторами. Под влиянием коммунистической партии народ Франции все яснее понимает несправедливость, преступность и бесперспективность кровопролитной войны в Алжире.

Последовательно отстаивает права угнетенных народов Коммунистическая партия Великобритании. В послевоенные годы английские коммунисты оказали поддержку освободительной борьбе народов Индии и Малайи, Бирмы и Гвианы, Кении и Судана, Кипра и Мальты. Они были инициаторами выступления рабочего класса Англии против нападения британских империалистов на Египет. Коммунистическая партия гневно осудила кровавые действия колонизаторов в Родезии и Ньясаленде. В принятой XXVI съездом партии (1959) Чрезвычайной резолюции «О борьбе Африки за свободу» говорится: «Съезд торжественно выражает свою полную солидарность с героической борьбой африканцев Ньясаленда против господства европейского меньшинства и за право отделения от федерации, навязанной им консервативным правительством. Он распространяет свою полную и искреннюю поддержку освободительным движениям африканцев в Южной и Северной Родезии, также оказывающим могучее и нарастающее сопротивление господству белых поселенцев.

Съезд энергично осуждает вооруженные репрессии и насилие, предпринятые консервативным правительством и европейскими поселенцами на этих трех территориях, чтобы воспрепятствовать африканцам добиться права голоса, более высокого жизненного уровня и права управлять собственными делами. . .

Съезд заявляет, что растущее объединенное движение за освобождение Африки неотделимо от борьбы британского рабочего класса против британского империализма и консерваторов.

...Борьба в Африке — это также наша борьба. В нынешней серьезной ситуации в Центральной Африке нельзя терять времени. Съезд призывает организованное рабочее движение в Англии поднять всю страну для демонстрации солидарности...»¹

Не менее последовательно и самоотверженно выступают против колониализма коммунистические партии других стран. Когда в 1958 г. волна шовинизма прокатилась по Голландии в связи с так называемыми «притеснениями» голландских граждан в Индонезии, только одна партия в Голландии заявила о своей поддержке прав Индонезии на Западный Ириан. И этой партией была коммунистическая партия. В Португалии, где свирепствует фашистский режим Салазара, коммунисты, являющиеся объектом диких преследований, требуют передачи Гоа Республике Индии и освобождения португальских колоний в Африке. Коммунистическая партия Бельгии в период наибольшего разгула «патриотической» кампании в стране, вызванной агрессией в Конго, не поколебалась выступить против бельгийских колонизаторов в защиту конголезского народа.

Теперь, когда народы Азии и Африки встают на путь национальной независимости, сознательные рабочие метрополий видят свой интернациональный долг и долг всех демократических сил в индустриально развитых капиталистических странах в том, чтобы оказывать всемерную поддержку этим народам в борьбе против империалистов, за укрепление национальной независимости, помогать им в деле успешного решения задач экономического и культурного возрождения.

Таким образом, коммунисты метрополий, так же как коммунисты колониальных и зависимых стран, являются последовательными борцами против колониализма, авангардом антиимпериалистической борьбы.

В некоторых странах Востока «влиятельные круги делают попытки открыть поход против коммунистов. При этом антикоммунистическая кампания и наступле-

¹ «World News», vol. VI, No 15, April 11, 1959, p. 175.

ние на демократические права трудящихся прикрываются фальшивыми нападками на коммунистов как якобы противников национального единства. Но бороться против коммунистов — значит бороться против своего народа, направлять удары не против империализма, а против патриотов, подрывая тем самым национальный фронт и силу отпора колонизаторам. Бороться против коммунистов — значит лишаться поддержки масс и ставить под угрозу уже добытые национальные завоевания.

Разумеется, никакие репрессии и клевета не могут изолировать коммунистов от масс, которые все больше убеждаются, что коммунисты любой страны являются самыми стойкими защитниками национальных, народных интересов. Цели коммунистов отвечают высшим интересам нации. Отнюдь не случайно, что самые заклятые и самые хитроумные враги коммунизма не в состоянии назвать ни одного случая, когда коммунисты пошли бы на какую-либо сделку с колонизаторами, поступились бы национальными интересами поработенных народов. Такого никогда не было. Коммунистов нельзя отделить от национально-освободительной борьбы. Между прочим, именно поэтому антикоммунизм — неотделимая часть современного колониализма и его идеологии. Отвечая антикоммунистическим клеветникам, иракская газета «Саут Аль Ахрар» писала: «Революция освободила коммунистов из тюрем Нури Саида. Она дала им возможность вернуться в их школы, фабрики и к другим делам... Они стали теперь, как верные стражи Республики, защищая ее от заговоров и диверсий со всей искренностью и отвагой, которая для них характерна. Именно поэтому они — шип во плоти империалистов и всех врагов революции»¹.

Даже империалистические идеологи и публицисты вынуждены отмечать возрастающее влияние коммунистов среди масс. Правда, чтобы объяснить это, они прибегают к обычным для них клеветническим измышлениям. Растущая популярность коммунистов связывается ими, например, с «примитивностью» и «нетребовательностью» народов Азии и Африки. Но буржуазные про-

¹ Цит. по «World News», vol. VI, № 6, February 14, 1959, p. 83.

пагандисты все чаще оказываются вынужденными делать характерные признания. Так, Дж. Кинг пишет, что народы Азии «в коммунизме видят средство добиться лучшей зарплаты и условий труда. . . , средство получения земли или завоевания нового социального порядка, призванного заменить их разрушенные социальные традиции»¹. Он же заявляет: «Коммунисты отвечают этой мечте (о создании народами Востока современных индустриальных государств. — К. Б.) обещаниями создать современное промышленное общество в короткие сроки, без риска, без капитала и обязательств»².

Ч. Боулс в книге «*New Dimensions of Peace*» отмечает, что «одной из наиболее привлекательных черт коммунистического движения для молодых людей в Азии является тот факт, что его лидеры. . . ничего не стремятся получить для себя»³. Ссылаясь на известного американского журналиста Дж. Олсопа, побывавшего во Вьетнаме, Боулс пишет о «моральном подъеме, который коммунисты вызывают среди некоммунистов», о «прочной поддержке, завоеванной коммунистами в крестьянской среде», о «многих тысячах самоотверженных целеустремленных людей», которые руководят работой, об их «готовности пожертвовать собой и умереть за общее дело»⁴.

Американский журнал «*New York Times Magazin*» перечисляет факторы, на которых «основывается притягательность» коммунизма в странах Азии и Африки: 1) «История успеха коммунистической России в создании собственными силами жизнеспособной экономики»; 2) «История успеха коммунистического Китая в изгнании «чужеземных чертей» и видимом создании действенной экономики с помощью ранее угнетавшегося сельского населения»; 3) «Действительное участие коммунистов в движении отечественного национализма»; 4) «Широко распространенное и широко пропагандируемое мнение, что. . . коммунизм означает революцию растущих надежд, подлинную революцию для более чем половины населения всего мира. . .»⁵

¹ *J. King*, *Southeast Asia in Perspective*, p. 74.

² *Ibid.*, p. 77.

³ *Ch. Bowles*, *New Dimensions of Peace*, p. 241.

⁴ *Ibid.*, p. 241—242.

⁵ «*New York Times Magazin*», July 7, 1957.

Эти вынужденные признания отражают широкое распространение прогрессивных идей, которым могут гордиться коммунисты. Вместе с тем они свидетельствуют о поражениях антикоммунистической кампании. Иные буржуазные публицисты приходят даже к выводу, что «антикоммунизм — неподходящая база для эффективной политики в слаборазвитых странах»¹.

Выражением возрастающего доверия народных масс к коммунистам является увеличение числа членов коммунистических партий и рост их авторитета. Во многих странах коммунистические партии стали большой общественной силой. Коммунистическая партия Индонезии насчитывает 1,5 млн. членов и является самой крупной и популярной партией в стране. Крупнейшей политической силой стала Коммунистическая партия Индии. Крепнут коммунистические партии и в других странах Азии и Африки.

Их успехи — гарантия того, что национальная независимость стран Азии и Африки будет укрепляться, а колонизаторы потерпят окончательное поражение. Коммунисты знают, что им предстоит трудная борьба и серьезные испытания. Но они полны решимости выполнить свой патриотический долг и повести народы Востока по пути национальной независимости и социального освобождения.

¹ «Current History», October 1959, p. 237.

З а к л ю ч е н и е

Теперь, когда проанализированы взгляды буржуазных идеологов и публицистов Запада, которые они развивают и в пухлых сочинениях и коротеньких статьях, посвященных проблемам национально-освободительного движения в странах Азии и Африки; когда эти взгляды сопоставлены с заявлениями империалистических политиков и дипломатов, а также — что еще важнее — с практикой колониальной политики империалистических держав, становится особенно ясным, что пропагандируемые реакционными теоретиками идеи, взятые в совокупности, представляют собой идеологию современного колониализма. Рассуждения буржуазных идеологов не просто выгодны вдохновителям и проводникам новых форм колониальной политики, не только льют воду на их мельницу. Они прямо служат этой политике, подчинены ее целям. И это верно как в отношении писаний вульгарных разносчиков колониалистских идей, сочиняющих по прямому заказу монополий и империалистических правительств, так и в отношении работ ученых профессоров, которые связаны с официальной политикой более сложными и опосредованными путями. Между ними только та разница, что первые излагают колониалистские идеи на материале текущей политики и используют язык политической теории и публицистики, нередко откровенный и свободный от экивоков; вторые же — скрывают эти идеи туманом зыбких фраз и квазипрофессорской учености, стремясь придать им по видимости абстрактный вид.

И те и другие оправдывают и теоретически обосновывают все стороны, все основные приемы политики современных колонизаторов. Их работы помогают импе-

риалистам оказывать идейное влияние на определенные слои общественности в освободившихся странах, а также в самих империалистических государствах.

Как отмечалось в первой главе, новые формы колониализма есть система косвенного подчинения бывших колониальных и зависимых стран, которая опирается на экономическую отсталость освободившихся стран и на засилие в их экономике иностранных монополий. Цель ее — сохранить такое положение с тем, чтобы империалисты и впредь могли эксплуатировать страны Азии, Африки и Латинской Америки, держать их в неравноправном положении и навязывать им свой политический контроль.

Разве не того же добиваются реакционные идеологии, когда отстаивают неравноправную, закабальную страны Востока экономическую и политическую «взаимозависимость» их с западными державами; выступают за сохранение и углубление аграрно-сырьевой специализации стран Азии и Африки, объявляют «ошибочными» и «вредными» планы их индустриализации и создания национальной экономики и критикуют как «нереалистическое» и «опасное» стремление патриотов в кратчайшие сроки покончить с экономической отсталостью; яростно ополчаются под всякими предлогами, в том числе и под флагом защиты демократии, против государственного сектора в народном хозяйстве этих стран; ратуют «за свободу частного предпринимательства», имея в виду бесконтрольную деятельность иностранных монополий; пропагандируют развитие «без спешки», «упорядоченную эволюцию».

Современный колониализм означает переориентацию колонизаторов в отношении социальных сил в странах Азии и Африки. В условиях, когда прежняя опора колонизаторов — феодальная верхушка — слабеет политически и экономически, они пытаются опереться на национальную буржуазию, используя ее непоследовательность в защите патриотической программы, ее недоверие к массам, ее опасливое отношение к демократии, прибегают к оружию антикоммунизма.

Реакционные идеологи прилагают свои усилия в этом же направлении. С одной стороны, они всячески подчеркивают и лгтивно преувеличивают значение национальной буржуазии и национальной интеллигенции.

Они объявляют их неоспоримой монополией руководство всяким «подлинно» национальным движением. Весь смысл, все содержание национально-освободительной борьбы они сводят к целям, которые преследует национальная буржуазия. С другой стороны, лгуя коммунистической «опасностью», пуская в ход басни о «советском колониализме» и циничную клевету на коммунистов, играя на антидемократических тенденциях в среде национальной буржуазии, они пытаются склонить ее к переходу на капитулянтские, антипатриотические позиции. Особые усилия прилагаются для того, чтобы с помощью «демократической» фразы обмануть национальную интеллигенцию.

Служебный характер работ буржуазных идеологов проявляется также в единообразии их основных политических выводов и рекомендаций. Несмотря на видимое многообразие концепций буржуазных теоретиков (призванных, очевидно, демонстрировать «свободу мнений» и «независимость» буржуазных идеологов от официальной политики) и порой шумную полемику между ними, несмотря на все их усилия запутать читателя в терминологических джунглях, реакционным идеологам не удастся скрыть, что все они по существу единомышленники. И это естественно, ибо все они шагают в ногу с политикой колонизаторов.

Тесная связь реакционных теоретиков с колониалистской политикой сказывается и в тех изменениях, которые за последние годы претерпели и продолжают претерпевать их взгляды. По мере того как колонизаторы все шире используют новые методы, в работах буржуазных публицистов все реже встречаются открытые выпады против народов Азии и Африки. Колониалистским идеям придается все более замаскированный вид.

Наконец, о подлинной роли буржуазных идеологов свидетельствует то внимание, с которым относятся к ним официальные круги западных держав. Империалистические правительства поощряют реакционных теоретиков и публицистов, расточают им похвалы и используют их в качестве консультантов, экспертов и т. д.

Новая идеология колонизаторов тесно связана с их традиционной идеологией — расизмом. Некоторые ра-

систские идеи она взяла себе на вооружение, другие — используются ею лишь частично. Разумеется, во всех случаях расистские идеи претерпели серьезную модификацию в первую очередь в сторону маскировки. Они были приспособлены к особенностям новой идеологии. Например, прежняя идея о превосходстве человека белой расы и его цивилизаторской роли («бремя белого человека»), утрачивая биологический смысл, приобретает социально-политическое содержание. Она выступает как идея «благотворной», прогрессивной роли Запада («западного» образа жизни), якобы приведшего к возникновению национального движения в Азии и Африке, к становлению там наций; выступает как идея о том, что народам Азии и Африки необходимо следовать по западному пути развития, что иностранные монополии должны быть рычагом и решающим фактором подъема стран Азии и Африки до уровня современного экономического и технического развития.

Открыто прокламировавшаяся раньше идея грубого насилия над народами Азии и Африки сменяется идеей «руководства», «направляющего влияния» со стороны западных держав в рамках «взаимозависимости» и т. д.

Но еще более, чем связь тех или иных идей, важны центральная мысль, общая направленность, которые характерны для обеих идеологий. Они исходят — первая открыто, вторая — тайно, из того принципа, что неравноправное положение народов Востока, их зависимость от империалистических держав есть факт, который нельзя и не нужно изменять. Прежде это была циничная проповедь колонизации и расового господства. Теперь — тщательно скрываемый, замаскированный демократической фразеологией и все же ясно различимый дух «патернализма» и «покровительства».

Сходство и связь прежней и новой идеологий нельзя объяснить одними только преемственностью, взаимодействием идей и тем, что новая идеология создавалась не на голом месте, хотя эти моменты играют определенную роль. Причина лежит глубже: идеология современного колониализма находится в таком же соотношении с традиционной идеологией колонизаторов, как новые формы колониализма — с «классическим» колониализмом. Если новые формы колониализма являются «облагороженным» по видимости вариантом колониализма и

преследуют цель сохранить неравноправное положение стран Азии, Африки и Латинской Америки, эксплуатацию их империалистическими монополиями, то новая идеология есть прикрытая «современными» одеждами идеология порабощения народов. Вот почему она не может не походить на прежнюю идеологию колониализма.

Модификация, которую претерпели расистские идеи, взятые на вооружение новой идеологией, порождена стремлением ее творцов придать ей замаскированный характер. Ханжество — одна из главных (если не самая главная) черт этой идеологии. В арсенале основных идей этой идеологии нет, пожалуй, ни одной, которая выдвигалась бы как таковая, без маски, «под своим именем». В самом деле, защита колониализма прикрывается лицемерными заботами об общественном прогрессе и сближении народов; апология зависимости стран Азии и Африки от империалистических держав ведется под флагом борьбы за «взаимозависимость»; выступления против независимого экономического развития освободившихся стран, против создания национальной экономики и, следовательно, против государственного сектора в народном хозяйстве этих стран — под видом отстаивания «демократии»; защита интересов империалистических монополий, их господствующего положения в экономике стран Азии и Африки — под видом заботы о местном частном предпринимательстве; защита новых форм колониализма — под покровом клеветнической шумихи о «советском колониализме». Выступления против нарастающей волны национально-освободительного движения и против его все более радикального характера подаются как критика «излишеств» этого движения и как отрицательное отношение только к коммунистам; страх перед растущей политической активностью и сознательностью народов Азии и Африки прикрывается рассуждениями о неподготовленности масс к демократии и о необходимости ее ограничить, чтобы предотвратить «правление толпы».

Замаскированный характер новой идеологии сильнее всего выражается в том, что она всячески стремится отречься от дела, которому служит, — от колониализма. Реакционные публицисты делают все, чтобы предстать перед народами Азии и Африки как

их друзья, как враги колониализма. Они без устали твердят, что единственная их цель — помочь народам Азии и Африки найти лучший путь к будущему, показать, как покончить с остатками колониализма, предупредить об «угрожающих» им опасностях и т. д. и т. п. Разумеется, это еще одно яркое свидетельство кризиса колониализма, его обреченности. Отсюда, однако, нельзя заключить, что современная идеология колониализма не приносит большого вреда. То обстоятельство, что жало колониалистской пропаганды тщательно замаскировано, делает новую идеологию особенно опасной, а ее разоблачение — необходимым. Такое разоблачение должно быть частью решительного наступления на реакционную идеологию, к которому коммунистов призвало Совещание коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в Москве в 1960 г.

Содержание

Глава I. Распад колониальной системы, изменения в политике и идеологии колониализма	6
§ 1. Подъем национально-освободительного движения в послевоенный период и распад колониальной системы	7
§ 2. Изменение форм колониальной политики. Империализм США — главный проводник «нового» колониализма	32
§ 3. Крах традиционной и выработка новой идеологии колонизаторов	59
Глава II. Буржуазные теории об источниках возникновения наций и «национализма» в колониальных странах	67
§ 1. Категории «национализм» и «нация» в современной американской социологии	—
§ 2. А. Тойнби и Ф. Нортроп о «столкновении цивилизаций»	87
§ 3. Фальсификация буржуазными учеными проблемы возникновения нации и «национализма» в странах Азии и Африки	118
Глава III. Национализм в странах современного Востока и его американские «критики»	147
§ 1. За что критикуют буржуазные идеологи национализм в странах Азии и Африки	—
§ 2. О характере и некоторых особенностях национализма в странах Азии и Африки на современном этапе	183
Глава IV. Идеологи современного колониализма об экономическом развитии стран Азии и Африки	233
§ 1. Рекомендации американских «благожелателей» и их истинные цели	—
§ 2. О некоторых факторах самостоятельного развития освободившихся стран	287
Глава V. Антикоммунизм — орудие колониализма	314
§ 1. Антикоммунизм в идеологии колонизаторов	—
§ 2. Коммунисты — знаменосцы антиимпериалистической борьбы	327
Заключение	353

Брутенц Карен Нерсесович
ПРОТИВ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО
КОЛОНИАЛИЗМА

М., Соцэкгиз, 1961.
359 с.

Редактор *В. Викторова*

Мл. редактор *М. Рыжова*

Художник *Л. Эрман*

Художественный редактор *Р. Кузяков*

Технический редактор *С. Шикин*

Корректоры *В. Матвеева* и *Г. Бабуева*

Сдано в набор 13/VIII 1960 г. Подписано в печать
28 июня 1961 г. Формат бумаги 84×108^{1/32}. Бумажных
листов 5,62. Печатных листов 18,45. Учетно-издательских
листов 19,11. Тираж 7 000 экз. А 06241. Цена 86 коп.
Заказ № 1499

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Отпечатано с набора типографии № 5 УПП
Ленсовнархоза
в типографии «Красный Печатник».
Ленинград, Московский пр., 91.
Заказ 647.

86 коп.

С О Ц Я К Г И З · 1 9 6 1

К. Н. БРУТЕНЦ - ПРОТИВ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО КОЛОНИАЛИЗМА